

Я. Н. ЩАПОВ,

КНЯЖЕСКИЕ УСТАВЫ
И ЦЕРКОВЬ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

XI—XIV вв.

код экземпляра

62555

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

Книга — первое марксистское монографическое исследование, посвященное истории древнерусской церкви. В ней на основе княжеских уставов рассматривается сплочивание и эволюция церковной организации, прослеживается ее связь со средневековым государством, определяется место церкви в процессе развития феодального общества на Руси.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ЗИМИН

Введение

Настоящее исследование посвящено изучению большой группы источников по истории Руси XI—XIV вв. — княжеских уставов и уставных грамот церкви, точнее — епископским и митрополичьим кафедрам.

При тесной связи государства и церкви для русского средневековья, как и для других стран Европы, было характерно существование наряду со светской государственной властью особой, церковной власти митрополита, епископов и их чиновников; и те и другие представляли верхи господствующего класса и несли определенные функции управления и суда. Сила церковной власти, как и светской, покоилась на земельной собственности господствующего класса и росла с развитием этой собственности. Кроме того, церковь обладала рядом привилегий, вызванных безраздельным господством ее в идеологии и особыми условиями формирования и развития публичной власти в раннефеодальном обществе.) Княжеские церковные уставы и уставные грамоты о десятинах, судах, церковных людях были документами, в которых отразился договор, определяющий взаимоотношения этих властей феодального общества, их функции в государственном управлении и суде, их место в системе феодальной эксплуатации, участие в сборе дани, устанавливающий разграничение их земельных владений, т. е. соотношение их земельных, финансовых и правовых интересов.

Древнерусские княжеские уставы представляют собой источник, освещающий целый ряд важных явлений истории Руси. Однако сам характер этих памятников как княжеских уставов церковных организаций делает их важнейшим источником для изучения основной темы, которой они посвящены, — взаимоотношения государственной власти и церкви на Руси в XI—XIV вв. Этим объясняется и проблематика настоящей работы, в которой наряду с источниковедческими вопросами на основе изучения княжеских уставов рассматриваются и исторические проблемы соотношения светской и церковной власти на Руси.

Изучаемые в данной работе источники введены в науку в небольшой степени. Это связано с тем, что большая часть памятников источниковедчески не изучена, а место княжеских уставов среди других документов по истории Руси указанного времени не

определено. Сравнивая состояние изучения княжеских уставов и такого завоевавшего всеобщее признание и довольно хорошо изученного источника, как летописи, можно смело сказать, что знание истории уставов отстает от знания истории летописания более чем на сто лет. То, чего достигла наука о летописях к 60-м годам прошлого века, — приблизительное определение их состава и издание основных текстов в первых томах Полного собрания — примерно соответствует нынешнему состоянию в изучении уставов.

Среди более чем десяти известных в науке княжеских уставов XI—XV вв. можно выделить три группы в зависимости от того, какому периоду истории феодального государства они принадлежат, территорию какого государственного образования охватывает разделение властей в уставе, на какой ступени феодальной лестницы стоят фигурирующие в договоре стороны.

Так, прежде всего должны быть выделены устав князя Владимира Святославича о десятинах и церковных людях¹ и устав князя Ярослава Мудрого о церковных судах², имеющие сложную историю, сохранившиеся во множестве переработок XIII—XV и даже XVI в., но в своих основах принадлежащие времени существования Древнерусского государства.

От XII—XIV вв., времени феодальной раздробленности, сохранилось наибольшее число источников этого вида. Взаимоотношения княжеской и церковной власти в Смоленском княжестве XII в. отражают грамоты князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила 1136—1150 гг.³ Условия, сложившиеся в Новгороде этого же времени, показывает грамота князя Святослава Ольговича 1137 г.⁴ Изменения в положении церкви, связанные с развитием республиканского строя Новгорода, отразились в так называемом уставе Всеволода о церковных судах⁵ и уставе церкви Ивана на Опоках, известном как «рукописание» князя Всеволода Мстиславича⁶.

В юго-западных княжествах Руси взаимоотношения властей зафиксированы в луцкой уставной и жалованной грамоте князя Любарта Гедиминовича, имеющей дату 1321 г.⁷, но принадлежа-

¹ РИБ, т. XXXVI, вып. 1, стр. 1—72; УКВ.

² В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права преимущественно русской церкви (до эпохи Петра Великого), вып. 1. СПб., 1915, стр. 78—87; ПРП, вып. 1, стр. 257—276.

³ ПРП, вып. 2, стр. 37—44; СГ, стр. 75—80. О дате грамот Ростислава и Мануила см. Я. Н. Шапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. — «Археографический ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 38—39; А. Поппе. Учредительная грамота Смоленской епископии. — «Археографический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 59—60.

⁴ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19—21.

⁵ НПЛ, стр. 485—488; ПРП, вып. 1, стр. 162—165.

⁶ НПЛ, стр. 558—560; ПРП, вып. 2, стр. 175—177.

⁷ «Архив Юго-Западной России», т. VI. Киев, 1883, стр. 1—4 (№ 1).

щей частью к концу XIV в., частью к более позднему времени⁸, в галичских уставных грамотах, приписанных князю Льву Даниловичу⁹, в туровской уставной записи середины XIV в.¹⁰

Наконец, ко времени объединения восточнославянских земель в Русском централизованном государстве и Литовском великом княжестве относятся грамоты XV в. Это московская уставная договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1404 г.¹¹ и уставная грамота князя Александра Владимировича церкви Софии в Киеве и митрополиту Исидору 1441 г.¹²

Из этой большой группы княжеских уставов и уставных грамот для исследования в данной работе отобрано пять памятников. Это, во-первых, уставы Владимира и Ярослава и, во-вторых, древнейшие грамоты и уставы Смоленска и Новгорода времени феодальной раздробленности.

Первые два устава имели распространение на большой территории, входившей в состав Древнерусского государства, феодальных княжеств времени раздробленности и государств, объединивших феодальные княжества в XIV—XV вв. Они возникли в первые века существования церкви на Руси и оказали влияние на более поздние уставы и грамоты. Вместе с тем названные два устава дошли до нас в большом числе редакций XIII—XV вв., являющихся по существу особыми памятниками. Восстановление первоначального состава и характера этих уставов требует предварительного изучения богатой археографической традиции.

Смоленские грамоты 1136—1150 гг. и новгородская грамота 1137 г. являются древнейшими памятниками такого рода, сохранившимися без значительных изменений и имеющими довольно точные даты появления. Будучи документами местного значения и кратковременного действия, они очень подробно перечисляют источники материального обеспечения церкви, что делает их первоисточником для определения положения церкви в государстве XII в., так же как и для познания истории других уставов, особенно устава Владимира. Новгородский устав князя Всеволода тесно связан своим происхождением с уставом Владимира, но отражает значительные изменения в государственном строе Новгородской феодальной республики.

⁸ Д. М. Щербаковский. Фундушевая запись кн. Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г. — «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», кн. 18, вып. III—IV. Киев, 1905; М. Грушевский. Коли сфабрикована грамота Любарта луцкой катедрі? — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 70, кн. II, Львів, 1906.

⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, изд. 2. СПб., 1819, прим. 203, стр. 129—132; Д. Зубрицкий. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. М., 1845, прилож. Б, В и Г.

¹⁰ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине. — «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 273.

¹¹ АСЭИ, т. III, № 6, стр. 18—19; ПРП, вып. 3, стр. 421—423.

¹² АИ, т. I, № 259, стр. 488.

Все эти уставы и уставные грамоты сохранились не в оригиналах и в большинстве своем не в первоначальном виде, а в списках и переработках, значительно отстоящих от времени возникновения самих уставов. Так, Смоленская уставная грамота 1136—1150 гг. известна в единственном списке XVII в., а Синодальная редакция устава Владимира, возникновение которой мы относим ко второй половине XIII в., сохранилась более чем в 120 списках, самый ранний из которых принадлежит второй половине XIV в. Особенностью почти всех исследуемых уставов и уставных грамот является большое количество списков и переработок памятников, что, с одной стороны, затрудняет изучение этих памятников по всем спискам, а с другой — позволяет восстановить их историю более детально и, следовательно, ближе к действительности. В ходе исследования уставов и грамот автор не ограничивался восстановлением предполагаемого первоначального текста памятника и условий его возникновения. Задачей работы было также показать жизнь этих сложных документов в течение веков, выделить их обработки, имеющие самостоятельный интерес, и определить примерные условия, место и время их возникновения.

Важной стороной исследования автор считает установление смысла, социальной и политической направленности переработок памятников, представленных в том или ином тексте. Среди значительных или малых добавлений, отличающих одну переработку от другой, можно выделить ряд фраз или целые абзацы, которые и определяют собой сущность этой переработки. Тщательный анализ этих характерных добавлений, пропусков или изменений, наряду с учетом общего направления переработки как самого устава, так и комплекса окружающих его в рукописи статей, является путем изучения памятников, который, наряду с другими приемами исследования, помогает понять его как документ эпохи.

В ходе исследования обращалось внимание на возможно большее число обработок уставов, иногда в ущерб глубине исследования некоторых из них. На этой стадии работы такое направление должно быть верным. Автор признает большую гипотетичность своих построений, особенно тех, которые касаются реконструируемых текстов XI—XIII вв. Выводы текстологического исследования, которые делаются на основе анализа уже реконструированных текстов, и притом иногда единственного архетипного текста, значительно менее достоверны, чем основанные на изучении сохранившихся списков. Древние тексты уставов с большим трудом поддаются восстановлению и изучению. Для дальнейшего исследования памятников следует, очевидно, обратить внимание на монографическое изучение отдельных редакций и изводов, что можно сделать в процессе исследования истории тех княжеств, кафедр и церковно-политических центров, с которыми эти тексты связаны.

Многочисленные и разновременные тексты уставов Владимира и Ярослава, характеризующие отношения церкви и государства на

Руси в XI—XIV вв., анализируются в настоящей работе не в том порядке, в каком они появились, а в противоположном. Изучение текстов производится от наиболее поздних обработок к более ранним, от сохранившихся текстов через архетипы изводов, групп и редакций к древнейшим текстам уставов¹³.

Памятники, лежащие в основе этой работы, опубликованы и изучены источниковедчески в разном объеме и с разной глубиной.

Издание текстов устава Владимира, принадлежащее В. Н. Бенешевичу (1916), значительно облегчает работу со списками этого памятника, но не заменяет их. В результате изучения рукописной традиции нам удалось привлечь большое количество новых списков, были найдены или впервые исследованы тексты новых редакций (Печерской) и изводов (Маркеловского, Пушкинского, Волоколамского). Среди использованных В. Н. Бенешевичем списков были выделены новые обработки текста (например, Архангельский, Крестининский и другие изводы). Текстологическое исследование устава Владимира, выполненное С. В. Юшковым на основе издания Бенешевича, позволяет не производить всей работы по установлению редакций и изводов текста. Мы сосредоточили внимание лишь на спорных вопросах, связанных с историей устава в XII—XIV вв., как и на тех, которые могут быть решены иначе в связи с привлечением нового рукописного материала. Отсутствие подобного издания текстов устава Ярослава заставило

¹³ В настоящей работе постоянно употребляются текстологические термины: редакция, извод, вид, группа, архетип, протограф и др. Следует определить значение, в котором они здесь применяются. Редакциями названы обработки памятника, представленные в списках, отражающие изменения в политической, юридической или социально-экономической жизни общества, они являются определенными этапами в истории этого текста. Извод представляет собой сохранившуюся в списках обработку текста редакции, не имеющую принципиального характера, но являющуюся результатом приспособления текста устава к условиям нового места и времени, а также включения его в состав нового летописного, юридического и т. п. памятника или сборника, частью которого он становится. В качестве видов выделены тексты со стойкими, повторяющимися в ряде генеалогически связанных списков чтениями, представляющими результат как сознательной деятельности писца, так и случайной описки. В отличие от редакций и изводов, выделение видов имеет служебное значение для изучения истории текста памятника и, если это не замена старой языковой формы более новой или диалектной формы другой, общезыковой, и наоборот, большого значения не имеет. Группа (изводов, редакций) представляет собой совокупность текстов, объединенную характерными чтениями, пронизывающими различные тексты. В основе текстов группы могут лежать более ранние обработки, также имеющие характер редакций и изводов, своего рода праредакции и прайзводы. В данной работе за термином протограф оставлено одно значение — более ранний список (или список), бывший источником у писца данного, изучаемого списка. Архетип вида, извода, редакции или их групп, а также памятника — общий источник каждой из этих совокупностей, гипотетически восстанавливаемый в результате их текстологического изучения в форме связного текста, или обозначения его состава, или только основного его содержания.

строить исследование целиком на рукописных источниках и начать его с археографического изучения памятников. Были изучены все доступные автору списки устава, которых насчитывается около 100. Другие уставы и уставные грамоты изучены по рукописям с использованием и существующих их публикаций, частью несовершенных и выполненных по единичным спискам.

В исследовании привлечены свидетельства по теме и других источников XI—XIV вв.: летописей, актов, агиографических памятников и др. Используются материалы картотек словарей древнерусского языка XI—XIV вв. (отв. ред. Р. И. Аванесов) и русского языка XI—XVII вв. (отв. ред. С. Г. Бархударов), принадлежащие Институту русского языка АН СССР.

Настоящая работа состоит из двух частей.

В первой части содержится исследование устава Владимира и смоленских и новгородских уставных грамот XII—XIV вв. — конституций митрополичьих и епископских кафедр, памятников, посвященных взаимоотношению государственной власти и церкви.

Вторая часть включает исследование устава Ярослава, имеющего иной характер, — кодекса семейного и брачного права феодального государства. Поскольку работа по изучению списков этого памятника и определению их взаимоотношений не была проделана исследователями ранее, эта часть содержит и классификацию списков и характеристику всех редакций, в том числе историю текста в более позднее время, в XV—XVI вв. Особым характером устава как судебника, имеющего ставки штрафов в определенных денежных единицах, вызвано включение раздела о денежном счете этого памятника.

Автор рассматривает в своей работе как уставы, так и уставные грамоты и уставные записи. Уставной грамотой называется здесь документ, фиксирующий взаимоотношения светской и церковной властей применительно к конкретному случаю в определенном княжестве, на определенное время. Уставные грамоты обычно сохранились в небольшом числе списков или даже в единственных списках и содержат текст, близкий к первоначальному виду. В отличие от грамот, уставы — памятники сложной истории. В основе их можно усматривать первоначальную уставную грамоту или несколько таких грамот, но это документы, уже обобщившие взаимоотношения светской и церковной властей, существовавшие в течение длительного времени и на различных территориях. Этот вид документа содержит меньше конкретных указаний на место и время возникновения, он отличается большей публицистичностью, превращаясь в некоторых обработках больше в памятник идеологии определенных церковных кругов, чем в памятник права. Уставы распространены обычно в большом числе списков и в целом ряде обработок, что связано с широтой их содержания и возможностью использования в различных условиях. Уставными записями можно назвать анонимные документы,

фиксирующие взаимоотношения церковной и светской власти, сложившиеся в некоторых административных центрах и близкие по содержанию к уставным грамотам.

В процессе изучения уставов автором были выявлены и подготовлены к печати как отдельное издание тексты княжеских уставов и грамот, как включенные в данную книгу, так и оставшиеся вне ее. Это издание представляет собой как бы вторую часть исследования; оно позволит документально подтвердить целый ряд построений, изложенных в настоящей работе, и значительно облегчит дальнейшее изучение уставов. В обеих книгах применены одни и те же термины, названия редакций и изводов, условные обозначения списков, проведена унификация в выделении и нумерации статей. В настоящей работе указаны номера статей, как принятые в существующих основных изданиях, так и вводимые нами в подготовленном новом издании.

Автор выражает благодарность А. А. Зимину, обратившему его внимание на изучение княжеских уставов и много помогавшему в работе, товарищам по сектору истории СССР периода феодализма, и прежде всего В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнину, а также Л. В. Даниловой, А. П. Каждану, Б. Н. Флоре и В. Л. Янину, взявшим на себя труд прочесть рукопись работы и сделавшим ряд ценных замечаний.

Книга посвящается памяти Владимира Николаевича Бенешевича (1874—1943), профессора Ленинградского университета, члена-корреспондента Академии наук СССР, члена-корреспондента Баварской академии наук и Берлинской академии наук, почетного доктора прав Афинского университета.

Княжеские уставные грамоты
и уставы церковным кафедрам —
памятники взаимоотношений
государственной власти и церкви
при распределении феодальной ренты

*Устав кн. Владимира в обработках XII—XIV вв.
и отражение в нем развития Руси
времени раннефеодального государства
и феодальной раздробленности*

Устав в исследованиях XIX—XX вв.

Устав кн. Владимира Святославича в ряду княжеских уставов о десятинах, церковных судах и церковных людях выделяется как по своему историческому значению, так и по тому вниманию, которое уделялось ему исследователями.

Как говорится в самом уставе, он дан от имени кн. Владимира Святославича в связи с принятием Русью христианства, созданием Десятинной церкви и обеспечением ее десятиной, а также приобретением митрополитом и епископами судебных функций. Этот древнейший княжеский устав восходит в своей основе к XI в. В XII—XIV вв. и позже, вплоть до XVI в., устав был широко распространен и испытал множество обработок и переделок. Так, в 1915 г. для издания устава было привлечено 97 списков XIV—XVIII вв.¹, среди которых С. В. Юшковым было выделено 6 редакций². Сохранившихся списков устава в настоящее время известно значительно больше. Устав кн. Владимира имел распространение среди всех восточных славян, он входит в состав рукописей, происходящих из Новгорода, Пскова, Подвинья, Владимирской, Московской земли, Смоленщины, белорусских земель Литовского великого княжества, Киевщины, Галицко-Воынской земли, а также из Молдавии, Валахии и т. д.

¹ УКВ; то же: РИБ, т. XXXVI.

² С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, вып. 1. [Саратов, 1926], стр. 21—24; он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 196—197.

С XVI в. устав стал известен за рубежом — он был изложен С. Герберштейном на латинском и немецком языках, это переложение переведено на итальянский и на польский (А. Гваньини) языки. На латинский и немецкий языки устав переводился не один раз³. Новые переводы отдельных списков устава были сделаны в XX в. на немецкий язык Л. К. Гётцем (1905)⁴. На английский язык начало устава перевел Г. Вернадский (1941)⁵. Французский перевод сделан М. Шефтелем (1946—1963)⁶.

Уставу посвящена большая литература, насчитывающая не один десяток работ. Важнейшие исследования устава рассматриваются ниже.

В работах, посвященных истории Руси, ее государственного строя, права, истории церкви, данные устава используются очень мало и осторожно. Значительно затрудняет это использование недостаточная источниковедческая изученность памятника, которая, в свою очередь, объясняется различными обстоятельствами, прежде всего особенностью самого устава как памятника, сохранившегося только в поздних обработках, для исследования которого необходимы особые методы, ставшие на вооружение историков довольно поздно. Церковный характер памятника также в какой-то степени создавал впечатление у некоторых историков о его малой ценности для гражданской истории.

Устав был введен в науку первой публикацией Г. Миллера в 1775 г. одной из наиболее поздних обработок, находящейся в Степенной книге⁷ и принадлежащей к XVI в. За этим последовали публикации списка Оленинской редакции И. И. Лепехиным (1780)⁸, обработки «Устав по греческим номоканонам», также XVI в. (1788)⁹, списка Синодальной редакции, открытого В. В. Крестининым (1788)¹⁰. Ко времени выхода первой работы, оценившей устав как памятник истории, принадлежавшей Н. М. Карамзину (1816), были опубликованы списки уже четырех его текстов, относящихся, по нашим нынешним представлениям, ко второй половине XIII—XVI в. Он справедливо отверг в качестве производного и позднейшего текста «Устав по греческим номоканонам» в сборнике митрополичьих подделок XVI в.

³ О старых переводах устава и библиографию их см. в УКВ, стр. 57—66 (В. Н. Бенешевич); С. В. Юшков. Исследования, стр. 49—50.

⁴ L. K. Goetz. Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Alt-russlands. Stuttgart, 1905, S. 14—18; L. K. Goetz. Staat und Kirche in Alt-russland. Berlin, 1908, S. 151—154.

⁵ G. Vernadsky. The Status of the Russian Church during the first half century following Vladimir conversion. — «The Slavonic Year-Book. American Series», I (Slavic and East European Review», vol. XX), 1941, p. 302—310.

⁶ «Documents de droit public relatifs à la Russie par M. Szeftel, sous la direction initiale de A. Eck», Bruxelles, 1963, p. 234—238.

⁷ «Книга степенная», ч. I. СПб., 1775, стр. 157—158.

⁸ И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия, ч. 3, СПб., 1780, стр. 351—352.

⁹ «Древняя российская вивлиофика», ч. 6, изд. 2-е. М., 1788, стр. 1—9.

¹⁰ «Продолжение древней российской вивлиофики», т. 3, СПб., 1788, стр. 3—8.

(«испорченный и новыми умниками дополненный список») ¹¹, а в качестве древнейшего текста выдвинул старший список памятника в Новгородской Синодальной кормчей последней четверти XIII в.

Карамзин отмечал, что этот устав «достоин замечания своею древностью», что по своему содержанию он мог относиться к первым временам христианства в России ¹², что «древность слога» устава может ввести в заблуждение «самых знатоков» и заставить приписать его Владимиру ¹³. «Но сей устав есть подложный, — пишет Карамзин, — и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх Фотий дал ему первого митрополита Леонтия, а Фотий умер за 90 лет до сего великого князя» ¹⁴. И еще: «в сем Уставе сказано, что тяжбы детей и братьев о наследстве подсудны единственно духовенству», в Русской же Правде написано, «что их судит князь через своих отроков» ¹⁵.

Основываясь на дате старшего Синодального списка (он относит его ко времени «ок. 1280 г.»), Карамзин считал, что он сочинен не позже XIII в.

Это суждение Карамзина, основанное на бросившемся ему в глаза противоречии текста устава «хронологии византийской» и дате старшего известного списка, оказало большое и отрицательное влияние на дальнейшее изучение памятника. Лишь примерно через 100 лет после работы Карамзина господствующее положение заняло другое мнение о постепенном развитии текста устава, древнейшая основа которого принадлежит времени Владимира.

Это мнение было высказано уже очень скоро, в 1825 г., митрополитом Евгением (Болховитиновым). Расширив по сравнению с Карамзиным число текстов устава, доступных изучению, введя в науку списки из Новгородско-Софийской кормчей (Варсонофьевской редакции) и из Архангелогородского летописца (Устюжской редакции), он нашел, что «во всех есть одинаковая основа, которую должно почитать подлинником. Разноречия же доказывают только своевольство списчиков или поправщиков» ¹⁶.

На исследователей XIX в. большое впечатление произвело «противоречие», выставленное Карамзиным в качестве свидетельства подложности устава, — упоминание в нем Фотия, у которого Владимир «воспринял» крещение или взял митрополита. Стремясь примирить древность содержания, языка и других сторон текста устава с доводом Карамзина, исследователи наметили два пути, имевшие различное значение в истории изучения памятника.

¹¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 200.

¹² Там же, текст стр. 238.

¹³ Там же, прим., стр. 202.

¹⁴ Там же, текст стр. 239.

¹⁵ Там же, прим., стр. 202.

¹⁶ Евгений [Болховитинов]. Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825, Прибавления, стр. 5.

Во-первых, делались попытки объяснить значение упоминания Фотия иначе, чем это делал Карамзин, и эта работа, как нам представляется, уже очень скоро увенчалась успехом. Во-вторых, начались поиски текстов устава, где Фотий не упоминался, и такие тексты стали рассматриваться в качестве древнейших, куда его имя было внесено позднее людьми, как писал Карамзин, не знавшими хронологии византийской. Последний путь оказался ложным, хотя многие исследователи, вплоть до Юшкова, который считал Варсонофьевскую («вторую») редакцию одной из древнейших, пытались найти объяснение истории устава на этом пути.

Евгений (Болховитинов) первым наметил оба пути. Публикуя текст Варсонофьевской редакции, он отмечал, что новый список лишен несообразностей, отмеченных Карамзиным, и поэтому может быть ближе к подлиннику, чем все известные прежде. В то же время он предложил несколько вариантов объяснения упоминания Фотия в уставе. Один из них такой. С именем Фотия связано раннее крещение «Российской земли», происшедшее в 863 г., как рассказывается в местной южной литературной легенде о пяти крещениях Руси, которая изложена в Киево-Печерском патерике киевских изданий XVII в., Синописе и других сочинениях, а Евгению (Болховитинову) было известно по такому объяснению упоминания Фотия в уставе украинским полемистом XVII в. Захарией Копыстенским¹⁷. Второй вариант, который нашел признание в науке в дальнейшем: Фотий упомянут не в качестве современника крещения, а как церковный деятель, с именем которого связано утверждение восточного православия в Византии, которое и было принято Владимиром и выражено в номоканоне¹⁸.

Новое объяснение этого упоминания предложил Г. А. Розенкамф: Владимир взял первого митрополита «от Фотия патриарха» потому, что он взял его из числа того древнего духовенства, которое появилось на Руси во времена ее крещения при Фотии¹⁹.

Наибольший вклад в изучение устава в XIX в. связан с именами митрополита Макария и К. А. Неволлина.

Работа Неволлина об объеме церковного суда в допетровской Руси включила в себя ценное исследование уставов Владимира и Ярослава²⁰.

Исследователь рассматривает устав Владимира в известных ему списках как памятник, относящийся ко времени не старше XIII в. Он пишет, что «какая бы ни была коренная основа устава, в каком бы виде он ни был издан первоначально, он получил прак-

¹⁷ РИБ, т. IV. СПб., 1878, стб. 1008.

¹⁸ Евгений [Болховитинов]. Описание собора, Прибавления, стр. 7.

¹⁹ Г. А. Розенкамф. Обзорение кормчей книги в историческом виде, изд. 1-е. М., 1829, стр. 212.

²⁰ К. А. Неволлин. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. — «Полное собрание сочинений», т. VI. СПб., 1859.

тическую силу только постепенно и с теми изменениями и дополнениями, какие представляются нам в разнообразных его редакциях».

Рассматривая устав в развитии его текстов, отказавшись от статического его восприятия по Карамзину, Неволин правильно отметил, что «самый вопрос о подлинности его большей частью теряет свою важность». В множественности редакций устава не надо видеть непременно какую-нибудь умышленную подделку или подлог. Весьма естественно, что при его переписке и внесении в кормчие книги для практического употребления «он был переписываемым с теми изменениями и дополнениями, которые ввело и которых требовало практическое его употребление»²¹.

Работа Неволина, как и другие работы этого времени, принадлежавшие начальному этапу сложения методики текстологического исследования, была весьма ограничена в понимании конкретной истории текста устава. В его распоряжении находилось уже много текстов различного происхождения. Однако среди списков устава он выделяет лишь два «разряда», первый содержит устав «Короткой» редакции, второй — «Пространной». Находясь под влиянием Карамзина, Неволин считает «важнейшим различием между списками этих «разрядов» упоминание или отсутствие упоминания Фотия, считая текст о Фотии позднейшим добавлением, которое и не нужно объяснять для защиты подлинности устава»²². Взаимоотношение этих редакций он понимает по простой прямой — от одной из сохранившихся редакций к другой.

«Кратчайшая» редакция, по Неволину, наиболее близка к «первоначальному подлиннику»; в результате ее поновления возникла редакция «Пространная». Правда, исследователь признает, что, возможно, в сохранившихся списках «Короткой» редакции уже есть дополнения и изменения против первоначального подлинника; «но теперь нет средств отличить их от первоначальной основы»²³. Сложная история текста памятника, сохранившегося в ряде списков, другие возможные соотношения текстов остаются в русской науке до работ А. А. Шахматова в конце XIX—начале XX в. неизвестными.

Однако Неволин значительно помог изучению устава Владимира своим анализом правовых норм этого памятника в сравнении с нормами «номоканона», на который ссылается этот устав, т. е. с нормами византийского права. Он справедливо противопоставил кажущемуся противоречию норм устава Владимира и Правды Русской, которое отметил Карамзин, действительное противоречие древнерусских, зафиксированных в уставе, и византийских

²¹ К. Н. Неволин. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. — «Полное собрание сочинений», т. VI, СПб., стр. 294—295.

²² Там же, стр. 270, 274—275.

²³ Там же, стр. 294.

норм, подробно показав, что «значительная часть распоряжений устава Владимира несправедливо производится в нем из законов первых царей христианских и правил соборных». Однако исследователь не позволил себе предположить, «что духовные руководители св. Владимира выдали за установления первых христианских царей и отцов церкви такие установления, которые совсем не имели этого характера»²⁴.

Более четко определил значение устава в истории древнерусского права Макарий. Развивая мысль Болховитинова об отношении известных списков устава к их «подлиннику», он считает нужным выделять как «основу всех известных списков устава Владимира — то, в чем все они сходны между собой», так и «особенности каждой редакции, составляющие как бы отступление от этой общей основы»²⁵. По его мнению, ни одна из известных редакций «не представляет этого устава во всей целости и в том подлинном виде, в каком он вышел из рук законодателя; все это только копии, в которых переписчики, частью по собственному мудрованию (например, в предисловии), а более по требованию обстоятельств места и времени, позволяли себе изменять слова и обороты речи и делать прибавления и сокращения»²⁶. Здесь изложено мнение об общем направлении истории текста устава, которое в дальнейшем стало господствующим. Что касается конкретных предположений Макария, то здесь решающим оказалось, очевидно, господствовавшее до конца XIX в. представление о развитии текста по простой линии его пополнения или сокращения, в сочетании с другим (также объяснимым начальной стадией развития науки) представлением о наиболее древнем тексте непременно в старшем списке. Макарий предложил считать старшей редакцией, наиболее близкой к владимирову подлиннику, Синодальную, в списке XIII в., а другие, где отсутствует преследование языческих обрядов, где нет установления о десятине княжеским тиунам — позднейшей обработкой того времени, когда языческие обряды уже были вытеснены, а десятина тиунам отменена. Важным доводом в пользу древности устава, который выдвинул Макарий, привлечший впервые два западных списка из кормчих Румянцевского собрания, является раннее распространение списков устава по территории всей Руси, не только Московской и Новгородской земель, но и земель Западной Руси²⁷. Этот довод остается в силе до сих пор.

Макарию, одному из первых серьезных исследователей устава как памятника, в своей основе восходящего ко времени Владимира, принадлежит важная оценка историко-правовой его сущ-

²⁴ Там же, стр. 284—285.

²⁵ Макарий. История русской церкви, т. I, изд. 2-е. СПб., 1868, стр. 121.

²⁶ Там же, стр. 126. Первоначальный отзыв Макария об уставе дан в его ранней работе: «Очерк истории русской церкви в период допетровский». СПб., 1847, стр. 129—137.

²⁷ Макарий. История, т. I, стр. 131—132.

ности. Устав представляет собой, по его мнению, сознательное извлечение из византийского номоканона, оригинальный устав, который являлся, «с одной стороны, первым приложением к условиям жизни русской общецерковной, в частности византийской, законоположения, а с другой — первым опытом местного, самобытного церковного законодательства в России»²⁸. Характерными чертами такого законодательства он считает расширение сферы церковного суда с духовенства в Византии на большую группу церковных людей на Руси; введение смешанного суда двух властей для споров людей различной (церковной и светской) принадлежности, в то время как в Византии суд вершила та сторона, которой принадлежал ответчик; наконец передача церкви суда по многим делам, которые в Византии преследовались светской властью, а церкви принадлежало только право назначения епитимьи²⁹.

Эта оценка устава, близкая к оценке Невוליной, представляет собой важный вклад в его исследование.

Мало сдвинулось изучение устава во второй половине XIX в., несмотря на то, что в это время работали такие крупные специалисты, как историк церкви Е. Е. Голубинский, историки церковного права Н. С. Суворов и А. С. Павлов, историки права В. И. Сергеевич, П. Н. Мрочек-Дроздовский.

Попытки представить себе историю создания известных текстов устава Владимира в результате постепенного изменения древнего его подлинника, предпринятые Невוליным и Макарием, не нашли понимания у крупнейшего историка церкви второй половины XIX в. Голубинского. Традиционные текстологические представления середины века об обязательном соответствии древнейшего списка памятника старшему его тексту, о непосредственной связи существующих редакций между собой путем переработки одной из них в другие оказались, очевидно, решающими при выяснении им истории текстов устава. Он считал несомненным, что «список древнейший (т. е. Синодальный) с воспроизводящими его позднейшими... представляет собой оригинал или подлинник устава, т. е. этот так называемый устав в том его виде, в каком он вышел из рук его неизвестного автора». Списки более краткие сравнительно с этим — позднейшие сокращения оригинала; две «особые» редакции устава: как Волынская, опубликованная Макарием, так и «Устав по греческим номоканонам» (в Степенной) — это позднейшие по сравнению с древнейшим списком, редакции³⁰.

Голубинский призывал «возвратиться к мнению Карамзина, что они (уставы Владимира и Ярослава) суть не подлинны

²⁸ Макарий. История, т. I, стр. 116—120.

²⁹ Там же, стр. 137—149.

³⁰ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, пол. 1, изд. 2. М., 1901, стр. 400—402, 620.

уставы или грамоты, а позднейшие поддельные произведения». Вслед за Карамзиным он выдвинул дополнительные доводы в пользу позднего происхождения устава. Так, он считал «нелепостью» утверждение о передаче Десятинной церкви десятины «во всей земле Русской», а не из «области великого княжения». Лишь в XX в. было установлено, что в терминологии XI—XIII вв. Русской землей в узком смысле называлась только южная — Киевская, Черниговская и Переяславская земли. Он считал, что не только при Владимире, но «и после» у нас вовсе не было больниц, гостиниц, странноприимниц — учреждений, упоминаемых, как он думает, во всех списках устава. Мы показываем ниже, что эти упоминания появились лишь в XII в. и отражали действительное существование таких институтов на Руси. Голубинский не видит в уставе упоминания дел о многоженстве, вроде фразы смоленского устава «аже кто водить две жене», и считает поэтому, что устав возник в то время, когда двоеженства уже не существовало или оно стало очень редким. Однако нет основания видеть в памятнике, восходящем к концу X—началу XI в., обозначение поступков в терминах, которые мы знаем по памятнику XII в. В уставе Владимира есть дела, названные «смильными», которые, как показывают примеры, приведенные Неволыным, представляют собой нарушения установленного церковью брака.

Наиболее вероятным местом появления устава Голубинский считает Новгород, вольный город, где «скорее, чем где-нибудь, могли дойти до той беспорядочности, чтобы решаться делать подлоги», тем более что здесь занимались фальсификацией — изготовили грамоту Всеволода Софийскому собору³¹. Не зная южнорусских списков и обработок устава (кроме «Свитка Ярославля»), Голубинский утверждает, что «позднейшая Южная Русь вовсе не знала никакого устава Владимира»³². Так просто и легко расправился Голубинский с уставом Владимира, зачеркнув все сделанное после Карамзина. Оценка Голубинским княжеских уставов встретила аргументированную критику уже первых читателей его работы — В. О. Ключевского (1881) и П. И. Малышевского (1883)³³.

Необходимость примирить позднее содержание Синодального списка с традицией, приписывающей издание устава кн. Владимиру, привела историка церковного права Н. С. Суворова к представлению о том, что древнейшая запись установлений Владимира находится не в этом позднем уставе, а в близком ему по содержанию памятнике, не имеющем имени Владимира, — «Правиле о церковных людях». «Правило» — результат постепенных запи-

³¹ Там же, стр. 619—620.

³² Там же, стр. 402.

³³ П. И. Малышевский. Отзыв на работу Е. Е. Голубинского, представленную на Уваровскую премию. СПб., 1883.

сей установлений, возникших во времена Владимира, оно было составлено еще тогда, когда не утвердилась вера в издание Владимиром церковного устава. Сам устав возник только в XIV в. (ибо тетради с его текстом в Синодальной кормчей принадлежат этому времени) в связи с необходимостью придать официальный древний характер установлениям о православной церкви перед лицом монгольских ханов или иноверных князей в Литовском великом княжестве³⁴.

То же мнение о взаимоотношении устава Ярослава и «Правила о церковных людях» привел и А. С. Павлов, хотя в вопросах истории русского церковного права он держался совершенно отличных от Суворова взглядов. По мнению Павлова, «Правило», возникшее в конце XIII в. из частных и разновременных записей о подлинных распоряжениях князя Владимира, является старшей формой этих постановлений, «лишенной хронологических и исторических несообразностей». Это — прямой письменный источник устава Владимира, который возник под рукой одного из редакторов-новгородцев³⁵.

Развитие буржуазной исторической науки, и в частности источниковедения, привело в начале XX в. к сознанию необходимости дать полную научную публикацию памятника. Такая работа была выполнена в 1915 г. В. Н. Бенешевичем³⁶, который хорошо издал устав по основным его группам, представив все разнообразие текстов. Работа Бенешевича, несмотря на ряд ее недостатков с точки зрения современного исследователя, является той основой, на которой, с учетом дальнейших достижений науки, может строиться исследование этого памятника.

Издавая памятник по 13 группам списков и 26 видоизменениям, Бенешевич не ставил своей задачей выделить важные обработки устава или его редакции. Он сознательно ограничил свою цель формально-текстологической классификацией для их публикации, что приводило его иногда и к ошибочному выбору основного списка и к непоследовательности в выделении групп и видов. Бенешевич писал, что «отчасти эти группы и виды совпадают с редакциями и изводами памятника, но в общем придется отметить, что установление редакций и изводов есть чрезвычайно трудное дело неблизкого будущего»³⁷. Он не ставил своей задачей историческое и историко-правовое исследование

³⁴ Н. С. Суворов. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888, стр. 175—213.

³⁵ А. С. Павлов. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892, стр. 122, 125; он же. К вопросу о подлинности церковного устава св. Владимира. — «Труды VIII археологического съезда», т. IV. М., 1897, стр. 72—73; он же. Курс церковного права. СПб., 1902, стр. 136, 150. О «Правиле» и его изучении см. Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях». — «Археографический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 72—81.

³⁶ УКВ.

³⁷ РИЖ, 1921, № 7, стр. 182—183.

памятника. В то же время, подводя итог своей работы над уставом Владимира и намечая дальнейшие пути его исследования, Бенешевич писал: «Успех новых работ над уставом Владимира зависит от того, насколько удачно будут отграничены в нем составные его части. . . В резюмируемом издании он перед нами в новом освещении: это уже не предмет юридической палеонтологии, а живой источник действующего церковного права в течение XI—XVII вв. Теперь и Русская Правда, и уставы Владимира и Ярослава должны быть вновь исследованы с новых точек зрения, и прежде всего не как разрозненные осколки, а как органические части одного целого»³⁸.

Бенешевич верно указал одно направление будущей работы по изучению устава — выделение внутри него разновременных слоев, аналитическое его исследование. Однако необходимая основа такого исследования — изучение устава и составных его частей на фоне конкретной исторической жизни XI—XVII вв. как памятников социально-экономической и политической истории, с привлечением летописных и литературных свидетельств — не была им намечена.

Вслед за изданием Бенешевича последовало два исследования памятника: С. В. Юшкова³⁹ и А. И. Лотоцкого.

Книга С. В. Юшкова об уставе Владимира — специальное текстологическое исследование, построенное на издании памятника Бенешевичем. По Юшкову, устав — это произведение начала XII в., основанное на подлинной грамоте кн. Владимира Святославича начала XI в., подтвердившей по настоянию княгини Анны и, следовательно византийского духовенства, за русской церковью ряд привилегий, которыми пользовалась церковь в Византии. В отличие от этой грамоты в уставе получило отражение значительное расширение юрисдикции древнерусской церкви, происшедшее еще при жизни Владимира. Практическое значение устава привело к большому его распространению и переработкам в течение XII—XVI вв.

Юшков определил, что устав кн. Владимира существует в шести редакциях (группы *А-Б*, *Ж*, *В*, *Е*, *Г* и *М* по изд. Бенешевича), остальные группы текста являются переработками устава, переводами или изложением его на иностранных языках. Две группы текста, *А*, помещенная в Летописце русских царей (Летописец Переяславля Суздальского) и *Ба*, в Археографическом списке Новгородской I Летописи, представляют собой разные виды одной редакции.

Среди выделенных шести редакций устава Юшков определил две, названные им основными, в результате переработки которых, по его мнению, возникли остальные четыре редакции. Первая

³⁸ Там же.

³⁹ С. В. Юшков. Исследования. По свидетельству В. Н. Бенешевича (РИЖ, стр. 182), работа С. В. Юшкова была закончена ранее 1921 г.

(группы А и В) и Вторая редакции (группа Ж, в Варсонофьевской кормчей и кормчих Софийского вида), по Юшкову, не «зависят одна от другой и восходят к одному «протографу». Все другие редакции являются производными от этих двух; Третья, находящаяся в Новгородской Синодальной кормчей и кормчих других типов (группа В), и Четвертая, входящая в списки Волынской кормчей (группа Е), являются различным соединением Первой и Второй. Пятая (группа Г) и Шестая (группа М) в составе Степенной книги и сборников XVI в. представляют собой новые переработки Третьей редакции.

Схему взаимоотношения редакций, по Юшкову, можно представить в следующем виде (см. схему 1).

Ниже в своем исследовании мы пользуемся не буквенным обозначением групп, данным Бенешевичем, не цифровым обозначением редакций, данным Юшковым, а приведенными в схеме названиями редакций. Эти названия не будут давать хронологического приоритета той или иной редакции, они сохраняют и традицию русской археографии связывать названия редакции и изводов с названиями основных списков.

Юшков сделал попытку определить примерное время возникновения некоторых редакций: Первую он датирует XII в., Вторую — концом XII в., Третью — третьей четвертью XIII в., Четвертую — концом XIV в., Пятую и Шестую — началом XVI в. Он устанавливает текст «протографа» Первой и Второй редакций начала XII в., а также первоначальной подтверждающей грамоты XI в., которая, по мнению Юшкова, принадлежала Владимиру и легла в основу устава.

Выводы работы Юшкова не встретили возражений в научной литературе. В единственной рецензии на эту книгу, принадлежавшей Г. Вернадскому, она была высоко оценена⁴⁰. В советской историографии эти выводы также нашли признание⁴¹.

Многие выводы этой работы, основанной на текстологическом анализе устава, являются вкладом в науку. Таковы схемы взаимоотношения Архивного и Ипатьевского изводов (видов А и Бб), отнесение их к одной редакции, схемы возникновения Пятой и Шестой редакций в результате переработки Третьей, установление дополнительных источников: «Правила о церковных людях», Степенной книги и др.

⁴⁰ Рецензия Г. Вернадского в журнале: «Zeitschrift für Slavische Philologie», Bd. II, Doppelheft 1/2, 1930, S. 236—240.

⁴¹ М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, стр. 73—74; изд. 2-е. М., 1962, стр. 102; ПРП, вып. 1, стр. 235—254, «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.». Составили Л. В. Милов, А. Н. Рогов, М. Н. Тихомиров, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960, стр. 192—194. См. также К. R. Schmidt. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964, S. 308—309.

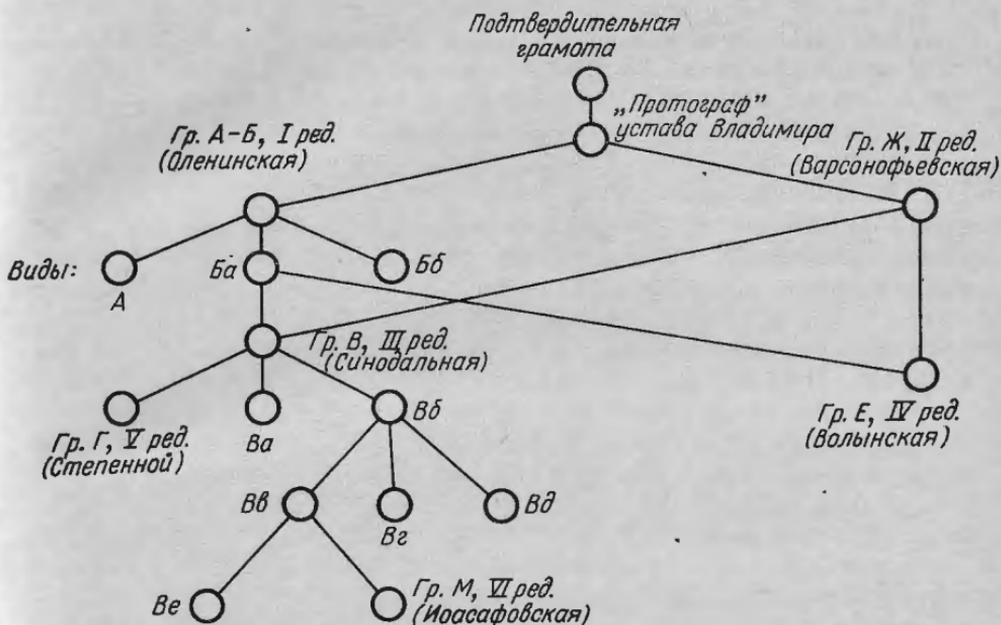

Схема 1. Взаимоотношение текстов устава Владимира, по Юшкову

Что же касается взаимоотношения отдельных, особенно старших редакций устава, их датировки, определения текста архетипа, то, как будет показано ниже, изучение устава позволяет прийти к иным выводам.

Существенной особенностью, в большей степени определившей ограниченные результаты работы Юшкова, является ее узкотекстологический характер, изучение только истории текста памятника, а не его основного содержания, невозможность опереться в исследовании на данные других княжеских уставов, отсутствие связи изучения устава с изучением исторической обстановки, породившей ту или иную его редакцию, или древнейшего текста устава, социального и политического строя, классового соотношения сил в то время и в том месте, где эти редакции возникли. Этим объясняются малообоснованные и строящиеся на логических выкладках датировки редакций, и, что особенно важно, исследователь не связывает возникновение его древнейших редакций с определенными событиями на Руси XI—XIV вв., с эволюцией ее общественного строя и тем самым не рассматривает ту или иную обработку как памятник определенного времени и места. Несмотря на это, исследование Юшкова значительно продвинуло изучение устава Владимира.

Юшковым была опубликована только первая часть исследования устава, целью которой было, как он указывает, обследование истории его текста, а также текста памятников, находящихся с ним в непосредственной связи. Он предполагал, что во второй

части «устав кн. Владимира будет обследован как юридический памятник и как источник действующего права»⁴². Однако эта вторая часть не была опубликована и, как можно судить по тексту его книги 1949 г.⁴³, не была написана или не сохранилась.

Работа украинского буржуазного историка церковного права А. И. Лотоцкого написана также на основе издания Бенешевича⁴⁴. Этот исследователь, как и Юшков, связывает возникновение древнейшей основы устава со временем Владимира, справедливо видя основания для такого суждения в содержании самого устава, в свидетельствах грамоты Святослава 1137 г., которая начинается со ссылки на «устав, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших», в ссылках владимирского епископского послания XIII в. и других памятников.

На отношении Лотоцкого к источникам, на понимание им истории права Руси в раннем средневековье значительное влияние оказал неоправданный в науке ограниченно-националистический подход к материалу. Положительно оценивая издание устава Бенешевича, он, однако, считает, что «ученый редактор, работая в петербургских и московских рукописных хранилищах, пользовался главным образом великорусскими списками устава, которые появились уже в московское время... Между тем украинские списки устава, как принадлежащие территории, с которой связано его происхождение, должны иметь первостепенное значение при решении вопроса об исправности текста и аутентичности самого памятника. Вышедшие под редакцией проф. В. Бенешевича тексты великорусского происхождения могут иметь для этого только дополнительное значение. Эту работу критического издания украинских текстов устава можно выполнить только в Киеве и во Львове, в центрах хранения украинских рукописных сокровищ», однако образцом для такой работы должен быть труд Бенешевича⁴⁵.

Наша работа в архивохранилищах Киева и Львова не дала каких-либо новых текстов устава или значительного увеличения числа списков. Во Львове удалось найти только латинские переводы уставов XVIII в., в Киеве есть украинские списки Синодальной и Варсонофьевской редакций, возникших в Северной Руси в XIII—XIV вв. Таким образом, мнение Лотоцкого о сохранении ранних списков в хранилищах современной Украины не подтвердилось. Сохранились украинские тексты устава Владимира в соседних странах: в Румынии, в библиотеке Арадского

⁴² С. В. Юшков. Исследования, стр. [7].

⁴³ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁴⁴ О. Лотоцкий. Церковный устав князя Володимира Великого. — «Записки наукового товариства ім. Шевченка», т. 138—140. Львів, 1925, стор. 7—44; он же, Українські джерела церковного права, Варшава, 1931, стор. 204—233.

⁴⁵ Там же, стор. 206—207.

епископства, есть кормчая Волынской редакции с соответствующим текстом устава Владимира⁴⁶, в Ягеллонской библиотеке в Кракове находится киевская кормчая с уставом Синодальной редакции⁴⁷.

Ратуя за включение в исследования и издание наибольшего числа украинских списков устава, Лотоцкий не обратил внимания на то, что Бенешевичем было издано по крайней мере шесть таких списков не только заинтересовавшей его Волынской редакции, но и Румянцевской (с территории Волыни, группа *Bv*), Архивного извода (группа *A*), Варсонофьевской редакции (один из так называемых «Браиловских» списков, *Ж 18*). Новый юго-западный, украинский или белорусский текст устава, Маркеловский извод Оленинской редакции, обнаружен в Государственной библиотеке СССР им. Ленина в Москве.

Заменяя текстологический анализ списков априорным противопоставлением текста «украинских списков» (Волынской редакции), «великороссийским спискам»⁴⁸, Лотоцкий пришел к ряду выводов, которые не подтверждаются в процессе такого анализа. Так, основываясь на отсутствии в Волынской редакции упоминания Фотия, он считал, что «введение» в ряде «великороссийских» списков с его компрометирующим анахронизмом, упоминанием патриарха Фотия, включено позднее, чем другие части устава⁴⁹. Такой же поздней вставкой, до конца XIII в., он считает раздел о десятине⁵⁰, который, как показало наше исследование, в первоначальном виде являлся основой всего устава⁵¹. Лотоцкий весьма односторонне оценивает принятие устава в конце X—XI в. Он видит здесь «первый акт самостоятельной рецепции этого (греческого церковного) права», свидетельство того, что князь Владимир был в состоянии поступиться некоторыми княжескими судебными правами в пользу широких государственных интересов и подчинить свои материальные интересы идее развития новой христианской культуры⁵². Работа Лотоцкого об уставе Владимира не внесла чего-либо существенно нового в его изучение, но и, насколько нам известно, не имела последователей.

Заслуженное внимание уставу Владимира уделяет Г. Вернадский в своей работе 1941 г. о статусе древнерусской церкви в период от принятия христианства до учреждения киевской митрополии⁵³. Вернадский считает, что устав был издан впервые в 996 г.

⁴⁶ Рукопись обнаружена проф. Н. П. Смокиной из Бухареста.

⁴⁷ Благодарю А. И. Рогова за помощь в использовании списка.

⁴⁸ В качестве таковых он почему-то привлек наиболее позднюю обработку устава XVI в., вошедшую в «Стоглав» (по Бенешевичу вид *Be*).

⁴⁹ О. Лотоцкий. Українські джерела, стор. 208, 231.

⁵⁰ Там же, стор. 210.

⁵¹ «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 297—338.

⁵² О. Лотоцкий. Українські джерела, стор. 229.

⁵³ G. Vernadsky. The Status, p. 294—314.

по случаю построения кафедральной церкви, затем пересмотрен Владимиром когда-то между 1007 и 1011 гг. Вследствие практического значения для жизни церкви он стал после смерти Владимира предметом многочисленных изменений и дополнений как полуофициальных, так и неофициальных, так что даже старший его список, датируемый концом XIII в., не соответствует смыслу первоначальной редакции. Однако содержание большинства положений оригинала должно было сохраниться под слоями позднейших изменений⁵⁴.

Вернадский знает работы об уставе Владимира Бенешевича и Юшкова, рекомендует их читателю, но сам не использует их в своем анализе устава. Набросав верную в общем схему истории памятника, он вновь, как и исследователи XIX в., обращается к изучению лишь Синодального списка, содержащего, как показал Юшков, одну из поздних его редакций, а более ранние тексты, служившие для этой редакции источником, оставляет без внимания. Достижения русского источниковедения конца XIX—начала XX в. ему не известны.

Вернадский выделяет первые четыре статьи Синодальной редакции устава в качестве «редакции 1011 г.», дает их английский перевод, анализирует их и восстанавливает первоначальный текст этих статей. Три первых из них он возводит к редакции 996 г., четвертую — ко времени пересмотра древнего текста между 1007 и 1011 гг.⁵⁵ Однако этот опыт комментирования и определения древнейшего текста устава по одному списку поздней обработки показывает лишь источниковедческую слабость его автора. Ему приходится делать текстологически неоправданные конъектуры, переставлять слова одной статьи в другую, чтобы связать древний текст этих статей с позднейшими напластованиями. При этом такие положения, несущие на себе следы раннего времени, как распространение церковной юрисдикции на всю христианизированную территорию (ст. 4) и заветы (ст. 8), остались вне анализированного Вернадским текста.

Вернадский перевел и издал только начальные статьи Синодальной редакции и этим ввел в заблуждение исследователей, не знакомых с подлинными его текстами, относительно настоящего объема и действительного исторического значения этой редакции⁵⁶.

Работа «Правовое положение церкви в Киевском государстве по княжеским уставам» была защищена как докторская диссер-

⁵⁴ G. Vernadsky. *The Status*, p. 305; см. также: G. Vernadsky. *Kievan Russia*. Fourth printing. New Haven and London, 1963, p. 66.

⁵⁵ G. Vernadsky. *The Status*, p. 305—306.

⁵⁶ Так, У. К. Медлин, использующий устав кн. Владимира для изучения греко-византийского влияния на русское христианство в XI в., воспроизводит текст, переведенный Г. Вернадским, в качестве устава как такового, не замечая, что это лишь ²/₇ позднего памятника (W. K. Medlin. *Moscow and East Rome*. Genève, 1952, p. 233—234).

тация на философском факультете университета в г. Граце австрийским исследователем А. Пшивым, украинцем по происхождению⁵⁷. Автор ставит своей задачей показать, что «правовая жизнь древнерусской церкви в домонгольский период была под сильным влиянием как Востока, так и Запада и представляла собой удивительный синтез восточной и западной культур»⁵⁸. Диссертация состоит из очерков, посвященных отдельным уставам, причем уставу Владимира посвящено более половины работы.

Пшивый изучает в 1950 г. устав Владимира по курсу церковного права Павлова 1880-х годов (переизданного в 1905 г. Л. К. Гётцем)⁵⁹ и, не зная основной литературы вопроса — издания Бенешевича 1916—1920 гг. и книги Юшкова 1925 г., процензированной в 1930 г. в немецком журнале Вернадским, следует за Павловым в своих выводах о подлинности и первоначальной форме устава. Не знаком он, впрочем, и с целым рядом работ о других изучаемых им уставах: Ярослава и Всеволода⁶⁰. В этих условиях автору трудно было высказать в середине XX в. что-либо новое. В какой-то степени Пшивому удалось освежить материал устава Владимира только в одном — привлекая для сравнения с положениями этого памятника теорию и практику церковного права и историю взаимоотношений церкви и германского государства средневековья по учебникам права католической и протестантской церкви.

Знакомство с исследованиями и публикациями устава Владимира показывает, что в течение XIX—первой половины XX в. изучение устава прошло значительный путь от признания его «подлогом» XIII или XIV в. до определения в качестве памятника, имевшего сложную историю в течение многих столетий истории государства на Руси и восходящего в своей основе к началу XI в. Важными в исследовании устава были работы К. А. Неволлина и Макария, первоначально определившие историческое значение памятника и наметившие пути его изучения, а затем В. Н. Бенешевича и С. В. Юшкова.

Работы этих ученых появились в результате накопления опыта в текстологическом исследовании, в результате перенесения

⁵⁷ A. Pszywyi. Die Rechlage der Kirche im Kiewer Staat auf Grund der fürstlichen Statuten. Eine geschichtliche philogisch-juridische Untersuchung. Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde an der philosophischen Fakultät der Karl-Franzenuniwersität Graz. Graz, 1950 (машинопись). Благодаря библиотеке Градского университета, приславшую эту работу в Москву.

⁵⁸ Ibid., p. 4.

⁵⁹ L. K. Goetz. Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts. Stuttgart, 1905.

⁶⁰ В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915; В. М. Чернов. К вопросу о болгарском влиянии на устав Ярослава. — «Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського», ч. 1. Київ, 1928, стор. 424—434; С. В. Юшков. Устав кн. Всеволода (До зовнішньої історії пам'ятки). — «Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія». Київ, 1927, стор. 405—424.

методики, выработанной А. А. Шахматовым и исследователями памятников права, на изучение уставов. Этим исследователям свойственно знание рукописных текстов устава и большое уважение к ним, текстологическое исследование, отход от традиционной, оправданной в начальный период истории науки, но устаревшей в XX в. оценки старших списков памятника как старших его текстов.

Бенешевичу и Юшкову удалось внести определенный вклад в изучение устава. Были научно изданы почти все известные по рукописям тексты памятника, после чего прежние его публикации утратили свое значение; появилось первое исследование устава. Однако объективные результаты этих работ, особенно книги Юшкова, показали, что исследование подобных памятников должно идти не только путем анализа их видов, редакций и групп текста, но и путем установления их связи с историей Руси, древнерусской церкви, древнерусского права.

В данном исследовании автор стремится сочетать достижения в области изучения устава, связанные с работами Бенешевича и Юшкова, с исследованием источника как памятника своего класса, своего, определенного, времени. Указанные публикации и монографии позволяют не возвращаться целиком к первичному сбору и сличению списков, определению взаимоотношения поздних редакций. Используя эти работы, можно идти дальше, делая то, что не удалось сделать исследователям 1910—1920-х годов.

Первой задачей изучения устава является выяснение сущности основных редакций, установление того, памятниками каких событий в жизни Руси, каких изменений в организации государственной власти являются эти обработки. Достижения советской исторической науки в области изучения общественно-политического строя, памятников политической мысли, литературы, искусства делают такую задачу реальной. Восстановление в процессе исследования сохранившихся списков устава более ранних его текстов, измененных впоследствии, выяснение их смысла, их политического и правового содержания, является другой задачей.

Взаимоотношение редакций устава

Эта тема специально изучалась Юшковым, который, как сказано выше, предложил свою схему взаимоотношения редакций. Менее всего достоверным и обоснованным в этой важной схеме является взаимоотношение старших редакций, Первой—Четвертой, по его терминологии. Так, создание Синодальной и Волынской редакций в результате двукратного, но различного скрещивания одних и тех же текстов⁶¹ не подтверждается нашим исследованием.

⁶¹ С. В. Юшков. Исследования, стр. 76, 87.

Вместе с тем использование при создании текста Воынской и Синодальной редакций наряду с Оленийской редакцией также архетипа Варсонофьевской редакции не доказано Юшковым, ибо Варсонофьевская и Синодальная редакции восходят к одному архетипу.

Анализ текста редакций показывает существование нескольких групп редакций, восходящих к их архетипам, и ряд ступеней текста, обработанного в той или иной редакции в большей или меньшей степени, на которые не обратил внимания Юшков.

Так, прежде всего выделяется украинская группа, включающая две редакции — Воынскую и Печерскую. Обе эти редакции происходят с южной территории Руси, они возникли в конце XIII—XIV в. и в вводной, историко-полемической части имеют ряд общих чтений, отсутствующих во всех других редакциях устава⁶².

Воынская редакция.

[Взял митрополита Михаила от патрарха] и от всего събора, почтенного лампадою и саком...

От великих святитель велико послушество приях, поревновав тем великим царям помощию св. духа и св. богородица.

Благословение прием от Михаила митрополита всеа Руси...

Потом же митрополит тем же сказа ми 7 събор греческих и номоканон и како велиции ти цари не възхотеша сами судити тех судов ни велможам, ни бояром, ни судиам их, но предаша церкви и святителем⁶³.

Печерская редакция.

[Взял «от порфиригенитос»] и от всего св. собора первого митрополита Леонтия во всю Русскую землю подчтена лампадею и [са]косом...

И тако из всех седми соборов св. святитель заповеди слышав и ползу приях и поревновах тым великим царем помощию божию и св. богородицы.

Благословение прием от св. Михаила митрополита всеа Руси...

И потом тот же митрополит Михаил всеа Русии и еще сказа ми о седми соборах вселенских и о номоканоне греческом, о правилех, и о повелении св. отец, которые суды предаша церквам и святителем и како велиции ти цари послушаша заповеди их не възхотеша судити судов церковных, ни велможам, ни бояром своим ни повелеша судити тых судов, но даша церкви и святителем⁶⁴.

Анализ переработок устава, представленных в Воынской и Печерской редакциях, как и других, цитируемых при сличении текста, содержится ниже в специальных разделах. Здесь же нужно показать существование следующей, более широкой группы, включающей наряду с названными двумя южнорусскими редакциями также севернорусскую, Синодальную.

Сличение текстов Воынской, Печерской, Синодальной и Оленийской редакций показывает две различные обработки текста, в одну из которых входят три указанные редакции, вместе с Синодальной, а в другую — Оленийская редакция.

⁶² Чтения, общие для сравниваемых текстов, здесь и далее выделены шрифтами.

⁶³ УКВ, стр. 31—33.

⁶⁴ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 264—269.

Тако же и аз, изгадав съ своею княгинею и съ своими детми дал есмь церкви св. Богородици, митрополиту всея Руси и всем епископом по всей Руской земли ты суды. Не уступатися ни детям моим, ни унучатом, ни роду моему до века, не уступатися в церковные люди, ни в суди их...

И яз, съгадав съ своею княгинею с Анною и съ своими детми дал есмь ты суды церквам, митрополиту и всем пискупиям по Русьской земли.

А по сем не надобе въступатися ни детям моим, ни в внучатом, ни всему роду моему до века ни в люди церковные, ни во все суды их...

И згадав аз со своею княгинею Анной и со своими детми и дал есмь св. Богородици и митрополиту и всем епископомъ.

А тыи не вступаються ни дети мои, ни внуци мои, ни род мой в люди церковныя и во все суды и[х]...

А кто уступить на мое данье, суд мне с тем перед богом, а митрополиту проклинати его зборомъ

Дал есмь: распусты, смильное, заставанье, умыканье, пошибанье, ...ведство, урекание, узлы, зелье, еретичство, зубоядь, иже отца и матерь бьютъ, или сын, и дчи бьются, иже истяжуются о задници.

Роспусты, сми[л]ное, застание, умыкание, ...ведство, зеленничство, урекания три, бляднею и зельи, еретичство, зубоядь, отца или матерь бьеть сын или дщи, братия или дети тяжутся о задницу, церковная татба, мертвеця сволочать, гробный тать, крест посекуть, или на стенах режють, или скоты, или псы, или птицы без велики нужда, или что неподобно церкви подеють.

А се церковнии суди: распуст, смильное, заставанье, пошибанье, умычка, ...ведство, зелинничство, потвори, чародеяния, волхования, урекания три бляднею и зельи, еретичство, зубоежа, или сын отца бьеть, или матерь, или дчи, или снъха свекровь, братья или дети тяжутся о задницу, церковная татба, мертвеци сволочать, крест посекуть или на стенах режють, скот, или псы, или поткы без велики нужи въведеть или ино что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити...

Те все суды церкви даны. Князю и бояром и судьям их в ты суды нелзе въступатися.

То все дал есмь по първых царев ряжению и вселенских великих святых седми събор великих святитель.

Тии вси суди церкви дани сугь. Князю, и бояром, и судьям в ты суды не уступатися.

То все дал есмь по първых царев ряжению и вселенских великих святых седми събор великих святитель.

⁶⁵ УКВ, стр. 33—34 (Е 1).

⁶⁶ Там же, стр. 14—24 (Ва).

⁶⁷ Там же, стр. 5—7 (Бб, 18).

Аще кто приобидит наш устав, како же уставиша святни отци, таковым непрощеным быти от закона божия, горе себе наследуютъ.

Еще искони уставлено есть и поручено св. епископом городскыи торговыи весы и всякая мерила от бога...

А се церковнии людие: игумен, поп, дьякон, и кто в клиросе, чернец, черница, попадия, попович, лечец, прощенник, задушный человек.

Монастыреве, болници, гостинници, странноприим[ни]ци.

То люди церковнии, богоделнии. Митрополит или епископ ведаеть жежи ими суд, или обида которая, задница ли.

Аже будетъ обида иному человеку с ними, то обчий суд.

Аже кто преобидить нашъ устав, таковым непрощеным быти от закона божия и горе себе наследуютъ.

Еже искони уставлено есть и поручено св. пискупьям городскые и торговые всякая мерила и спуды. извесы, ставила от бога...

А се церковные люди: игумен, поп, дьякон, дети их, попадия и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница, проскурница, паломник, лечец, прощенник, задушный человек, сторонник, слепец, хромец.

Монастыреве, болница, гостинници, странноприимнице.

То люди церковные богаделныя. Митрополит или пискуп ведаеть жежи ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница.

Аже будетъ иному человеку с тым человеком речъ, то обчий суд.

Кто преступить си правила...

Митрополичи люди церковные: игумен, игуменья, поповичеве, чернецъ, черница, дьякон, дьяконовая, проскурница, понамарь, вдовица, калика, сторонник, задушный человек, прикладник, хромецъ, слепецъ, дьяк и вси причетници церковнии.

Аще их кто видеть в вину, судити тех митрополиту и епископу опроче мирян.

Для дальнейшего анализа памятника важнейшим является вопрос о взаимоотношении Оленинской редакции с Синодально-Волынской группой. Восходит ли текст группы и текст Оленинской редакции к одному архетипу и отличия каждого из этих текстов, в том числе целые статьи Синодально-Волынской группы, являются дополнением, или Оленинская редакция представляет собой сокращение текста, лучше сохранившегося в Синодальном и других списках группы?

Исследователи, имевшие перед собой оба текста, и Синодальной, и Оленинской редакции, по-разному решали этот вопрос. Так, Макарий видел лишь два возможных варианта во взаимоотношениях редакций: создание краткой (Оленинской) редакции путем сокращения обширной (Синодальной) или создание обширной путем распространения краткой. Колеблясь в решении этой дилеммы, он все же отдал предпочтение первому варианту. Ознаком-

ление с доводами Макария показывает, что они нас не могут удовлетворить. Макарий ссылается на большую древность Синодального списка, содержащего одноименную редакцию, который он традиционно относил к XIII в., сравнительно со списками Оленинской редакции, принадлежащими к XV и XVI вв. Кроме того, ему не были известны другие редакции, которые оказываются более близкими к Синодальной и восходят вместе с ней к одному архетипу, — Волинская, Печерская. Поэтому он сравнивал текст Оленинской с текстом Синодальной в том позднем ее виде, который был создан, как показывает исследование, в XIII в. В этих условиях Макарий считает, что содержащийся в Синодальной редакции перечень поступков, связанных с пережитками язычества («кто молится под овином, в рощеньи, у воды»; чародеяния, волхования), статья, приписывающая тиунам давать десятину со светских судов, а также заключение, содержащее слова «будут прокляты», более подходят раннему тексту устава и могли быть опущены в поздних списках⁶⁸.

Отсутствие этого перечня, и этой статьи, и этого заключения в тексте архетипа Синодально-Волинской группы, так же как и в Оленинской редакции, не позволяет использовать это наблюдение Макария для доказательства его схемы взаимоотношения двух редакций.

Схему взаимоотношения этих редакций Макария повторил Голубинский, основываясь на том, что Синодальный список является древнейшим⁶⁹. Как указывалось выше, Синодальную редакцию в качестве древнейшей редакции устава и в наше время рассматривают Вернадский и Пшивый.

Сравнительный анализ Оленинской редакции стал практически возможным лишь после появления сводного издания текста, выполненного Бенешевичем. Бенешевич не высказал каких-либо наблюдений о соотношении изданных им текстов устава, однако он расположил их в определенной последовательности: группы А и Б (Оленинская ред.), группа В (Синодальная ред.), группа Е (Волинская ред.), группа Ж (Варсонофьевская ред.), поставив Оленинскую прежде других переработок.

Взаимоотношение Синодальной и Оленинской редакций специально изучал Юшков. Он считал Оленинскую редакцию одним из источников Синодальной и Волинской редакций и, защищая это положение, выдвинул ряд доводов против схемы Макария. Так, он противопоставлял мнению Макария и Голубинского о прямой зависимости времени создания памятника и времени написания его списка другое, более верное положение о возможности того, что «в позднейших списках сборников и кормчих, как это часто бывает, находятся древнейшие редакции памятников». Наличие в Синодальной редакции статьи о тиунах Юшков справедливо объясняет интерполяцией позднейшего времени, «когда начала

⁶⁸ Макарий. История, т. I, стр. 127—128.

⁶⁹ Е. Е. Голубинский. История, т. 1, полов. 1, стр. 618—620.

десятинного права были основательно позабыты» и порядок выдачи десятины значительно изменился⁷⁰. Однако Юшкову не удалось выявить основной источник известных ему Синодальной и Волынской редакций — их несохранившийся общий архетип.

Установление архетипа Синодально-Волынской группы редакций позволяет отказаться от сравнения Оленинской и Синодальной редакций для установления их соотношения. Теперь для восстановления истории текста устава нужно сравнивать Оленинскую редакцию с архетипом группы.

Такое сравнение показывает, что у нас нет достоверных данных, показывающих зависимость Оленинской редакции от Синодально-Волынской группы. Как и каждая из редакций этой группы, Оленинская редакция несет в себе следы позднейших обработок и искажений, таких, например, как «живота» в Оленинской редакции сравнительно с «жита» в Синодально-Волынской группе; «десятый грош» сравнительно с «десятая векша» Синодальной и Волынской редакций, наименования Владимира великим князем во всех изводах Оленинской редакции и в Печерской редакции.

В этих случаях, очевидно, текст их архетипа лучше сохранился в Синодальном списке.

Однако это не позволяет считать, что сама Оленинская редакция возникла в результате переработки, главным образом сокращения, текста архетипа этой группы.

Некоторые различающиеся чтения в Оленинской редакции и Синодально-Волынской группе являются для нас на данной степени исследования индифферентными, мы не можем использовать их в качестве довода в пользу того или иного решения вопроса, но вернемся к ним ниже. Так, во всех трех редакциях группы церковь Богородицы в Киеве, которой дается десятина, названа Десятинной, а во всех изводах Оленинской редакции, кроме испытавшей влияние Синодальной редакции Археографического извода, этого названия нет. То же наблюдается с различием в порядке имен князя Владимира в ст. 2. Архивный и Археографический изводы Оленинской редакции и Волынская редакция именуют его так: «Владимир, нареченый въ святѣм крещении Василие» (Архивный изв.), Архангельский и Маркеловский изводы Оленинской редакции, Синодальная и Печерская редакции иначе: «Василии, нарицаемы Володимир» (Синод. изв.).

Важным для определения взаимоотношения Оленинской редакции с Синодально-Волынской группой являются два ряда различий: отдельные слова, отличающиеся в этих текстах, и целые статьи, отсутствующие в первом из них.

Статья 5 устава (по счету статей Оленинской и Синодальной редакций) отказывает в праве на суд над церковными людьми детям, внукам и «роду» князя, причем в Синодальной и Волынской редакциях далее следуют слова «до века», а в Оленинской редак-

⁷⁰ С. В. Юшков. Исследования, стр. 85.

ции их нет. В Печерской редакции вся статья опущена. Можно предположить, что указанные слова были вставлены в текст архетипа группы, ибо они подчеркивали действенность древних постановлений для времени, когда уже не было ни детей, ни внуков князя, вечность этих постановлений. Противоположное предположение необъяснимо. В двух изводах Оленинской редакции, Архивном и Архангельском, и, следовательно, в архетипе этих изводов, из этой статьи было выброшено упоминание внуков и оставлены только дети и «род мой», что подтверждает наше понимание смысла вставки слов «до века».

Статьи о церковных судах и церковных людях содержат ряд различий в Оленинской редакции и Синодально-Волинской группе. Для решения интересующего нас вопроса нам важны только те чтения, которые общи для этой группы, но отсутствуют в Оленинской редакции.

В перечислении церковных судов в Синодальной группе есть вставки внутри статьи, и большой новый список дел приложен в конце статьи. Так, в Оленинской редакции названы поступки, связанные с нецерковными религиозными культами: «ведство» (в других изводах «ведовство») и «зелья», а в Синодально-Волинской группе наряду с этими поступками названо «зелениничество». Кроме того, краткое упоминание среди церковных дел в Оленинской редакции «урекания» (Арханг. изв.) или «урекание еретиком» (Архивн. изв.) в группе редакций представлено в расширенном виде: «урекания три бляднею и зельи, еретичьство» (Синод. и Олен. ред.). За общими для Оленинской редакции и группы редакций текстами «тяжются о задницу» в группе редакций идет перечень восьми новых дел, отсутствующих в Оленинской: «церковная татба...»

Кажущаяся на первый взгляд закономерность, согласно которой поступки, связанные с пережитками язычества, незнанием христианской обрядности, должны были бы упоминаться в более ранних текстах памятника и со временем, например в XIII—XIV вв., быть вытесненными христианскими обычаями и опущенными в обработках устава этого времени, не подтверждается на самом деле. Зелейничество, отсутствующее в Оленинской редакции, упоминается во всех трех редакциях Синодально-Волинской группы и нигде оно не оказалось излишним и не было выброшено при создании этих редакций в XIII—XIV вв. В то же время указанный перечень антихристианских поступков в Синодальной редакции, этой новгородской обработке XIII в., не только не сокращен, но значительно дополнен другими, очевидно, близкими поступками: «потвори, чародеяния, волхования», а в конце статьи, также в отличие от всех других редакций, поименованы «или кто молится под овином, или в рошеньи, или у воды» вместе с такими преступлениями, как скотоложство и аборт.

Таким образом, отсутствие «зелейничества» в Оленинской редакции не может быть объяснено результатом сокращения именно

этого слова, в то время как все другие «церковные суды» остались на месте.

Значительно отличает Оленинскую редакцию от группы других редакций то, что в тексте последней находятся шесть статей, которые воспроизведены на стр. 30—31. Эти статьи трактуют о судебных правах, источнике этого института (установления первых царей и семи вселенских соборов), каре за нарушение устава, о принадлежности церковной власти контроля за городскими весами и мерами, о церковной юрисдикции относительно монастырей и богоугодных заведений, перечисляют основные дела среди церковных людей, подлежащие суду церкви, утверждают смешанное судопроизводство для процессов, затрагивающих и светских и церковных людей.

Конкретно-историческое содержание этих статей изучается ниже, при анализе текста архетипа Синодально-Волынской группы. Однако уже здесь можно утверждать, что в перечисленных статьях отражается дальнейшее развитие феодального общества, церковной юрисдикции, взаимоотношений светской и церковной власти по сравнению с тем, что сообщают статьи, общие для указанной группы и Оленинской редакции. Трудно поэтому предполагать, что все эти статьи оказались выброшенными при переработке архетипа Синодально-Волынской группы, в то время как другие, трактующие о десятинах и создании церкви Богородицы, остались в уставе. Перечисленные статьи Синодальной редакции есть и в Волынской редакции XII—XIV вв., все они, за исключением статьи о принадлежности епископам мерил, есть в Печерской редакции XIV в.

Таким образом, мы приходим к выводу об общем основном источнике Оленинской редакции и Синодально-Волынской группы. Характер обработки архетипного текста при создании этих редакций и содержание самого архетипа изучается ниже.

В нашем анализе редакций не рассматривались еще два текста. Один из них — Варсонофьевская редакция, представленная большим числом списков, старший из которых принадлежит XIV в. Вопрос о взаимоотношении указанной редакции и Синодально-Волынской группы сложен. Исследователи, так же как это было с Оленинской редакцией, решали его по-разному. Макарий и Голубинский все тексты устава, в том числе и бывшую им известной по поздним спискам Варсонофьевскую редакцию, считали переработкой текста Синодального списка. В отличие от них Неволлин писал, что «из двух главных известных редакций устава, т. е. Короткой и Пространной» (по нашей терминологии — Варсонофьевской и Синодальной) древнейшей и наиболее приближающейся к первоначальному источнику «должно признать редакцию Кратчайшую»⁷¹. При этом он сравнивал с Варсонофьевской Синодальную редакцию в ее окончательном виде, со всеми дополнениями,

⁷¹ К. А. Неволлин. О пространстве, стр. 294.

которые не входили в выделяемый нами архетип группы редакций, и в своей аргументации оперировал главным образом этими дополнениями как свидетельством более позднего происхождения Синодальной редакции.

Мнение Неволлина получило поддержку Юшкова, который создал гипотезу о возникновении Синодальной и Волынской редакций в результате скрещивания Оленинской и Варсонофьевской редакций. Однако аргументация Юшкова в пользу возникновения Синодальной редакции в результате переработки Варсонофьевской по Оленинской редакции неубедительна.

Наше сравнение Варсонофьевской редакции уже не с Синодальной редакцией, а с Синодально-Волынской группой показывает, что Варсонофьевская редакция близка к этой группе, но для доказательства тезиса об использовании ее при создании архетипа группы слишком мало данных. Гораздо легче объяснить возникновение Варсонофьевской редакции из архетипа Синодально-Волынской группы путем переработки и сокращения начальных его статей. Этот вопрос рассматривается подробнее в особом разделе.

Второй текст, оставшийся вне нашего краткого обзора, — начало (неполные три первые статьи) устава, вписанное на последнем свободном листе Пушкинского сборника XIV в.⁷² Этот текст, опубликованный Д. Дубенским еще в 1843 г.⁷³, не вошел в издание В. Н. Бенешевича и оказался вне исследования С. В. Юшкова.

Отсутствие большей части статей, в том числе тех, которые содержат характерные черты как для редакций Синодально-Волынской группы, так и для Оленинской редакции, затрудняет отнесение этого текста к той или иной группе. Однако больше данных за принадлежность его к Оленинской редакции. В Пушкинском списке есть чтения, которые характерны более для Оленин-

⁷² ЦГАДА, ф. 135, отд. 5, рубр. 1, № 1. Пушкинский список признается большинством исследователей принадлежащим второй половине XIV в. (В. П. Любимов: ПР, т. 1, стр. 277; М. Н. Тихомиров: ЗСЛ Пространной редакции, стр. 6 и 31) или концу XIV в. (П. М. Строев и Н. В. Калачов: ПР, т. 1, стр. 277). По составу статей он связан своим происхождением со Смоленском или Новгородом. Новгородское происхождение сборника отстаивает М. Н. Тихомиров («Исследование о Русской Правде». М., 1940, стр. 143; ЗСЛ Пространной редакции, стр. 7—8).

Начальные статьи устава Владимира вписаны на лицевой стороне оставшегося чистым последнего листа (л. 61, стр. 120) значительно позже. В. П. Любимов датирует этот почерк XVI в. (ПР, т. 1, стр. 280), М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов — концом XV — началом XVI в. (ЗСЛ Пространной редакции, стр. 32). Мы имеем здесь дело, очевидно, не с намеренным сокращением текста устава, поскольку в имеющемся тексте пропусков и изменений не наблюдается, и в ст. 3 осталась недописанной последняя фраза, а со случайным воспроизведением только первых статей, которые уместились на одной странице. Почему писец не заполнил обратной стороны листа, неизвестно.

⁷³ «Русские достопамятности, издаваемые имп. Обществом истории и древностей российских при имп. Московском университете», ч. 2, «Памятники древнего русского права по харатейному списку... с вариантами, примечаниями и объяснениями Д. Дубенского». М., 1843, стр. II, прим.

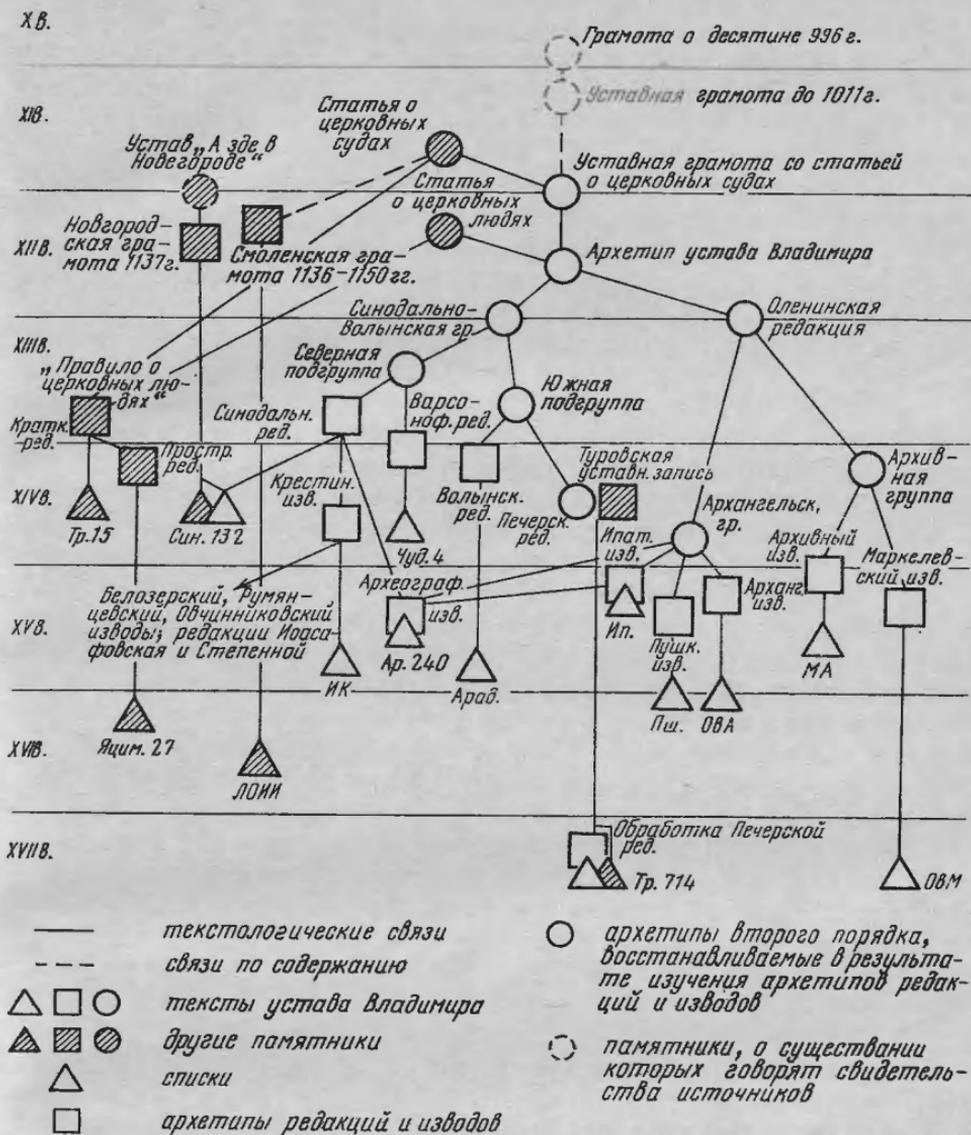

Схема 2. Взаимоотношение старших текстов устава Владимира

ской редакции, в Синадальной редакции не встречаются, а в отдельных случаях в Волынской и Печерской могли появиться не из архетипа, а под влиянием других источников. Это — присутствие в Пушкинском списке слова «великий» («князь великий Василей»), которое свойственно всем изводам Оленинской редакции и еще лишь Печерской редакции; наименование первого митрополита Михаилом, как во всех изводах Оленинской редакции (кроме Археографического, испытавшего влияние Синадальной редакции) и в Волынской редакции (в Синадальной он назван Леоном,

а в Печерской — вначале Леонтием, а затем Михаилом); отсутствие слова «десятичная» («создах церковь святыя Богородица»), свойственного Синодальной, Печерской и Волынской редакциям, но отсутствующего во всех изводах Оленинской редакции (кроме Археографического).

В ряде случаев Пушкинский список обнаруживает близость к архетипному тексту устава, отразившемуся в некоторых изводах и редакциях. Таково отсутствие заглавия устава в Маркеловском и Архангельском изводах Оленинской редакции; упоминание только одного греческого царя, как в Маркеловском изводе Оленинской редакции, Синодальной редакции и в источнике Печерской редакции; упоминание денежной единицы — векши, как в Синодальной и Волынской редакциях. Текст Пушкинского списка имеет также чтения, отличающиеся от других изводов и редакций («ис торгу вторую неделю», «взях первого митрополита... Киеву граду»), представляющие следы особой обработки.

Основываясь на этих наблюдениях, мы возводим текст Пушкинского списка к архетипу Оленинской редакции и выделяем его в особый Пушкинский извод.

Взаимоотношение редакций и изводов устава Владимира изображены в схеме 2.

Изучение устава кн. Владимира следует в настоящей работе по отдельным редакциям. Так, мы рассматриваем редакции Синодально-Волынской группы: Синодальную, Печерскую, Волынскую, Варсонофьевскую и архетип Волынской и Печерской редакций. После анализа этих редакций следует реконструкция состава и анализ архетипа Синодально-Волынской группы. В результате изучения Оленинской редакции и ее соотношения с архетипом Синодально-Волынской группы становится возможным выделить архетип устава Владимира и заниматься анализом уже этого реконструируемого текста.

Синодальная редакция — новгородский памятник XIII в.

Среди дошедших до нас рукописей устава Владимира списки Синодальной редакции наиболее распространены. Бенешевичем было привлечено при издании выборочно 44 таких списка, что далеко не исчерпывает всю ее археографическую традицию. Достаточно сказать, что текст этой редакции входит в такие распространенные памятники русского средневековья, как кормчая в соединении с «Мерилом» (известны десятки списков) и «Стоглав» (известны также десятки списков).

Такая популярность этого текста, распространение его в XIV—XVII вв. на территории Новгородской республики, Московского великого княжества и его соседей, Литовского великого княжества делает исследование редакции необходимым для изучения политической, социально-экономической и идеологической

истории периода ликвидации феодальной раздробленности и создания Русского централизованного государства и включения украинских и белорусских земель в Литовское великое княжество.

Свидетельством того, что устав Владимира в Синодальной редакции был широко распространенным памятником действующего права, является появление ряда изводов этой редакции в результате приспособления ее к различным условиям на обширной территории бывшего Древнерусского государства в течение продолжительного времени, с XIII по XVI в.

Юшков вслед за Бенешевичем выделил 6 групп текста внутри Синодальной редакции (а—е), которые мы называем: Синодальным изводом (а), Крестининским изводом (б), Румянцевским (в), Овчинниковским (г), Белозерским (д) видами Крестининского извода и изводом «Стоглава» (е). При этом он определил взаимоотношения этих групп, важные для выявления наиболее близких к архетипу редакций. Старшие группы — Синодальная и Крестининская; три группы — Румянцевская, Овчинниковская и Белозерская — являются переработкой Крестининской, а извод «Стоглава», в свою очередь, происходит от Румянцевской группы⁷⁴. К этой схеме нужно сделать одну поправку: между Румянцевским видом и изводом «Стоглава» стоит еще одна обработка устава, которую можно назвать Волоколамским изводом, — это текст устава в «Ответе о недвижимых вещах» Макария царю Ивану IV⁷⁵.

Из двух старших изводов, как определил Юшков, менее удален от первоначального текста Синодальный. Этот извод представлен Синодальным списком в приложении XIV в. к Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов⁷⁶, новым Егоровским списком конца XV—начала XVI в. (текст которого отличается от Синодального списка только орфографическими разночтениями⁷⁷) и списками XVII—XVIII вв. с Синодальной рукописи в делах патриаршей канцелярии и статьях о святительских судах патриаршей канцелярии⁷⁸. В основе нашего изучения Синодальной редакции будет лежать, таким образом, текст Синодального списка и для сравнения с ним — старшего списка Крестининского извода⁷⁹.

Как было указано выше, в основе Синодальной редакции лежит архетип Синодально-Волынской группы.

Синодальная редакция представляет собой переработку, связанную с Новгородской феодальной республикой. На Новгород, как место создания этой обработки, указывают несколько данных — сохранение старшего и наиболее близкого к архетипу Синодального списка редакции в составе кормчей, принадлежавшей Новгородской кафедре, использование этой редакции устава в качестве

⁷⁴ С. В. Юшков. Исследования, стр. 83.

⁷⁵ Списки: ГБЛ, Волок. 522; ГПБ, Ф. XVII. 13.

⁷⁶ ГИМ, Синод. 132.

⁷⁷ ГБЛ, Егоров. 472.

⁷⁸ УКВ, стр. 8.

⁷⁹ Там же, стр. 12—25.

основы нового новгородского княжества устава Всеволода и, наконец, самое важное — содержание этой обработки. Устав в Синодальной редакции имеет ряд добавлений, вкрапленных по всему тексту.

В ст. 3 наряду с традиционным адресом поступления десятины, находившимся еще в архетипе устава: «Чюдной матери божи и чюдному Спасу» (Арханг. изв.), или «чюдному Спасу и Чюдной его матери» (Синод. ред.), появляется новый: «в сборную церковь», что было вызвано, очевидно, приспособлением памятника к условиям города, где кафедральная церковь не была посвящена ни Спасу, ни Богородице, и потребовалось особое уточнение, что десятина передается соборной церкви.

Это же явление, попытку приспособить устав, адресованный церкви Богородицы, к новым условиям, показывает и ст. 4. Адрес пожалования судебного иммунитета: «дал есмь Св. богородици (церкви св. Богородицы — в юго-западной группе, — Я. III.) и митрополиту и всем епископомъ по всей Русской земле», как он обозначен в Архангельском изводе Оленинской редакции и редакциях юго-западной группы, в Синодальной редакции и в зависящем от этой редакции Новгородском же Археографическом изводе Оленинской редакции изменен: «даль есмь ты суды церквам, митрополиту и всем пискупьям по Русьской земле».

Обращает на себя внимание тот факт, что в руках составителя Синодальной редакции текст устава не был пополнен какими-либо новыми положениями о торговых пошлинах, церковных людях, мерлах, и здесь совершенно не отразилось церковное землевладение. Все добавления Синодальной редакции толкуют только об одном — о церковном суде под различными углами зрения. Само заглавие этой редакции памятника «Устав св. кн. Володимира, крестившаго Русскую землю, о церковных судах» хорошо отражает содержание переработки.

Уже первое добавление в ст. 5 «и своим тиунам приказываю церковного суда не обидети» обращает внимание на особую заботу составителя о «церковном суде». Что это за «обида», расширяется тут же и ниже в ст. 9: тиуны князя не должны судить без владычного наместника и с суда должны давать 9 частей князю, а 10-ю «святой церкви». В Крестининском изводе этой редакции, принадлежащем первой половине XIV в., эти требования владычной администрации, вложенные в уста князя Владимира, звучат более определенно: «Не судити наших (то есть княжеских — Я. III.) судов без судьи владычня». Здесь содержится прямое требование делить княжеский суд с владыкой, производить его при непременно участии владычного наместника.

На вторжение церковной организации в сферу светского, княжеского, суда указывает перечень нарушителей этого нового «церковного суда», т. е. лиц, которые могут быть несогласны с участием епископа в новой сфере его деятельности. Здесь указаны не только представители княжеской власти: «или дети мои (это

традиционная формула древнего устава) или правнучата» (это уже современники составителя новой обработки), но и «в котором городе наместник, или тиун, или судья». Именно эти люди, которые осуществляли на месте княжеский суд, и должны были, исходя из смысла новой обработки устава, делить свою юрисдикцию и соответственно судебные пошлины с владычным наместником, представителем епископа.

Должностную, административную терминологию Синодальной редакции нужно особо рассмотреть для определения времени, когда мог возникнуть этот памятник. Названия органов княжеской власти в разной степени являются определяющими в хронологическом анализе.

Так, упоминание судьи вообще (ст. 14) мало что дает. Этот термин употребляется еще в архетипе группы и Оленинской редакции устава и в ряде памятников XI—XIII вв.: Ипатьевской летописи под 1169 г., Несторовом житии Феодосия, пространной Правде Русской⁸⁰.

Иначе обстоит дело с терминами «княжеский тиун» и «княжеский наместник». Княжеский тиун упомянут здесь наибольшее число раз (ст. 5а, 9, 14), и надо думать, что конкуренция на поприще суда именно этого княжеского органа была наиболее опасна для церкви. В уставе Владимира указанный термин прежде не встречался, но он хорошо известен по другим памятникам уже с XI в. Представляет интерес, что в новгородских документах тиун в качестве органа княжеской власти на местах, в частности в Новгороде, характерен для XIII в., а в начале XIV в. он почти исчезает. Так, Новгородская I летопись сообщает, что в 1228 г. кн. Ярослав Всеволодович, не встретив поддержки от новгородцев, ушел в Переяславль, а в Новгороде оставил двух сыновей с боярином своим и «съ тиуномъ Якимомъ»⁸¹. В статье 1242 г. сообщается, что немцы взяли Псков и посадили там своих тиунов⁸² (т. е. фогтов). Когда кн. Василий Ярославич взял у новгородцев в 1273 г. Торжок, он там «посадила тивунъ свой» и ушел назад в Кострому⁸³. Характерно, что Новгородская I летопись в сообщениях за весь XIV и первую половину XV в., вплоть до последних статей 1440-х годов, больше ни разу не упоминает тиунов. Договорные грамоты Новгорода с великими князьями, начиная с первой дошедшей до нас с кн. Ярославом Ярославичем Тверским 1264 г., как правило, включают статью о совместном управлении Торжком и Волоком новгородским и княжеским тиунами⁸⁴. В даль-

⁸⁰ И. И. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 600.

⁸¹ НПЛ, стр. 66 (Синодальный список).

⁸² «Уже бо бяше Псковъ взятъ и тиюнѣ ихъ посаженѣ» (НПЛ, стр. 295. Комиссионный список). В житии Александра Невского это известие сохранилось с искаженным написанием интересующего нас слова: «Ниже себѣ убо бяше взятъ градъ Плескъвъ и тии у нихъ посажени» (В. И. Малышев. Житие Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 190—191).

⁸³ НПЛ, стр. 322.

⁸⁴ ГВНП, стр. 9.

нейшем эта статья XIII в., став традиционной не только по содержанию, но и по форме, входит во все подобные договоры XIII—XIV вв. и сохраняется даже в Яжелбицком договоре 1456 г.

Княжеский наместник упоминается в Синодальной редакции один раз, рядом с княжеским тиуном. Новгородские известия о княжеских наместниках начинаются с первой четверти XIII в. Это вызвано изменениями в государственном строе Новгорода и системе новгородско-княжеских отношений в XIII в.⁸⁵

В 1215—1216 гг. кн. Мстислав Мстиславич в ходе борьбы за Новгород с кн. Ярославом Всеволодовичем въехал в Новгород и захватил наместника кн. Ярослава — Хота Григорьевича⁸⁶. В 1228 г., как уже упоминалось выше, кн. Ярослав Всеволодович, покинув Новгород, оставил, несомненно, в качестве наместников двух своих сыновей и боярина Федора Даниловича, а также тиуна Якима⁸⁷. Так же поступил в 1270 г. кн. Ярослав Ярославич. Уйдя в Орду, он оставил в Новгороде Андрея Воротиславича, также не кого иного, как своего наместника⁸⁸. Присутствие в Новгороде наместников великого князя рассматривалось как признание обеими сторонами верховной власти князя. Когда в 1305 г. тверской князь Михаил Ярославич претендовал на новгородский стол и поехал с этой целью в Орду, тверичи послали в Новгород его наместников, но новгородцы не приняли их⁸⁹. Разорвав отношения с Новгородом, кн. Михаил Ярославич в 1312 г. вывел оттуда своих наместников, а после установления мира вернул их⁹⁰. В XIV в. новгородцы чаще видели княжеских наместников, чем князя.

Наместник владычный также впервые появляется в изучаемой редакции. Этот термин наиболее интересен. Владычный наместник — это то должностное лицо, которое непосредственно осуществляет юрисдикцию церкви.

Владычные наместники упоминаются позже всех других названных выше органов управления. Причем, если, например, княжеские наместники в течение XII—XV вв., с развитием органов государственной власти, изменили свои функции, то владычные наместники, вероятно, уже возникли как специальный судебный орган церкви.

---

⁸⁵ В известиях Московского летописного свода конца XV в. чиновники, которых посадил в 1148 г. кн. Глеб Юрьевич по всей Курской земле, названы посадниками (ПСРЛ, т. XXV, стр. 43). Так же названы люди, посаженные Ростиславом Юрьевичем в Городце, в известиях Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, стб. 320) и того же свода (ПСРЛ, т. XXV, стр. 44). В Никоновской летописи и те и другие называются наместниками (ПСРЛ, т. IX, стр. 105 и 107), что отражает, очевидно, более позднюю терминологию.

⁸⁶ НПЛ, стр. 54.

⁸⁷ Там же, стр. 66.

⁸⁸ Там же, стр. 89.

⁸⁹ Там же, стр. 92.

⁹⁰ Там же, стр. 94.

Старый институт церковной власти — владычный тиун, известный уже в XII в., ведал хозяйством владычного двора, его Б. Д. Греков сравнивал с ключником⁹¹. Вероятно, владычный тиун сохранил свои функции и позже, когда это хозяйство не сокращалось, а расширялось. Новые сферы власти церкви, вернее, значительное расширение этих сфер, а именно судебных его функций, потребовало возникновения нового органа власти, каким и был владычный наместник.

На основную, судебную, функцию владычного наместника, правда, уже в XIV в., хорошо указывает обобщение краткой повести о митрополите Алексее в Ермолинской летописи. Митрополит Феогност «наместника учини у себе рассужати церковныя люди по святым правилом в правду, хотя его по себе на митропольстем столе видети»⁹². Таким образом, в этом случае наместник был специальным судьей при митрополите, а с другой стороны, судебная деятельность наместника должна была, очевидно, стать испытанием для кандидата на кафедру.

Первые упоминания владычных наместников относятся еще к первой половине XIII в. Это запись писца на новгородском евангелии Типографской библиотеки не позже 1232 г.⁹³ и послание Симона к Поликарпу 1226 г. в составе Киево-Печерского патерика⁹⁴. Правило Владимирского собора 1274 г. включило запрещение ставить наместника на мзде⁹⁵. Очевидно, было много претендентов на эту выгодную церковную должность. Смоленский владычный наместник Лаврентий участвовал в составлении грамоты 1284 г. в Ригу о торговле Смоленска с Ригой⁹⁶.

Определенные данные о расширении функций владычных наместников в Новгороде в последней четверти XIII в. и в XIV в. собрал В. Л. Янин в результате анализа сфрагистического материала. Им были обнаружены печати ладожских и новоторжских владычных наместников, которые по сфрагистическому типу и упоминаниям имен архиепископов относятся к последней четверти XIII в. и к XIV в.⁹⁷

В письменных памятниках XIV—XV вв., Псковской и Новгородской судных грамотах владычный наместник выступает в качестве вершителя суда наряду с посадником и тысяцким.

⁹¹ Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии. — «Избранные труды», т. IV. М.—Л., 1960, стр. 48.

⁹² ПСРА, т. XXIII, стр. 121 (1377 г.).

⁹³ И. И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма, изд. 2-е. СПб., 1882, стб. 106.

⁹⁴ По списку ОИДР, 157. В других списках — съпрестольник. См. Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Київ, 1930, стор. 102; «Патерик Киевского Печерского монастыря», изд. имп. Археографической комиссии. СПб., 1911, стр. 223.

⁹⁵ РИБ, т. VI, стб. 92.

⁹⁶ СГГД, т. 2, стр. 6, № 3. СГ, стр. 66.

⁹⁷ В. Л. Янин. Печати ладожских наместников. — КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 11—112; он же. Печати наместников новоторжских. — СА, т. XIX, 1954, стр. 283—292.

Анализ должностной терминологии Синодальной редакции указывает на XIII в., возможно, на вторую его половину или даже на последнюю четверть века, как на время, когда возникла эта обработка устава. Но не только изучение этих данных указывает на XIII в. Более важное свидетельство содержания редакции — расширение церковной юрисдикции на светский суд, участие представителя церкви в светском суде. Здесь нам вновь оказывает помощь анализ сфрагистического материала.

Изучение новгородских архиепископских печатей XII—XIV вв. показало, что их количество значительно возрастает в XIII в. Со второй половины XIII в. появляется целая серия анонимных печатей новгородских архиепископов. Большая их часть падает на XIV—XV вв.⁹⁸ Начиная с архиепископа Далмата (1251—1273), от каждого владыки сохраняется по 5—7 именных печатей, причем некоторые из них, например того же Далмата, Феокиста (1299—1308), сохранились на документах не церковных, а светских — внешнеполитических договорах и грамотах. Этот факт несомненно свидетельствует об изменении функций владычного управления от узкоцерковных дел к широкой юрисдикции одного из важнейших государственных институтов Новгородской республики⁹⁹.

Некоторые следы светских функций новгородского владыки в XIII—XV вв. показывают памятники XV в. — скрепление владычными и наместничьими печатями документов феодального землевладения¹⁰⁰, указания на неустойки в пользу владыки наряду с князем в рядных грамотах XV в.¹⁰¹, сохранение владычного двора в качестве места княжеского суда в проекте договора с Казимиром 1470—1471 гг.¹⁰² и «доклад» спорных дел во владычной комнате в Новгородской судной грамоте¹⁰³.

На светскую юрисдикцию новгородского владыки уже во второй половине XIV в. указывает также интересное сообщение в духовной Остафия Ананьевича 1393 г. о посредническом суде владыкой Алексеем (1359—1388) светского земельного спора отца завещателя с посадником Александром¹⁰⁴.

Синодальная редакция устава Владимира представляется нам памятником, отражающим значительное изменение в положении церкви в Новгороде в XII—XIII вв., явившееся результатом вызревания республиканских органов, ослабления княжеской власти и перераспределения в связи с этим функций государственного

⁹⁸ П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. — СА, 1964, № 3, стр. 256—267.

⁹⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

¹⁰⁰ ГВНП, № 152, 186, 189, 216, 254 и др. (наместничьи), 25, 297 и др. (владычные).

¹⁰¹ ГВНП, № 122, 130, 221 и др.

¹⁰² ГВНП, стр. 130.

¹⁰³ ПРП, вып. 2, стр. 215, ст. 26.

¹⁰⁴ ГВНП, № 110, стр. 167.

управления внутри них. Памятник возник в ходе борьбы церкви за новую юрисдикцию, за участие в светском суде. Он показывает, очевидно, начальный этап борьбы, приведшей к тем большим успехам, которые существовали до XV в. и сохранились в документах. Последняя четверть XIII в. является поэтому наиболее вероятным временем создания Синодальной редакции.

Внимание в Новгороде именно в это время к древнему уставу Владимира и стремление отразить в нем новое положение церкви в Новгороде, а следовательно, освятить его авторитетом, может быть связано с канонизацией князя Владимира Святославича, которая была впервые признана в Новгороде в последней четверти XIII—в начале XIV в.: в 1311 г. архиепископ Давид посвятил этому князю первую новгородскую церковь¹⁰⁵. В житии Александра Невского, возникшем, как показывают последние исследования, в Северо-Восточной Руси в начале 1280-х годов, указание на победу князя Александра в Невской битве 1240 г. в день памяти «святого князя Володимира, крестившего Русскую землю», было внесено в конце XIII или уже в XIV в.¹⁰⁶

С установлением культа Владимира в XIII в. в Новгороде связывает одну из редакций «Слова о законе и благодати» Н. Н. Розов. Однако характер обработки обоих памятников показывает разные цели, которые преследовали их составители. Если наша обработка устава Владимира отражала политические устремления церкви на поприще суда, то переделка «Слова» «вышла из-под пера богослова-книжника, которого интересовал больше не историософический и патриотический элемент идейно-политического содержания этого произведения, а его религиозно-казуистическая часть»¹⁰⁷.

В новой обработке устава Владимира получило отражение усиление борьбы церкви с различными формами нецерковных религиозных культов. Статья о церковных судах пополнилась перечнями преступлений против церкви, причем, судя по тому, что это пополнение было сделано в двух местах, можно думать, что оно было не единовременным.

¹⁰⁵ НПЛ, стр. 93, 334.

¹⁰⁶ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 49, 57—61. Старая литература связывала канонизацию Владимира в Новгороде с самой победой Александра 15 мая 1240 г. и относила ее к середине XIII в. (см. И. Мальшевский. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля. — «Труды Киевской духовной академии», ч. 1, 1882, стр. 54—59; В. П. Васильев. История канонизации русских святых. — «Чтения ОИДР», 1893, кн. 3, стр. 76—81; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Сергиев Посад, 1894, стр. 39—41, 64. Прим. 1; Е. Е. Голубинский. История, т. 1, пол. 2. М., 1904, стр. 393; Г. М. Федотов. Канонизация св. Владимира. — «Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988—1938», Белград, 1938, стр. 188—196.

¹⁰⁷ Н. Н. Розов. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 47—48.

Устав отдает церковному суду «потвори, чародеяния, волхования», случаи, когда «кто молиться под овиномъ, или в рошени, или у воды, или девка дѣтя повержетъ».

Смена старой, языческой религии христианством в Новгородской земле несколько отличалась от тех условий, которые мы знаем по южным землям Руси, Киеву. Если значительные успехи в развитии общественного строя Южной Руси, прошедшей через ряд первоначальных государственных образований, вместе с длительным влиянием на духовную жизнь христианства и других религий классового общества достаточно подготовили условия для принятия новой религии, то на территории северных и западных древнерусских земель картина была несколько иной. История духовной жизни Новгорода, его искусства, этических и религиозных воззрений показывает, что довольно позднее распространение христианства и соответственно его окончательная победа, влияние язычества соседних неславянских народов сочетались в Новгороде с длительным сохранением древних и нецерковных культов, меньшим проникновением христианской аскетической идеологии в искусство и этику новгородцев XI—XIV вв. Можно предполагать, что в Новгороде к X—XII вв. язычество пережило какую-то большую деформацию из религии доклассовой в религию раннеклассового феодализирующегося общества, чем это могло быть в Киеве к концу X в., времени принятия христианства. Иначе трудно объяснить ту живучесть языческих институтов и то слияние языческого и христианского культов, какие мы наблюдаем в Новгороде по источникам XII—XIV вв.

Несмотря на то что с принятием христианства кн. Владимиром в 988—989 гг. и крушением перынского идола, христианство стало официальной религией и в Новгороде, успехи в его распространении там до XII в. были, очевидно, невелики. Автор поучения к попам своей епархии, новгородский архиепископ Илья указывал в 1166 г., что, как они сами знают, «наша земля недавно хрещена» и сам он и его современники слышали еще о «пръвых попах», а некоторые и видели их, с их грубыми, еще не христианскими обычаями, которые они распространяли среди своих прихожан¹⁰⁸. С. И. Смирнов¹⁰⁹, обративший внимание на это известие, справедливо считал, что здесь Илья имел в виду не самых первых священников, появившихся в Новгороде в конце X в., а «главную массу духовенства, образовавшегося вместе с заметными успехами христианства в вольном городе и его земле», то поколение новгородского духовенства, которое распространяло, очевидно, с трудом, христианство в начале XII в. При этом он основывался на данных Н. В. Волкова о числе церквей, построенных в Новгороде

¹⁰⁸ РИБ, т. I, стб. 360—361.

¹⁰⁹ С. И. Смирнов. Древнерусский духовник. М., [1915], стр. 128, примечания.

в X—XIII вв.¹¹⁰ Б. В. Сапунов уточняет данные Волкова: по письменным источникам, в X в. там было построено 2 церкви, в XI в. — 5, но в XII в. — уже 75 и в первой половине XIII в. — еще 18 церквей¹¹¹. «Время полного утверждения христианства в Новгороде, — пишет С. И. Смирнов, — XII век, может быть, начало его, когда настроено было много храмов, когда появилась и главная масса духовенства, „первые попы“»¹¹². Однако окончательное вытеснение языческих обычаев христианскими затянулось надолго и после XII в. Наставления против этих обычаев, в частности запреты обращаться к волхвам и прибегать к волхованию, еще в XI—начале XII в. бывшие обычными в южнорусских, киевских поучениях и епитимийниках (в «Заповеди святых отец» русской редакции, в «Написании митрополита Георгия и Федоса»), в XII—XIII вв. становятся характерными именно для новгородских памятников. Так, судя по «Вопрошанию Ильи к Нифонту» 1130—1150 гг.¹¹³ и названному поучению Ильи 1166 г.¹¹⁴, вопрос о том, что делать с теми, кто ходит или носит детей «к вълхвам», занимается чародейнием, продолжает оставаться большим.

Особенности средневекового мышления, своеобразное отражение в религиозном сознании различных явлений общественной жизни вели к тому, что «интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой»¹¹⁵. Ряд крестьянских и городских восстаний XI в. в Киеве, Новгороде, Суздальской земле, направленных против утверждавшегося феодального строя, освященного христианской церковью, возглавляли волхвы¹¹⁶. Очевидно, в разных формах религии в той или иной степени получили отражение стремления различных классов и общественных групп, что приводило к столкновению не только требований этих классов, но и использованных ими в данный момент религиозных форм общественного сознания.

Однако основное, что, очевидно, сохраняло в течение всего раннефеодального периода волхвов, — это не политические, а лечебные их функции. Если христианское духовенство могло предложить для помощи в этом деле только молитвы, пост и причастие (хотя пользовалось само и стремилось взять под свой контроль врачей-христиан), то служители языческой религии, волхвы, нередко использовали многовековой опыт народной медицины, правда, обильно окрашенный магическими и просто вредными средствами. Борьба церкви с применением «зелий», «потворов» сопровождалась

¹¹⁰ Н. В. Волков. Статистические данные о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897, ст. 14.

¹¹¹ Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XI. Л., 1955, стр. 316, табл. 1.

¹¹² С. И. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 128.

¹¹³ РИБ, т. VI, стб. 60, ст. 14, 18.

¹¹⁴ Там же, стб. 364, ст. 17.

¹¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360.

¹¹⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания в Древней Руси. М., 1956, стр. 114—115.

борьбой с самими носителями этих методов врачевания. И здесь новгородские свидетельства оказываются наиболее поздними.

В 1227 г. в Новгороде, на площади, на Ярославем дворе, публично были сожжены четыре волхва. Новгородский летописец, оставивший это редкое известие, так объясняет причину расправы с этими людьми: «сожгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы деюще, а бог вѣсть», как записано в Синодальном списке, или «творяхут их потворы дѣюще, а то бог вѣсть», как стоит в Комиссионном¹¹⁷. Эти слова можно понять как «сделали с ними так, потому что они занимались потворами, а правда ли это — одному богу известно». Если так понимать выражение «а бог вѣсть», то представляет интерес, что даже современник-летописец, этот христианский идеолог XIII в., сомневается в правдивости этого обвинения казненных.

Как можно судить по словам карающих «волхование» и «чародеяние» епископов, эти термины среди других значений обозначали также врачевание. Запрещая и наказывая епитимиями случаи аборта и детоубийства, авторы правил специально оговаривают, что наказание должно быть применено только в том случае, «аще жена пьетъ зелие, извержетъ отроча» (правило «А се грехи»¹¹⁸). Так же судит и епископ Нифонт: на вопрос «аже жены делаюче что-либо страду и вережаются и изметають» — он же рече... «Аже не зельем вережають, нету за то опитемья» («Вопрошание Ильи»¹¹⁹).

Упоминание в Синодальной редакции устава языческих ритуалов в такой форме: «кто молиться под овиномъ или в роценьи, или у воды», свидетельствует о сохранении их в Новгороде во второй половине XIII в. Однако можно думать, что здесь имеются в виду не древние языческие формы культа, а уже в некоторой степени христианизированные. Здесь преследуется не сам факт молений, а лишь неположенное его место. Между тем известно, что в позднейшее время в крестьянском быту христианские молитвы и нехристианские заговоры и песни переплетаются между собой, заговоры приобретают обращения «господи благослови», в них появляются упоминания богородицы, святых и пр. Возможно, составитель Синодальной редакции боролся уже с пережитками доцерковного культа, выражавшегося в соблюдении старых обычаев.

Печерская редакция устава XIV—XVII вв.

В середине XVII в. в Киево-Печерской лавре ее архимандритом Иосифом Тризной (1647—1655) был переработан и значительно дополнен различными южнорусскими памятниками древ-

¹¹⁷ НПА, стр. 65 и 270.

¹¹⁸ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. 47, ст. 61.

¹¹⁹ РИБ, т. VI, стб. 58, 5.

ний Киево-Печерский патерик. Среди других сочинений в него был вставлен и устав Владимира под заглавием «Заповедь св. и равного апостолам великого князя Володимера, именем Василия, крестившего Русскую землю, в лето 6504» в особой обработке. Патерик Иосифа Тризны известен в единственном списке, совпадающем по времени с деятельностью его составителя. Очень скоро он попал в Троицкий монастырь, в собрании которого и хранится до сих пор¹²⁰. Устав Владимира в этой рукописи не привлекался исследователями памятника. Д. И. Абрамович, изучавший списки патерика, ошибочно считал, что текст устава составлен «по Софийской I летописи, Никоновской и Летописцу Переяславля Суздальского»¹²¹.

«Заповедь... вел. князя Володимера» представляет собой особую редакцию устава. В ее основе лежит текст, бывший источником и другой южной обработки — Волынской редакции устава. К этому архетипу принадлежит общее строение устава и большая часть его текста: о принятии крещения князем (с указанием его генеалогии) от греческого царя и патриарха Фотия и первом митрополите, почтенном лампадой и саккосом (ст. 1), о подражании «великим царям» в своей деятельности, сооружении Десятинной церкви, выделении ей десятой монеты (здесь назван пенязь вместо векши в Волынской редакции), десятой недели в торге и пр. (ст. 3). Здесь остались и статьи, включенные в архетипный текст двух редакций из «Правил о церковных людях» о передаче церкви городов, погостов, сел, «виноградов», волостей, озер и рек (ст. 4) и о передаче княгиней драгоценностей с частью цитаты из толкования на 59 апостольское правило и рассказом о том, на что должны идти церковные средства (ст. 5). При этом Печерская редакция сохранила и номер правила, который был опущен в Волынской редакции. К архетипу восходит основное содержание переработанной статьи 7-й и статей 9—14-й, содержащих перечисление церковных судов, отказ от прав на них от имени детей, внуков и всего «рода» князя с указанием источника права, санкцию, перечень церковных людей и учреждений и дополнительное указание на принадлежность их митрополичьей и епископской юрисдикции¹²².

Две статьи: 6-я о передаче «пречистой матери божии», митрополиту и епископам десятины во всех городах, и 15-я о сместном суде между церковными и княжескими людьми, содержат текст, отсутствующий как в Волынской редакции, так и в других редакциях Синодально-Волынской группы. Содержание и лексика этих статей не позволяют относить их к XVII в., когда устав был включен в Патерик. Эти статьи, вместе или порознь, или могли

¹²⁰ Запись 1656 г. Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ, Тр. 714).

¹²¹ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике. СПб., 1902, стр. 100.

¹²² Нумерация статей дается по изданию памятника: Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 263—269.

находиться в тексте архетипа Волинской и Печерской редакций и затем быть опущенными в Волинской, или могли быть внесены в Печерскую редакцию при ее создании в XIII—XIV вв., до того, как централизованная церковная десятина изменила свои формы, а сместный суд в этом виде на украинских и белорусских землях прекратил свое существование. Мы склонны связывать возникновение обеих статей с обработкой архетипного текста XIII—XIV вв., которая привела к возникновению Печерской редакции. При этом в ст. 15-й остались следы и новых дополнений. Это слова «особному человеку», вставленные после слов «иному человеку» и указывающие на применение норм сместного суда к конфликтам не только между церковными и княжескими людьми, но и между церковными и частновладельческими, «особными». К той же ранней обработке нужно отнести и изменения в ст. 13. В перечне так называемых благотворительных церковных учреждений здесь вместо слова «гостиницы» появляется «поснищи». Слово «постница» употреблялось для обозначения как скита, пустыни, так и инокини¹²³. Если наш термин имеет первое значение, то здесь можно видеть характерное для XIV в. явление — заботу церковных организаций об обеспечении размножившихся мелких монастырей, которая отразилась и в другом памятнике, близком по содержанию к уставу, — «Правиле о церковных людях». В Ипатьевском изводе «Правила» этого времени фраза архетипа «Правила» «црквам и монастырям пустым подъятие» была изменена на «црквам, и монастырям, и пустыням подъятие»¹²⁴. Перечень церковных людей и учреждений в уставе дополнен словом «прикладницы», которое вставлено также в Оленинскую редакцию, имевшую распространение на территории Западной Руси и Новгородской земли. Этот термин, обозначавший один из видов феодально зависимого населения, известен только по уставу Владимира, но он стал и топонимом. В Турово-Пинском княжестве, на Верхней Припяти, было село Прикладники, упомянутое в грамоте 1490 г.¹²⁵

К обработке, вызвавшей возникновение Печерской редакции, могут быть отнесены и другие изменения в архетипном тексте. Здесь трижды вставлено упоминание бояр, очевидно, как важнейшей социальной группы, интересы которой затрагивал устав. «Все бояре» участвовали в совете князя, по решению которого церковные «суды» были переданы Десятинной церкви, митрополиту и епископам; эта норма была распространена на села и «дома» боярские (ст. 8), запрет нарушать церковные «суды» детям, внукам и всему «роду» князя был распространен также и на бояр (ст. 10). В ст. 3 о конкретных формах отчисления деся-

¹²³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стр. 1272.

¹²⁴ УКВ, стр. 46; Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях», стр. 78, 80.

¹²⁵ А. С. Грушевский. Очерк истории Турово-Пинского княжества в составе Литовско-Русского государства XIV—XVI вв. [Б. м., б. г.], стр. 62.

тины в архетипный текст «в своем княжении десятую векшу, а у торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето от всякого прибытка, и от лова княжа, и от стада, и от жита десятину» были внесены изменения, которые привели эти древние формы в соответствие с другим памятником, находящимся в комплексе уставных грамот Патерика Иосифа Тризны. Мы имеем в виду статью «О поставлении Туровской епископии», своеобразную «учредительную» грамоту епископии с датой 6513 (1005) г., данную от имени князя Владимира, с перечислением городов, входящих в Туровскую епархию, с именем первого епископа — Фомы, перечислением источников материального обеспечения и санкцией. Наше исследование этого документа в совокупности с другими уставными памятниками того же комплекса Патерика позволило отнести его к Турову и к XIV в., хотя ряд его положений, в том числе имя первого митрополита и год учреждения епископии, мог быть внесен в нее на основе более древней местной традиции¹²⁶. Близость соответствующих текстов устава Владимира и туровской статьи показывает их сравнение:

Печерская редакция
устава Владимира

И дах десятину по всей Русской земли, а во всем княжении десятый пѣняз, а у мыте, и у торгу, и на перевозѣх 10-ю неделю, а из дому моего всякого прибытка 10-е и от лова, и от стад моих, от жита моего 10-я копа св. Спасу и св. Богородицы.

Статья «О поставлении
Туровской епископии»

И придах села, винограды, земли бортные, волости со всеми придатки, озѣра, рѣки, тако и в мыте, и на торгу, и на перевозах десятую неделю, десятый пеняз и от жита десятая копа св. Спасу и св. Богородицы.

Печерскую редакцию характеризуют не только дополнения и изменения, которые могут принадлежать времени до XVII в., но и сокращения текста. Так, здесь опущена статья о подведомственности епископам городских весов и мер, которая сохранилась в Волынской и Синодальной редакциях. Изменения в функциях епископского управления на Руси в XIV—XV вв. и в соотношении светской и церковной власти в городах приводило к появлению новых норм, отразившихся как в традиционных, так и в новых документах¹²⁷. В Патерик Иосифа Тризны включена уставная туровская запись XIV в. о новом порядке сбора местным епископом доходов с взвешивания серебра и воска и контроля за городским локтем, по которому он получает только 1/26 торговых пошлин. Очевидно, пропуск статьи о мерилах в уставе связан с утратой к XIV в. епископом тех старых прав, о которых говорила эта статья.

¹²⁶ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 254—258.

¹²⁷ Я. Н. Шапов. Из истории городского управления в Древней Руси, стр. 102—104.

Печерская редакция устава не содержит прямых указаний не только на время возникновения, но и на место. Сохранение ее текста в Патерике Иосифа Тризны, рядом с двумя указанными туровскими памятниками, текстологическая связь этой обработки устава с «уставной грамотой» об основании Туровской епископии позволяет и эту редакцию связать с той же епископией. Указанные выше изменения текста архетипа не противоречат, как нам представляется, отнесению этой обработки к тому же времени, к которому мы относим два туровских документа, — к середине XIV в., когда после захвата Турово-Пинского княжества Литвой появилась необходимость фиксировать источники материального обеспечения епископии, основываясь на древней традиции, восходящей к имени князя Владимира.

Однако эта редакция получила дальнейшие изменения и позднее, очевидно, в связи с внесением ее текста в Патерик Иосифом Тризной. С этой работой можно связать те вставки и дополнения, которые не изменяют норм права, конкретных взаимоотношений князя и епископа или митрополита, а имеют историко-полемический характер. Таковы «автобиографические» рассуждения от имени князя Владимира, упоминание царей Василия и Константина в ст. 1 и ст. 2 со сведениями из церковной и евангельской истории, о крещении Константином Греческой земли, о Никейском соборе. Не ясно, к этой ли поздней обработке или к обработке XIV в. нужно отнести вставку имен сыновей Владимира (Ярослав, Борис, Глеб, Мстислав) в ст. 8, отсутствующих во всех других текстах устава, и пропуск первой статьи архетипа — благословения. То же перечисление имен сыновей Владимира, но с добавлением Изяслава и Всеволода дается в грамоте об основании Туровской епископии, которая также могла быть поновлена в XVII в. Что касается формулы благословения, то она, как правило, сохраняется в переработках уставов XIII—XVI вв., но в одном случае — при создании северо-восточной Варсонофьевской редакции устава Владимира XIV в. — все же была опущена. Скорее с изготовлением Троицкого списка, чем его протографа, рукописи Иосифа Тризны, можно связать искажения текста, показывающие, что не все в уставе было понятно переписчику XVII в. Таковы чтения «окосом» (ст. 1) вместо «саккосом» (в Волинск. «саком»), «отлучени святыми, иже прокляша. . . святые отцы» (ст. 11) вместо «с тыми» и многие другие.

Печерская редакция устава представляет собой важное звено в генеалогии текста памятника, позволяющее восстановить его историю на южных и юго-западных землях Руси в XIII—XIV вв. Вместе с тем этот памятник отражает ряд изменений в социальной жизни украинских и белорусских земель XIII—XIV вв.: усиление политической роли крупных феодальных собственников — боярства, сужение городских административных функций епископа, а также фиксирует нормы судебной процедуры.

Использование устава Владимира в политической борьбе
Галицкой Руси XIII—XIV вв.

и создание двух последовательных обработок устава —
Волынской редакции и ее источника

Изучение истории социально-экономических отношений, права, общественно-политической мысли Галицко-Волынской Руси периода феодальной раздробленности до включения ее в состав Польского государства упирается в чрезвычайно малое число памятников времени до середины XIV в. Привлечение западно-украинских текстов устава Владимира пополняет этот узкий круг источников истории Галицко-Волынской Руси интересным публицистическим памятником.

Волынская редакция устава была обнаружена А. Х. Востоковым¹²⁸ и введена в науку Макарием, который ее издал¹²⁹. Она сохранилась в составе так называемой Владимиро-Волынской кормчей, известной в настоящее время в трех списках. Эта кормчая является списком с не сохранившейся в цельном виде древнерусской редакции кормчей, созданной на церковном соборе во Владимире Суздальском в 1274 г., которая лежит в основе русских редакций кормчих XIII—XVII вв.: Новгородской, Синодальной, Варсонофьевской, в соединении с Мерилом праведным, и др.¹³⁰ Текст всех знакомых нам списков восходит к кормчей, переписанной в 1286 г. в г. Владимире Волынском при дворе кн. Владимира Васильковича, о чем свидетельствует запись писца, воспроизведенная в этих поздних списках¹³¹. При перенесении из Владимира Суздальского во Владимир Волынский текст кормчей претерпел небольшие, но характерные изменения: здесь оказались выброшенными две последние главы кормчей — севернорусские статьи: «Вопрошание Кирика» и Правило Владимирского собора 1274 г. и добавлено Правило об общежительных монастырях. Это правило замыкается упомянутой уже записью владимирово-волынского писца 1286 г.

Устав в одной и той же редакции вписан в кормчую два раза. Первый, полный текст (А) находится между Правилами II Никейского (VII вселенского) собора и Правилами Константинопольского I—II собора. Второй текст (Б) находится после приписки 1286 г. волынского писца кормчей и после выписки из соборного правила о проклятии за нарушение церковных повелений и церковных уставов за оскорбление епископа, попа или дьякона.

¹²⁸ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 310 (№ 235).

¹²⁹ Макарий. История, т. 1, стр. 174—175.

¹³⁰ См. подробнее: Я. Н. Шапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. — «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 294—299; он же. Варсонофьевская кормчая. — «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 93—96.

¹³¹ И. И. Срезневский. Древние памятники, стб. 147.

Появление устава в кормчей Суворов¹³² связывал именно с этой статьей. Текст *Б* переписан с дефектного протографа, он лишен начала — рассказа о возникновении христианства и церкви на Руси, начинается с середины фразы и содержит лишь установления о десятине, церковных судах и церковных людях. После текста *Б* находится приписка следующего писца, на этот раз, очевидно, переписывавшего уже всю книгу с обоими выписями в конце нее: «Слава совершителю богу, давшему по зачале конец до сей книги, глаголемой номоканон. Аминь»¹³³.

Основываясь на том, что первый текст устава находится между правилами соборов, внутри кормчей, Павлов считал его принадлежащим первоначальной кормчей. Он писал, что «уже такое положение обоих списков дает ясно видеть, что первый из них принадлежал к составу подлинной кормчей Владимира Васильковича, а последний есть прибавление позднейших переписчиков этой кормчей, вероятно снимавших уже копии с копий»¹³⁴.

Однако мнение о том, что устав Владимира был включен в кормчую до 1286 г., не находит подтверждения при изучении и места устава в кормчей и самого устава.

Текст *А* не является органической составной частью Владимир-Волинской кормчей, он не составляет особой главы в составе ее 70 глав. Это своего рода вставка в кормчую.

В то же время и лишенный начала текст *Б*, приписанный после записи 1286 г., нельзя рассматривать как взятый из текста *А*, находящегося внутри кормчей, как это делал Суворов, который писал, что «переписчик сам вставил этот устав между правилами соборов, чтобы придать ему печать давности, а в конце кормчей снова повторил его с опущением предисловия и с незначительными уклонениями в тексте, чтобы скрепить всю книгу этим же самым уставом»¹³⁵.

На самом деле оба текста принадлежат к различным видам, имеют значительные разночтения, причем второй текст, в приложении, имеет ряд более древних и правильных чтений, чем первый. Так, в тексте *А* — поздние чтения «смирное», «птицы», а в *Б* — первоначальные, известные по старшим редакциям, — «смилное», «поткы»¹³⁶. В то же время текст *Б* содержит и новые дополнения, отсутствующие в тексте *А*: «во соборную церковь по всей земли десятину»¹³⁷. Таким образом, текст *Б* мог быть списан в виде дополнения к кормчей и после 1286 г., причем не с текста, включенного в кормчую, а с другого, поврежденного

¹³² Н. С. Суворов. Следы..., стр. 184.

¹³³ ГБЛ, Рум. 235, л. 273.

¹³⁴ А. С. Павлов. Догадка о происхождении древнерусского предания, которое называет первого русского митрополита Михаилом Сирином. Киев, 1896, стр. 6.

¹³⁵ Н. С. Суворов. Следы..., стр. 184.

¹³⁶ УКВ, стр. 33.

¹³⁷ Там же, стр. 32.

списка, которым располагал этот писец. О том, что он имел дело с поврежденным списком, а не намеренно отбросил начало устава, говорит случайно сохранившееся в начале текста *Б* слово «все-ленских», не связанное по смыслу с продолжением устава («Все-ленских от многих святитель велико послушание приах»), но являющееся окончанием предыдущего утраченного текста: «По-том же сказа ми вся митрополить, еже о христианской вере, и како святии отцы утврдиша веру на всех съборех вселенских».

У нас нет прямых палеографических данных, которые позволили бы считать текст *А* включенным в кормчую позже текста *Б*, однако только отсутствием полного списка в кормчей и можно объяснить появление в приложении к ней не связанного с ним дефектного текста. Таким образом, оба списка появились в кормчей 1286 г. после ее создания, не ранее конца XIII в., независимо один от другого и в разное время.

Характеристика Волынской редакции устава, время ее создания, датировка ее включения в кормчую были одной из тем знаменитой полемики конца XIX в. между двумя русскими канонистами — Суворовым и Павловым. Суворов считал текст устава Волынской кормчей памятником второй половины XIV в., он связывал его возникновение с подчинением Западной Руси Польскому и Литовскому государству и необходимостью вследствие этого «исходатайствовать у иноверных князей гарантированного церковного суда православной церкви»¹³⁸. Павлов видел в этом памятнике произведение XIII в. Он писал, что «трудно указать другую эпоху, которая бы так благоприятствовала возникновению в русской духовной иерархии стремлений, выраженных в Волынской редакции Владимирова устава, как именно XIII столетие»¹³⁹.

Неизученность истории текста Волынской редакции не позволяла выделить в ней слои, принадлежащие XIII и XIV вв. Суворову, настаивавшему на том, что подчинение православной церкви литовской и польской власти должно было вызвать появление каких-то фальсифицированных документов, защищавших ее бывшие владения и преимущества, не была, очевидно, известна многочисленная серия позднейших так называемых грамот Льва Даниловича и некоторые грамоты Любарта Гедиминовича, которые действительно были вызваны к жизни указанными Суворовым условиями.

История кормчей Волынской редакции и интересующей нас редакции устава Владимира совпадает после того, как тексты устава были вписаны в архетип этой кормчей, что произошло в XIV в. (после 1286 г.) или в первой половине XV в. Кормчая Волынской редакции была распространена на значительной тер-

¹³⁸ Н. С. Суворов. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. М., 1893, стр. 212—213.

¹³⁹ А. С. Павлов. Мнимые следы..., стр. 133.

ритории Речи Посполитой — ее списки связаны с Полоцком (Погодинский XVI в.), с митрополией Киевской и Галицкой (Румянцевский начала XVII в.). Во второй половине XV в. она была переписана в Молдавии, очевидно в епархии сучавского митрополита (Арадский список).

Для восстановления ранней истории Волынской редакции устава и истории ее возникновения археографическая традиция может дать указание на связь памятника с Западной Русью, вошедшей в XIV в. в состав Польского и Литовского государств.

Сравнение Волынской редакции с текстом, лежащим в основе как этой, так и Печерской редакции, показывает ряд сокращений и вставок по сравнению с архетипом. Так, здесь оказалась опущенной вся генеалогия Владимира: «сын Святославль, внук Игорев и блаженныя Олги», которая сохранилась в Печерской, Синодальной и Оленинской редакциях. Но после слов: «Се аз, кн. Вѣлодимерь, нареченый в святом крещении Василии» вставлено обоснование выбора Владимиром православия: «...пославъ въ вся страны испытати о всякой вере в коем же языке з великим прилежанием; и рассмотрех съ всеми бояры своими о всяком законе по всем землям и обрет едину правую веру христианскую, яко светило пресветлое... просвещающу всякого человека, верующего в святую Троицу...»¹⁴⁰

Составитель Волынской редакции считал своей обязанностью доказать сознательный и продуманный выбор кн. Владимиром православной веры. Он рассказал о посылке Владимиром во все страны послов, которые с великим прилежанием должны были разобраться во всех верах. Он говорит, что была найдена лишь одна «правая вера христианская» из всех христианских вер. Он отмечает особо веру в «св. троицу по евангельским проповеданием и по апостольским учением», очевидно, как пробный камень для отличения «правой» от «неправой» веры. Кроме этих данных, показывающих в составителе редакции идеолога восточно-христианской ориентации и полемиста против латинской пропаганды, чрезвычайно интересно упоминание процедуры рассмотрения вер Владимиром, которую представлял себе этот составитель.

В течение XIII в. с ростом боярского землевладения увеличилась не только экономическая сила галицко-волынского боярства, но и его политический авторитет. Если сильный князь Даниил Романович мог проводить политику в интересах более широкой группы феодалов, то в конце XIII—в XIV в. князья принимают важные решения по совету со своими боярами, и эта процедура получает отражение в современных им официальных памятниках. Так, по сообщению Ипатьевской летописи, князь Лев Данилович в своих военных операциях «дума много с бояры своими»¹⁴¹, а князь Мстислав Данилович совершал важные го-

¹⁴⁰ УКВ, стр. 31.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. II, стб. 936 (1291 г.).

сударственные действия, например, наследование за своим братом Владимиром его Волынского княжества, «со всеми бояры и со слугами»¹⁴².

Описание процедуры принятия православной веры, приписанной составителем Волынской редакции устава кн. Владимиру: «рассмотрѣх съ всѣми бояры своими»¹⁴³, перекликается с этими формулами княжеского летописца конца XIII в. и формулой Печерской редакции и показывает, что этот составитель работал примерно в то же время.

В Волынской редакции отразилось усиление политических стремлений местных светских и церковных властей к церковной самостоятельности, автокефалии, которые можно также заметить в предшествующей обработке. Составитель Волынской редакции к тексту своего источника о том, что Владимир взял митрополита Михаила «от патриарха и от всего събора, почтенаго лампадою и саком», добавил слова: «яко втораго патриарха». Ниже, в ст. 4, приводится, очевидно, современный этому редактору титул митрополита: «дал еси церкви святѣй богородици, митрополиту всея Руси и всим епископом по всей Русской земли ты суды». Вместе с тем и власть князя автором этой редакции сравнивается с царской властью: «...дах ей... десятое въ всем царств и княжении», что согласно с установками предшественника этого автора, сравнивавшего своего князя с византийским царем.

Указанный характер Волынской редакции, сохранение ее только в приложении к кормчей, известной в конце XIII в. во Владимире Волынском, связь ее с Туровской редакцией XIV в. позволяет считать ее западноукраинским памятником XIV в.

Галицко-Волынская Русь после смерти великого князя Данила Романовича утратила свое политическое единство. Каждый из трех его сыновей — Шварн, Лев и Мстислав и брат его Василько оставались самостоятельными князьями в своих княжествах. Однако сложное политическое положение западноукраинских земель во второй половине XIII в. — тяжесть татарского ига, борьба с литовской и польской агрессией — способствовало новым попыткам объединить эти земли. Уже вскоре после смерти Данила Лев Данилович завладел уделом князя Шварна (около 1269 г.), после смерти Владимира Васильковича (1288 г.) Волынское княжество перешло к его брату, Мстиславу Луцкому, а к началу XIV в. Лев Данилович вновь объединил все Галицко-Волынские земли.

Новое объединение Галицко-Волынских земель не было долговечным. Однако на какое-то время великое княжество вновь выступило на международной арене как активная политическая сила, князь Лев Данилович вмешивался в политику своих соседей, участвовал в борьбе за краковский стол, поддерживал

¹⁴² Там же, стб. 901 (1287 г.). Ср. В. Т. Пашуго. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.—Л., 1950, стр. 146.

¹⁴³ УКВ, стр. 31.

активно отношения и с севернорусскими княжествами, например с Тверью.

С этим политическим объединением и восстановлением Галицко-Волынского княжества связан и такой важный политический акт, как учреждение в начале 1300-х годов в столице княжества Галиче православной митрополичьей кафедры, просуществовавшей, однако, недолго, но неоднократно возобновлявшейся в течение XIV в. Первоначально эта кафедра была учреждена в княжение Юрия Львовича и, очевидно, по его настоянию, императором Андроником II Старшим и патриархом Афанасием I, о чем сохранились краткие сведения в «Списке митрополичьих кафедр» Константинопольской патриархии („Τάξις τῶν τρόνων“) Андроника II. Возведение Галицкой епископии на степень митрополии произошло в 1303/04 или 1305/06 годы. На первую дату указывает 6811 г. во всех известных рукописях «Списка», на вторую — противоречащее этой дате уточнение «3 индиктиона» „ἐν ἔτει σμαί' τῆς γ' ἐπιμεμήσεως“, которое соответствует не 6811, а 6813 г.¹⁴⁴ В других рукописях «Списка» названы и епископии, подчиненные этой кафедре: Владимирская, Перемышльская, Луцкая, Туровская и Холмская¹⁴⁵. Эта «первая» Галицкая митрополия просуществовала недолго, до 1308 г. После смерти ее главы, Нифонта (во время смерти митрополита Киевского Максима в 1305 г. его уже не было в живых), новый митрополит, выбранный кн. Юрием Львовичем, игумен Ратского монастыря около г. Белза, Петр, был поставлен в 1308 г. в Константинополе в митрополиты не Галича, а всей Руси, т. е. в киевские митрополиты. В этом 1308 г., таким образом, Галицкая митрополия была фактически закрыта, ее епископии воссоединены с остальными епископиями Руси, а местная кафедра возвращена на уровень епископии. Это совпало со смертью кн. Юрия. Дальнейшая история княжества характеризуется усилением боярской олигархии, активизацией литовской и польской экспансии. После смерти наследников Юрия, Андрея и Льва Юрьевичей, в 1320—1330-х годах, во главе княжества

¹⁴⁴ А. В. Соловьев склонен относить учреждение митрополии к 1305 г. — См. А. Соловьев. Великая, Малая и Белая Русь. — «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 28; Ср. V. Grumel. La chronologie. Paris, 1958, p. 260.

¹⁴⁵ H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitia episcopatum. «Abhandlungen der K. Bayerische Akademie der Wissenschaften», I. Kl., Bd. 21. München, 1900, S. 599; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Rechts von 565—1453. IV. Teil. Regesten von 1282—1341. München und Berlin, 1960, S. 43 (под 1304/05); Н. Д. Тухомиров. Галицкая митрополия. СПб., 1895, стр. 41, 51; А. С. Павлов. О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. — «Русское обозрение», 1894, т. 27, май, стр. 215—228; J. Fijałek. Średniowieczne biskupstwa kościoła wschodniego na Rusi i Litwie. — «Kwartalnik historyczny», t. 10, 1896, str. 491—496. О Галицкой митрополии см. также: I. Рудович. Історія Галицко-Львівської єпархії. Жовква, 1902 и M. Stasiw. Metropolia Haliciensis. Ejus historia et iuridica fundamenta. Ed. 2. Roma, 1960, которые остались мне недоступны.

стоял приглашенный боярством их племянник, сын мазовецкого князя Юрий-Болеслав. Когда была предпринята попытка восстановить Галицкую митрополию, неизвестно. Известно только, что третий и четвертый (после Нифонта и Петра) галицкие митрополиты носили имена Гавриил и Федор¹⁴⁶. В мае 1328 г. в Галиче митрополита не было и митрополит Феогност поставил тогда во Владимире Волынском епископов для этой столицы княжества (первого из кандидатов, Афанасия) и для Галича (следующего, первого из не избранных на владимирскую кафедру, Федора)¹⁴⁷. В 1331 г., когда Феогност вновь был во Владимире Волынском и поставил здесь с участием этих епископов новгородского владыку Василия Калику, в Константинополе находился какой-то претендент на Галицкую кафедру с титулом *ὑπερτίμος* („*τοῦ Γαλιτίας καὶ ὑπερτίμου*“) ¹⁴⁸. Этот титул был в XIV в. практически равнозначным митрополиту¹⁴⁹. Возможно, что претендент появился после смерти предшественника Феогноста, Петра, и до утверждения этого нового киевского митрополита, т. е. в 1326—1328 гг., когда могла вновь возникнуть идея восстановления Галицкой митрополией кафедры. Некоторые исследователи относят ее восстановление к еще более раннему времени в связи с учреждением в 1317 г., еще при митрополите Петре¹⁵⁰, соперничавшей Литовской митрополии в Новгородке, хотя данных для этого слишком мало. Нет данных и о том, что митрополия действительно функционировала.

Новая, третья попытка была сделана при патриархе Иоанне XIV Калеке (1334—1347), очевидно, после 1340 г., когда владимирским князем стал боярский ставленник князь Любарт Гедиминович, принявший православие под именем Дмитрия, а в Галиче сидел боярин Дмитрий Дедько¹⁵¹. Патриархом Иоанном Калекой и его синодом¹⁵² при поддержке «правителей государства» („*τοὺς τῆν βασιλείαν*„)¹⁵³, т. е. императора Андроника III Палеолога (1328—1341) или, скорее, его наследницы — регентши Анны Савойской (1341—1347, при сыне Иоанне V), глава Галицкой ка-

¹⁴⁶ «Acta patriarchatus Constantinopolitani» (далее — AP), t. VI, p. 577, Nr. 318; РИБ, т. VI, Прил., стб. 126.

¹⁴⁷ РИБ, т. VI, Прил., стб. 431—434.

¹⁴⁸ AP, t. I, p. 164, Nr. 73.

¹⁴⁹ V. Grümel. Titulature de métropolités byzantines. II. Les métropolités hyperitimes. — «Mémoires Louis Petit». Bucarest, 1948, p. 170—171; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 68.

¹⁵⁰ М. Чубатий. Історія християнства на Русі—Україні, т. I. Рим—Нью-Йорк, 1965, стр. 679—680.

¹⁵¹ С Любартом связывают восстановление митрополии и Я. Фиялек (J. Fijałek. Średniowieczne biskupstwa..., str. 510—511), и К. Ходыницкий (K. Chodynicki. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934, str. 6). Дату восстановления митрополии около 1345 г. предложил Ю. Пелеш (J. Pelész. Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom. Bd. I. Würzburg—Wien, 1881, S. 385, Anm.).

¹⁵² AP, t. I, p. 267—271; РИБ, т. VI, прил., стб. 37—38.

¹⁵³ AP, t. I, p. 265—266; РИБ, т. VI, прил., стб. 31—32.

федры официально «был возведен из епископов в митрополиты с подчинением ему и других епископий, находящихся в Малой Руси»¹⁵⁴. Это решение было, вероятно, лишь официальным подтверждением давних претензий главы Галицкой кафедры на эту роль, ибо тогда же было произнесено соборное церковное запрещение «против епископов и других лиц, не повинующихся галицкому митрополиту»¹⁵⁵. Поражение антипаламитской оппозиции во главе с патриархом Иоанном Калекой и Анной Савойской, поставление патриархом Исидора и приход к власти в Константинополе Иоанна VI Кантакузина в 1347 г. способствовали дипломатической победе в борьбе против Галицкой митрополии московского великого князя Семена Гордого и митрополита Феогноста. В том же 1347 г. Галицкая митрополия была вновь закрыта, а ее утверждение несколько лет назад было названо результатом «замешательства в делах» и «безрассудства прежнего патриарха»¹⁵⁶.

Вновь митрополия в Галиче была восстановлена по настоянию польского короля Казимира, который к захваченной прежде Галицкой земле присоединил в 1366 г. Владимир и стремился обосновать свои права на западноукраинские земли принадлежностью их единой православной митрополичьей епархии с центром в Галиче. Соборное решение патриарха Филофея состоялось в мае 1371 г., когда Казимир уже умер, а Владимир вновь был захвачен литовскими князьями. На Галицкую митрополичью кафедру был поставлен епископ Антоний, который должен был одновременно исполнять обязанности епископов Холмского, Туровского, Перемышльского и Владимирского — все эти некогда существовавшие кафедры были тогда вакантными¹⁵⁷. Митрополия просуществовала до конца XIV в., а после смерти в 1391 или 1392 г. Антония литовские ее епархии (Владимир, Холм, Туров) находились в ведении митрополита Киевского и всея Руси Киприана¹⁵⁸.

Появление в первой половине XIV в. на западноукраинских землях православной митрополичьей кафедры явилось важным политическим успехом Галицко-Волынского княжества. Оно было вызвано внутренними причинами — указанным объединением и усилением этого княжества. Вместе с тем этому акту значительно способствовало и международное положение начала XIV в., и роль княжества в международной политике, а также соотношение политических сил основных церковно-политических центров Европы XIV в.: Рима, Константинополя и «митрополита России», как он именовался в греческих документах. Учреждение и

¹⁵⁴ AP, t. I, p. 265—266; РИБ, т. VI, прил., стб. 31—32.

¹⁵⁵ AP, t. I, p. 267—271; РИБ, т. VI, прил., стб. 37—38.

¹⁵⁶ AP, t. I, p. 261—271; РИБ, т. VI, прил., стб. 14—40. Об акциях, принятых Семеном и Феогностом для достижения этой цели, сообщает Никифор Григора (Е. Е. Голубинский. История, т. 2, пол. 1. М., 1900, стр. 162).

¹⁵⁷ AP, t. I, p. 577—578; РИБ, т. VI, прил., стб. 125—134.

¹⁵⁸ Е. Е. Голубинский. История, т. 2, пол. 1, стр. 342—345.

существование митрополии в Галиче шло вразрез с интересами последнего. Глава церкви на Руси носил традиционный титул «митрополита Киевского», но жил с конца XIII в. во Владимире Суздальском и был фактически главой церкви северо-восточных русских княжеств. Отделение части митрополии лишало митрополита значительной доли доходов и авторитета, а также закрепляло политическое дробление территории Руси, прежде объединенной в одной митрополичьей епархии.

Учреждение в начале XIV в. Галицкой митрополии способствовало вместе с политическим усилением объединенного Галицко-Волынского княжества консолидации в нем церковной власти, развитию национальной культуры в привычных, традиционных формах, однако оно шло вразрез со стремлениями Рима к включению западноукраинских княжеств, политически независимых и утративших тесную связь с киевским митрополитом еще со времен монгольского разорения, в сферу своего влияния. О попытке подчинения князя Юрия римской церкви рассказывает Ян Длугош под 1309 г. Папа Климент V обратился с увещеваниями к «русскому королю» (это был Юрий Львович), чтобы он «не отказывался приступить к повиновению Римской церкви и к союзу с ней». Но «он, отослав апостолических послов ни с чем, остался непоколебимым в застарелой схизме и заблуждения греков считал предпочтительнее католической чистоты»¹⁵⁹.

Самостоятельная православная митрополия, несомненно, была сильным политическим оружием в руках князя в его борьбе за усиление княжества и его политическую независимость. Интересы Галича здесь нередко совпадали с интересами Константинополя, стремившегося сохранить юго-западные земли Руси в пределах патриархии.

Возникновение Волынской редакции устава Владимира может быть предположительно связано с учреждением и деятельностью Галицкой митрополии. Основываясь на тех данных, которые получены при исследовании текста памятника, можно утверждать, что мы имеем дело с местной обработкой устава, в отличие от предшествующей обработки, преследовавшей лишь одну идеологическую и политическую цель борьбы за церковную самостоятельность.

Одно из направлений этой борьбы — против пропаганды и угрозы римской ориентации — ясно видно по тексту устава. Продуманный князем вместе с боярами выбор греческой православной веры с ее пониманием сущности троицы должен был показать беспочвенность попыток изменить греческую веру и ориентацию на римскую.

Текст редакции показывает и другое направление борьбы — против второго церковного центра мира — Константинополя.

¹⁵⁹ J. Długosz. Opera omnia cura A. Przezdziecki edita, t. XII. Historiae Polonicae, t. III. Cracoviae, 1876, p. 43.

Стремление поднять русского митрополита на уровень «второго патриарха», «почтенного лампадою и саккосом», говорит об этом. Борьба за Галицкую митрополию современна таким актам церковно-политической жизни славянских стран, как возникновение новых патриархий в Болгарии в 1235 г. и в Сербии в 1346 г., что имело в XIV—XVI вв. большое звучание в других славянских странах¹⁶⁰. Следовательно, появление в этой предполагаемой галицкой обработке устава сравнения киевского митрополита с патриархом также может быть объяснимо.

Волинская редакция устава скорее может быть связана с начальными периодами существования Галицкой митрополии в XIV в., чем с более поздними. Обнаруживая явные признаки антиримской и антивизантийской полемики в уставе, мы не видим здесь, однако, каких-либо выпадов, какой-либо антипатии относительно системы высшей церковной организации на Руси, что можно было бы ждать в том случае, если бы содержание устава имело политическую направленность не только во вне Руси, но и внутри нее. Составитель редакции стремится укрепить у себя православную церковь, защитить ее доходы, поднять авторитет митрополита не за счет какого-то соперничества или вытеснения другого митрополита. Мы наблюдаем здесь заботу редактора о нуждах своей юго-западной церкви на фоне интересов всей Руси, «Киевской» митрополии.

Дальнейшая история взаимоотношений украинской и русской церквей в XV—XVI вв., отражавших различные политические устремления польских королей, литовских и московских великих князей, идет вразрез с этой тенденцией Волинской редакции. Приурочивая последнюю галицко-волинскую обработку устава Владимира к описанным событиям XIV в., мы руководствуемся также дальнейшей историей церковной организации на западно-украинских землях в XV в., когда не было условий для провозглашения всех тех политических лозунгов, какими богат изучаемый текст, но значительное ослабление православной церкви вызвало появление документов, имевших целью в условиях господства католической церкви сохранить остатки организации православной церкви, ее экономическую базу.

Сравнительное изучение Волинской и Печерской редакций позволяет проследить, как росли и формировались те конституционные основы западноукраинской церкви, которые были зафиксированы в XIV в. в Галиче.

Турово-Пинская земля в XIII—первой половине XIV в. была тесно связана с Галицко-Волинской землей своими политическими интересами. В XIII в. турово-пинские князья подчинялись Даниилу Романовичу Галицкому и его брату Васильку, а при

¹⁶⁰ См. Я. Н. Шапов. Южнославянский политический опыт на службе у русских идеологов XV в. — «Byzantinobulgarica», т. II. София, 1966, стр. 206—214.

создании в Галиче в начале 1300-х годов митрополии Туровская епископия вошла в это новое церковное объединение.

Сравнение текстов Воынской, Синодальной и Оленинской редакций показывает, что создание юго-западных редакций прошло два этапа — обработку текста архетипа Синодально-Воынской группы в архетип юго-западной группы и переработку этого архетипа в две новые редакции. На такой именно путь возникновения Печерской редакции, а не сокращение и переработку Воынской указывают многие случаи, когда Печерская редакция столь же близка к архетипу, как и Воынская, но не имеет добавлений последней.

Основные изменения архетипа Синодально-Воынской группы были сделаны в первых историко-полемических статьях устава (ст. 2 и 3).

В ст. 2 указано имя князя, дается его генеалогия, сообщается о крещении Руси, о греческих царях и патриархе и о первом митрополите. Текст этой статьи был значительно переработан составителями Воынской и Печерской редакций, которые использовали статью для своих пространных вставок о выборе веры, исцелении Владимира и соревновании первого митрополита с патриархом (Воынск. ред.), о превращении Владимира после крещения из гонителя греческой земли в проповедника веры (Печерск. ред.). До них над статьей потрудился уже составитель архетипа этих двух редакций, который оставил след своей работы в указании на то, что первый митрополит был взят не только от патриарха, но и от всего собора и был почтен лампадою и саккосом.

Ст. 3 также показывает два этапа обработки устава. Одна часть текста, отсутствующая во всех других редакциях и свойственная двум юго-западным, возводится нами к архетипу редакций. Сюда относятся ссылки на утверждение веры на всех вселенских соборах, горделивое заявление о том, что, приняв веру от этих соборов, князь Владимир тем самым с помощью святого духа («божьего» в Печерск. ред.) и богородицы «поревновав тем великим царям» Константину и Василию, от которых он принял крещение, т. е. стал с ними наравне. Далее ряд нововведений касается опять первого митрополита Михаила: от него принял Владимир благословение перед постройкой Десятинной церкви, от него узнал о пресловутых семи греческих соборах и о номоканоне, а также о том, что упомянутые выше цари «не въсхотеша сами судити тех судов, ни велможам, ни бояром, ни судиам их, но предаша церкви и святителем» (Воынск. ред.).

Относятся к указанному этапу создания двух редакций, очевидно, общие для них чтения в перечне источников обеспечения церкви: десятина была дана князем «во всем княжении», т. е. там, где распространялась власть князя, для которого была изготовлена новая обработка устава; десятина отчислялась не только от торгова, из домов, от стада и жита, что стояло уже

в архетипе устава, но и из «всего прибытка и от лова» княжеского.

Определяя источники Волынской¹ редакции, Юшков считал ее «несложной компиляцией» из уставов Оленинской и Варсонофьевской редакций, «Правила о церковных людях» и несохранившегося текста жития кн. Владимира¹⁶¹. Наше исследование истории этих «основных» редакций показало, что компиляции из Оленинской и Варсонофьевской редакций не существовало. Волынская же редакция была создана не в результате скрещения двух редакций, она восходит через архетип Волынской и Печерской редакций к архетипу Синодально-Волынской группы, обработке, которую мы ниже датируем рубежом XII—XIII вв. или первой половины XIII в.

Наряду с основным своим источником — текстом устава Владимира, составитель юго-западной обработки устава привлек и другие. Так, уже на этом этапе он использовал памятник, близкий по своему содержанию к уставу, — «Правило о церковных людях».

Наибольший по размерам отрывок из «Правила» вставлен после слов о том, что «князь Владимир» и княгиня его дали «чюдному Спасу и Святой Богородице» (слова архетипа Синодально-Волынской группы, источника юго-западной обработки) «города, погосты, села, винограды» и т. д., затем цитата из толкования 59-го апостольского правила и перечень благотворительных дел, на которые церкви нужны деньги («возраста ради сирот, и старости, и немощи, в недуг впадших» и т. д.)¹⁶².

Волынская редакция, воспроизведя по этому памятнику цитату из толкования правила «церковное богатство — нищих богатство», не дала ссылки на него. Между тем и в «Правиле о церковных людях», источнике этой вставки в устав, и в Печерской редакции устава такая ссылка есть: «Писано бо есть в святых апостолъ правилъ 59-мъ: «церковное богатство нищих богатство» («Правило о церковных людях»¹⁶³); «понеже святых апостолъ правило 59 пишет: церковное богатство [пропуск] возраста ради [пропуск]...» (Печерск. ред.¹⁶⁴). Таким образом, в архетипе Волынской и Печерской редакций цитата из «Правила о церковных людях» была полнее, но при создании Волынской редакции была сокращена.

Другой отрывок. В статье о десятине «Правила» выделенные слова: «...от княжа от всякого суда 10-я векша, ис торгу 10-я неделя и от всего схода и прибытка и от лова княжа и от всякого стада...» отсутствуют во всех редакциях устава Влади-

¹⁶¹ С. В. Юшков. Исследования, стр. 76.

¹⁶² Ср. группа З, стр. 42—47 (Правило), и группа Е, стр. 32 (Волынк. ред. устава) по УКВ.

¹⁶³ УКВ, стр. 44, стб. 2.

¹⁶⁴ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 268.

мира, кроме Волынской, а в Печерской находятся в переработке, отражающей новую систему обеспечения епископии. В Волынской редакции это место имеет следующий вид: «...а у торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето от всякого прибитка и от лова княжа и от стада...». Это также показывает зависимость архетипа юго-западных редакций от «Правила».

Наконец, еще одним свидетельством того же является включение в перечень «церковных судов» Волынской и Печерской редакций ограбления покойника: «мертвеци сволочать, гробный тать, крест посекуть...», которое отсутствует во всех других редакциях устава, но в несколько иной форме находится в «Правиле о церковных людях»: «мертвеци сволочать, гробы крадут, крест посекуть...».

«Правило о церковных людях» было использовано при создании юго-западной обработки устава в раннем виде, близком к старшей редакции «Мерила» последней четверти XIII в. и к старшему Ядмирскому изводу Пространной редакции первой четверти XIV в.¹⁶⁵

Несохранившаяся юго-западная обработка устава имела две основных политических направленности, руководившие его составителем: 1) защита и обоснование законности больших материальных средств, принадлежащих церкви, в том числе и земельной собственности, и 2) стремление к государственной и церковной автономии, к какому-то уравниванию с древним и славным центром — Константинополем.

Изучаемая обработка и связанные с ней две редакции в отличие от всех других редакций устава (Синодальной, Оленинской, Варсонофьевской) включала упоминание церковного землевладения. Благодаря заимствованию из «Правила о церковных людях», как было показано выше, в уставе оказался подробно разработанным вопрос о материальном обеспечении епископии. В составе десятины здесь наряду с традиционными источниками: «в княжении» — десятой векши, «у торга» — десятой недели, появляются поступления «от всякого прибитка и от лова княжа», а кроме того, перечисляются принадлежащие «чюдному Спасу и святой богородици» владения: «города и погосты, села и винограды, земли и борти, озера, реки, волости и дани съ всеми прибитки».

Можно думать, что привлечение составителем юго-западной обработки устава «Правила о церковных людях» диктовалось необходимостью привести древнюю и не связанную с церковным землевладением основу устава в соответствие с жизнью, где епископское землевладение было хорошо известно, подвергалось нападкам и требовало поэтому своей защиты и обоснования показом многих добрых дел, которые стоят церкви больших денег. Рус-

¹⁶⁵ Раннее чтение «пленным искупление», как в этих старших текстах, без поздней конъектуры «свобождение и», см. Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях», стр. 78—79.

ское «Правило о церковных людях», возникшее в таких же условиях и преследовавшее те же цели, было подходящим источником для заимствования соответствующих положений.

Эти изменения в соотношении источников материального обеспечения церкви, в частности церковного землевладения и судебного иммунитета церкви, с одной стороны, и судебной десятины — с другой, могут быть сравнены с теми изменениями, которые показывают другие княжеские уставы, в частности Святослава Ольговича (1137). Согласно этой грамоте, вместо судебной десятины («за десятину от вир и продаж») епископу была назначена твердая сумма, которая поступала князю с одной из территорий. Очевидно, отмена судебной десятины в Новгороде в 1137 г. отвечала интересам церкви, в пользу которой и был издан этот устав.

Современная новгородской Смоленская грамота 1136—1150 гг. в отличие от первой говорит уже о земельных владениях вновь созданной Смоленской епископии, подробно разрабатывает вопрос об объеме церковного суда, занявшего к этому времени, очевидно, большое место в бюджете церковной организации. Что же касается судебной десятины, то Смоленская грамота содержит прямое указание, что в объем десятины входят все дани смоленские «кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья». Следовательно, Смоленская грамота вносила изменение в какой-то свой источник, какую-то первоначальную конституцию древнерусской церкви, согласно которой церковь получала десятину от всех поступлений на княжеский двор, в том числе и от суда¹⁶⁶.

В изучаемой обработке устава Владимира мы видим подтверждение такого же направления развития и отмирания судебной десятины. Кроме того, мы видим в источнике юго-западной обработки, раннем тексте устава Владимира, ту зафиксированную конституцию древнерусской церкви, включающую и поступления «от всего князя суда», которая совпадает с источником Смоленского устава. Последнее наблюдение подробнее рассматривается ниже, при изучении архетипа устава Владимира.

Преследуя свои внутривластные цели, составитель юго-западной обработки устава обращается и к опыту вонне, обнаруживая уже не соперничество светской и церковной властей при дележе феодальной ренты, а их союз. Он стремится возвеличить как светского, так и церковного главу своего княжества — и князя, и епископа — уравнивать их с главами церкви и государства древнего и славного Константинополя. Об этом свидетельствуют утверждения, что Владимир взял первого митрополита, «почтенного лампадою и саком, от патриарха» и от «всего собора», что Владимир, следуя в своей церковной политике византийским императорам, этим самым «поревновав (т. е. сравнил) тем великим царям помощию св. духа и св. богородицы». Ясно, что, рассказывая, как «велиции цари» отказались судить церковные суды,

¹⁶⁶ Я. Н. Шапов. Смоленский устав..., стр. 41—42.

а Владимир последовал их примеру, составитель подтвердил это соревнование глав двух различных государств.

Таким образом, следы, которые оставила в тексте устава рука редактора, позволяют выявить его политические цели и вместе с ними цели церковной организации, к которой он принадлежал. Эти следы могут указывать на Галицко-Волынскую землю второй половины XIII в., — времени княжения Даниила Романовича (умер в 1264 г.) или, вернее, его ближайших наследников.

К XIII в. в Галицко-Волынской земле значительно выросло крупное феодальное землевладение. Наряду с «боярскими имениями»¹⁶⁷ большое место в экономике княжеств заняли княжеские и церковные, в частности монастырские земли¹⁶⁸.

Объединение Волинских и Галицких земель в руках волинского князя Даниила Романовича (1238 г.) было результатом обострения борьбы народных масс против иноземных захватчиков в Галичине, успехов волинских князей в соперничестве с черниговскими и владими́ро-суздальскими князьями и ряда других политических факторов. Это объединение значительно усилило юго-западное княжество, способствовало его хозяйственному, политическому и культурному подъему. Необходимость соединения усилий Западной Руси и соседних с ней государств — Польши, Чехии и Венгрии — перед угрозой татаро-монгольского нашествия привела Даниила к соглашению с Римской курией и принятию от папы королевской короны (1255 г.). Это не сопровождалось какими-либо политическими уступками в ущерб интересам галицкого князя.

Ко времени княжения Даниила Галицкого, кроме его конования относится и ряд других политических актов, которые должны были подчеркнуть главенство галицкого князя среди других князей Южной Руси. Это — создание летописного свода князя Даниила и печатника Кирилла¹⁶⁹, попытка Даниила учредить в Холме в 1246 г. митрополичью кафедру, которая, однако, не привела к желаемой цели.

Те же в общем политические тенденции прослеживаются в другой летописи Даниила, которую вел епископ Холмский Иван в начале 1260-х годов и которая представляет собой дополнение к первой, характеризующее государственную деятельность князя Даниила и его старшего сына, Льва¹⁷⁰.

Приурочивая составление юго-западной обработки устава Владимира к тем или иным событиям и политическим концепциям Га-

¹⁶⁷ Князь «много имения дав». — ПСРЛ, т. II, стб. 723 (1209 г.). В Волинской редакции устава Владимира находится формула передачи князем десятины церкви в особой, поздней форме: «Того дея церковную неделю дал есмь в своем имении» (УКВ, стр. 31). О церковной неделе см. Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 260.

¹⁶⁸ В. Т. Пашуго. Очерки..., стр. 158—160.

¹⁶⁹ Там же, стр. 90—92.

¹⁷⁰ Там же, стр. 92—101.

лицко-Волынской Руси XIII в., мы не можем, однако, связывать ее с княжением самого Даниила по следующей причине.

Анализ одного из источников этой обработки устава Владимира, «Правила о церковных людях», показывает, что цитированное в нем толкование на 59-е апостольское правило «церковное богатство — нищих богатство» появилось на Руси только вместе с Сербской кормчей в 1262 г.¹⁷¹ Правда, в Рязанском списке кормчей и том тексте, который был утвержден на соборе 1274 г. (как он известен по спискам XIII—XVI вв.), оно имеет несколько другой вид: «церковное богатство — убогих богатство»¹⁷².

Учитывая этот факт, нужно отнести галицко-волынскую обработку ко времени после 1262 г., но не слишком далекому. Ряд доводов в пользу больших изменений во внутренней и внешне-политической жизни галицко-волынских княжеств мы получаем, сравнивая положения более поздней Волынской редакции с изучаемым текстом. Так, здесь еще нет никаких антилатинских выпадов, которые отличают обработку, определенную нами как галицкую митрополичью редакцию начала XIV в., здесь нет еще того соотношения княжеской и боярской власти, которое отразилось в последней обработке в формуле «рассмотрех со всеми бояры своими». Известно, что время княжения Даниила отличалось как отсутствием антипатии к латинству и временным союзом с курией, так и враждой и постоянной борьбой против боярства. Это характеризует и официальную идеологию того времени. Исследователь искусства Галицко-Волынской Руси XII—XIII вв. отмечает в это время «отсутствие резко выраженного и непримиримого вероисповедного и национального отвращения от «латинского мира...»¹⁷³.

Можно отнести создание архетипа Волынской и Печерской редакций, например, к княжению Владимира Васильковича во Владимире Волынском (около 1269—1288 гг.), который, судя по летописному своду, принадлежавшему ему и его отцу, использовал многие из идей Даниила¹⁷⁴.

Однако более вероятно видеть в этой обработке дело рук сына Даниила, Льва Даниловича (1269—1301 гг.), от которого не дошло летописного памятника, в связи с чем его идейных позиций в политической борьбе Западной Руси во второй половине XIII в. мы хорошо не знаем. Можно думать, что они сохраняли то, что было заложено Даниилом, продолжая его линию в условиях татарского ига. Тогда и прямая связь галицкой митрополичьей обработки устава времени княжения Юрия Львовича начала или первой половины XIV в., с обработкой его отца, очевидно 1280—1290-х годов, будет естественной.

¹⁷¹ Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях», стр. 76.

¹⁷² «Кормчая, напечатана с оригинала патриарха Иосифа», М., 1912, л. 17.

¹⁷³ «История русской литературы», т. 2. М.—Л., 1945, стр. 22 (раздел Н. Н. Воронина).

¹⁷⁴ В. Т. Пашуго. Очерки..., стр. 130.

Выявление Синодально-Волынской группы редакций устава Владимира позволяет иначе решить вопрос о месте в истории устава Варсонофьевской редакции, чем это делал Юшков. Сравнение текста Варсонофьевской редакции с редакциями Синодально-Волынской группы показывает, что Варсонофьевская редакция начиная со статьи «и дах те суды церквам» содержит архетипный текст указанной группы без добавлений, которые свойственны Синодальной, Волынской и Печерской редакциям, каждой в отдельности.

По-другому обстоит дело с начальными статьями устава в Варсонофьевской редакции. Здесь содержится текст, отличающийся как от архетипа группы, так и от архетипа Оленинской редакции. Вместо упомянутых выше статей с благословением, генеалогией князя, указанием на первого митрополита, виды десятины, следует краткий текст: «Се аз, князь Володимер, поставих церковь св. Богородица в Киеве и дах церкви той десятину по всей Руской земли, во всех городех»¹⁷⁵.

Как говорилось выше, может быть два ответа на вопрос о причинах такой краткости начала устава: 1) сохранение в этой редакции древнего первоначального текста, в других обработках подвергнутого расширению и пополнению; 2) сокращение в Варсонофьевской редакции архетипного текста Синодально-Волынской группы.

Юшков давал на этот вопрос первый ответ, что, однако, не подтверждается историей текста памятника.

Варсонофьевская редакция обнаруживает большую близость к Синодальной редакции, а не к Волынской и Печерской редакциями. Между тем, предполагая вслед за Юшковым, что Варсонофьевская редакция является источником и Синодальной и Волынской редакции, мы должны были бы ожидать примерно одинаковую близость чтений этих двух редакций и Варсонофьевской в общих местах текста.

Близость чтений Варсонофьевской и Синодальной редакций показывает следующее сравнение:

Синодальная редакция	Волынская редакция	Варсонофьевская редакция
дал есмь ты суды церквам, митрополиту и всем пискупьям по Русьской земли	дал есми церкви св. Богородици, митрополиту всея Руси и всем епископом по всей Руской земли те суды.	дах те суды церквам всем епископьям по Руской земли.
А по сем не надобе вступатися ни детем	Не уступатися ни детем моим, ни унучатом, ни	А по сем не вступатися ни детем моим, ни вну-

моим, ни внучатам, ни роду моему до века... чатом ни *всему* роду
всему роду моему до моего до века...

Князю и бояром и судьям их в ты суды нелзе вступатися.	и Князю и бояром и су- диям в ты суды не усту- патися.	Князю и боярам и су- диям в те суды нелзе вступатися.
Аже будет иному чело- век с тым человеком речь, то обчий суд.	Аже будет обида ино- му человеку с ними, то обчий суд.	Аже будет иному чело- веку с тем человеком речь, то опчий суд.

В то же время, обнаруживая близость к Синодальной редак-
ции, Варсонофьевская редакция, как и Волынская, не имеет всех
тех добавлений, которые, как было показано выше, появились
в ней при обработке в Новгороде в XIII в., — статей о тиунах,
перечней церковных судов о языческих обрядах, заклатья с упо-
минанием княжеских наместников и пр. Таким образом, это
текст, восходящий вместе с Синодальной редакцией к одному архе-
типу, который, в свою очередь, вместе с архетипом юго-западной
группы редакций произошел от общего источника Синодально-
Волынской группы.

Важным подтверждением вывода о текстуальной близости
Синодальной и Варсонофьевской редакций в результате обра-
ботки общего текста является общая ошибка в этих двух редак-
циях.

Перечень «церковных судов» в Оленинской, Синодальной,
Волынской и Варсонофьевской редакциях имеет одинаковое на-
чало, сохранившееся очевидно, еще от архетипа этой статьи.
В Архангельском изводе оно таково: «распусты, смилное, заста-
ванье, умыканье, пошибанье, промежи мужем и женою о живо-
тех...» В Варсонофьевской редакции отсутствует слово «умыка-
нье» («распуст, смилное, заставание, пошибание, промежь мужем
и женою о животе»). Однако этот пропуск возник не в архетипе
Варсонофьевской редакции, а еще раньше, так как такой же про-
пуск есть и в Синодальной редакции («роспуст, смилное, заста-
ванье, пошибанье...»). В Синодальном списке соответствующий
термин в другой форме — «умычка» — вставлен между строками
над словом «пошибанье». В других изводах Синодальной редак-
ции, восходящих к Синодальному изводу и даже, может быть,
к Синодальному списку, перечень дается уже со словом
«умычка» после «пошибанье» (например, в Крестининском из-
воде: «роспусты, смилное, застатие, пошибание, умычки, про-
между мужем и женою о животе их...») ¹⁷⁶.

Следовательно, есть достаточные основания считать Варсо-
нофьевскую редакцию восходящей к тому же архетипу, что и
Синодальная.

Взаимоотношение Варсонофьевской редакции с архетипом Си-
нодально-Волынской группы представлено в схеме 2.

¹⁷⁶ УКВ, стр. 16.

Выяснив принадлежность Варсонофьевской редакции к одной группе текста с Синодальной редакцией, мы приходим к выводу о значительном сокращении начального текста устава в Варсонофьевской редакции. Такое сокращение не является особенностью ее одной. Как показано ниже, при анализе поздних Архивного и Маркеловского изводов Оленинской редакции, при переработке текста архетипа редакции оказался выброшенным весь перечень видов десятины, передаваемой князем церкви. Эта переработка Оленинской редакции датируется нами XIII в., временем, когда произошли значительные изменения в системе материального обеспечения церковной организации.

Очевидно, примерно теми же соображениями и нуждами руководствовался и составитель Варсонофьевской редакции, также заменивший перечень своего источника краткой ссылкой на передачу князем десятины «по всей Русской земли, во всех городах».

Два других сокращения менее ясны. Это пропуск генеалогии Владимира, упоминания крещения и первого митрополита, а также пропуск ссылки на греческий номоканон при утверждении судебного иммунитета церкви.

Первое сокращение показывает, очевидно, что для редактора не были важны уже те события истории начала христианства на Руси, и в частности в Киеве, изложением которых начинался устав. Представляет интерес, что в двух случаях из трех он опустил упоминание митрополита: в начале (рассказ о принятии митрополита от Фотия патриарха), и далее, при указании адреса пожалования судебного иммунитета («дах те суды церквам всем епископьям...» вместо «дал есмь тыя суды церквами, митрополиту, и всем епископом...» в Синодальной редакции). Вместе с тем в уставе сохранилось третье упоминание митрополита в самом конце текста («То люди церковные, богоделные; митрополит или епископ ведает межу ими суд»).

В архетипе Синодально-Волынской группы было указано два источника права пожалования суда: греческий номоканон и совет с княгиней Анной и детьми. Составитель изучаемой редакции выпустил упоминание первого и оставил только второй источник. О причинах этого сокращения можно делать только предположения.

Некоторые данные для установления сущности Варсонофьевской редакции дает изучение археографической традиции этого текста.

Варсонофьевская редакция своей археографической традицией прочно связана с редакцией кормчей в 94 главах, которая носит в литературе название Софийской; она входит во все ее списки. Все случаи, когда Варсонофьевская редакция оказывается включенной в кормчие других редакций, объясняются заимствованием ее из Софийской: в приложении к нескольким спискам кормчей в соединении с «Мерилом праведным» XVI—XVII вв. она на-

ходится среди статей, заимствованных из Софийской¹⁷⁷; кормчая Толстовского вида, содержащая сокращенную редакцию Русской Правды в соединении с уставом Владимира Варсонофьевской редакции, как установил В. П. Любимов, представляет собой переработку XVII в. одного из вариантов кормчей в соединении с «Мерилом», с дополнениями из Новгородско-Софийской¹⁷⁸.

Софийская редакция кормчей, известная более чем в 20 списках, не была предметом специального изучения. Исследователи касались ее лишь походя, занимаясь отдельными памятниками, входящими в ее состав. М. Н. Тихомиров проследил тесную связь ранних списков кормчей с Новгородом и предположительно связал ее возникновение с новгородской судебной реформой 1383 г.¹⁷⁹ Наше изучение кормчей этого типа также показывает, что она получила распространение из Новгорода, но не позволяет относить окончание работы над ней ранее 10-х годов XV в.¹⁸⁰

Что касается устава кн. Владимира в этой редакции кормчей, то мы, к сожалению, лишены соблазнительной возможности связывать с Новгородом создание интересующей нас его обработки. И это потому, что она входит не только в Софийскую кормчую, но и в Варсонофьевскую.

Софийская кормчая вместе с Варсонофьевской восходит к одному архетипу, возникшему в результате некоторой обработки кормчей 1280 г., которую мы связываем с Переславлем Залесским¹⁸¹. И Софийская, и Варсонофьевская кормчие не имеют статей, характерных только для Синодального списка, но включают дополнительные статьи владимирского происхождения: поучение к собору духовенства, послание владимирского епископа в местному князю¹⁸², «Другое слово» о церковных судах, «Заповеди святых» и интересующий нас устав Владимира.

Включение в архетип Софийской и Варсонофьевской кормчих владимирских статей может быть датировано концом XIII—началом XIV в.: к этому времени, ограниченному несколькими десятилетиями после собора 1274 г., относят исследователи составление «Поучения к попом», «Послания к Владимирскому князю», «Заповеди святых». К началу XIV в. относим мы и создание переработки «Правил о церковных людях» — «Другого слова» о церковных судах. Можно предположить, что эта прасофийская

¹⁷⁷ ГПБ, Погод. 233, л. 746. Погод. 237, л. 846 об.; ГИМ, 798, л. 442 и др. В списке ГБЛ Никиф. 23, л. 380, устав Владимира перенесен в текст кормчей.

¹⁷⁸ В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской. — ПР, т. II, стр. 841, 852, 859.

¹⁷⁹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 138—140.

¹⁸⁰ Я. Н. Шапов. Южнославянский политический опыт, стр. 211.

¹⁸¹ Я. Н. Шапов. К истории текста, стр. 300—301.

¹⁸² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 85.

и праварсонофьевская кормчая возникла тоже в начале XIV в.¹⁸³ Очевидно, и Варсонофьевская редакция устава Владимира относится к тому же времени.

Кодификация церковного права в Южной Руси на рубеже XII—XIII вв. и создание архетипа Синодально-Волынской группы редакций

Сравнение текстов Синодальной, Волынской и Печерской редакций с Оленинской привело нас к заключению о существовании общей основы трех первых редакций, которая в каждом случае была подвергнута обработке. Анализ текста Варсонофьевской редакции показал, что она также принадлежит к этой группе. Мы можем говорить, следовательно, о существовании архетипа Синодальной, Варсонофьевской, Волынской и Печерской редакций, сокращенно — архетипа Синодально-Волынской группы редакций.

Для изучения истории устава Владимира этот архетип должен быть определен и изучен. Состав его может быть восстановлен ретроспективно из поздних переработок. Одновременно, пользуясь текстами Оленинской редакции, мы предварительно определяем и тот источник архетипа Синодально-Волынской группы, который, как было показано выше, в разделе о взаимоотношении редакций, являлся одновременно источником и Оленинской редакции, т. е. архетип устава Владимира.

Объем устава в архетипе трех редакций — перечень статей, входящий в его текст, может быть определен следующим¹⁸⁴:

Ст. 1, благословение, входит во все редакции, кроме Печерской (и Варсонофьевской). Наличие его в таких не испытывавших взаимного влияния в позднейшее время редакциях, как Волынская и Синодальная, свидетельствует о том, что благословение находилось и в архетипе группы, и в архетипе устава.

Ст. 2, о крещении Руси и первом митрополите, с указанием имени князя и его генеалогии, в редакциях юго-западной группы подверглась значительному расширению, а в Синодальной и Оленинской редакциях представляет примерно один текст. При этом в Оленинской, Синодальной и Печерской редакциях указывается генеалогия Владимира, а в Волынской ее нет. Нужно думать, что в последнем случае она опущена при создании Волынской редакции. Упоминание патриарха Фотия находится во всех редакциях, кроме Варсонофьевской, что позволяет видеть его уже в архетипе группы.

В ст. 2 Синодальная редакция не имеет ни одного чтения, отличающегося от Оленинской, которое повторялось бы в юго-

¹⁸³ Я. Н. Шапов. Варсонофьевская кормчая. — «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 100.

¹⁸⁴ Реконструкцию архетипа Синодально-Волынской группы см. ниже, стр. 99—101.

западных редакциях. Все ее чтения — «княгини» (Ольги), «Царегородського», «святым крещением» — индивидуальны и возникли, следовательно, при создании Синодальной редакции. В то же время в Синодальной редакции нет имен греческих царей, от которых Владимир взял первого митрополита («от грецьскаго царя и от Фотия патриарха»), но они есть в Печерской («от греческаго царя порфирогенитос, сии речь багрянородных Василия и Константина») и Оленинской редакциях. В последней два извода, Пушкинский и Маркеловский, сообщают только одно имя («от гречкаго царя Костянтина»), другие — оба («от греческих царей Костянтина и Василья» — Арханг. изв., «от царей Костянтина и его брата Василия» — Архивн. изв.). Обращает на себя внимание, что и в Печерской редакции, там, где называются оба имени, само слово царь дано в единственном числе. Является ли это случайностью? Возможно, что перед нами след упоминания в архетипе Синодально-Волынской группы только одного царя, причем, как в Синодальной редакции, без имени его, или только имени Константина, к которому впоследствии было добавлено имя второго современника крещения Руси 988—989 гг., Василия.

Редакции устава называют разные имена «первого митрополита», но нигде (за исключением Варсонофьевской) его имя не пропускается. В пяти изводах Оленинской редакции: Пушкинском, Маркеловском, Архивном, Оленинском и Ипатьевском — назван Михаил, в Археографическом (новгородском по происхождению) — Леон, в Синодальной редакции — Леон, в Печерской — Леонтий, в Волынской — Михаил.

Возможно, что и различие в упоминании имен в уставе Владимира обусловлено различным происхождением текстов. Как будет показано в соответствующем разделе, Оленинская редакция несет ряд черт, указывающих на бытование ее на украинско-белорусских землях. Что же касается редакций юго-западной группы, то возникновение их в Галицком и Туровском княжествах в XIV в. было обосновано выше.

Мы можем попытаться определить, какое имя является первоначальным в архетипе Синодально-Волынской группы, если в позднейших редакциях там стоит Михаил (Волынская) и Леонтий (Печерская). Ответить на этот вопрос позволяет чтение Печерской редакции.

Действительно, в редакциях юго-западной группы наряду с именем митрополита в ст. 2 есть и другое имя в следующей статье. Соответствующий текст: «Благословение прием от Михаила митрополита всеа Руси» является особенностью только этих двух редакций и появился при создании архетипа этих редакций, вероятно, в Галиче в последней четверти XIII в. Таким образом, включение в этой вставке в Галицкой земле имени Михаила подтверждает указанную выше закономерность. Что же касается первого упоминания имени митрополита в ст. 2, идущего еще от архетипа Синодально-Волынской группы, то, как говорилось выше,

две юго-западные редакции называют различные имена: Волинская — Михаила, Печерская — Леонтия. Как объяснить это различие?

Оно может быть объяснено тем, что в архетипе Синодально-Волинской группы стояло имя Леон (Леонтий), которое сохранилось в Синодальной редакции. При переработке этого архетипа в Галиче в XIII в. составитель, следуя какой-то своей традиции, включил в ст. 3 ссылку на митрополита Михаила, но оставил без изменения имя митрополита в ст. 2. В таком виде этот текст и дошел до Печерской редакции. В Волинской же редакции, при следующей переработке начала XIV в., имя Леона (Леонтия) было и здесь заменено Михаилом.

Может быть и другое объяснение: первоначальное чтение архетипа юго-западных редакций — Михаил — в ст. 2 и 3 в Печерской редакции в первом случае было заменено именем Леонтий под влиянием других памятников, где «первый митрополит» был назван этим именем. Однако второе объяснение не находит подтверждения в известной нам истории текстов устава.

Другой вопрос — о порядке написания имен самого князя, давшего устав. В Синодальной, Печерской редакциях, Пушкинском, Маркеловском и Архангельском изводах Оленинской редакции князь назван: «Василий, нарицаемый Володимир» (Синод. ред.). В Волинской редакции, Архивном и Археографическом изводах Оленинской редакции: «Владимир, нареченный во святом крещении Василие» (Архивн. изв.).

С. В. Юшков считал первоначальным чтение Архивного извода, основываясь на том, что в известных ему текстах оно употребляется чаще и что в различных текстах жития Владимира, бывшего, по его мнению, источником устава Владимира, дается именно этот вариант (например, «Житие благоверного князя Владимира, нареченного в святем крещении Василиа, крестившего всю Русскую землю») ¹⁸⁵.

Однако в настоящее время, когда стали известны новые тексты устава, имеющие чтение «Василии нарицаемый Володимер», данных, приведенных Юшковым, недостаточно. Ссылка его на чтение Варсонофьевской (II) редакции также не может быть веским доводом ввиду пересмотра места Варсонофьевской редакции в истории текста устава.

Близость чтения Волинской редакции к формуле жития Владимира несомненна. Правдоподобным представляется также появление этого чтения в уставе под влиянием житийной формулы. Но это отнюдь не подтверждает предположения о первоначальности такого чтения и вторичности чтения с именем Василий впереди. С. В. Юшков не показал, в чем заключается «несомненное влияние» жития Владимира на устав, кроме данного случая.

---

¹⁸⁵ С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, стр. 98.

В то же время именно под влиянием жития Владимира прежнее чтение устава могло быть изменено на привычное для церковных памятников, связанных с этим князем.

Показателем того, что именование князя, «автора» устава, Владимиром, а не Василием было принято в пору создания новых обработок, возникших на основе первоначального текста устава в XIV—XVII вв., является следующее наблюдение.

Далеко не во всех редакциях и изводах устав имеет заглавие. Такого заглавия нет в Пушкинском, Маркеловском, Архангельском и Ипатьевском изводах Оленинской редакции и в Волынской редакции. На вопрос о том, было ли заглавие в архетипе устава, Юшков с большим основанием отвечает отрицательно. Действительно, везде, где заглавие к уставу есть, оно различно и не свидетельствует, в отличие остального памятника, о существовании какого-либо архетипного текста: «Завет» (Архивн. изв.), «Рукописание» (Археогр. изв.), «Устав» (Синод. ред.), «Заповедь» (Печерск. ред.). В Варсонофьевской редакции памятник не имеет в заглавии видového слова («А се суды церковныя Владимира»). Это разнообразие является свидетельством того, что в архетипе устава заглавие отсутствовало. Не было его и при создании интересующего нас текста архетипа Синодально-Волынской группы, и при создании Оленинской редакции. Лишь составители некоторых поздних обработок — редакций и изводов устава — снабдили свои произведения этими заглавиями.

Обращает на себя внимание то, что во всех тех случаях, когда в этих поздних обработках XIV—XVII вв. появляется заглавие памятника, «автор» устава (князь) называется Владимиром, а не Василием: «Завѣт Володимиров» (Архив. изв.); «Рукописание св. кн. Володимира» (Археогр. изв.); «Устав св. кн. Володимира» (Синод. ред.); «Заповѣдь св. и равнаго апостолом вел. кн. Володимира, именем Василия» (Печерск. ред.); «А се суды церковныя Владимира» (Варсоноф. ред.), в том числе и в тех случаях, когда в тексте устава князь назван по формуле «Василий, нарицаемый Володимер», как, например, в Синодальной и Печерской редакциях. Очевидно, для тех, кто вставлял эти заглавия и перерабатывал текст, имя князя Владимир не подлежало сомнению. Поэтому можно считать, что формула «Владимир» в начале тех обработок устава, где заглавие его отсутствует, также является данью времени и заменяет более раннее чтение, которое мы встречаем сейчас в Синодальной и Печерской редакциях, Пушкинском, Маркеловском и Архангельском изводах Оленинской редакции: «Се аз, князь Василии, нарицаемый Володимер».

Ст. 3 о создании Десятинной церкви и ее обеспечении десятиной. Как и предшествующая, в редакциях юго-западной группы статья значительно расширена и при создании их архетипа, и при работе над каждой из этих редакций. Синодальная редакция и здесь наиболее близко стоит к архетипу Синодально-Волынской группы, а Пушкинский и Архангельский изводы — к архетипу

Оленинской редакции. В то же время архетип Синодальной редакции близок архетипу Оленинской редакции не только по содержанию статьи, но и по ее тексту.

Ст. 4 и 5 об источниках права пожалования церкви судебного иммунитета и новый адрес пожалования очень близки в Архангельском изводе и в Синодальной редакции. Пропуск в Синодальной и Варсонофьевской редакциях слов «св. Богородицы» и замена их общим указанием «церквам» в ст. 5 восходит к архетипу только этих двух редакций, тому самому, в котором, как показано выше, было ошибочно опущено слово «умыкание».

Тем самым мы прослеживаем существование еще одного этапа в истории возникновения Синодальной и Варсонофьевской редакций между ними и архетипом Синодально-Волынской группы. Указанная замена слов «св. Богородицы» на слово «церкви» вообще может быть объяснена приспособлением текста устава к условиям епископии, где кафедральная церковь была посвящена не богородичным, а другим праздникам. В северной части Руси (и Синодальная, и Варсонофьевская редакции происходят из этой части) в XIII в. такими кафедрами были соборы Софии в Новгороде и Полоцке, Троицы во Пскове, Козмы и Дамьяна — в Твери (после 1274 и до 1285 г.), последний в 1285—1290 гг. был заменен собором Спаса Преображения¹⁸⁶.

Ст. 6 с отказом за детей, внуков и «род» князя от нарушения иммунитета церкви и ст. 7 с указанием на территорию, на которую распространяется действие устава, в Архангельском изводе, в Синодальной и Владимиро-Волынской редакциях имеют одни и те же тексты, восходящие в архетипу устава.

Значительные различия между Архангельским и другими изводами и вообще Оленинской редакцией, с одной стороны, и Синодально-Волынской группой — с другой, начинаются во второй половине текста устава и связаны со статьями 8—16 о церковных судах, о церковных людях и мерилах. В то же время именно отличия и поновления в этих статьях показывают социальный смысл переработки устава, произведенной составителем архетипа Синодально-Волынской группы.

Выше, в разделе о взаимоотношениях редакций устава, дано сопоставление текстов Архангельского извода Оленинской редакции в том объеме последней, который совпадает с другими редакциями Синодально-Волынской группы и может быть сближен с архетипным текстом этой группы. Используем сейчас эти данные для анализа текста, появившегося при создании архетипа группы.

Ст. 8—10 о церковных судах. Перечень церковных судов в Синодальной редакции и архетипе группы по своему объему, и текстуальному, и смысловому, значительно отличается от Оленинской редакции и содержит большое количество дополнений. Из одной

¹⁸⁶ ПСРЛ, т. 25, стр. 156—157; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, пол. 2. М., 1911, стр. 28.

статьи — перечня церковных судов, какой она законсервировалась в Оленинской редакции, она выросла в маленький кодекс статей о церковных судах, включающий значительно дополненный перечень самих дел (ст. 8 Синод. ред., ст. 5 Варсон. ред.), затем в следующую статью, устанавливающую церковную юрисдикцию по этим делам и судебный иммунитет от князя, бояр и их судей, и третью статью, указывающую источник права статей — императорские и соборные постановления.

Расширение юрисдикции церкви осуществляется своеобразным путем. Наряду с усвоенным из архетипа статьи перечнем дел по семейному, брачному, частью наследственному праву статья включает новый перечень, касающийся, однако, одного узкого вопроса — преступлений против церкви. Если в архетипе в числе таких дел указывались только «ведьство», «зельи», «еретичество», то здесь появляется целая группа новых преступлений: кража из церкви («церковная татба»), похищение трупа в целях его ограбления («мертвеци сволочать»), осквернение церковью нанесением надписей на стенах, крестах или из-за нахождения в церкви скота, собак, птиц или другим путем («Крест поськуть, или на стѣнах рѣжють, скот или псы и поткы без велики нужи въведеть, или что непотребно в церкви подѣеть»).

Два первые дела — ограбление церковей и трупов — характерны для всякого классового общества с частной собственностью. Однако можно указать предположительно тот источник, которым руководствовался составитель изучаемой обработки, вставляя эти проступки в перечень. Просматривая текст древнейшей Краткой редакции «Закона судного людем», мы найдем много дел, которые по уставу Владимира принадлежали на Руси церковной компетенции. Другой ряд поступков, рассматриваемых в «Зако́не судном», судя по Русской Правде, принадлежал суду князя. Но внутри последнего ряда статей находятся ст. 29 «Иже мъртвыя в гробе съвлачить» и ст. 30 «Вълазйя в олтарь... еже... от цѣркве възметь что»¹⁸⁷, которые трактуют о церковных преступлениях. То, что именно эти преступления внесены в архетип группы и поставлены рядом, не может быть случайностью. Таким образом, мы можем говорить об использовании составителем этого архетипа какого-то текста, близкого к Краткой редакции «Закона судного людем».

Естественно предположить, что появление в тексте устава запрета вводить в храм животных и птиц было вызвано конкретными условиями древнерусской жизни — какое еще постановление может быть так хорошо объяснено условиями деревенской или городской действительности средневековья? Однако и это постановление могло иметь и имело, очевидно, в качестве образца византийские источники. Так, уже древнейшая Ефремовская кормчая в списке начала XII в., которая была известна на Руси еще при кн. Яро-

¹⁸⁷ «Закон Судный людем краткой редакции». Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, стр. 108.

славе Владимировиче, содержит правило 88 шестого вселенского Трулльского собора, запрещающее вводить «вънутрь священныя церкви скотяте какого убо», «разве не аще кто путьмъ шьствуя велице постигъши нужи хлевиный обители не имый в таковой обитаеть церкви. . .»¹⁸⁸.

Среди других дел об осквернении церкви, записанных, вероятно, под влиянием древнерусской жизни, обращают на себя внимание проступки, которые названы «крест посекут или на стенах режут».

Исследователи объясняют первое поругание как повреждение, порубка креста на дороге, на кладбище и пр.¹⁸⁹ Кроме того, нужно учитывать, что внутреннее оформление церквей в первые века христианства на Руси отличалось от убранства, известного по памятникам XV—XVI вв. Большое место, наряду с иконами и фресками (последние только в каменных церквах), особенно в приходских, не кафедральных церквах, занимали деревянные резные изображения, в том числе кресты. Поэтому посещение крестов и порезы и надписи на стенах можно понимать как святотатство. Сохранились некоторые из таких шуточных и непристойных надписей, вроде «Якиме стоя усъне. . .» в новгородском Софийском соборе XI—XII вв.¹⁹⁰ или «яко кошкна образина» в звенигородском соборе на Городке¹⁹¹. Хорошей иллюстрацией посечений и порезов, правда, относящихся к более позднему времени (новгородско-московской ереси XV в.), являются сообщения архиепископа Геннадия из Новгорода. Так, в руках у одного «крестьянина» был «крест — телник древо плакун, да на кресте том вырезан сором. . . И ныне таково бесчинство чинитца над церковью божиею, и над кресты, и над иконам, и над христианством»¹⁹². Геннадий сравнивает современные ему надругательства с известным из истории Византии иконоборством: «Коли щепляет иконы, режет, безчестует — оно проклятье ему тоже. . .»¹⁹³

Включение богохульства в перечень подведомственных церкви преступлений нельзя связывать с ересями XIV—XVI вв. Мы можем проследить влияние событий указанного времени на переработках устава XV в. — в Археографическом, Крестининском и других поздних изводах, между которыми и изучаемым нами сей-

¹⁸⁸ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 195—196.

¹⁸⁹ А. С. Павлов. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902, стр. 142; ПРП, вып. 1, стр. 251.

¹⁹⁰ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. — «Древности». Труды Московского археологического общества, т. 19, вып. 3. М., 1902, стр. 32; ср. Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. — «История, фольклор, искусство славянских народов». Сб. статей. М., 1963, стр. 62—64.

¹⁹¹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — МИА, 12, 1949, стр. 127.

¹⁹² Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 313 (№ 13, 1488 г.).

¹⁹³ Там же, стр. 381 (№ 19, 1490 г.).

час текстом, как было показано выше, лежат еще три переработки памятника. Однако эти свидетельства показывают, что священные предметы резали, щепали и секли, на стенах церковей писали не только благочестивые призывы «господи, помози рабу твоему». Церковь на Руси боролась с этим, основывая свое право преследовать святотатцев между прочим на своих же дополнениях к установлениям Владимира.

Изучаемый текст содержит еще два дополнения к статье об этих судах: здесь подчеркивается подсудность по этим делам церкви и неподсудность «князю, бояром и судиям» и называется источник права этих положений: «уряжения» первых царей и семи вселенских соборов.

Византийская правовая традиция не давала какого-либо одного цельного взгляда на функции светского и церковного суда. Разновременные, изданные в различных исторических условиях памятники — Кодекс Юстиниана, Новеллы, Эклога, Прохирон и другие — по-разному отвечали на этот вопрос. Нормы, складывавшиеся на Руси на основе местной практики, могли найти подтверждение в положениях если не одних, то других византийских памятников. Поэтому мы можем отнестись с доверием к ссылкам на «уряжения», императорские и соборные установления о разграничении церковной и светской юрисдикции. Действительно, в древнейшем собрании памятников византийского права, известном в славянском переводе — Ефремовской кормчей, — находится 123-я новелла Юстиниана, специально рассматривающая этот вопрос. Среди других постановлений она содержит и следующее о судебном иммунитете церкви: «Аще ли греховная будет вещь, ни единого же общения да не имуть гражданьский (в Новг. списке: градьстий) князи, нъ епископ по священным канонам»¹⁹⁴. В ссылке на эти уряжения мы можем видеть свидетельство о знакомстве редактора устава с кормчей книгой, причем уже в довольно раннем ее составе, известном на Руси еще в XI в.

Расширение юрисдикции церкви на ряд новых дел в статье о церковных судах не носит принципиального характера. Все эти поступки имеют сугубо антицерковную направленность, включение их в устав не являлось значительным вторжением в княжескую юрисдикцию. Ни один из этих поступков, в том числе кража из церкви и ограбление трупа, не рассматривается в светском кодексе Древней Руси — Русской Правде. Таким образом, мы имеем здесь дело не с переделом юрисдикции князя и церкви, а с кодификацией, письменным оформлением норм.

Расширение юрисдикции церкви именно в таком направлении свидетельствует о двух явлениях. 1) Возник и потребовал разрешения вопрос о порядке подавления новых акций против церкви.

¹⁹⁴ И. И. Срезневский. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897. Прилож. стр. 94 (Новелла в составе Собрания постановлений в 93 [87] главах).

Если прежде, в архетипе статьи, были известны только «ведьство и еретичество», то теперь к этому прибавились надругательства над священными изображениями и храмами. 2) Право суда по преступлениям, направленным против церкви и религии, принадлежит, согласно уставу Владимира, самой церкви. Таким образом, в качестве судьи здесь выступает истец. Это крайнее выражение судебного иммунитета церкви не только имело большое экономическое значение для нее, но и играло политическую роль, так как церковь оказывалась во всеоружии, чтобы подавить все возможные против нее выступления.

Ст. 11 с заклатьем, которое замыкало основную часть устава.

Статьи о мерилах (II) и о церковных людях (и учреждениях, III) представляли в архетипе группы приложение к уставу.

Ст. 12 о мерилах чрезвычайно важна для определения сущности изучаемого текста. Она передает в ведомство епископа «городские и торговые» меры, а тем самым и пошлины с пользующихся этими мерами, ссылается на исконное божественное установление епископу «блюсти» их «без пакости», не уменьшать и не увеличивать и «дать слово» в день страшного суда в верности мер с той же ответственностью, как и за человеческие души.

Эта статья порождает ряд вопросов о значении терминов, которые употреблены при перечислении мер, об источнике статьи, о возможном месте и времени ее появления и в связи с этим о социально-политическом смысле этого постановления.

Здесь названы «городская и торговая всяческая мерная и спуды, и свесы, и ставила». Значение этих терминов, насколько нам известно, не разбиралось специально в литературе. И. И. Срезневский с большой осторожностью подошел к этим названиям, предложил отделить приставки: «с пуды и з весы», не будучи уверенным в их значении: «спуды или с пуды?»¹⁹⁵

Спуды, свесы, ставила — это, очевидно, различные виды мер и измерительных снарядов. Проще всего предположить, что свесы (свѣсы, от свѣсити — свесить вниз, спустить) — это весы. Действительно, весы — один из древнейших приборов, известных человеку. Хотя древнерусские письменные памятники, собранные Срезневским, не часто упоминают этот прибор, археологический материал и нумизматика показывают, что весы были известны в Восточной Европе, и в частности на Руси, очень рано. Неоднократны находки гирь, чашек от весов и целых весов в городских слоях, кладках и курганах. Новгородский культурный слой начиная с X в. дал не только маленькие весы для взвешивания серебра, но и части больших торговых весов нескольких типов. Один из них — весы с коромыслами о двух разных рычагах, которые для отличия от других систем назывались в XIX в. терезями¹⁹⁶. Этот

¹⁹⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стб. 1724.

¹⁹⁶ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 400.

тип весов известен по древнерусским миниатюрам. На таких весах с четырехугольными чашками вешают пуд меда в Новгороде на миниатюре в Лаптевском томе Никоновской летописи¹⁹⁷. В Новгороде в слое XIII в. найден конец коромысла из массивной полосы железа с петлей, кольцом и двузубым крюком для колец цепей чаши¹⁹⁸. Возможно, это часть такой системы весов.

Другой тип весов, с неравными рычагами имел две разновидности: малые ручные весы с подвижной опорной точкой и постоянной гирей, так называемый безмен, и большие торговые весы с постоянной опорой и подвижной гирей — так называемый контарь¹⁹⁹. Свидетельством бытования таких весов в Новгороде, вероятно второй их разновидности, являются находки гири весом в 6 фунтов (2450 г.) с крюком для подвешивания в слое XII в. и двух крюков в слоях XIII—XIV вв.²⁰⁰

Изучаемая обработка устава Владимира дает по крайней мере два термина для обозначения весов — свесы и ставила. Как понимать эти два однозначных термина? Даль для слова «свес» дает, между прочим, такие значения, как полка, стреха, большая деревянная чашка (с вопросительным знаком, как псковское слово), «свесок» — часть припаса, свешенная на весах²⁰¹. Слово «ставило» (ста́вило и стави́ло) он объясняет как отвес, уровень, «снаряд для верной установки чего»²⁰². Можно думать, что «свесы» и «ставила» — это название двух основных типов древнерусских весов. Для обозначения гирь имелись другие термины: пуд или капь.

Слово «спуд», если его читать в одно слово, — а именно так указывает смысл фразы — известно по древнерусским письменным памятникам. Это мера объема сыпучих тел, в частности хлебного зерна. Значение термина известно потому, что им переводилась греческая мера «модий»²⁰³. Вероятно, и объем спуда первоначально был близок модию. Однако термин «спуд» известен только в переводных источниках — библейских книгах, Изборнике 1073 г., кормчих, житиях, у Амартола, причем в переводах, возникших в Болгарии. Так, болгарская Ефремовская кормчая переводит «модий» словом «спуд», а сербская Рязанская — «кѣбла»; то же в Пандектах Никона Черногорца — в первой относящейся к Болга-

¹⁹⁷ А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944, стр. 95 (л. 295 об.).

¹⁹⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). — МИА, № 65. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 94, рис. 80.

¹⁹⁹ В. Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 333, т. II, стр. 152.

²⁰⁰ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 97, рис. 81.

²⁰¹ В. Даль. Толковый словарь, т. IV, стр. 159—160.

²⁰² Там же, стр. 812.

²⁰³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стр. 473. «Лексикон трехязычный...» Ф. Поликарпова 1704 г., л. 113 об., также знает «Спуд, мера — μέδιον, μόδιον, corus, medimnus, modius».

рии редакции употребляются спуды, во второй, сербской, — коблы²⁰⁴.

Исследователь византийского и сербского канонического права С. В. Троицкий в письме к автору настоящей работы подтверждает, что это различие терминов отражает различие в местах сооставления памятников. Древнесербское слово «къбла» сохранилось и в современном сербском языке в форме «кабао», что значит ушат или кадочка.

Что же касается термина «спуд», то он употребляется в переводах, принадлежащих Константину-Кириллу, а также в житии Мефодия, где означает, однако, меру веса в $8\frac{3}{4}$ литра²⁰⁵.

В оригинальных древнерусских памятниках слово «спуд» не употребляется. Они знают другую меру — кадь и ее доли. Кадь известна по летописям с XII в. На миниатюрах во втором Остермановском томе Никоновской летописи рожь продают из деревянных кадок без веса, пересыпая покупателям в мешки²⁰⁶. Кадь была широко распространена на Руси до XV в., она делилась на четверти и осьмины²⁰⁷ и весила примерно 220 кг.

Появление в уставе Владимира термина «спуд», малоупотребительного в Древней Руси, может быть объяснено источником этой статьи, передающей надзор и ответственность за правильность мер и весов епископу.

Те или иные общественные институты, установления, нормы права, вызванные к жизни исторической обстановкой, событиями классовой и внутриклассовой борьбы, в условиях раннефеодального общества часто получали поддержку, обоснование, а иногда и форму со стороны, в богатой античной и раннесредневековой традиции.

Идеологическое, правовое, административное наследство древних государств, изложенное на греческом или латинском языках или в переводах на эти языки, в переработках и толкованиях средневековых начетчиков содержало огромный, проверенный на практике, но противоречивый материал. При одной определяющей, хотя и не единственной, линии — освящение классового строя — это наследство включало в себя идеи и установления, возникшие в разнообразных условиях, в различные периоды истории чело-

²⁰⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стр. 473. А. С. Архангельский. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, стр. 142—146.

²⁰⁵ Годовой доход монастыря Полихрон, игуменом которого был назначен Мефодий, в Житии последнего исчислен в «спудах золота»: «ему же есть съ мѣра 20 и 4 спудове злата» (Житие Мефодия по Успенскому сборнику; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 71).

²⁰⁶ А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра как исторический источник, стр. 93—94.

²⁰⁷ А. И. Никитский. К вопросу о мерах в Древней Руси. — ЖМНП, 1849, № 4, стр. 375—378; Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 28.

веческого общества. Такой характер переводной литературы позволял находить в ней именно то, что больше соответствовало местным условиям, требованиям конкретной общественной жизни, и использовать готовые, выработанные уже формы если не для облечения в них местных институтов и норм, то по крайней мере для формулировки письменных сообщений об этих установлениях.

Византийская и древневосточная традиция — последняя одинаково авторитетная для всего христианского мира — утверждала, что «неверные весы — мерзость перед господом, но правильный вес угоден ему»²⁰⁸. Однако не столько такое этическое требование, сколько экономическое и политическое усиление христианской церкви в раннем средневековье привело к тому, что надзор за правильностью весов и мер стал прерогативой церкви. В результате моральная ответственность христианина за правильный вес перед богом была заменена материальной, а иногда и физической ответственностью перед епископами.

В странах Центральной и Западной Европы XII—XIII века являются временем борьбы за городские институты между церковными феодалами и горожанами, ведшейся с переменным успехом. Данные устава Владимира показывают, что на Руси также идет борьба за такие институты, которая приводит к включению статьи о принадлежности мер и весов церкви в древний, освященный авторитетом св. Владимира памятник, а впоследствии, в XIII в., к новому переделу прав на мерила, на этот раз в пользу новгородских городских властей²⁰⁹.

Договор Смоленска с Ригой 1229 г. говорит о хранении двух равноправных (аутентичных) эталонов гирь, немецкого и русского, в смоленских церквях — русской кафедральной церкви Богородицы и латинской, находившейся, очевидно, на немецком дворе Смоленска. Смысл статьи — установить порядок, обеспечивающий правильность эталонов при соблюдении равенства обеих заинтересованных сторон. Этот порядок не связан с исключительным правом смоленского епископа на опеку эталонов веса, так как такое же установление касалось и торговли в провинциальном городке Волоке на пути с Западной Двины на Днепр²¹⁰.

Порядок, согласно которому эталон веса — капь — хранился в епископском смоленском соборе, не являлся исконным в Смоленске. Уставная грамота смоленской епископии, данная кн. Ростиславом Мстиславичем в 1136—1150 гг., и подтверждающая грамота епископа Мануила молчат об этом порядке, хотя очень подробно оговаривают все источники материального обеспечения епископии, в том числе ее компетенцию в суде. Следовательно,

²⁰⁸ «Притчи», 11, 1. Другие библейские наставления хранить праведный суд, меру и вес см. Левит 19, 35—36; Второзаконие 25, 13—15; Иезекииль, 45, 10.

²⁰⁹ Я. Н. Шапов. Из истории городского управления в Древней Руси, стр. 100—102.

²¹⁰ ПРП, вып. 2, стр. 80.

право быть хранителем эталонов веса смоленская церковь получила только во второй половине XII в. или в начале XIII в.

К этому же времени относим мы и возникновение архетипа Синодально-Волынской группы, куда впервые вошли статьи о мерилах. Дальнейшую эволюцию этих статей и их терминов можно проследить по позднейшим обработкам устава Владимира, а также Новгородскому уставу Всеволода.

Так, в Печерской редакции середины XIV в. статья о мерилах опущена совершенно, в Волынской редакции и новгородском уставе Всеволода, принадлежащим концу XIII—началу XIV в., статья сохранилась, но терминология ее значительно изменена и приближена к местным условиям каждой земли.

Архетип группы и Синодальная редакция	Волынская редакция (текст А)	Устав Всеволода
Городския и торговыя всяческая мерная (Син. — мерила), и спуды, и ставила	Городскыи торговыи въсы и всякая мѣрила	Торговыя вся весы, мерила и скалвы вошаныя, и пуд медовый, и гривенка рублевая и всякая извесъ, иже на торгу промежи людьми.

Это сравнение показывает, что из четырех терминов древнего текста в поздних переработках, новгородской и галичской редакциях, остаются только два: весы и мерила, а спуды и ставила исчезли. Так, при приспособлении норм устава к практической жизни древнерусских земель в XIII—XIV вв. происходит отбор и обновление древней терминологии; в наиболее яркой переработке статьи, в уставе Всеволода, появляются известные и по другим древнерусским памятникам термины — «скалвы», «пуд» и т. д. Выясненный выше южнославянский термин для сыпучих тел «спуд», так же как и «ставила», исчезает в обеих древнерусских переработках, что не может быть случайностью.

В одной из поздних обработок кормчей, сохранившейся в списках конца XVI—XVII в., содержится самостоятельная статья «О мѣрилах», несомненно, восходящая к изучаемому древнему тексту. Здесь интересующие нас термины подверглись переосмыслению и искажению, что также свидетельствует о непонимании их поздним редактором: «Градскыѣ, торговыѣ и всякыѣ мѣрила, пуды и въсы уставленныя, соблюдати сия епископу без всякая пакости, ни умалити, ни увеличити. . .»²¹¹.

Особенности в терминологии статьи, установленные выше, позволяют предполагать, что статьи о мерилах — болгарского происхождения. Это было существовавшее самостоятельно (или являвшееся частью другого) постановление, созданное на основе визан-

²¹¹ ГПБ, Кир-Бел. 3/1080, л. 361—361 об. Судя по изменению слова «умножить» в «увеличить», в основе этой переработки лежит Крестинский извод Синодальной редакции устава Владимира, т. е. текст из кормчей в соединении с «Мерилом», или близкий к ней.

тийских памятников — новеллы 128, Василик, для приложения к южнославянской практике. Формула статьи «и за все то дати ему слово в день суда великого» является довольно близким и формальным переводом греческой формулы „ὡς λόγον ὑπὲρ αὐτῶν τῷ θεῷ ἐν ἡμέρα κρίσεως ἀποδώσω“, включавшейся в документы Константинопольской патриархии о поставлении глав епархий и их обязанностях²¹². При обработке архетипа устава Владимира в XII—XIII вв. постановление о подведомственности мерил епископам, отвечающее устремлениям его составителя, было внесено в этот текст.

Ст. 13—16 о церковных людях. Третьим важным дополнением, характеризующим архетип группы, является расширение статей о церковных людях. Это расширение было сделано в нескольких направлениях:

а) пополнение списка лиц, подлежащих суду церкви, двумя категориями: «лечец» и «прощеник»;

б) включение в статьи перечня четырех учреждений, подведомственных церкви: монастырей, больниц, гостиниц и странноприимниц;

в) расшифровка термина «суд» митрополита или епископа путем перечисления основных дел, по которым церковные люди принадлежат ведомственной юрисдикции: «обида», «котора», «задница»;

г) установление института «общего суда» для смешанных дел между лицами, принадлежащими разной юрисдикции.

Вопрос о содержании термина «прощеник» является предметом дискуссии в литературе. При этом исследователи расходятся в понимании происхождения группы людей, обозначенной этим термином, источников и путей ее формирования, но не социального ее значения и места в феодальном обществе.

«Прощеники» встречаются в двух источниках — изучаемом уставе (в ряде его редакций, восходящих к архетипному тексту) и Смоленской грамоте Ростислава 1136—1150 гг. В последней из них это — группа крестьянского населения, которую князь «дает» святой Богородице и епископу «с медом и с кунами, и с вирую и с продажами», специально оговаривая их судебный иммунитет относительно княжеской власти. Таким образом, «прощеники» здесь — довольно многочисленная группа, объединяемая не территориально, а, очевидно, общественным происхождением, находящаяся в феодальной зависимости от церкви (епископии). Зависимость выражается в уплате ими церкви натурального и денежного оброка, в принадлежности их по уголовным и гражданским делам суду церкви и в уплате ей, следовательно, судебных пошлин.

Б. Д. Греков считает несомненным, что «прощеники» — это люди, очень близкие к изгоям, они феодально зависимые крепостные крестьяне²¹³. Л. В. Черепнин считает «прощеников» «особой

²¹² См., например, АР, т. I, р. 579—580; РИБ, т. VI. Прил., стб. 131—132.

²¹³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 257; он же. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952, стр. 224.

категорией закупов», находившихся не во временной, а в наследственной зависимости от феодалов»²¹⁴.

Появление «прощеников» в числе «церковных людей» в изучаемой обработке устава Владимира показывает, что составление этого текста принадлежало примерно тому же времени в истории вызревания феодальных отношений и сложения отдельных групп зависимого крестьянства на Руси, что и Смоленская грамота, т. е. к XII в. Архетип устава Владимира вместе со старшим, не дошедшим до нас составом статьи о церковных людях не фиксировал «прощеников» в числе людей, зависимых от церкви. Это было сделано в Смоленской грамоте с учетом практики и вновь возникших условий начала XII в. То же явление отразилось в архетипе Синодально-Волынской группы.

В литературе существуют две точки зрения на происхождение категории крестьян, называемой в источниках «прощениками».

Одна из них состоит в том, что «прощеники» — это люди, которые или совершили преступление, или задолжали неоплатными долгами, в результате чего были превращены в холопов. Они получили прощение, «свободу», и превратились из холопов в феодально зависимых крестьян, работавших на землях церкви. Такого понимания термина держались К. Мысовский²¹⁵, В. О. Ключевский²¹⁶, Николай (Ярушевич)²¹⁷, С. В. Бахрушин²¹⁸, С. В. Юшков²¹⁹.

А. В. Черепнин считает, что «пушеники» — «прощеники» — происходили, по-видимому, из числа крестьян, совершивших преступление и за это переданных в крепостную зависимость церкви²²⁰, т. е., очевидно, из свободных общинников. В качестве примеров он приводит сообщения Киево-Печерского патерика о «татах», которые «вдашася на работу братии» после того как они были пойманы и освобождены монахом Григорием.

Однако в тексте не говорится, что они были прощены Григорием. Наоборот, Григорий «осуди их в работу Печерскому монастырю, да к тому же тружашеся, свой хлеб ядять и доволнии будутъ, и инех напати от своих трудов»²²¹. Несомненно, что путь превращения лично свободных крестьян в зависимых от церкви,

²¹⁴ А. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. — «Исторические записки», т. 56, стр. 256.

²¹⁵ К. Мысовский. Древнее русское церковное право. — «Православный собеседник», 1862, июнь, стр. 170.

²¹⁶ В. О. Ключевский. Опыты и исследования, сб. I. Пг., 1918, стр. 321.

²¹⁷ Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Пч., 1917.

²¹⁸ С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. — «Историк-марксист», 1937, № 2, стр. 66.

²¹⁹ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 118—119; он же. Общественно-политический строй, стр. 307.

²²⁰ А. В. Черепнин. Из истории формирования, стр. 256.

²²¹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 96—98, 198—199; «Киево-Печерский патерик», стор. 136. Ср. А. В. Черепнин. Из истории формирования.

закабаленных ею, показанный Черепниным на примерах из Киево-Печерского патерика, имел место и был, очевидно, распространен. Но нет достаточных оснований считать, что результатом этого процесса была категория «прощеников», а не какая-то другая.

Мнение о том, что «прощеники» — это освобожденные от наказания или холопства крестьяне, получившие свой статус в результате «прощения» их своим господином (князем? монастырем?), основывается, собственно, на одном косвенном указании. Устав кн. Владимира в период феодальной раздробленности служил источником для создания нескольких местных княжеских уставов, в которых получили отражение особенности в социально-политическом строе отдельных княжеств, соотношения церковной и светской властей на местах. В одной из таких переработок, Новгородском уставе, изданном от имени кн. Всеволода, который сохранился в списках XV в., в перечне церковных людей «прощеник» устава Владимира не упомянут, но среди других, новых групп церковных людей назван «пущеник». На этом основании возникло распространенное мнение, что в уставе Всеволода один термин был заменен другим, «весьма вероятно, однозначным»²²², и для объяснения термина «прощеник» привлекалась этимология слова «пущеник».

Однако только этот факт не является достаточным основанием для предположения об однозначности терминов. Наряду с пущеником в уставе Всеволода добавлены также «свещегас», «вдовица», «изгой», которые не заменяют старые термины, а пополняют перечень. Вместе с тем наряду с «прощеником» составитель устава Всеволода выпустил «леца», также не заменив этот термин каким-либо другим. «Прощеник» опущен не только в уставе Всеволода, но и в другом близком к нему по времени тексте устава Владимира — в Крестининском изводе Синодальной редакции (XIV в.), и этот пропуск повторен в целой группе восходящих к Крестининскому изводу текстов XIV—XVI вв.²²³

Подтверждением взгляда о происхождении «прощеников» в результате отпуска рабов на волю, перехода из полной зависимости в феодальную зависимость можно считать употребление славянских терминов при переводе с греческого. Так, в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия употреблен термин «прощеникъ»²²⁴, который, как мне любезно сообщил Н. А. Мещерский, заменяет здесь греческое слово ἀπελευθερος, т. е. вольноотпущенник, отпущенный раб²²⁵. В другом аналогичном случае, в древнерусском же переводе Хроники Амартола, тот же греческий термин передан уже в форме «прощеникы божиа». Здесь

²²² Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 255.

²²³ УКВ, стр. 22—23, 28, 56.

²²⁴ «Мужи бо неции от прощеник его припадоша дряхли к цесарю и реша...» (Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1957, стр. 229).

²²⁵ τῶν τοῦτων γάρ τινες ἀπελευθεροῦν (кн. 1, XXX, 1).

само греческое слово ἀπελευθέρως по контексту обозначает не вольноотпущенников, а прощенных грешников²²⁶. И древнерусский переводчик уточняет греческий термин и правильно его переводит.

Румынская исследовательница В. Костэкел обратила внимание на значение терминов с корнем «прощ-» в румынских документах на славянском языке того времени, когда этот язык был литургическим и делопроизводственным языком Румынии. В документах XVII в. есть термины «били прощены», «прощены от холопства», «прощены за вечиние» (вечиние — крепостная зависимость), «книга за прощение» или «за простъние». Один раз упомянута формула «прошчен бил» в более раннем документе, 1470 г. В. Костэкел убедительно показала, что названные термины в Румынии являлись обычными для обозначения выхода крестьян (как отдельных семей, так и целых сел) из феодальной зависимости за выкуп или в другой форме. Тем же термином «прощение» обозначалось признание феодалом иммунитета монастыря, освобождение от феодальных даней, уплачиваемых господарю²²⁷.

Однако попытка В. Костэкел объяснить значение древнерусского термина «прошеник», который включен в устав в XII в., но опускается в ряде текстов уже в конце XIII—XIV в., привлечением указанного румынского материала XV—XVII вв. не является убедительной. Мы можем, очевидно, говорить о том, что есть определенная близость в значении термина «прошение» в славяно-румынских памятниках и славянских переводах греческих памятников. И здесь, и там этот термин обозначает состояние человека, перешедшего из одной формы зависимости в другую. Однако оснований для переноса такого понимания термина «прошение» на древнерусскую действительность мало. Слишком различны периоды, в течение которых эти термины употреблялись: на Руси — в раннефеодальный период, когда шел процесс распространения вглубь и вширь феодального способа производства, и «прошеники» превращались в крестьян, зависимых от церкви, в Румынии — в период позднего феодализма, когда «прошение» обозначало освобождение от крепостной зависимости.

Другое мнение об объединении под «прошениками» людей, получивших исцеление от болезней, которым были «отпущены» их грехи, было высказано еще Макарием, а в последнее время поддерживалось Б. Д. Грековым²²⁸. Это мнение также имеет под собой твердые основания.

²²⁶ «Обрѣтшимъ ж[е] грѣшником харатыица напис[а]ны на выи имущѣ навязаны, в рай имъ внити и сим нарицатис[я] прошеники б[о]жиа» (ἀπελευθέρως) (См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стб. 1610).

²²⁷ В. Костэкел. К толкованию термина «прошеники» на материале славяно-румынских памятников. — «О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков. Июль 1958 г.» Сборник. М., 1960, стр. 72—76.

²²⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 255—256.

Действительно, если само слово «прошеник» встречается в древнерусских текстах очень редко, то слова «проща», «прощенье», от которых оно произошло, отмечено в Картотеке словаря древнерусского языка АН СССР по памятникам XII—XVII вв. не один десяток раз. В религиозном сознании древности и средневековья болезнь являлась наказанием человеку за его грехи, а выздоровление — прощением их. Эту связь между прощением человека и исцелением его тела можно видеть в следующих словах апокрифической книги Еноха: «... nec ejus corpori sanatio neque venia est in secula...» (кн. Еноха, I), что в древнерусском переводе звучало как «и несть ему исцеления плоти его, ни прощение в веки»²²⁹. Судя по отечественным памятникам, духовное «прощенье» и физическое «исцеление» не разделялись в сознании древнерусских людей: термин «прощенье» употребляется, когда подразумевается чудесное выздоровление. Таковы рассказы Устюжского летописного свода об исцелении в церкви Бориса и Глеба в Смоленске под 1177 (6685) г. Слепленные князя Ярополк и Мстислав «поидоша на прощение к св. мучеником Борису и Глебу, и бывшим на Смядыни и прозревшим во церкви св. мученик...»²³⁰; сообщения ряда летописей под 1413 (6921) г. об «исцелении» от иконы богородицы под Можайском: «Явилося жалования и прощения людем много: слепым, хромым, расслабленным, глухим и немым»²³¹.

С. Герберштейн, включивший в свое сочинение *Regum Moscovitarum commentarii* (1558) устав кн. Владимира в Синодальной редакции из «Стоглава», переводит прошеников как людей, «*qui miraculum ab aliquo sanctorum acceperint*», а по-немецки: «*die so ein Zeichen von einem Heiligen empfangen haben*»²³², т. е. те, которые получили чудо, чудесное исцеление, от какого-либо святого.

Господство религиозного сознания в средневековье вместе со слабостью медицины того времени отдавали в распоряжение церкви множество тяжело или неизлечимо больных еще задолго до их смерти. В рассказе Киево-Печерского патерика об организации Феодосием больницы в монастыре в 1060—1070 годах ясно указывается, что тяжелобольные, которых приносили в монастырь, прежде чем они поступали в монастырскую больницу, постригались, т. е. превращались в монахов: «ин же некто, тако же болен, принесен бысть в печеру и пострижен; и мниси же на то устроении болным служити, возьмше и сего, несоса его къ Пиминови»²³³.

Какова была дальнейшая судьба этого больного в случае, если он не умирал? Оставался ли он монахом этого монастыря или становился принадлежащим монастырю крестьянином, чтобы, побуждаемый своей верой и мнением новых «братьев», оправдать

²²⁹ Материалы КСДРЯ.

²³⁰ УЛС, стр. 44.

²³¹ Новгородская I летопись, Львовская летопись, Ермолинская летопись (см. материалы КСДРЯ).

²³² УКВ, стр. 58.

²³³ «Киево-Печерский патерик», стор. 181.

божью милость, или, возвратившись в «мир», занимал в нем особое место, оставаясь связанным с монастырем, церковью вообще, не только духовными, но и экономическими узами?

Таким образом, под «прощениками», по-видимому, следует понимать многочисленную группу людей, которые тем или иным способом получили «прощение», «прошу», т. е. чудесное «исцеление», и в результате этого оказались под эгидой церкви. Феодалный строй превращал все общественные группы в сословные, имевшие определенные обязанности и права по отношению к государственной власти. В силу своей связи с таким мощным феодалным институтом, каким была церковь, эта сословная группа была поставлена в зависимость от церкви, о чем свидетельствует уставная грамота Смоленской епископии 1136—1150 гг. и изучаемый текст устава Владимира.

Давая свое объяснение термину «прощеники», Греков испытывал затруднение от того, что, как он думал, «мы имеем «прощеников» и в княжеской вотчине. Смоленский князь Ростислав передает их смоленской епископии. И это последнее обстоятельство осложняет решение задачи»²³⁴.

Однако на основе только устава Ростислава вывода о том, что «прощеники» имеются в княжеских вотчинах, сделать нельзя, а других данных у нас нет. Смоленский князь, кроме того, что он был феодалом-вотчинником в своем домене (см. в его уставе «уезд княж»), являлся также верховным собственником всего княжества. В качестве последнего передавал он епископии десятину с даней, суд по церковным делам. Нет основания видеть и в передаче «прощеников» функцию князя только как вотчинника, тем более, что эта группа, вероятно, не была объединена компактной территорией, а в качестве сословной существовала в том или ином объеме в нескольких поселениях. Не случайным является упоминание о передаче «прощеников» не среди перечня сел (в ст. 4) или отдельных крестьян «из двора своего» (в ст. 5), а рядом со статьей о десятине. Этой статьей Ростислав передал епископии крестьян и ремесленников не своей вотчины, а тех, которые вне зависимости от места проживания были объединены связью с церковью, но зависимость их от смоленской кафедральной церкви не была еще узаконена. Естественно, вероятно, что они жили близко к монастырям и церквам.

Другой социальной группой, включенной в перечень церковных людей изучаемой обработки, являются «лечцы».

Существование «врачей», «лечцов», в Древней Руси хорошо известно по памятникам письменности. Вероятно, древнейшим упоминанием «лечца» является указание в Краткой редакции Русской Правды на то, что обидчик, нанеший побои, обязан, кроме выплаты потерпевшему вознаграждения в 3 гривны, также оплатить его лечение у врача²³⁵.

²³⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 255.

²³⁵ «А летцю мъзда» (ПРП, вып. 1, стр. 77).

Памятники церковного и монастырского происхождения XII—XIII вв. рассказывают о том, что врачи были хорошо известны в городах. Можно выделить три группы врачей по их общественной принадлежности. К первой отнесем городских врачей-ремесленников, для которых не указана какая-либо их зависимость или принадлежность. Таковы врачи в Киеве или Переяславле, которые неоднократно приходили к юноше Николе, получали вознаграждение, но ничем не смогли ему помочь (в «Посмертных чудесах Николая Мирликійского», памятнике, по определению архим. Леониды относящемся к концу XI в.)²³⁶.

Неоднократно выступает в источниках и другой тип врача — придворный княжеский врач. Таков придворный врач, армянин родом, который лечил одного из приближенных кн. Всеволода, а затем кн. Владимира Мономаха в Чернигове²³⁷, а также Петр Сириянин, придворный врач князя Святослава Давидовича (ум. 1106 г.), который пошел было с ним в Печерский монастырь, когда князь постригся там, но не вынес «вольной нищеты» и ушел в Киев, где стал «лечить многих»²³⁸.

Наконец, третий тип врачей — это монастырские врачи-иноки, например монах Агапит-киевлянин, который, следуя примеру Антония, «зелием» (лекарствами, травами) лечил братию и получил прозвище «лечец». О нем стало известно в Киеве, и многие приходили к нему в монастырь лечиться, а однажды игумен Иван послал его даже в Чернигов лечить Владимира Мономаха²³⁹.

Таким образом, существование в древнерусских городах XI—XIII вв. врачей-«лечцов» не вызывает сомнения. Между тремя отмеченными группами их, особенно между двумя первыми, не существовало резкой грани, и один и тот же врач лечил и князя, и его приближенных, и многих других. Врачи жили, очевидно, только своим ремеслом и брали за лечение немалые деньги. Этим было вызвано и специальное включение пункта о маде «лечцу» в ст. 2 Русской Правды, и многократные жалобы на то, что у больных не было средств на оплату врачей и они теряли надежду на выздоровление²⁴⁰.

Средневековая организация городского общества приводила к постепенному втягиванию различных социальных элементов,

²³⁶ «Уноша бе некто именем Никола... лежаще месяц 6 огнем великим жгом... врачеве же прихожаху ему и не можаху никоея же пользы створити». («Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликійского чудотворца. Памятник древнерусской письменности XI в.». Труд Ефрема, еп. Переяславского. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1888, чудо 3.)

²³⁷ «Киево-Печерський патерик», стор. 129—130.

²³⁸ Там же, стор. 114.

²³⁹ Там же, стор. 128—129.

²⁴⁰ Слепой в Новгороде «много же и врачом разда и никое же пользы обрете» («Житие Варлаама Хутынского», СПб., 1881, стр. 30); попадья, чтобы помочь своему сыну Ивану, «много истощивши врачом, но ничто не успела» (там же, стр. 70); упомянутый уже юноша Никола «пришед в велику беду, яко ни врачом не имяше что вдати, ни сам виде о чемъ пребываше...» («Посмертные чудеса святителя Николая...», чудо 3).

бывших прежде более или менее независимыми, в сферу влияния и власти феодальных собственников. Если в деревне расширение и укрепление светского и монастырского землевладения приводило к превращению крестьянства в зависимое от этих основных групп феодалов население, то в городе отдельные группы населения находились под сильным давлением церкви, стремившейся подчинить их своей власти. Свидетельством такого стремления и, может быть, каких-то успехов на этом поприще и является включение «лещца» наряду с «прощеником» в список церковных людей в изучаемом тексте устава. Конкуренция светских врачей с врачами-монахами, так ярко описанная на примере Агапита и врача-армянина в Печерском патерике, значительные средства, которые приносило это ремесло врачам, наконец, их неопределенное положение в требовавшем четкой корпоративной структуры феодальном городе были причиной таких стремлений.

Со временем в связи с изменениями в соотношении церковной и светской, городской, власти в XVI в. в некоторых текстах устава (в «Стоглаве», в Степенной книге) «лещцы» исчезают из перечней церковных людей.

Дополнительный текст о церковных людях не ограничивается их перечислением. Если в архетипе устава, судя по совпадению статей в Оленинской редакции и архетипе Синодально-Волынской группы, в комплекс статей о церковных людях входила еще вторая статья, о том, что они принадлежат юрисдикции митрополита или епископа, то в изучаемой сейчас обработке появились нововведения. Здесь указываются еще те дела, по которым они подсудны высшей церковной власти: «суд, или обида, или котора, или задница». Кроме того, архетип группы содержит еще третью статью, дальше развивающую законоположения о церковных людях: здесь устанавливается смешанный суд — княжеский и митрополичий (епископский) для дел, касающихся и церковных и светских людей. Таким образом, мы имеем здесь дело со следами какой-то кодификационной работы по выделению определенных групп населения под церковную юрисдикцию.

Наряду с расширением церковной юрисдикции на «прощеников» и «лещцов» составитель этой обработки отдавал церкви еще значительную группу населения, связанную с рядом учреждений средневекового города. Вслед за статьей о церковных людях в этом тексте идут следующие названия: «монастыреве, больницы, гостиници, странноприимници». Содержание этого перечня, насколько мне известно, не было предметом специального рассмотрения, но исследователи — составители словарей, включая эти термины в свои работы, давали им объяснения. Так, в «Материалах» И. И. Срезневского термин «гостиници» понимается как множественное число от «гостинник» — «приниматель гостей»²⁴¹. Г. Е. Кочин видит в «больницах» и «странноприимницах» обозначение

²⁴¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стр. 568.

особых групп людей, считая их множественным числом от слов «больник» и «странноприимник»²⁴².

Иначе говоря, указанные исследователи понимают три последних из четырех интересующих нас терминов как обозначение категории людей, принадлежащих церкви и входящих в перечень церковных людей. Такое мнение может основываться, очевидно, на следующих положениях: 1) этот перечень следует в виде продолжения списка церковных людей и в свою очередь завершается таким ясным указанием: «То люди церковные богадельные...»; 2) такие термины, как «странноприимник», «гостинник», существовали для обозначения содержателей странноприимниц и гостиниц и известны в памятниках письменности; 3) в некоторых поздних списках и обработках устава вместо раннего «странноприимници» стоит «странноприимци», т. е. имеются в виду несомненно люди.

Однако здесь мы имеем перечень не церковных людей, а учреждений, которые, как видно по восстанавливаемому нами тексту устава, принадлежали церкви.

Четыре интересующих нас термина не входят в статью о церковных людях. Это поздняя вставка в текст, которая разорвала связь между списком людей и следовавшими далее словами «то люди церковные богадельные», и вклинилась между ними.

По существу, это новая статья устава, не имевшая начальных слов, но сопрягавшаяся со статьей о церковных людях каким-либо таким образом: [Церковными людьми являются также те, кто принадлежит таким учреждениям, как] монастыри, больницы и т. д. Так понимает этот перечень и Николай (Ярушевич): «Устав, очевидно, говорит этим о подсудности церкви всех вообще людей, живших в монастырях и в названных церковных заведениях, — начальников и слуг этих последних»²⁴³.

Мы видим, таким образом, в этой обработке устава попытку распространить власть церкви на ряд «богоугодных» заведений: больницы и пр. Но каково среди них место монастырей? Как в ряду учреждений, опекавших людей, оказавшихся выбитыми из колеи обычной деревенской или городской жизни вследствие тяжелой болезни, одинокой старости или голода, заставившего бросить родину, оказались эти типичные церковные организации средневековья? Быть может, мы будем вправе предположить искажение первоначальной формы первого слова — вместо «монастыреве» читать «монастырьские» и видеть здесь перечень монастырских учреждений так, как понимал статью редактор обработки устава в XVI в. Эта позднейшая Иоасафовская редакция содержит такой текст: «монастыри, и бани их, и врачи их, больницы, и врачи их, пустынници, странноприимци»²⁴⁴.

²⁴² Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря, стр. 31, 348.

²⁴³ Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича (1649 г.) стр. 141.

²⁴⁴ УКВ, стр. 70.

Упоминание в уставе Владимира больниц, гостиниц, странноприимниц было в науке XIX—начале XX в. одним из доводов в пользу принадлежности его не домонгольскому, а позднему, московскому времени, поскольку эти учреждения тогда на Руси не существовали. Голубинский считал, что поздний автор устава переносил в своем воображении на Русь порядки греческие, предоставляя ведению епископов богоугодные заведения («которых у нас не было») ²⁴⁵. А. Е. Пресняков также полагает, что «упоминание о благотворительных учреждениях могло быть простым переносом греческой формулы и греческой практики, имевшей для духовенства на Руси значение привычной программы, плана действий» ²⁴⁶.

Однако скептицизм относительно возможности предположить существование всех этих учреждений в XII—XIII вв. вызван лишь неизученностью истории так называемых благотворительных учреждений на Руси и письменных памятников, рассказывающих об этих институтах.

Историки медицины считают, что крупной заслугой средневековой медицины Востока была создание гражданских (в отличие от военных в Древнем Риме) больниц и аптек ²⁴⁷. В Византии учреждения для призрения больных находились в монастырях и существовали уже в IV в. В уставе монастыря Пандократора в Константинополе 1136 г. подробно говорится о большой больнице, оговариваются ее функции и штат ²⁴⁸. В Западной Европе «божие дома», т. е. те же больницы, появились вслед за восточными: в Лионе — в VI в., в Париже — в VII в., в Лондоне — в XII в. Западноевропейские больницы большей частью также устраивались при монастырях ²⁴⁹. В XIII в., в пору католического проникновения в Восточную Прибалтику, около Риги был основан госпиталь св. Георгия, который был одновременно благотворительным приютом, ночлегом для путешественников и лечебницей, а во время войн — и укрепленным пунктом ²⁵⁰.

На Руси первые сохранившиеся свидетельства о больницах относятся к XI в. Старшим из них является рассказ в Житии Феодосия Печерского о больнице в Киево-Печерском монастыре, устроенной еще самим Феодосием, следовательно, в 1060—1070-х годах (он умер в 1074 г.). Феодосий «сътвори двор близь монастыря своего и церковь възгради в немь св. пьрвомученика Стефана, ту же повеле пребывати нищим, и слепым, и хромым,

²⁴⁵ Е. Е. Голубинский. История, т. I, стр. 626—627.

²⁴⁶ А. Е. Пресняков. Лекции, стр. 117.

²⁴⁷ М. П. Мультиановский. История медицины. М., 1961, стр. 75.

²⁴⁸ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Тупица, Киев, 1895, стр. 671 и сл.

²⁴⁹ М. П. Мультиановский. История медицины, стр. 73.

²⁵⁰ П. И. Страдынь и др. Заметки о врачебной деятельности ливонских монахов. — «Из истории медицины». Сб. статей, т. I. Рига, 1957, стр. 30.

и трудоватым и от монастыря подаваше им, еже на потребу»²⁵¹. Нельзя, естественно, переносить на средневековые наши современные представления о больничных учреждениях и их задачах. Но другой источник, Киево-Печерский патерик, не только подтверждает существование в монастыре учреждения, где тяжелобольные люди могли найти свое последнее прибежище, но сообщает о «вполне оформленной амбулаторно-больничной организации», как называет эту монастырскую больницу исследователь древнерусского врачевания Н. А. Богоявленский²⁵².

Патерик позволяет достаточно хорошо убедиться в характере этого заведения. Оно не было институтом для содержания только больных иноков монастыря, сюда приносили посторонних больных, постригали их, как перед смертью, затем показывали настоятелю. «Ин же некто, тако же болен, принесен бысть в Печеру и пострижен; и мниси же на то устроении, болным служити, вземъше и сего, несоме к Пиминови...»²⁵³ Для ухода за больными, следовательно, здесь были специально выделенные монахи, которые иногда «небрежение же имуще о таковой службе, и сею [больных] в забытие повергоша, и изнемогоша болнии безводием»²⁵⁴.

Киево-Печерский монастырь в XI в. на Руси не имел соперников по устройению и богатству, но уже в XII в. с ним могли соревноваться другие, прежде всего новгородские монастыри. Однако древнерусские источники указывают на существование больниц не только при монастырях, но и при епископских кафедрах.

«Повесть временных лет» сообщает о большом строительстве в Переяславле южном при епископе Ефреме, поставленном в 1095 г. Он окончил и освятил Михайловский собор, заложил несколько церквей, город каменный, «строение банное» и украсил Переяславль церковными строениями «и прочими зданьи»²⁵⁵. Никоновская летопись дополняет этот перечень указанием на врачей в больницах, устроенных Ефремом: «и врачеве, и больницы, всем приходящим безмездно врачевание...»²⁵⁶.

Перед нами другое свидетельство о существовании больниц в Древней Руси, близкое к рассказу Патерика и поэтому не вызывающее сомнения.

Мы не располагаем другими свидетельствами о древнерус-

²⁵¹ О. Бодянский. «Житие Феодосия, игумена Печерского, съписание Нестора». — «Чтения в ОИДР», 1858, июль—сентябрь, кн. III, раздел III, л. 20.

²⁵² Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание. XI—XVII вв. М., 1960, стр. 165—169.

²⁵³ «Киево-Печерский патерик», стор. 181.

²⁵⁴ Там же, стор. 181—182.

²⁵⁵ ПВА, вып. 1, стр. 137.

²⁵⁶ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 116.

ских больницах XI—XIII вв. Новая серия известий начинается с XV в. и тянется уже до нашего времени непрерывно²⁵⁷.

Если относительно существования в домонгольской Руси заведений, которые служили местом для помещения тяжелобольных и назывались больницами, у нас сейчас нет сомнений, то относительно других названных учреждений мы не имеем столь прямых и бесспорных свидетельств.

Несомненно, что гостиницы как дома для ночлега приезжающих были известны на Руси очень рано, по византийской переводной литературе. Так, мы встречаем это слово для перевода греческих *ξενοδοχείον*, *πανδοχείον* в Остромировом евангелии, Ефремовской кормчей, Синайском патерике — рукописях XI—начала XII в.²⁵⁸ В русских литературных памятниках слово «гостиница» в том же значении также упоминается, однако во всех известных нам случаях здесь даются готовые греческие образцы, хотя уже в новой, местной трактовке. Так, дважды упоминает гостиницу Кирилл Туровский, рассказывая притчу об исцелении Христом расслабленного: «Иже из ада изметь падъшаго ранами, на свои скот възем; в гостиньницю принесе»²⁵⁹ и далее: «...и възьм на тѣла моего скот, вънесох в гостиньницю — святую церковь, дах два срѣбрьника гостиньнику — новый и ветъхый закон святителем...»²⁶⁰.

Другое известное нам упоминание — в «Слове» Даниила Заточника. В этом владими́ро-суздальском памятнике XII—XIII вв. находится образное сравнение злой жены с «гостиницей», причем разные группы списков дают различные эпитеты: «гостиница неуповаемая», «гостиница неусыпаемая»²⁶¹. Этот художественный образ также заимствован из византийской литературы через болгарский памятник — Изборник 1073 г. В последнем также встречается «гостиница несъпасьная», что И. И. Срезневский считает переводом греческого „*ξενοδοχείον ασώτων*“²⁶², т. е. дом разврата. Но Даниил Заточник иначе понимает это сравнение. Для него

²⁵⁷ Приведем лишь наиболее раннее. Составитель описания страшной бури с громом и молнией под 6927 (1419) г. в Летописи Авраамки, чтобы объяснить невозможность для человека постичь причину, почему один может быть поражен при «громогласнемъ томъ шибании», а другой нет, иллюстрирует это известными ему случаями из больничной практики: «яко же бо в едино[и] болнице мнози на одре лежать, да иныи от них въставляются (выздоровливают), друзии от них различными суды (смертями) сканчиваются» (ПСРЛ, т. XVI, стр. 171).

²⁵⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стр. 567.

²⁵⁹ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. («Сказание Кирилла Туровского о черноризском чину»). — ТОДРЛ, т. XII, стр. 358.

²⁶⁰ «Слово Кирилла Туровского о расслабленном». — ТОДРЛ, т. XV, стр. 335.

²⁶¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 28—29, 119.

²⁶² «Изборник Святослава 1073 г.». Факсимильное издание ОЛДП. СПб., 1880, стр. 174. И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стр. 431.

злая жена — никогда не затихающая (неусыпаемая), не позволяющая быть доверчивым и беспечным (неуповаемая) гостиница. Можно думать, что здесь нашло отражение действительное знакомство автора с беспокойными ночлежными домами своего времени.

В памятниках русского происхождения, собранных И. И. Срезневским, Г. Е. Кочиним, в Картотеке словаря древнерусского языка, за исключением изучаемого устава, слово «странноприимница» неизвестно. Но в переводных византийских сочинениях оно также встречается часто и главным образом при переводе термина *ξενοδοχεῖον* в значении дома для престарелых, для бездомных больных. Так, Макарий Великий «сзда странноприимницу, тамо приходящая, и болящая, и странная приемляше, и всякой потребе сподобляше их»²⁶³; другой святой-столпник «создах церковь и... монастырь и собрах мних 40, и створих странъноприимницу на службу больным»²⁶⁴. Наиболее интересно указание «Глав от различных тител, рекше граний Устиньяна царя новых заповедей», т. е. выборки новелл из Фотиева номоканона, которая помещена в Сербской кормчей, Рязанском списке 1284 г. и во всех русских редакциях кормчей, восходящих к обработке 1274 г., в том числе в Новгородской Синодальной и др. Так, здесь в главе 1 Второй грани рассматривается случай завещания в пользу убогих, когда завещатель не укажет «имене которыя». В этом случае «странъноприимник того града приметъ именье, и от продания его купитъ потребная; аще же многи странъноприимци боудуть в граде, убожаиши странъноприимникъ сия да возметъ... Аще же не имать странъноприимца градъ, да раздаеть именье от епископа или от иконома нишим...»²⁶⁵.

Мы не знаем, когда институты странноприимства и странноприимницы появились на Руси. Сосредоточение в городах большого числа людей, значительный социальный гнет, приводивший к народным восстаниям, болезни и неурожаи побуждали господствующий класс не только силой подавлять недовольство городских низов, но и искать другие пути, предохраняющие от новых вспышек. Богатый опыт Византии, которым располагала церковь, делал именно эту организацию способной пытаться как-то ослабить общественные противоречия и искать выход из положения.

Одной стороной ее деятельности была проповедь общественного примирения, призывы к сидящему «надъ мьногоразличною тряпезою», «в тепле храмине и без боязни изнажившъся» помнить «сухъ хлеб ядуштааго и не могуштааго си воды принести недуга ради», и убогих, которые «лежать ныня дъждевьными каплями, яко стрелами пронажяеми...», отразившиеся в этих словах

²⁶³ «Великие Миней четьи», вып. 1. Сентябрь, 1—13. СПб., 1869, стр. 539.

²⁶⁴ БАН 17.11.4. (Пролог XIV в.). См. КСДРЯ.

²⁶⁵ По списку Новгородской Синодальной кормчей. И. И. Срезневский. Обзорение древнерусских списков кормчих книг, стр. 182—183.

Изборника 1076 г.²⁶⁶, в призывах Луки Жидяты: «Помните и милуйте странныя и убогыя, и темничники...»²⁶⁷, и других памятниках.

Организация этой помощи на средства, которыми очень скоро стала располагать церковь на Руси, — вторая сторона того же явления. Устройство больниц (вторая половина XI в.: Киев, Переяславль), странноприимниц в крупнейших феодальных центрах, при богатых монастырях и кафедрах не только помогало ослабить бросающиеся в глаза противоречия средневекового города, но и поднимало престиж и роль церкви. Недаром в «Правиле о церковных людях» права церкви на большие материальные средства обосновываются при помощи перечисления множества богоугодных дел, которыми занимается церковь и которые требуют денег.

Мы не можем связывать появление в Уставе Владимира перечня церковных учреждений с возникновением ранних проповедей и поучений о богатстве. Еще в 1130-х годах, когда создавалась Смоленская грамота, этого перечня, очевидно, не существовало. Однако и далеко относить его возникновение у нас также нет оснований.

Архетип Синодально-Волынской группы может быть восстановлен в следующем виде. В основу положен текст Синодальной редакции по старшему Синодальному списку. Наиболее важные исправления обоснованы выше, другие указываются в подстрочных примечаниях.

I

[Ст. 1]. Во имя отца, и сына, и святого духа.

[Ст. 2]. Се яз, князь Василии, нарицаемы[и] Володимир, сын Святославль, внук Игорев [и] блаженъя княгини Ольги, въсприят есмь святое крещение от грецьского царя и от Фотия патриарха^а, взях първого митрополита Леона Киеву, иже крести всю землю Русьскую^б.

[Ст. 3]. По том же летом многим минувшем создах церковь святыя Богородица Десятинную и дал ей десятину по всей земли Русьстей, ис княжения в соборную церковь от всего княжа суда десятую векшу, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето от всякого стада и от всякого жита чюдному Спасу и чюдней его матери.

[Ст. 4]. По томъ разверзьше грецьскый номоканон и обретохом в немъ, оже не подобаеть сих судов и тяжь князю судити, ни бояром его, не судьям.

²⁶⁶ «Изборник 1076 г.». М., 1965, стр. 229—231. Ср. И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 118—119.

²⁶⁷ «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. 1. СПб., 1894, стр. 14—15.

^а В Син. далее Царегородьскаго.

^б Так в Вол., Арханг., Архивн. в Син. далее святым крещением.

[Ст. 5]. И яз, съгадав съ своєю княгинєю с Анною и съ своимъ детми дал есмь ты[и] суды^в церкви святей Богородицы^г, митрополиту и всем [е]пискупиям по Русьской земли.

[Ст. 6]. А по семь не надобе вступатися ни детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века ни в люди церковные, ни во все суды их.

[Ст. 7]. То все дал есмь по всем городом, и по погостом, и по свободам^а, где христиане суть^о.

[Ст. 8]. А се церковнии суди: распуст, смилное, заставанье, умыкание^ж, пошибание, промежи мужем и женою о животе, в племени или в сватъстве поимуться, ведьство, зелиничьство^з, урекания три бляднею и зельи, еретичьство, зубоежа, или сын отца бьетъ, или мать, или дчи, или сноха свекровь, братья или дети тяжются с задницю, церковная татба, мартвеци сволочать, крест посекуть или на стенах режють, скот, или псы, или поткы без великы нужи въведеть, или ино что неподобно церкви подееть^н.

[Ст. 9]. Те все суды церкви даны суть; князю и бояром и судьям их в ты суды не lze въступатися.

[Ст. 10]. То все дал есмь по пьрвых царев уряженью и по вселеньских святых семи зборов великих святитель.

[Ст. 11]. Аще кто преобидить нашъ устав, таковым непрощеным быти от закона божия и горе себе наследуютъ^к.

II

[Ст. 12]. Еже искони уставлено есть и поручено святым [е]пискупьям городьские и торговые всякая мерила, и спуды, и звесы, ставила от бога тако искони уставлено [е]пискупу блюсти бес пакости, ни умалити, ни умножити, за все то дати ему слово в день суда великого, яко же и о душах человеческих.

III

[Ст. 13]. А се церковные люди: игумен, поп, дьякон^а, и кто в клиросе^м, чернец, черница, попадия^н, проскурница, попович^о, лечец, прощеник, задушный человек^п.

[Ст. 14]. Монастыреве, болнице, гостинице, странноприимнице.

^{в-г} Так в Волын.; в Син. церквам. ^{д-о} Так в Волын., Варсон., Маркел., Арханг.; в Печ. где суть христиане; в Син. где нь суть христиане; в Археогр., где ни суть христиане.

^а Далее в Син. и своим... наместника нет в других ред. группы. ^ж Так в Волын., Олен. В Син. и Варсон. умыкание здесь пропущено. В Син. списке вставлено умычка над пошибание.

^з Так в Волын., Варсон. В Син. далее потвори, чародеяния, волхования. ^з Далее в Син. или два... дѣтя повържеть; нет в других ред. группы. ^н Так в Волын., Варсон.; в Син. далее дети их.

^к Так в Волын., Варсон.; в Син. нет. ^о Так в Волын., Варсон. В Син. вместо попович — паломник.

^п В Син. далее стороник, слепецъ, хромецъ.

[Ст. 15]. То все люди церковные, богадельные; митрополит или [е]пискуп ведаеть межи ими суд, или обида, или котора, или задница.

[Ст. 16]. Аже будеть иному человеку с тымъ человеком речъ, то обчий суд ^Р.

Восстанавливаемый текст устава Владимира представляет собой обработку памятника, в которой отразились изменения в положении церкви на Руси, ее юрисдикции. Временем создания обработки можно считать рубеж XII—XIII вв. или первую половину XIII в., ибо ко второй половине века должны быть отнесены новые ее переработки на севере Руси и на юго-западе. Для установления места создания этой обработки у нас недостаточно данных. Некоторые сведения мы можем, однако, получить из статьи о мерилах.

Во-первых, выше установлено, что эта статья южнославянского (вероятно, болгарского) происхождения. Можно думать, что она в составе какого-то большого памятника скорее могла проникнуть в Южную Русь, чем в Северную или Северо-Восточную, а уже затем, получив право гражданства на Руси, нашла дальнейшее распространение. Если так, то и возникновение текста устава, источника новгородской (Синодальной), северо-восточной (Варсонофьевской), галичской (Волинской) и туровской (Печерской) редакций нужно связывать с Южной Русью ²⁶⁸.

Во-вторых, обращает на себя внимание, что в статьях, появившихся в обработке, нет упоминаний митрополита, митрополичьей кафедры. Здесь сообщается лишь, что «все суды церкви даны суть». А статья о мерилах говорит о принадлежности контроля и ответственности за мерила не митрополиту, а «св. пискупьям» (Синод. ред.) или «св. епископом» (Волинск. ред.). Если принять, что эта статья южнославянского происхождения при включении в устав подверглась обработке, приспособлению к местным условиям, то упоминание в ней только епископа, а не митрополита явится основанием относить эту ее обработку и вместе с ней создание интересующей нас редакции устава не к Киеву, а к одной из епископских кафедр Южной Руси, например к Чернигову или Переяславу.

Некоторым подтверждением последнего наблюдения может служить также тот факт, что обработка устава, включившая статью о мерилах и ряд дополнений о церковных судах и церковных людях, не получила повсеместного распространения на Руси, точнее, не вытеснила другой, более древний текст устава, сохранившийся в Оленинской редакции. Если бы интересующая нас редакция вышла из официальной канцелярии митрополита, можно было

²⁶⁸ Интересно в этой связи сопоставить распространение и переработки этого южнорусского текста первой половины XIII в. в Галицко-Волинской Руси и в Новгороде с распространением и обработкой в этих местах Киевской летописи 1238 г., что установил В. Т. Падуго («Очерки...», стр. 21—68).

^Р Так кончается Волин., Варсон.; в Син. далее Кто преступить... отец вселенских.

бы ожидать, что это церковное общегосударственное издание, устава заменит собой все предшествующие его издания. Впрочем, степень централизации управления в первой половине XIII в., в период существования самостоятельных княжеств, не нужно преувеличивать.

Выше было замечено, что не все статьи, отличающие архетип Синодально-Волынской группы от его источника, появились в тексте этого архетипа одновременно. Так, статья о благотворительных учреждениях является, очевидно, вставкой, появившейся после создания следующей статьи. Таким образом, нельзя говорить о единовременном создании текста этой редакции и сохранении его затем в списках без изменений. Не исключено, что и другие новые элементы, характерные для этой редакции, появлялись в ней постепенно. Тогда в создании текста конца XII—первой половины XIII в. могли принять участие несколько церковных центров.

Оленинская редакция XII—XIII вв.

Оленинская редакция устава Владимира является наиболее распространенной редакцией после Синодальной. Она известна более чем в 20 списках в рукописях разного состава. Издавая устав Владимира в 1915 г. по известным ему спискам, В. Н. Бенешевич разделил их на две группы — *A* и *B* и выделил внутри второй группы два вида *Ба* и *Бб*. С. В. Юшков обоснованно отошел от этой классификации, показав, что текст устава группы *A* в Летописце русских царей принадлежит той же редакции, что и находящаяся в сборниках Археографического (*Ба*) и Архангельского (*Бб*) типа²⁶⁹. Тем самым группы *A* и *B* он объединил в одну редакцию, состоящую из трех видов: 1) в «Летописце русских царей» (*A*), 2) в сборниках Археографического типа (*Ба*) и 3) в сборниках типа «Златой Цепи», Архангельского типа и их вариантах (*Бб*). Мы будем называть эти виды Архивным²⁷⁰, Археографическим²⁷¹ и Архангельским изводами²⁷².

Взаимоотношение этих изводов между собой было специально изучено Юшковым. Он пришел к выводу, что все три вида восходят к общему архетипу и не являются переработкой один другого. При этом Ипатьевский и Археографический изводы (виды *Бб* и *Ба*) более близки друг к другу, чем к Архивному изводу (группа *A*), а из двух изводов к Архивному ближе Ипатьевский (*Бб*)²⁷³.

²⁶⁹ С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, стр. 21.

²⁷⁰ Единственный список — ЦГАДА, ф. МГА МИД, № 902—1468 (МА).

²⁷¹ Основной список — Археографический (Комиссионный) Новгородской Летописи (*Aρ*).

²⁷² Как показано ниже, Архангельский извод состоит из двух видов: Архангельского (основной список Овчин. 156, *ОвА*) и Ипатьевского (основной список в Ипатьевском сборнике ГИМ, Муз. 1009, *Ип.*).

²⁷³ С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, стр. 96.

Наряду с изводами, установленными Юшковым, должны быть выделены еще два новых. Один из них, Маркеловский, обнаружен нами в сборнике XVII в., содержащем выписки из кормчих, епитимийные правила, полемические антилатинские статьи и сочинения Максима Грека²⁷⁴. Второй новый извод — Пушкинский, о котором уже говорилось выше. Это дефектный текст, включающий только три первые статьи, но представляющий несомненный интерес, поскольку он отразил какие-то особые условия в положении церкви (торговая десятина указана в размере 50%!) и сохранил ранние черты, утраченные в других изводах.

Ни один из изводов Оленинской редакции не сохранил текста архетипа. Различия между этими изводами показывают, что все они подверглись значительным и неоднократным изменениям за время с возникновения этого архетипа до XV в., к которому принадлежат наиболее ранние из сохранившихся списков.

Среди пяти изводов Оленинской редакции может быть выделено две группы, каждая из которых показывает общее происхождение от одного текста. В первую, Архангельскую, группу входят Архангельский, Пушкинский и Археографический изводы, во вторую, Архивную, — Архивный и Маркеловский. Наиболее существенные черты, различающие эти группы, — положения, которые есть в Архангельской группе и отсутствуют в Архивной:

1. Перечень видов десятины: «от всего суда десятый грош (десятую векшу в Пушк. и Археогр. изводах), а из торгу десятую (вторую в Пушк. изв.) неделю, и из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого живота» (жита в Пушк. и Археогр. изводах).

2. Два термина для обозначения суда: «тяжеб (тяжь) и судов судити» в Архангельской группе и один термин «судов судити» — в Архивной группе.

3. Упоминание в ст. 6 «градов», «погостов» и «свобод, где христиане суть», как территории действия устава в Архангельской группе и отсутствие термина «погост» в Архивной группе.

4. Санкция после названной выше статьи и перед перечнями церковных судов и церковных людей: «А кто уступить на мое данье, суд мне с тем перед богом, а митрополиту проклинати его збором», которая отсутствует в Архивной группе.

Каково взаимоотношение этих групп? Обращают на себя внимание однотипные отличия между ними — текст Архангельской группы шире Архивной, и во всех случаях различия сохраняется такая большая «полнота» текста Архангельской группы.

Основываясь на наблюдениях относительно разночтений в пунктах 2 и 3, мы считаем, что различие групп возникло в результате сокращения архетипного текста при создании Архивной группы, а не наоборот, пополнения этого текста при создании Архангельской группы. Действительно, термин «тяжа», употреблявшийся

²⁷⁴ ОвМ в рукописи, купленной П. П. Овчинниковым в 1900 г. у П. П. Маркелова из Балакова (в районе Иргиза).

в XII—XIII вв. так же часто, как и термин «суд», в XIV—XV вв. становится малоупотребительным и мог быть опущен при переработке текста устава. Отсутствие в Архивной группе «погостов» также скорее может быть объяснено утратой со временем первоначального, административно-территориального значения этого термина, особенно на южнорусских землях. При этом термины «город» и «свобода», сохранившие свое значение и в XIV—XV вв., остались без изменения.

Наиболее важным для решения вопроса о соотношении двух групп является наличие в середине текста устава Архангельской группы заклатья, и отсутствие его в Архивной группе. Это место заклатья может быть объяснено историей сложения текста устава в Оленинской редакции и сравнительно поздним присоединением к нему трех последних статей о церковных судах и церковных людях. При переработке устава, связанной с созданием архетипа Архивной группы, заклатье, оказавшееся в середине памятника и противоречившее следующим «дарам» князя церкви, было опущено.

Вторичность Архивной группы относительно Архангельской объясняет и отсутствие перечня видов десятины в первой из них. Развитие феодального общества в XI—XV вв. привело к значительному изменению в соотношении источников материального обеспечения церкви — с ростом церковной земельной собственности и расширением судебных прав церкви роль десятины сошла на нет, и сам термин «десятина» изменил свое значение: в севернорусских княжествах им стали называться отчисления в пользу местной верховной церковной власти от доходов церквей и монастырей, а на юго-западных землях десятину платил уже не князь, а все население. С этими процессами связан, очевидно, пропуск в уставе Владимира перечня видов княжеской десятины, который когда-то имел большое экономическое и политическое значение²⁷⁵.

Среди изводов Архангельской группы могут быть, в свою очередь, определены старшие и младшие изводы. Вторичным сравнительно с Архангельским является Археографический извод.

С. В. Юшков, специально исследовавший комплекс статей, окружающих устав Владимира, который он назвал сборником княжеских уставов, выделил ряд его редакций²⁷⁶. Оказывается, сборник уставов 2-й редакции, включающий Археографический извод устава Владимира, является переработкой по сравнению со сборником 1-й редакции, содержащим Оленинскую редакцию устава²⁷⁷. Действительно, в приложении к Комиссионному списку Новгородской I летописи, кроме названного комплекса княжеских

²⁷⁵ См. «Древнерусское государство и его международное значение», стр. 297—315.

²⁷⁶ С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921.

²⁷⁷ Там же, стр. 13.

уставов, находится и второй комплекс, также своеобразный сборник, включающий устав кн. Всеволода, Правду Русскую в соединении с «Законом судным людем», устав Ярослава о мостах и «Рукописание» кн. Всеволода Мстиславича²⁷⁸. Он является дальнейшим пополнением и расширением древнего юридического сборника, сохранившегося в рукописях Архангельского типа.

История отдельных памятников внутри сборника княжеских уставов также показывает, что сборник Археографического типа претерпел значительные изменения как при включении его в Новгородскую I летопись, так и раньше. Как ранее было установлено²⁷⁹ и уточняется ниже, Археографический извод Пространной редакции устава Ярослава является сводным и переработанным изводом, отразившим ряд дошедших и не дошедших до нас текстов, в том числе архетипа редакции, списка Краткой редакции, нескольких списков Основного (Архангельского) извода и устава Владимира.

Археографический извод устава Владимира возник в результате правки текста, близкого к Архангельскому изводу, по тексту Синодальной редакции. В результате этой правки в Археографическом изводе появились такие отсутствующие в других изводах Оленинской редакции и всех других редакциях чтения, как «Царгородского», «св. крещением» (ст. 1); «в соборную церковь» (ст. 2); «тыя суды церквам» (ст. 4); статья «и своим тиуном приказываю»; чтения: «потворы, чародеяния, вльхования» в перечне церковных судов, а также чтения, общие для Синодально-Волынской группы редакций, но отсутствующие в других изводах Оленинской редакции: «урекания три: бляднею, зельи...», «зелейничьство» — в перечне церковных судов, «и кто в клиросе», «лечец, прощеник» — в перечне церковных людей.

Влиянием Синодальной редакции может быть объяснено и появление имени «первого митрополита» Леона в отличие от имени Михаила в других изводах Оленинской редакции. Однако это изменение имени еще не решает вопроса об имени в архетипе устава.

Можно предположить, что списком Синодальной редакции, который был использован составителем Археографического извода, был сам сохранившийся Синодальный список в приложении XVI в. к Кормчей 1280-х годов или близкий к нему список.

Из семи изводов Синодальной редакции (Синодального, Крестининского, Румянцевского, Овчинниковского, Белозерского, Волоколамского и извода «Стоглава») шесть последних возникли в результате непосредственной или опосредованной обработки первого. Сравнение с Археографическим изводом Оленинской редакции этих изводов Синодальной редакции показывает, что автор изучаемой

²⁷⁸ НПЛ, стр. 485—509.

²⁷⁹ Я. Н. Шапов. Редакции устава кн. Ярослава Владимировича, стр. 499—501.

обработки имел дело со списком Синодального извода, а не другого. Это видно хотя бы по статье «своим тиуном приказываю», которая во всех пяти поздних изводах Синодальной редакции имеет добавления, отсутствующие в Археографическом изводе.

Синодальный извод известен в нескольких списках, большая часть которых является копиями XVII—XVIII вв. с Синодального списка. Второй ранний список этого извода, Егоровский (конец XV—начало XVI в.), близок к Синодальному, однако трудно установить, является ли он также копией с него. Таким образом, составитель новгородского Археографического извода использовал для приспособления текста Оленинской редакции к местным условиям не дошедший до нас старший текст новгородской Синодальной редакции.

Внутри Архангельского извода устава Владимира выделяются два вида: Архангельский и Ипатьевский²⁸⁰. Изучение текстов других сходных по своей судьбе памятников, входящих в те же рукописи, — устава Ярослава и «Правила о церковных людях», показывает, что Ипатьевский вид является переработкой текста, близкого к Архангельскому, «Основному» в терминологии изводов устава Ярослава. Однако источником Ипатьевского является, очевидно, не архетипный текст Архангельского вида устава Владимира, а другой, близкий к нему текст, бывший источником для обоих видов. На это указывает отсутствие в ст. 10 Архангельского вида в перечне церковных людей попа и попадьи, которые упомянуты в других текстах Оленинской, в том числе в Ипатьевском виде, и редакциях Синодально-Воынской группы.

В других случаях Архангельский вид лучше сохранил первоначальный текст этого извода. Принимая во внимание, что и другие составные части сборника княжеских уставов — устав Ярослава, «Правило о церковных людях», и сама обработка этого сборника ближе к первоначальному виду, нужно считать Архангельский вид устава Владимира более важным при изучении содержания первоначального текста Оленинской редакции.

Сборники Архангельского типа известны в шести списках, старшим из которых является связанный с Архангельском Овчинниковский список начала XVI в.²⁸¹ Все они одного содержания и различаются только добавочными статьями в конце. Сборник сложен по составу. Он состоит из нескольких комплексов статей: полемические антилатинские статьи («Константинов дар», повести о семи соборах, о фрязах, «Прение Панагиота с Азимитом»); епитимийные правила (среди них «Вопрошание Кирика», ответы на вопросы Феогноста); юридические памятники — статьи кормчей (собрание новелл Юстиниана, из законов Моисеевых, Правило

²⁸⁰ В. Н. Бенешевич положил в основу издания текст по Ипатьевскому списку, как наиболее раннему (гр. Бб 10), а списки Архангельского (Бб 17, 18) использовал в разночтениях (УКВ, стр. 3—7).

²⁸¹ ГБЛ, Овчин. 156 (Ов.А). Список указан мне Л. В. Тигановой и Н. Б. Тихомировым.

патриарха Германа о непоставлении рабов в священники), статьи, не входившие в ранние кормчие (Книги законные, включающие Земледельческий закон, древнерусские княжеские уставы Владимира и Ярослава, «Правило о церковных людях», Правило 165 св. отец) и др.

Анализ состава сборника позволяет датировать его создание временем не позже начала XV в. Повести о семи соборах, сочинения «О фрязах и о прочих латынях», «От различных титул Устианиана», статьи о браках стали известны на Руси вместе с Сербской кормчей и вошли в 70-главую русскую кормчую 1274 г. «Прение Панагиота с Азимитом», как определил А. Н. Попов, известно в славянских списках с XIV в. Возникла эта сатира на Михаила VIII Палеолога в Византии не позже 1282 г., до его смерти²⁸². В группе епитимийных статей ответы на вопросы Феогноста Сарайского датируются 1276 г.; «Устав людем о великом посте», как выяснил С. И. Смирнов, говорит только о трех постах, не упоминая еще об успенском, и является поэтому памятником ранее XIV в. «Правило св. апостол и отец» о новопокаявшемся Смирнов также относит к XIII в., так как оно вносит изменения по сравнению с более строгими требованиями правил Нифонта середины XII в., но не знает еще успенского поста. При этом «Устав о среде и о пятке», также находящийся в сборнике, по Смирнову, входил в общую практику в XIV в.²⁸³ Правило «Аще двоеженец» и связанное с ним «Правило св. отец о церкви» Смирнов связывает с Новгородом и датирует первое не позже второй половины XIV в.²⁸⁴, а второе — временем с конца XIII до второй половины XIV в.²⁸⁵ Подложная грамота Константина находится здесь в редакции, греческие списки которой, как определял Павлов, не старше XIV в.²⁸⁶ На время до середины XV в. косвенно указывает и то, что сборник не содержит распространенных в XV в. полемических статей, связанных с Флорентийским собором 1439—1442 гг., как и других сочинений XV в.

Неожиданным является указанное выше отсутствие в перечне церковных людей Архангельского вида такого типичного для других текстов объекта владычного суда, как поп. Это, несомненно, не случайный пропуск — здесь не упоминается и попадьа, которая есть в перечнях других изводов и редакций. Перед нами свидетельство особого соотношения юрисдикции церковной и светской власти, сложившегося там, где обработка возникла. Возможно, здесь мы встречаемся с отголосками того же положения, о кото-

²⁸² А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, стр. 238—248.

²⁸³ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины, стр. 429—431.

²⁸⁴ Там же, стр. 350.

²⁸⁵ Там же, стр. 369—370.

²⁸⁶ А. С. Павлов. Подложная дарственная грамота Константина Великого. — «Византийский временник», т. 3. СПб., 1900, стр. 18—82.

ром сообщает ряд памятников Литовского великого княжества. Здесь имеется в виду фактическое отсутствие во второй половине XIV в., в пору усиления феодальной раздробленности на землях Руси, вошедших в состав этого государства, и ослабления центральной власти православной церкви, церковной (митрополичьей и епископской) юрисдикции над священниками ктиторских церквей, принадлежавших князьям и боярам. Такие священники находились в полной власти светских феодалов. «Свиток Ярославль», который мы датируем первой четвертью XV в., стремится положить конец этому состоянию, предписывая: «Митрополия и епископская власть цела и нерушима да пребудет над всеми презвитери во пределах их сущими, и не имет никто з мирских князей и бояр заступати ни единого презвитера в каковом либо деле от епископа...»

Уточнить время обработки устава и сложения сборника помогает анализ текста устава Ярослава в том же сборнике. Как показано ниже, титул митрополита не позволяет относить обработку ко времени ранее конца XIV в. На то же время указывает упоминание в статьях сборника денежной единицы гроша. В уставе Владимира грош заменяет векшу древних текстов, сохранившуюся в Синодальной и Волынской редакциях. Та же единица употреблена и в Книгах законных. Здесь греческие *φάλαξ ιβ'* переведены словами «по грошю»²⁸⁷. Как было показано выше, гроши были распространенной денежной единицей на территории Литовского великого княжества во второй половине XIV и особенно в XV в. На территории Русского государства гроши по письменным памятникам появляются только в начале XV в. Некоторое время они использовались официально и новгородцами, как сообщает Новгородская I летопись под 1410 г.²⁸⁸

Где возник Архангельский вид устава? Сборник содержит «Вопрошание Кирика» и это служит некоторым указанием на северное его происхождение. По наблюдениям С. И. Смирнова, в южной, Киевской Руси, правда, в более раннее время, в XII—XIII вв. канонические нормы «Вопрошания» не были распространены²⁸⁹. Хотя некоторые рукописи нашего сборника связаны с Новгородской землей (Архангельский список начала XVI в.) и текст устава этого извода был использован в XV в. для создания новгородского Археографического извода, у нас есть данные, которые не позволяют связывать его возникновение и с Новгородом конца XIV или начала XV в., но указывают на северо-восточные, белорусские земли Литовского великого княжества. Это формы и адрес поступления десятины от торговых пошлин, которые содержатся в уставе Ярослава²⁹⁰. Полемиическая антилатинская направленность

²⁸⁷ А. С. Павлов. «Книги законные», стр. 47 (I, 21).

²⁸⁸ НПА, стр. 402.

²⁸⁹ С. И. Смирнов. Материалы..., стр. 340.

²⁹⁰ См. ниже, стр. 394—395.

сборника, упоминание грошей, отсутствие Правды Русской — памятника, имевшего широкое распространение в XIV—XV вв., но только на территории Русского государства, подтверждают это предположение.

Можно определить тот церковно-политический центр, где могла иметь место эта обработка. Указание содержит «Правило о церковных людях» в составе того же сборника. Здесь в одном случае, в древнем тексте, восходящем еще к XIII в.²⁹¹, об обеспечении «правверными великими князьями» кафедр и церквей, чтение «епископию» изменено на «архиепископию»²⁹². Титул архиепископа в XIV—начале XV в. носили главы четырех кафедр Руси: Новгородской (с XII в.), Суздальской (в 1380—1407 гг.), Ростовской (в 1387/8—1395 гг. и вновь с 1448 г.) и Полоцкой (с начала XV в. перед 1406 г.)²⁹³. Полоцкая кафедра более всего соответствует особенностям памятников сборника Архангельского типа. Возможно, устав князя Владимира вместе со всем комплексом юридических статей был включен в этот сборник в конце XIV — начале XV в. при Полоцкой кафедре, где вскоре после получения владыкой Феодосием, греком по происхождению²⁹⁴, нового титула, он претерпел новую обработку — Архангельский извод. Оформление прав полоцкого владыки при князе Витовте и претензии его на митрополичью кафедру потребовали, очевидно, создания собрания законов и правил о церковном суде, о правах и традициях православной церкви. Этим нуждам и отвечал сборник Архангельского типа, включавший кроме древнерусских уставов также византийские юридические памятники.

В дальнейшем, в XV в., сборник проник за пределы Литовского великого княжества, а входившие в его состав уставы были использованы в Новгороде при создании местных Археографических изводов этих памятников. В основе другой, Ипатьевской обработки уставов Владимира и Ярослава, как и «Правила о церковных людях», в которой титул архиепископа не отразился, лежали тексты, не прошедшие через руки блюстителя интересов полоцкого владыки XV в.

Дополнительные данные для определения территории, где архетипный текст Оленинской редакции имел распространение, дает изучение второй, Архивной ее группы, включающей Архивный и Маркеловский изводы.

Один из изводов группы, Маркеловский, обнаруживает определенное родство и с близким ему Архивным изводом, и с Архангельским изводом, связанными через архетип Оленинской редакции. По своему юридическому содержанию, по объему он очень близок к Архивному изводу, но отличается от него часто текстом,

²⁹¹ Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях», стр. 79.

²⁹² УКВ, стр. 42, список а1.

²⁹³ Е. Е. Голубинский. История, т. 2, пол. 2, стр. 37; т. 2, пол. 1, стр. 358.

²⁹⁴ ПСРЛ, т. XVII, стб. 56, 98, 132 («Феодасии Полоцкыи гречинь»).

изложением этого содержания. Что же касается близости с Архангельским изводом, то почти везде, где содержание обоих совпадает, совпадает и текст, словесное выражение этого содержания. Это говорит о том, что, хотя Маркеловский извод и представлен поздним списком XVII в., архетип группы сохранился в нем лучше, чем в Архивном. Текст Маркеловского извода переписывался, очевидно, в XV—XVII вв. как далекий от жизни, уважаемый за имя его «издателя», памятник без всяких сознательных изменений, лишь с искажением плохо понятых или невольно переосмысленных писцом слов.

Что же касается Архивного извода, то при включении текста устава в летопись, архетип группы был подвергнут новой обработке, совпадающей по своей направленности с этим памятником.

Для определения сущности переработки, представленной в Архивном изводе, важно установление места и обстоятельств включения в «Летописец русских царей» двух княжеских уставов как в результате анализа летописного текста, так и текста самих уставов, прежде всего устава Владимира.

«Летописец русских царей», изданный под названием «Летописца Переяславля Суздальского» М. А. Оболенским²⁹⁵, как показали исследования Д. В. Поленова, А. А. Шахматова, М. Н. Бережкова, С. А. Белокурова, М. Д. Приселкова, А. С. Орлова и др., является соединением двух летописных сводов различного происхождения²⁹⁶. Первая его часть, рассказывающая о событиях с древнейшего времени до 1110 г. с двумя добавочными статьями 1137 и 1143 гг., представляет собой обработку «Летописца вкратце» Никифора патриарха и «Повести временных лет», обнаруживает явные следы создания в Литовском Великом княжестве рукой человека, принадлежащего православной церкви и отрицательно относящегося к литовскому господству и католической церкви²⁹⁷. Следующий текст, охватывающий время с 1138 по 1214 г., — летописец, созданный во Владимиро-Суздальской земле, законченный в Переяславле Суздальском²⁹⁸ и объединенный с первой частью. Оба княжеских устава включены в текст не переславской, а литовской части, под 996 и 1035 гг.

Соединение княжеских уставов в данных обработках с «Повестью временных лет» неизвестно в других летописных текстах и может быть связано с созданием этого памятника. Таким обра-

²⁹⁵ «Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). Издан М. Оболенским». М., 1851.

²⁹⁶ М. Н. Бережков. Еще несколько слов о летописце Переяславля Суздальского. — «Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине», т. III. Нежин, 1900, стр. 49—86.

²⁹⁷ Д. В. Поленов. Обзорение Летописца Переяславского. СПб., 1854, стр. 63—64; М. Н. Бережков. Еще несколько слов..., стр. 68—69.

²⁹⁸ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. М.—Л., 1938, стр. 125, 126; М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). — «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 12, стр. 76 и след.

зом, важным является ответ на вопрос о месте и времени создания компиляции.

А. С. Орлов в результате текстологического и языкового анализа двух частей «Летописца русских царей» пришел к выводу, что компиляция составлена в XIII в. в два приема в Галицко-Волынской Руси. Он показывает юго-западные языковые элементы не только в собственно литовской части, охватывающей время до 1110 г., но и во второй, переславской части, автор которой закончил свой труд между 1214—1219 гг.

А. С. Орлов пишет: «Итак, и 1-я часть летописца... и 2-я его часть (1138—1219), очевидно, спаяны в Галицко-Волынской области, причем 1-я часть, в своей основе, сходной с Ипатьевской, издревле бытовала в этой области, а вторая часть принесена в эту область из Переяславля Суздальского... Нет сомнения, что и первая часть, и соединение ее со второй существовали в XIII в. Последнее явствует из того, что редактирование известий 1138—1219 гг. произведено человеком, хорошо помнившим князя Романа Мстиславича Галицкого-Волынского и места боев Даниила Романовича за свой удел»²⁹⁹. А. С. Орлов выделяет работу двух галицко-волынских редакторов «Летописца русских царей». Первый работал над текстом «Повести временных лет» до сообщения 1110 г. и над добавочными статьями 1137 и 1143 гг., а второй — над «Повестью временных лет» и над текстом 1138—1214 гг., а также над спайкой обеих. Первый трудился после 1240 г., когда татарами были взяты и разрушены Киев, Колодяжен, Каменец, второй же редактор «Летописца» действовал еще позднее, но все же в XIII в.³⁰⁰

На место и время создания другой части компиляции Архивного сборника, хронографа, указывает вставка о литовских языческих божествах, которая, судя по хронологической ссылке в ней, сделана в 1262 г. На этом основании А. С. Орлов относил создание первоначального рукописного сборника, который воспроизводит Архивная рукопись XV в., к Галицко-Волынской Руси и ко второй половине XIII в.³⁰¹

Д. С. Лихачев предложил иное решение вопроса о месте создания компиляции, представленной в «Летописце русских царей». Он предполагает, что эта компиляция была составлена из галицко-волынской обработки «Повести временных лет» и «Летописца Переяславля Суздальского» южнорусским человеком, работавшим в Переяславле Суздальском³⁰². К такому предположению Д. С. Лихачев пришел в результате изучения параллелей, суще-

²⁹⁹ А. С. Орлов. О Галицко-Волынском летописании. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 31—32.

³⁰⁰ Там же, стр. 32.

³⁰¹ А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи. — «Известия ОРЯС», 1926, т. 31, стр. 95.

³⁰² Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 54—55.

ствующих в истории жития Александра Невского и интересующей нас летописной компиляции.

Исследование княжеских уставов в составе «Летописца русских царей» дает новые материалы для определения времени и места создания этого памятника.

А. С. Орлов показал следы создания компиляции на юго-западе, сохранившиеся в языке памятника, в том числе во второй, переславской его части. Эти наблюдения можно дополнить анализом следов, которые оставил компилятор в результате соединения двух текстов различного происхождения. Редактор сводного текста «Летописца русских царей», который разбил текст на главы и снабдил памятник оглавлением, придерживается в этом оглавлении той же латинской антипатии, что и составитель первой части памятника. Чувствуется, что он старается избегать упоминаний о связях Руси с западными ее соседями, с латинянами, а упоминает только случаи изгнания их из Руси: в оглавлении упоминается о приходе к Владимиру миссионеров от представителей всех церквей, но не сказано о миссионерах от папы Римского, которые, однако, упомянуты в соответствующем тексте свода. В особые главы выделены «Како изгнаша словене варяг за море» (в части до Переславского летописца); «Како приходи король с Угры к Изяславу [Мстиславичу] на помощь» (в Переславском летописце).

Это указывает, очевидно, на работу полемически настроенного идеолога православной церкви, работавшего в условиях конкуренции с католической церковью, сходных с теми, в которых находился его коллега, галицко-волынский автор обработки «Повести временных лет». Составитель первоначального текста Архивного извода устава Владимира близок по своим политическим воззрениям к тому компилятору, который занимался «спайкой» двух частей и их редактированием. В устав внесен ряд изменений: дважды употреблено слово «царь», «царство» в замену или в дополнение к «князь» и «княжество»: «дах ей [церкви Богородицы] десятую часть по всему царству съ всех градов и сел» — (ст. 3); «не подобаесть сих судов судити царю, и князем, и боляром...» (ст. 4). Князь Владимир в его церковной политике сравнивается с правителями в Царьграде: «дали есмо по тому же яко и в Цариграде, митрополиту Михаилу и всем епископом» (ст. 4); подчеркивается восточная ориентация Владимира: «принял есмь крещение от грек от Фотия патриарха»; эпитет «блаженная» в применении к Ольге изменен на «святая» (ст. 2), а слово «поп» на «священник» (ст. 6); добавлено заглавие устава — «Завет Володимиров».

Кроме того, характер обработки устава обнаруживает определенную общность со всей обработкой «Летописца русских царей» с его антилатинской направленностью и имперской терминологией («Летописец русских царей», «судити царю и князем»).

Текст устава Ярослава в составе той же компиляции, как говорится ниже, относится ко второй половине XIV—первой по-

ловине XV в. На это время указывает участие великокняжеского чиновника в разборе уголовных дел церковным судом и упоминание грошей. Устав Ярослава обнаруживает определенную общность в терминологическом отношении с летописным текстом компиляции вне уставов. Таким образом, есть основания относить возникновение Архивного извода устава к XIV—первой половине XV в.

Автор Архивной обработки устава близок по своим воззрениям к составителю Волинской редакции начала XIV в., рассмотренной выше. Так же подчеркивает он греческую ориентацию Владимира, сравнивает издателя устава с византийскими царями, называет русское княжество царством. Эта близость во взглядах и формах их выражения является свидетельством сходства в условиях работы обоих авторов. Однако различие источников, которыми они пользовались, говорит о том, что работа велась в разных местах. Если Волинскую редакцию мы можем связывать с западноукраинскими землями, близкими к Молдавии, с Галицкой землей, то Архивный извод нужно отнести скорее к пограничным с литовскими землям, вошедшим в состав Литовского великого княжества.

Как было отмечено выше, оба извода имеют ряд отличий от Архангельской группы, что показывает существование одного архетипного текста Архивной группы. Этот текст появился в результате некоторых поновлений архетипа редакции, вызванных изменениями в административно-территориальном устройстве Руси, в формах обеспечения церкви.

Может быть, единственным и поэтому важным для определения места этой обработки устава Владимира указанием является замена слова «заставание», т. е. прелюбодеяние с поличным, словом «заставное» в архетипе Архивной группы. Термин «застава» имел в древнерусском языке несколько значений. Одно из них — заклад, денежный залог, обязательство. С этим значением слово «застава» вошло в украинский, белорусский и польский языки. Во львовских латиноязычных актах XV в. термин *zasthawne* равнозначен термину *modo obligatorio*, а термин *заставники* — термину *obligatores*³⁰³. Таким образом, эта обработка, как и текст Архивного извода, связана с западноукраинскими или белорусскими землями. Заменяя сознательно или, скорее, бессознательно (на основании сходства слов) один термин другим, редактор имел в виду, очевидно, дела, суды, вызванные тяжбами о возмещении залогов, частые в обществе, основанном на частной собственности. Маловероятно, чтобы эти дела принадлежали церковной юрисдикции.

Для определения времени возникновения обработки важно отметить, что ее составитель выбросил перечень видов десятины в пользу церкви, которую, судя по тексту Архангельского извода, платил князь. Однако он сохранил указание на десятину «во всем».

³⁰³ «Akta grodzkie i ziemskie», t. 17. Lwów, 1900, str. 393, N 3324 (r. 1482).

как стоит в Маркеловском изводе или «по всему своему царству съ всех градов и сел», как стоит в Архивном. Очевидно, в его время десятина, как традиционный способ обеспечения церкви, сохранялась, но форма его уже не соответствовала прежним отчислениям десятой доли поступлений князю. Новые формы десятины, существовавшие в середине XIV в., показывает уставная запись «О десятине Туровской епископии», в которой десятиной названа уже не десятая часть поступлений на княжеский двор, а определенная доля пошлин от торговли в Турове и Пинске ($1/30$), от использования эталонов весов и мер ($1/26$) и пр.

Для характеристики работы редактора может быть привлечена и одновременная обработка устава Ярослава. Как будет показано, архетип Маркеловского и Архивного изводов устава Ярослава отразил изменения в общественно-правовом развитии Западной Руси XIII—XIV вв. На время обработки — оно не намного позже середины XIV в. — указывает отсутствие среди денежных единиц грошей.

В. Т. Пашуто обратил внимание на то, что в «Летописце русских царей», Архивном хронографе и Ипатьевской летописи сохранились следы литературно-политической работы, которая велась во второй половине XIII—начале XIV в. на территории древнерусских княжеств, присоединенных к Литовскому великому княжеству, и которая была связана с православным церковным центром в Новгороде (Войшелк «крестися ту, в Новгороде»³⁰⁴). В 1317 г. в этом городе была установлена кафедра собственной литовской митрополии, просуществовавшей без перерыва до 1330 г.

Возможно, с деятельностью этого православного центра было связано создание архетипа Архивной группы.

Изучение Оленинской редакции устава показывает, что старшие его тексты: Архангельский вид одноименного извода, архетип Архивной группы и Архивный извод происходят из Южной и Западной Руси, попавшей в XIV в. под власть великого княжества Литовского. Один из младших изводов — Археографический — связан с Новгородом, другой — Ипатьевский — не имеет отличительных черт, позволяющих относить его к тому или иному княжеству и центру.

Такая связь старших текстов редакции с Южной Русью позволяет считать, что и архетип редакции возник в Южной Руси, а при распространении и применении текста в епископиях запада, севера и северо-востока он получил изменения, которые породили все названные изводы.

На это наблюдение относительно Оленинской редакции стоит обратить особое внимание потому, что архетипный текст Оленин-

³⁰⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 859. См. В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 120—121; он же. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 38—42, 389—390.

ской редакции в значительной степени совпадает с архетипным текстом устава, и наш вывод о происхождении этой редакции важен для восстановления ранней истории устава Владимира.

Возникновение устава Владимира

Изучение сохранившихся текстов устава Владимира, установление архетипа Синодально-Волынской группы позволяет ставить вопрос об архетипе памятника, его содержании, основном составе, времени и месте его создания.

Мы пришли к выводу, что наиболее близким по составу устава (юридическому содержанию, числу статей и пр.) текстом к архетипу является Архангельский извод, а в статьях 1—3 — Пушкинский извод Оленинской редакции. Состав памятника в этих изводах и должен быть положен в основу восстановления архетипа. Однако текст указанных изводов претерпел к XV—XVI вв. — времени, от которого сохранились старшие их списки, некоторые изменения. Свидетельства редакций Синодально-Волынской группы, и прежде всего старшего Синодального списка, в этом случае, как и при восстановлении состава архетипа группы, должны быть приняты во внимание.

Состав архетипа устава на основе этих свидетельств может быть представлен в таком виде³⁰⁵.

Ст. 1. Благословение.

Ст. 2. Сообщение от имени кн. Владимира о крещении «от греческого царя» и от Фотия патриарха и о принятии первого митрополита с указанием имен князя и его генеалогии по тексту Пушкинского и Архангельского изводов и Синодальной редакции. Мы писали выше, что есть ряд доводов в пользу того, чтобы видеть в архетипе устава упоминание только одного греческого царя. Слово царь в единственном числе стоит в таких далеких друг от друга списках, как Маркеловский, Пушкинский Синодальный, и списке Печерской редакции. Возможно, включение со временем в текст имен греческих царей, современников крещения Владимира, заставило изменить единственное число на множественное.

Указывалось также на следы, по которым можно определить, что в архетипе Синодально-Волынской группы «первым митрополитом» был назван Леон (Леонтий). Для решения же вопроса, какое имя, Михаил или Леон, стояло в архетипе устава, у нас нет данных. Можно предположить, что в архетипе имя митрополита вообще отсутствовало, а при позднейших обработках при создании архетипов Оленинской редакции и Синодально-Волынской группы были вставлены разные имена (Михаила в первом случае и Леона — во втором). На подобную возможность указывает появ-

³⁰⁵ См. восстановленный текст архетипа устава ниже, стр. 120—121.

ление имени митрополита в более поздних обработках XIII—XIV вв., там, где упоминается его титул. В Архивном изводе Оленинской редакции имя Михаила оказалось вставленным в следующем тексте: «Дали есмо по тому же, яко и в Цариграде, митрополиту Михаилу и всем епископом...».

Архангельский и связанный с ним Археографический извод Оленинской редакции содержит указание, что «первый митрополит» был взят не только на Киев, но «и на всю Русь». Другие изводы Оленинской редакции, как и другие редакции, не имеют этих слов. В Печерской и Волынской редакциях указание на Киев опущено, но есть слова: «И взях себе... первого митрополита Леонтия во всю Русскую землю».

Можно думать, что указанные слова отсутствовали в архетипе устава и появились довольно поздно, прѣ создании Архангельского извода. Та же мысль, что современная составителю обработки иерархия на Руси восходит к первому киевскому митрополиту, была выражена иначе, без упоминания Киева, и в другой периферийной обработке. В результате и в том, и в другом тексте появилась тавтология — упоминание на двух строках Руси и Русской земли.

Ст. 3. Сообщение о создании Десятинной церкви и обеспечении ее десятиной с перечнем видов этой десятины по тексту Архангельского извода.

Упоминание грошей в этом изводе есть все основания считать результатом бытования Оленинской редакции на территории Литовского великого княжества в XIV—XV вв. Возникновение архетипа Синодально-Волынской группы мы датировали первой половиной XIII в., до появления чешской денежной единицы, грошей. Эта единица стала широко известной на территории Литовской Руси в конце XIV в. Поэтому можно считать, что в Архангельском изводе термин гроши — вторичен, а первичным является тот термин, который сохранился в Пушкинском изводе, в Новгородской Синодальной и в западноукраинской Волынской редакциях, — векша.

Ст. 4—5. Ссылки на источники «пожалования» церкви судебных прав — греческий номоканон и совет с княгиней Анной и указание адреса «пожалования» по тексту Архангельского извода.

Ст. 6. Отказ князя от судебных прав, переданных церкви как от своего имени, так и от имени своих детей, внуков и своего рода. Здесь содержится указание на церковных людей, тем самым впервые определяются две широкие сферы церковной юрисдикции, которые так подробно разработаны в позднейших редакциях устава: а) суды над «церковными людьми» и б) суды по церковным «делам».

Ст. 7. Перечень церковных судов и указание на распространение этого перечня на все основные административно-территориальные единицы: «грады», «погосты» и «свободы», на всю территорию, обращенную в христианство.

В Архангельском и зависящем от него Археографическом изводах Оленинской редакции после статьи о погостах и перед перечнем церковных судов находится санкция: «А кто уступить (Археогр. изв. — вступить), на мое данье (Археогр. извод — далее: или сия суды пообидить), суд мне с тем перед богом, а митрополиту проклинати его збором (Археогр. изв. — събором)». Во всех редакциях Синодально-Волынской группы и в юго-западных изводах Оленинской редакции этой санкции нет.

Мы располагаем очень ограниченными возможностями для решения вопроса, находилась ли эта санкция в архетипе устава либо она появилась позднее, при создании Архангельского извода в его современном виде.

Можно выдвинуть ряд доводов в пользу первого предположения. Так, естественно видеть санкцию в конце памятника или какой-то древней его части. Нахождение же санкции в середине текста следует объяснить позднейшими переработками его, дополнением его новыми статьями. При новых переработках эта санкция, оказавшаяся не на месте, могла быть выброшена. Так могла появиться статья с санкцией в Архангельском изводе и исчезнуть в таких переработках, как юго-западные изводы Оленинской редакции и Синодально-Волынская группа.

Однако эти кажущиеся правдоподобными рассуждения наталкиваются на другие данные текстологического анализа, которые позволяют решить интересующие нас вопросы иначе.

В юго-западных изводах Оленинской редакции, в Волынской и Варсонофьевской редакциях статья о погостах и перечень церковных судов составляют одно логическое целое — первая из них указывает территорию действия второй. В Архангельском и Археографическом изводах Оленинской редакции и в Синодальной редакции статья о погостах отделена от перечня церковных судов дополнительными статьями, и первая статья связана уже не с перечнем судов, а с предшествующим текстом. Это различие видно из следующего сравнения текстов.

Волынская и Варсонофьевская редакции,
Архивный

и Маркеловский извод
Оленинской редакции

Архангельский извод
Оленинской редакции

Синодальная
редакция

Не уступатися ни дѣтем
моимъ, ни унучатомъ, ни
роду моему до века, не
уступатися в церковныи
люди, ни в суды ихъ.

А ты не ступають ни
дѣти мои, ни унучи мои,
ни род мой в люди цер-
ковныи и въ все суды
и[х].

А по семь не недобѣ
вступатися ни дѣтемъ
моимъ, ни внучатомъ, ни
всему роду моему до
вѣка, ни в люди церков-
ныѣ, ни во всѣ суды ихъ.

Далъ есмь по всѣмъ гра-
домъ, и по погостомъ, и
по свободамъ, гдѣ хри-
стіяне суть: роспусы,
смирное, застание...

По всѣмъ городомъ далъ
есмь и по погостомъ, и
по свободамъ, гдѣ кре-
стіанѣ суть.

А кто оуступить на
мое дание, суд мнѣ с
тѣм пред богом, а ми-
трополиту проклинати
его сбором.

Дал есмь: роспусы,
смильное, застава-
ние...

То все дал есмь по всѣм горо-
дом, и по погостом, и по сво-
бодам, гдѣ нѣ суть християне.

И своим тиуном прика-
зываю церковнаго су-
да не обидѣти, ни су-
дити без владычня на-
мѣстника. А се церковнии
суди: роспус, смильное, заста-
ванье...

Кажется очевидным, что в Синодальной редакции в результате вставки статьи о тиунах текст о погостах был оторван от перечня церковных судов. Этим было вызвано и появление в начале перечня слов «А се церковнии суди», которые отсутствуют во всех других обработках устава (они перешли из архетипа Синодальной редакции лишь в Синодальный, Археографический и Крестининский изводы). Эти слова должны были связать текст, разорванный статьей о тиунах.

Очень похожая картина наблюдается и в Архангельском изводе. Статья с санкцией также оторвала перечень церковных судов от статьи о погостах, и это привело к необходимости дать к перечню вводные слова «Дал есмь», которые просто повторили слова предшествующего текста.

Санкция в середине текста устава в Архангельском изводе появилась, вероятно, в результате попытки составителя усилить действенность содержащихся в нем постановлений. При этом составитель извода, очевидно, считал, что устав закончился статьей о территории действия содержащихся в ней постановлений, и к этой статье дал свое добавление. Перечень церковных судов и следующие далее статьи он понял как приложение к уставу.

Перечень церковных судов в Архангельском изводе близок к тексту архетипа. Из «дел», которые отсутствуют в других текстах и появились при создании этого извода, здесь есть только «узлы». Очевидно, это слово отсутствовало в архетипном тексте. Последние «дела» в Архангельском изводе искажены: «Иже отца и мать бьютъ или сын и дочи бьется, иже истяжутся о задници». Более правильное чтение дают другие тексты, например Маркеловский извод: «Кто отца или мать биеть или сын, или дщи, или братья тяжются о зад[ни]це».

Перечень церковных людей занимает в уставе особое место. Прежде всего это последняя статья, вернее, группа статей о церковных людях — это последний раздел в уставе. Далее, в редакциях Синодально-Волынской группы эти статьи, так же как и статья о мерилах, следуют после санкции, заклятья, которая есть в этой группе: «Аже кто преобидить нашъ устав, таковым не-прощеным быти от закона божия и горе себе наследуютъ». Наконец, в Оленинской редакции и в Синодально-Волынской группе как сам перечень церковных людей, так особенно связанные с ним

статьи значительно различаются. Приводим тексты трех редакций статьи³⁰⁶. Общий для всех текстов может быть сближен с текстом архетипа статьи. Упоминание в Оленинской и Синодальной редакциях игуменья, сторонника, слепца и хромца вызвано, очевидно, не влиянием одного текста на другой, а является свидетельством того, что положение в обществе этих групп населения приводило их в число церковных людей на различных территориях феодальной Руси.

Оленинская редакция

Митрополичи люди церковные: игумен и игуменья, [поп, попадьа], попovichе, чернец, черница, дякон, дяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дяк и вси причетници церковнии. Аще их кто видеть в вину, судити тех митрополиту и епископомъ опрочи мирян³⁰⁷.

Синодальная редакция

А се церковные люди: игумен, поп, дякон, дети их, попадия и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница, проскурница, паломник, лечец, прощеник, задушный человек, стороник, слепец, хромец. Монастыреве, болнице, гостиници, странноприимнице. То люди церковные богателные, митрополит или пискуп ведаеть жеми ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница. Аже будеть иному человеку с тымъ человеком речь, то общи суд³⁰⁸.

Волынская редакция

А се церковнии людие: игумен, поп, дякон и кто в клиросе, чернец, черница, попадия, попovich, лечец, прощеник, задушный человек. Монастыреве, болнице, гостиници, странноприим[ни]ци.

То люди церковнии, богателнии; митрополит или епископ ведаеть жеми ими суд, или обида которая, задница ли.

Аже будеть обида иному человеку с ними, то общий суд³⁰⁹.

Состав списка, повторяющийся и в Оленинской редакции, и в Синодально-Волынской группе, очень невелик: игумен, поп, чернец, черница, дякон, проскурница, задушный человек. Во всех текстах, кроме Архангельского извода, есть также попадьа. Это основные церковнослужители, монахи и две группы связанных с церковью людей: проскурница и задушный человек. Возможно, что в архетипе статьи перечислялись и какие-то другие группы людей, которые при переработке архетипа в одной из редакций оказались опущенными, а вовсе не добавлены в других редакциях. Однако установить это очень трудно.

Представляет интерес, что первоначальный состав перечня людей в обеих обработках (в том числе в Оленинской редакции) расширен более чем вдвое и снабжен статьями о судебном процессе — закрытом разбирательстве в Оленинской редакции и о смешанном междуведомственном суде в Синодально-Волынской группе.

Возможно, что эта статья, столь различная в двух своих ранних текстах, вообще отсутствовала в архетипе устава и была присоеди-

³⁰⁶ Чтения, общие для сравниваемых текстов, выделены шрифтами.

³⁰⁷ ГБЛ, Овч. 156, л. 118.

³⁰⁸ УКВ, стр. 22, 24 (стб. Ва, ст. 12—13).

³⁰⁹ УКВ, стр. 34 (стб. I, ст. 9—10).

нена к уставу сравнительно поздно, после того как возник архетип Синодально-Волынской группы с его заклатьем в конце основного состава памятника. Статья о церковных людях появилась в обоих старших текстах устава (Оленинской редакции и архетипе Синодально-Волынской группы) уже в разных обработках, а прежде, возможно, существовала самостоятельно или в составе другого памятника. На такую возможность указывает и «Правило о церковных людях», где в отличие от устава эта статья вместе со статьей о церковных судах образует основу «Правил»³¹⁰. В формуляре княжеских церковных уставов первой половины XII в. статья о церковных людях также, очевидно, еще отсутствовала. Об этом говорит состав Смоленской уставной грамоты 1136—1150 гг., где, как и в восстанавливаемом архетипе устава Владимира, статья о церковных судах включена в текст устава, а статьи о церковных людях нет.

Реконструкция текста архетипа устава Владимира (архетипа Оленинской редакции и Синодально-Волынской группы редакций) является результатом исследования памятника. В основу его положен список Архангельского извода Оленинской редакции (ГБЛ, Овчин. 156), с изменениями по другим спискам извода (без оговорок) и другим изводам и редакциям (указываются в примечаниях).

[Ст. 1.]. Во имя отца, и сына, и святого духа.

[Ст. 2.]. Се яз. князь^а Василей, нарицаемый Володимер, сын Святославль, внук Игорев, блаженяя Ольги, усприял есмь крещение святое от ^бгреческого царя^в и Фотей патриарха, взях первого митрополита^г на Киев^д, иже крести всю землю Рускую.

[Ст. 3.] И по том лето мнувшим создах церковь святую Богородицу и дах десятину к ней во всей земли Руской княженья от всего суда ^едесятую векшу^ж, ис торгу ^здесятую^з неделю, из домов на всякое лето ^идесятое^и всякого стада и всякого жита^к чюдной матери божи и чюдному Спасу.

[Ст. 4.] И по том възрех в греческий номаканун и обретох в нем, юже не подобает сих тяж и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его.

[Ст. 5] И сгдав аз со своею княгинею Анною и со своими детми дал есмь святей Богородици и митрополиту и всем епископом.

³¹⁰ УКВ, стр. 37—53; см. Я. Н. Шапов. «Правило о церковных людях», стр. 76.

^а Так в Син., Волын.; в Арханг., Пушк. далее великий; ^{б-в} так в Син.; в Маркел. и Пушк. греческого царя Костянтина; в Арханг. греческих царей Костянтина и Василья; ^г в Арханг., Пушк. далее Михайла. О неупоминании имени в архетипе см. стр. 115, 128; ^д так в Син.; в Арханг. далее и на всю Русь; в Пушк. Киеву граду; ^{е-ж} так в Пушк., Археогр., Волын., Син.; в Арханг. десятый грош; ^з в Пушк. вторую; ^и в Пушк. далее из; ^к так в Пушк., Археогр., Волын., Син.; в Арханг. живота.

[Ст. 6] А тыи не ступають ни дети мои, ни унуди мои, ни род мои в люди церковныя и во все суды.

[Ст. 7] И по всем городам дал есмь, и по погостом, и по свободам, где крестьяне суть^а: роспусы, емильное, заставание, умыкание, пошибание, промежи мужем и женою о животе, ли в^м племени, или в^н сватовстве поимутся, ведство, урекание^о, зелье, еретичество, зубоядение, иже отца и матерь бьют, или сын и дочи, или братья^р истяжуются о задници.

Митрополичи люди церковныи: игумен^с, поп, попадьят^т, поповичеве, чернец, черница, дьякон^у, проскурница^ф, задушный человек^х.

Прежде чем заниматься установлением времени и условий создания этого предполагаемого архетипа устава Владимира, выясним его место среди других уставов. Это сравнение может быть в двух планах: 1) соотношение памятников по их формулярам и 2) соотношение их по содержанию, по формам материального обеспечения церкви.

Для первого сравнения может служить только Смоленская уставная грамота. Эта грамота является конституционным установлением вновь организованной епископии, и в ней зафиксированы все источники, служившие кафедре по соглашению с князем. В отличие от Смоленской Новгородская грамота Святослава Ольговича касалась не всех сторон экономического положения местной церкви, а только тех, которые подлежали изменению и дополнению в новых условиях XII в. В связи с таким характером устава и его формуляр отличен как от Смоленской грамоты, так и от устава Владимира. Что касается устава кн. Всеволода, то он возник в результате переработки поздней редакции устава Владимира.

Формуляр устава Владимира очень близок к тому порядку и форме изложения княжеских установлений, которые можно обнаружить в Смоленской грамоте. Общим является построение устава в трех основных частях и главное содержание этих частей: 1) история основания князем кафедральной церкви, которой дается устав; 2) перечисление источников обеспечения церкви, которыми делится князь с новой организацией; 3) отказ князя от имени его наследников и членов княжеской администрации от претензий на новые владения церкви.

Эта близость формуляра двух памятников, имеющих одно и то же назначение, своеобразно отражающих договор между

^а в Арханг. и Археогр. далее А кто... его сбором. Дал есмь. См. стр. 117—118; ^м так в Ипат. виде и других текстах; в Арханг. о;

^н так в Ипат. виде и других текстах; в Арханг. о; ^о в Арханг. далее узлы; ^{п-р} так в Маркел.; в Арханг. бьется; ^с в Арханг. далее и игуменна; ^{с-т} так в Ипат. и других текстах; в Арханг. нет. См. стр. 107—108; ^у в Арханг. далее дьяконовая; ^ф в Арханг. далее пономарь, вдовица, калика, стороник; ^х в Арханг. далее прикладник... опрочи мирян.

верховой светской и церковной властью в Древней Руси, важна для изучения устава Владимира. Она показывает, что этот сложный, имевший множество поздних дополнений, сохранившийся в рукописях не старше XIV в., памятник был составлен по тому же образцу, что и смоленская грамота XII в., и вышел из княжеских и епископских канцелярий того же примерно времени.

Если мы обратимся уже не к форме, а к содержанию обоих памятников, то сходство и различия их станут яснее. Устав кн. Владимира прежде всего не является таким цельным, созданным единовременно или в течение небольшого времени памятником, как смоленская грамота, которая сложилась в 1136—1150 гг. В уставе есть положения, которые можно датировать тем же временем, что и Смоленская грамота, а также более поздним и, что очень важно, более ранним временем.

Важной особенностью устава Владимира является отсутствие землевладения среди названных в нем источников материального обеспечения церкви. Зная историю устава в XIII—XIV вв., мы не можем объяснить возникновение этой особенности именно в это время, ибо с XII в., даже с конца XI в., по другим документам, церковное землевладение известно, а в XIII—XIV вв. оно является одним из главных источников существования церкви. В XIII в., как было выяснено в некоторых обработках устава (например, архетипе юго-западных редакций) появляется упоминание церковных земель одновременно с обоснованием необходимости и пользы этого института. Смоленская грамота уже говорит о передаче кафедре сел и земель. Полное молчание архетипа устава Владимира о землевладении может быть объяснено только тем, что основа архетипного текста складывалась тогда, когда этот институт не играл еще важной роли в обеспечении церкви, когда основными его источниками были только те, которые названы в уставе: десятина и церковные суды. Кстати, и то и другое продолжает быть основным и в Смоленской грамоте.

Таким образом, оказывается, что архетипный текст устава Владимира в какой-то древней своей основе, оставшейся неизменной во многих сохранившихся до нас обработках, старше Смоленской грамоты. Он отразил период в истории взаимоотношения церковной и светской власти, предшествующий развитому феодализму XII и следующих веков, с его землевладением — ранний, начальный период обеспечения церкви, охватывающий конец X—XI век, или какую-то часть последнего.

Есть ряд других наблюдений, позволяющих относить основу устава Владимира ко времени, более раннему, чем Смоленская грамота.

Смоленский князь передавал церкви десятину не со всех источников своего дохода. В уставе говорится, что князь дает Богородице и епископу «десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме

полюдь»³¹¹. В этой фразе мы видим указание на порядок отчисления десятины церкви, существовавший ранее и измененный в этой грамоте.

Некоторые поздние обработки устава Владимира, такие, как архетип юго-западных изводов Оленинской редакции и Варсонофьевская редакция, также молчат о предоставлении церкви судебной десятины, опуская соответствующие положения своего источника. А в этом источнике, архетипе устава Владимира, судебная десятина, т. е. та же десятина от вир и продаж, названа: «...и дах десятину к ней во всей земли Руской ис княженья от всего суда десятую векшу, ис торгу десятую неделю». Таким образом, это постановление о судебной десятине, сохранившееся в архетипе устава Владимира, мы можем сближать с источником, от которого отталкивался составитель Смоленской грамоты, внося в порядок обеспечения церкви изменения, вызванные временем. И в современной Смоленской Новгородской грамоте Святослава Ольговича князь по соглашению с епископом отменяет судебную десятину церкви и устанавливает «за десятину от вир и продаж» твердую сумму в 100 гривен новых кун. Порядок, согласно которому церковь получала судебную десятину, и для этой грамоты 1137 г. является, следовательно, уже устаревшим, подлежащим изменению.

Обращает на себя внимание различие в процедуре принятия постановлений, зафиксированных в Смоленской грамоте и уставе кн. Владимира. Мы писали выше, что составитель Волынской редакции устава вставил в свою работу рассказ о принятии Владимиром христианства, причем отразил, очевидно, в этом рассказе ту систему политической власти, которая была в его время: Владимир «рассмотрех съ всеми бояры своими», какая вера является «правой христианской», прежде чем принял ее.

Также, вероятно, отражает порядок совершения важнейших государственных актов в Смоленске в первой половине — середине XII в. процедура учреждения епископии, описанная в соответствующей грамоте: «Приведех епископа Смоленску, *здумаю с людьми своими...*» Перед нами свидетельство источника, показывающее участие в государственном управлении, очевидно, совета при князе.

Иную картину рисует устав кн. Владимира. При упоминании крещения Руси, принятия первого митрополита, учреждения Десятинной церкви и десятины ссылок на какой-то совет, какое-либо коллегиальное решение нет. Эта ссылка появляется лишь в одной из заключительных статей архетипа после установления о судебном иммунитете церкви: «И сгдав со своею княгинею Анною и со своими детми и дал есмь св. Богородици...». Здесь автор устава счел нужным привести указание не на совет с вечаем или боярской аристократией, а с княгиней, гре-

³¹¹ ПРП, вып. 2, стр. 39.

ческой царевной Анной и детьми. Сохранилась ли эта ссылка в архетипе устава со времени, когда развитие феодального города и феодальной вотчины не привело к усилению роли совета при князе и росту боярской власти или это результат привлечения в архетип на одном из поздних этапов его создания представлений составителя устава о процедуре принятия решений князем, основателем христианства на Руси? У нас нет других данных, для того чтобы проверить показания устава и установить процедуру принятия подобных актов в ранней Киевской Руси.

Характер ссылки Смоленской грамоты на принадлежность епископу «церковных судов» также говорит о близости источника этой грамоты к постановлению устава Владимира. Принадлежность епископу этих «судов» не вводится здесь впервые и не изменяется, а лишь подтверждается: «А тяж епископих не судити никому же, судит их сам епископ. Первая тяжа роспуст; другая тяжа, аж[e] водить кто две жоне...». Между тем в архетипе устава Владимира содержится это общее установление о передаче церкви судебного «иммунитета» по определенным поступкам в «положительной» форме: «И по всем городам дал есмь, и по погостам, и по свободам, где крестьяне суть: роспусты, смильное...».

Архетип устава Владимира, очевидно, не включал перечня церковных людей или включил его на какой-то из поздних стадий своего существования. Смоленская грамота также не имеет статьи с таким перечнем. В перечне церковных судов ее находится лишь упоминание, что поступки церковных людей подлежат суду епископа: «Церковный человек доидет чего, то своему епископу». В этом совпадении состава двух памятников мы можем видеть указание на одновременность их существования.

Другие различия в содержании Смоленской грамоты и архетипа устава Владимира вызваны как тем, что эти статьи памятника имели различную судьбу, так и тем, что сложение устава продолжалось и после того, как была составлена Смоленская уставная грамота.

Прежде всего — отсутствие в уставе Владимира всяких конкретных указаний на размеры десятины с определенных административных единиц, как это сделано в Смоленской и Новгородской грамотах. Очевидно, это является отзвуком первоначальной системы обеспечения киевской церкви Богородицы десятиной от поступлений на княжеский двор вне зависимости от того, откуда эти поступления пришли. В то же время нужно признать, что какие-либо конкретные указания, которые могли возникнуть позже, например в XII в., применительно к системе «городов», «погостов», и «свобод» не смогли бы удержаться в этом уставе, служившем общей основой конституционных установлений для многих епископий, расположенных в различных древнерусских княжествах. Эти перечни должны были быть опущены при первой же переработке устава вне места его создания.

Сохранив некоторые установления относительно церкви, предшествующие Смоленской грамоте и современные ей, архетип устава Владимира содержал также положения, которые могут быть отнесены к более позднему времени.

Перечень церковных судов в Смоленской грамоте и архетипе устава Владимира, очевидно, восходит к общему перечню, общему источнику, но имеет в каждом из уставов и свои особенности.

Таблица соотношения дел по уставу Владимира и Смоленской грамоте дана нами в другой работе³¹².

Эта таблица показывает, что общими для обоих памятников являются прежде всего первые «дела» этого перечня: «распусты», т. е. дела о разводах. «Смильное» и «умыкание» в уставе Владимира могут быть отождествлены с «аже водить кто две жене» и «тяжа уволочьская, аже уволочет кто девку» Смоленской грамоты. Пятые статьи («пошибание» и «аже ту женку») также, вероятно, могут быть отождествлены, несмотря на то, что в Смоленской грамоте сохранилось только начало статьи. Можно думать, что далее шло слово «пошибаеть» или близкое к нему.

Третьи статьи в уставе Владимира («заставание») и в Смоленской грамоте («аще кто поимется чрес закон») являются, вероятно, вставками в общий источник перечней, одновременными с пополнением их другими «судами». На такой, поздний, характер вставки в Смоленской грамоте может указывать слово «аще» вместо «аже» в трех других статьях этого перечня.

Все последующие статьи, очевидно, появились в обоих перечнях уже независимо друг от друга. В одних случаях эти «дела» совпали, показывая общность развития и устремлений церкви (ст. 7 УВ и ст. 3 Смол.; ст. 10, 12 УВ и ст. 6 Смол.; ст. 14 УВ и ст. 9 Смол.), в других — в каждом из перечней появились свои особые «дела».

Можно проследить, таким образом, по крайней мере два слоя в перечнях церковных судов: первый, древнейший, и второй, позднейший, частично различающийся в обоих памятниках. Содержание «судов» в этих слоях различно: в древнейшем — только брачные дела — разводы, двоеженство, осужденные церковью формы брака, изнасилование. Во втором слое это содержание значительно обогащается. При этом перечень устава Владимира содержит такую важную статью, как дела по имущественным отношениям между супругами, дела об оскорблении ударом и о недостойных формах драки (зубоядение). Похоже, что перечень устава Владимира пополнен несколько позже, чем соответствующий перечень Смоленской грамоты. Можно предполагать, что первый перечень в уставе Владимира принадлежит середине или второй половине XII в. Тогда общий источник перечней, древнейший их слой, мы должны будем отнести к XI—началу XII в.

³¹² «Древнерусское государство и его международное значение», стр. 293.

Наши наблюдения относительно нескольких этапов в создании перечня церковных судов в архетипе устава Владимира и самого этого архетипа совпадают. Можно выделить внутри текста архетипа древнейшую часть, первоначальную его основу, и те дополнения и, может быть, изменения, которые придали этой основе ее в какой-то степени окончательный, восстановленный нами вид. К этой древнейшей основе мы можем отнести, вероятно, сообщение о построении церкви Богородицы, ее обеспечении десятиной от суда, от торгова, из «домов» и стад, указание на совет с княгиней Анной и детьми. К довольно ранней основе устава нужно отнести распространение действия устава на все административно-территориальные единицы Руси и первоначальный, древнейший, перечень церковных судов, касающихся только дел о браках, о замене языческих брачных обычаев новыми, христианскими.

Выводы о существовании такой древнейшей основы устава, полученные в результате анализа его текста, находят подтверждение в сообщениях других памятников XII в.

Ниже специально обращается внимание на первую статью Новгородской грамоты Святослава Ольговича 1137 г. «Устав бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших: имати пискупом десятину от дании, и от вир, и от продаж, что входит в князь двор всего». Мы приходим к выводу, что эта грамота значительно изменяла порядок обеспечения епископии по сравнению с тем, который существовал на Руси прежде. На этот, прежний порядок и указывала цитированная первая статья грамоты Святослава. Основным содержанием этого «устава», известного на Руси со времен дедов и прадедов князя Святослава, на основе свидетельств Смоленской и Новгородской грамот, можно считать выделение епископам десятины со всех даней, вир и продаж. Указание на «Русь» для новгородского памятника равносильно указанию на южные — киевские, черниговские, переяславские земли. Сам князь Святослав Ольгович, сын черниговского князя, был, очевидно, знаком с этими южнорусскими «уставами» об обеспечении десятиной епископий. Мы можем на основании изложенного сблизить «устав», на который ссылается Святослав Ольгович, с теми постановлениями, которые сохранились в архетипе устава Владимира и принадлежали еще древнейшей его основе. Сам Святослав был правнуком Ярослава Мудрого, и его ссылка на прадедов и дедов могла быть довольно реальной.

Первоначальная основа будущего устава кн. Владимира возникла, вероятнее всего, в связи с учреждением церкви Богородицы в Киеве и выдачей ей десятины, что по «Повести временных лет» произошло в 996 (6504) г., а по «Памяти и похвале кн. Владимира» — в 995 (6503) г. Это была уставная грамота церкви Богородицы. «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир «положи написав клятву в церкви сей», т. е. дал документ, подтверждающий его слова об обеспечении церкви деся-

тиной: «Даю церкви сей святей Богородицы от имения моего и от град моих десятую часть». Выдачу этого документа он подтвердил следующими словами: «Аще кто сего посудит, да будет проклят». «И вдасть десятину Анастасу Кореунянину»³¹³.

В 996 (995) г., следовательно, церкви Богородицы было дано право получения части раннефеодальной ренты, собираемой князем, в форме определенной ее доли — десятины. Это подтверждают и начальные статьи архетипа устава кн. Владимира. Можно предполагать, что десятина отчислялась из всех поступлений на княжеский двор и в виде даней, и в виде судебных штрафов, и др. Однако здесь не было еще речи о судебных правах церкви.

Выдача этих прав была произведена уже не только церкви Богородицы, а «всем епископом».

Древнерусские источники очень неясно указывают, какие епископии были учреждены при кн. Владимире. Новгородская I летопись сообщает, что Владимир после крещения «поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градом епископы, и попы, и диаконы»³¹⁴, но эта запись представляет собой изложение позднейшей легенды, возникшей уже после учреждения в Новгороде архиепископии в XII в. Никоновская летопись называет, кроме Киева и Новгорода, четыре города, в которых Владимиром были поставлены епископы: Чернигов, Ростов, Владимир и Белгород, а затем указывает «и по иным многим градом епископы постави»³¹⁵. Туровская грамота об основании местной епископии относит учреждение этой кафедры Владимиром к 1005 г.³¹⁶

В связи с указанными двумя событиями — учреждением десятины и судебных прав церкви — и была создана, по нашему мнению, основа устава кн. Владимира. Это была уставная грамота о материальном обеспечении епископий, изданная князем Владимиром в начале XI в. (до 1011 г. — года смерти княгини Анны). На основе двух актов — первого о десятине, относившегося первоначально только к церкви Богородицы, и второго — о церковных судах, относившегося ко всем епископиям, и возник древнейший текст устава, распространивший действие этих постановлений на все русские земли.

Завершение работы над архетипным текстом устава, окончательное его оформление в том виде и том составе, каким он может быть восстановлен по старшим редакциям устава, следует отнести к XII в., очевидно, ко второй половине, ко времени после составления Смоленской грамоты. К этой его обработке

³¹³ ПВЛ, ч. I, стр. 85.

³¹⁴ НПЛ, стр. 159, 6497 (989) г.

³¹⁵ ПСРЛ, т. IX, стр. 65.

³¹⁶ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 271. Одна из последних работ, рассматривающих возникновение епископских кафедр на Руси в XI в.: А. Поппе. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.

нужно отнести, очевидно, генеалогический экскурс, упоминание греческого царя (безымянно), Фотия патриарха, первого митрополита (безымянно) в ст. 2; оформление перечня церковных судов и пополнение его рядом «дел», отсутствующих в Смоленской грамоте. На последних этапах сложения архетипного текста появился, вероятно, второй адрес поступления церковной десятины в ст. 3.

Возможно, в приложении к тексту устава Владимира находился какой-то первичный перечень церковных людей. Будучи связанной с уставом своим содержанием, статья о церковных людях, вероятно, еще не вошла в его основной состав, оставаясь приложением, разъясняющим объем судебных прав церкви, о котором говорит устав.

Можно высказать несколько догадок о месте и причинах сложения устава Владимира в названном выше составе.

Это может быть Киев второй половины XII в. с его митрополичьей кафедрой. Близость формуляров архетипа устава Владимира и Смоленской грамоты, широкое распространение в XIII—XIV вв. переработок архетипа на территории Руси — на Волыни, в Туровской земле, Новгороде, во Владимиро-Суздальской и Московской земле — подтверждают мнение, что обработка устава должна была принадлежать общецерковному центру, митрополичьей кафедре.

В то же время есть данные, которые позволяют предположить, что работа над уставом была завершена не в Киеве, а в другом церковном центре — это второе обозначение адреса в ст. 3, куда передается десятина. В разных редакциях и изводах здесь содержатся небольшие, но, может быть, важные варианты. Так, Архангельский и Маркеловский изводы Оленинской редакции указывают: «чюдной матери божии и чюдному Спасу». Список Пушкинского извода обрывается на словах «от всякого жита» и нет данных для определения, был ли в этом тексте второй адрес. В Архивном изводе и Варсонофьевской редакции новый адрес отсутствует. Синодальная редакция и Археографический извод Оленинской содержат формулу: «чюдному Спасу и чюдной его матери»; Волынская и Печерская редакции — «чюдному (в Печерск. ред. — святому) Спасу и святой Богородици».

Можно предполагать, что редакторы устава Владимира, включив эти формулы на одном из последних этапов создания его архетипного текста, стремились не только к тому, чтобы завершить перечень княжеских пожалований общими словами, но приспособляя древний устав, включивший упоминание только Десятинной церкви, к новым условиям XII в., обозначили здесь новые адреса, в которые должна была идти десятина.

Изучаемые уставы и уставные грамоты, определявшие источники материального обеспечения церкви в конкретных условиях различных русских княжеств и изданные от имени местных князей, хотя и основывавшиеся на общих установлениях, всегда

очень чутко отзывались на местные условия и правильно и точно называли те соборные церкви, которым давались эти уставы и передавались перечисленные в них дани, десятины, владения и т. д. Так, в Новгородском уставе кн. Всеволода, являющемся своеобразной переработкой конца XIII в. Синодальной редакции устава Владимира, наполнившей старую его форму новым содержанием, указывается «десятина в всей Русской земле... а съборную церковь святых Богородицы, иже в Киеве, и святей Софии киевской и святей Софии новгородской»³¹⁷. В уставной грамоте XIV в., данной от имени кн. Любарта Гедиминовича, в основе которой лежит устав кн. Владимира, указывается соборная церковь Иоанна Богослова в Луцке³¹⁸. В такой же грамоте, приписанной галицкому князю Льву Даниловичу, основанной на том же уставе, названа церковь Успения в Крылосе³¹⁹.

Учитывая все это, трудно видеть во включении в текст устава указаний на Богородицу и Спас только общую формулу высшего христианского божества.

В отличие от названных уставов XIII—XV вв. изучаемый текст не имеет указания на определенный город. Разница в обозначении нового адреса княжеского пожалования в местных уставах и уставе Владимира может быть объяснена различием в характере этих видов уставов. Местные — новгородский, луцкий, крылосский уставы были известны только там, где они были изданы или изготовлены, в другие епархии они не переносились и не имели поэтому такой сложной археографической судьбы. История устава Владимира была иной: при приспособлении памятника к новым условиям в новом церковном центре — а таких приспособлений, как показано выше, было немало — в его тексте откладывались те или иные положения обычно без конкретного указания на место этой обработки. С этими новыми положениями устав продолжал жить дальше, причем такой анонимный характер поновлений был, очевидно, условием возможности использования памятника в другом центре. Возможно также, что конкретные указания на места новых обработок, отличные от первого пожалования Десятинной церкви, если они и появлялись, при следующей обработке памятника опускались как уже ненужные. Так изменялся и отшлифовывался текст конституции церковной организации вместе с изменением этой организации.

Два варианта нового адреса пожалования: 1) с Богородицей или матерью божьей на первом месте и Спасом на втором и 2) Спасом на первом месте связаны с двумя большими группами текстов устава: Оленинской редакцией — первый и редакциями Синодально-Воынской группы — второй. Не исключено,

³¹⁷ ПРП, вып. 2, с. 162.

³¹⁸ «Архив Юго-Западной России», т. VI. Киев, 1883, № 1, стр. 1.

³¹⁹ Д. Зубрицкий. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845, Прилож. «Г».

что архетипные тексты этих двух групп списков фиксируют названия конкретных кафедральных церквей, существовавших во второй половине XII в. Особый интерес представляет здесь упоминание Спаса. Можно предположить, что это упоминание, и особенно вынесение его на первое место, было связано с деятельностью епископской кафедры, помещавшейся не в церкви Богородицы, а в церкви Спаса.

Отыскивая кафедральные церкви Спаса, существовавшие на Руси во второй половине XII в., мы должны будем остановиться на Чернигове с его единственным для Руси этого времени кафедральным собором Спаса Преображения, выстроенным в 1036 г. Вторая половина XII в. — время княжения в Чернигове Ольговичей и строительства ряда церквей — Михайловской дворцовой церкви 1174 г. и Благовещенской церкви 1186 г., построенных Святославом Всеволодичем³²⁰, собора Елецкого монастыря³²¹. Это время активной, очевидно, направленной против церковной политики Андрея Боголюбского деятельности черниговских епископов, осужденной киевскими митрополитами: епископ Антоний упоминается в Ипатьевской летописи под 1164 г. как интриган³²², он был удален с кафедры в 1168 г.³²³ Следующий из известных нам черниговских епископов, Порфирий, остался в памяти истории потому, что в 1187 г., будучи в княжеском посольстве, держал себя «не яко святительскы, но яко переветник и ложь»³²⁴. Б. А. Рыбаков выяснил, что такое идеологическое мероприятие киевского князя Святослава Всеволодовича, как постройка им в 1180-х годах Благовещенского собора, воскрешало архитектурные традиции единой Руси XI в. и вызвало подражание ряда князей-соперников в ближайшие годы³²⁵.

Возможно, и обработка киевского устава кн. Владимира, архетипа одной из основных групп списков, была произведена в это же время в Чернигове. Она должна была закрепить определенные изменения во взаимоотношениях церкви и светской власти, причем сделать это, опираясь на киевские традиции, связанные с именем князя Владимира.

Можно высказать и еще одну догадку о месте завершения работы над архетипом устава — о Владимире Суздальском в княжение Андрея Боголюбского. Совместный культ Богородицы и Спаса является характерным именно для Владимира и как раз для второй половины XII в., времени, к которому относится установление праздника Спаса 1 августа, связанное с победой кн. Андрея над волжскими болгарами в 1164 г., и создание осо-

³²⁰ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — МИА, т. 11, стр. 67.

³²¹ Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М.—Л., 1945, стр. 24.

³²² ПСРЛ, т. II, стб. 522—523.

³²³ ПСРЛ, т. I, стб. 354—355.

³²⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 404—405.

³²⁵ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 93.

бого сказания об установлении этого праздника³²⁶ и построение в 1158—1160 гг. церкви Богородицы и в 1164 г. церкви Спаса на княжеском дворе.

Середина и вторая половина XII в. являются очень интересным временем в социальной, политической и культурной жизни Владимиро-Суздальского княжества. Владимирские князья Андрей Боголюбский и Всеволод III, опираясь на дворянство и верхи горожан, стремились к гегемонии Владимирской Руси в Русской земле. В этой политической борьбе принимала участие и владимирская церковь, которая, используя богатые традиции и опыт церковной литературы, могла играть и играла большую роль. В 1160—1170-х годах во Владимире при Успенском соборе ведется проникнутое политическими интересами своей земли летописание, идет напряженная работа над созданием местных церковных культов — владимирской иконы Богоматери, праздника Покрова богородицы, мощей ростовского епископа Леонтия и над посвященными им литературными произведениями: сказаниями о чудесах, службами Покрову, житием Леонтия³²⁷, создаются светские литературные повести, такие, как повесть об убийстве кн. Андрея.

В этих произведениях декларируются особое внимание к Владимирской земле со стороны первых русских князей и даже византийских императоров, традиционная самостоятельность местной церкви и ее права на большие материальные средства.

Многие из них оказываются общими и с идеями архетипа устава Владимира.

Расцвет Владимиро-Суздальского княжества во второй половине XII в. оставил замечательные следы в памятниках культуры. Сохранение прямых связей с киевской традицией в литературе, архитектуре, политической мысли, подчеркивание этих связей, обоснование права быть наследником киевских традиций присуще владимирской политической мысли XII в., может быть, более, чем какой-либо иной. В этих условиях использование и своеобразное «пополнение» киевского церковного устава во Владимире в местных интересах нельзя считать неожиданным.

Существование в Киеве церкви Богородицы, построенной кн. Владимиром, и передача им этой церкви десятины были хорошо известны во Владимире, в частности владимирскому летописцу в XII в. Упомянув о чуде в этой церкви в 1169 г., он дал

³²⁶ И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. — «Археологические известия и заметки», 1895, № 2—3, стр. 47; Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. — «Византийский временник», т. XXI. М., 1962, стр. 31; он же. Сказание о победе над болгарями 1164 г. и празднике Спаса. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963.

³²⁷ Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике. — ТОДРА, т. XI, 1955, стр. 101.

тут же такую ассоциацию, восстановив в памяти читателя связь постройки этой церкви с передачей ей десятины: «В то же лето чудо створи бог и святая богородица церкви Десятинныя в Киеве, юже бе созда Володимер, иже бе хрестил землю Русьскую и дал бе десятину к церкви той по всей Русьской земли...»³²⁸.

Источником сведений летописца была, конечно, прежде всего «Повесть временных лет» в предшествовавших ему летописных сводах, однако есть основания считать, что само стремление связать упоминание Десятинной церкви с крещением Руси Владимиром и десятиной явилось под воздействием древнего текста устава кн. Владимира, где эта связь выступала очень ясно: «Сяз, князь Володимер, поставих церковь св. Богородица... и дах церкви той десятину по всей Русской земли...»³²⁹

Владимирскому летописцу 1160—1170-х годов был известен этот текст. Но мы можем проследить связь Владимира Суздальского с киевскими традициями не только по форме их изложения, но и по существу зафиксированных в уставе положений.

Очень близкой к идеям и содержанию архетипа устава является статья 6666 (1158 г.) Лаврентьевской летописи: «Заложил Андрей князь во Володимери церковь камену св. Богородицу месяца апреля в 8 день св. апостола Родиона во вторник и да ей много имения и свободы куплены и з даньми, и села лепшая и десятины в стадах своих и торг десятый и город заложил болии»³³⁰.

Здесь, во второй части статьи, излагается, собственно, все основное содержание ст. 3 устава кн. Владимира как новое, похвальное в глазах летописца-церковника и достойное увековечения дело князя Андрея, причем очень скоро, почти одновременно с самой передачей церкви этих имений. Интересующий нас летописный текст, как выяснено в работах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, принадлежит руке летописца, связанного с церковью Богородицы, причем работавшего еще при кн. Андрее. Этот текст вошел в первый владимирский летописный свод 1177 г.³³¹

Передача владимирской церкви Богородицы десятины, «домов великих», а впоследствии, после того как в 1214 г. эта церковь стала Владимирской кафедрой, и судов церковных, как дело, традиционное для князей со времен «прадедов и дедов», подтверждается местными владимирскими памятниками XIII в. Владимирский епископ XIII в. в послании к князю, напоминая своему духовному сыну о заслугах ряда его предков перед церковью, писал: «Вижь, сыну князь, како ти были велиции князи, твои прадеды и деды, и отец твой великий князь Олександр:

³²⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Лаврентьевская летопись, стб. 857.

³²⁹ РИБ, т. XXXVI, стр. 35.

³³⁰ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 348; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 68.

³³¹ М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 75.

украшили церковь божью клирошаны и книгами, и богатели дома великими, десятинами по все градом и суды церковными»³³². Вопрос об источниках этого послания не решен в науке, однако сам факт столь близкого соответствия положению устава Владимира во владимирском памятнике XIII в. показателен.

На десятину, которая идет владимирской церкви, указывает и епископ владимирский Симон в послании к Поликарпу. «Кто не вѣсть мене, грѣшнаго епископа Симона, сея съборныа церкви, красоты Володимерьскыя и другыа Суждальскыа церкви, юже сам създах? Колико имѣта градовъ и сел, и десятину събирають по всей земли той»³³³.

Таким образом, есть некоторые основания связывать создание архетипа устава Владимира со всем комплексом политических и церковных мероприятий Андрея и прежде всего с постройкой каменной церкви Богородицы (1158) и борьбой за перенесение церковного центра Северо-Восточной Руси во Владимир (вторая половина XII в.). В это время во Владимире не было твердо установленной епископии. Новая столица княжества принадлежала юрисдикции епископа в Ростове и сама церковь Богородицы была не кафедральной церковью, а лишь одной из церквей г. Владимира, выделяющейся особым вниманием к ней со стороны князя и претендующей стать местной кафедрой. Изучение летописных известий и остатков переписки с Константинопольской патриархией показывает, что Андреем и его наследником велась длительная борьба за перенесение епископии во Владимир, создание во Владимире митрополии, однако эта борьба со многими перипетиями не привела к цели и кончилась в 1214 г. разделением епархии и возникновением во Владимире своей епископии.

Включение упоминания церкви Спаса в устав наряду с церковью Богородицы в этих условиях может рассматриваться как след участия в создании этой обработки устава клира указанной княжеской церкви, претендовавшей, может быть, в тот период, когда церковь Богородицы еще не была кафедральной, на уравнение с ней.

Приурочивая предположительно создание наиболее позднего текста архетипа устава Владимира к тому или иному церковному и политическому центру Руси, мы относим его ко второй половине XII в. Этой дате не противоречат и такие чтения, общие для Оленинской редакции и Синодально-Волынской группы, как именование Владимира «великим князем», а Ольги — «блаженной», а также экскурс в генеалогию кн. Владимира.

Во всех изводах Оленинской редакции устава, а также в Печерской редакции Владимир (соответственно «Василий») назван «великим князем», а в Синодальной, Варсонофьевской и Волынской редакциях — просто князем. Возможно, что термин «вели-

³³² РИБ, т. VI, стб. 117.

³³³ «Киево-Печерский патерик», стор. 103.

кий» появился в некоторых обработках независимо от других в связи с появлением этого титула в политической жизни княжеств, где работали составители соответствующих обработок. Возможно, однако, что этот термин появился уже в изучаемом тексте архетипа и оказался выброшенным в некоторых антикняжеских обработках, какими являлись Варсонофьевская или новгородская Синодальная редакции.

Титул «великий князь», которым назван в уставе кн. Владимир Святославич, как можно видеть, просматривая старшие списки летописей — Лаврентьевский и Ипатьевский, применялся далеко не ко всем киевским князьям и употреблялся лишь в определенное время. Этот титул применяется к Святославу и Игорю в договорах с Византией, что же касается основной части «Повести временных лет», то здесь великими князьями называются, причем только в рассказах об их смерти, из киевских князей Ярослав (1054 г.)³³⁴ и Всеволод Ярославич (1093 г.)³³⁵, далее в Лаврентьевской летописи Владимир Мономах (1125 г.)³³⁶, Андрей Боголюбский и его отец Юрий Долгорукий (1175 г.)³³⁷ — «Повесть об убиении кн. Андрея», как выяснено работами Н. Н. Воронина, составленная вскоре после этого года). Исследователями отмечено, что титул «великий князь» начинает употребляться в рассказах о деятельности князей только со второй половины XII в. (с 1187 г.), причем во Владимире так постоянно называется кн. Всеволод Юрьевич, в Киеве — Рюрик Ростиславич³³⁸. Ипатьевская летопись в заглавии статьи о вокняжении в Киеве Юрия Долгорукого именует его великим князем³³⁹. Титул «великий князь» применяет к современному ему киевскому князю патриарх Лука Хрисоверг в русском переводе грамоты около 1168 г.³⁴⁰

Появление титула «князь великий» в архетипе устава Владимира может быть поставлено в связь с общей тенденцией летописания и вообще политической литературы второй половины XII в., когда главы двух соперничающих центров стремятся ввести этот титул и установить тем самым прямую линию преемственности от старших киевских князей к своему княжеству.

Той же цели служит и подробное перечисление всей генеалогии князя, по такой, например, формуле: «Начало княжения в Киеве князя великого Дюргя, сына Володимирия Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращюра великого Воло-

³³⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 108.

³³⁵ Там же, стр. 141.

³³⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 293.

³³⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 367.

³³⁸ ПВЛ, т. II, стр. 374.

³³⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 383—384 [1149].

³⁴⁰ РИБ, т. VI, с. 66. П. П. Соколов определил дату послания не ранее 1168 г. (П. П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 136).

димеря, хрестившего всю землю Русскую». Стремление показать прямую генеалогическую связь между первыми киевскими князьями и князьями XII в., претендентами на их наследство, отражается и в генеалогической интерполяции в уставе Владимира, где редактор XII в. проводит такую же линию в установлении прямой связи Владимира с его бабкой «блаженной Ольгой», очевидно, как первой христианкой в роду Рюриковичей. Именно с эпитетом «блаженная Ольга» употребляется имя Ольги в рассказе «Повести временных лет» о ее крещении 955 г.³⁴¹

---

³⁴¹ ПВЛ, ч. I, стр. 45.

Уставные грамоты Смоленской епископии XII—XIII вв.

Смоленские уставные грамоты в последние годы заслуженно привлекли к себе внимание источниковедов. Если до начала 1960-х годов им не было посвящено ни одной специальной источниковедческой работы, то 60-е годы принесли уже несколько таких работ, и есть основание надеяться на увеличение их числа.

В статье, вышедшей в 1963 г., посвященной этим документам, мы рассмотрели основные вопросы, связанные с датировкой уставной грамоты, определением ее формуляра, основного содержания документа и заключенной в нем информации о месте церковной организации в хозяйстве Смоленского княжества и социально-экономическом строе этого княжества, а также определили место грамоты среди других уставов и уставных грамот, как современных ему, так и более ранних¹. Статья содержит также основную библиографию публикаций памятника и обзор важнейших работ, использующих его в качестве источника².

За упомянутой нашей статьёй последовало несколько статей польского историка А. Поппе, посвященных как Смоленской грамоте вообще, так и отдельным вопросам, с ней связанным³.

Уставная грамота Смоленской епископии представляет собой в рукописи документ, состоящий из четырех частей, различающихся как по содержанию, так и по палеографическим признакам. Все эти части связаны с установлением материальных источников обеспечения епископии, хотя и принадлежат разному времени. Здесь могут быть выделены: 1) уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, данная Смоленской епископии; 2) подтвердительная грамота епископа Мануила, со своей стороны подтверждающего княжескую грамоту; 3) княжеская запись о передаче кафедре земельной собственности с датой 6659 г.,

¹ Я. Н. Шапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. — «Археологический ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 37—47.

² Перечень важнейших изданий памятников должен быть пополнен дипломатическим изданием: «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.», подг. к печати Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатыным. М., 1963, стр. 75—80.

³ А. Поппе. Fundacja biskupstwa smoleńskiego. — «Przegląd historyczny», 1966, z. 4, str. 538—557; А. В. Поппе. Учредительная грамота Смоленской епископии. — «Археологический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 59—71; Danuta i Andrzej Poppe. Dziedzice na Rusi. — «Kwartalnik historyczny», 1967, z. 1, str. 1—19.

индикта 14, сентября 30, и 4) анонимная уставная запись о размерах денежных и натуральных поступлений кафедре с городов Смоленской земли.

Основным источниковедческим вопросом, связанным со Смоленской уставной грамотой, является вопрос о датировке этого документа и его отдельных частей. Несомненно, дата грамоты, посвященной материальному обеспечению новой епископии и данной одновременно с ее учреждением и поставлением епископа Мануила, тесно связана с датой основания смоленской епископии и этого поставления — 6645 г. (1136/37 г.), а не с традиционной датой 1150 г., которая упоминается в третьей части этого комплекса⁴. Исследование Н. Г. Бережкова показало, что сообщение Ипатьевской летописи под 6645 г. о поставлении Мануила относится не к 1137, а к 1136 г., так как 6645 г., как и несколько предшествующих ему, дается по ультрамартовскому счету⁵. Таким образом, составление Смоленской грамоты должно быть отнесено к 1136 г. — году основания епископии и поставления первого ее епископа Мануила, после марта этого года.

А. Поппе дал интересный анализ формулы Смоленской грамоты «Суждали залесская дань, аже воротит Гюрги, а что будет в ней, ис того святей Богородици десятина», исходя из даты грамоты 1136 г. и политических событий 1130-х годов. Однако попытка непосредственно связать эту формулу с назначением Мануила и определением доходов будущей епископии⁶ представляется недостаточно обоснованной. Упоминание в уставной грамоте суздальской дани отнюдь не говорит о том, что десятина от этой дани когда-то, например в 1134 г., уже поступала Смоленской епископии. Для Смоленской грамоты характерно указание на поступления не только тех даней, что идут епископии, но и от предназначенных князю. Грамота представляет собой как бы перечень всей той доходной части княжеского бюджета, которая могла быть разделена между светской государственной властью и новой церковной. Суздальская дань также могла быть разделена с епископом и была включена в грамоту с условием ее реализации при подходящих политических обстоятельствах. Составление Смоленской грамоты еще в 1134 г., когда, по Поппе, «в Смоленск начала и перестала поступать эфемерная, но с течением обстоятельств попавшая в историю «суждали-залесская дань»⁷, этим упоминанием, как нам представляется, не может быть обосновано. Что касается времени, когда Мануил

⁴ Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 39.

⁵ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 50—51. На это соответствие года основания епископии 1136-му, а не 1137-му году правильно обратил внимание А. Поппе, который определил и дату поставления Мануила более узко, мартом—маем этого года (А. Поппе. Fundacja, str. 539; А. В. Поппе. Учредительная грамота, стр. 59).

⁶ А. Поппе. Fundacja, str. 561—552; А. В. Поппе. Учредительная грамота, стр. 69.

⁷ А. Поппе. Учредительная грамота, стр. 69.

был назначен князем Ростиславом в епископы и были определены источники обеспечения будущей епископии, то между этими актами и «поставлением» нового епископа, которое произошло весной 1136 г., должно было пройти какое-то время. Естественно, что приглашение кандидата в епископы на новую кафедру, будущие материальные условия существования которой были неизвестны, могло быть затруднено. В условиях, когда устав князя Владимира о десятине, складывавшийся в течение XI—XII вв., касался только общих вопросов обеспечения кафедр и к тому же не имел еще в 1130-х годах широкого распространения, организация новой епископии требовала установления ее конституции еще до фактического начала отправления епископом его функций. Таким образом, работа над составлением Смоленской грамоты началась еще до поставления Мануила, однако далеко отослать это начало, по-видимому, также нет оснований.

Совершившееся учреждение новой епископии и поставление Мануила смоленским епископом отразилось во втором документе этого комплекса документов — в подтвердительной грамоте епископа Мануила. Эта грамота возникла уже после поставления епископа митрополитом, о чем говорит упоминание в ней Мануилом «поставленника моего митрополита Русского кир Михаила», но очевидно, вскоре после этого поставления, в том же 1136 г.

В нашей статье было обращено внимание на определенное членение грамоты Ростислава и грамоты Мануила, прослеживаемое как в формуляре грамот (особенно первой), так и в их содержании и отчасти (во второй грамоте) в языке⁸. Основное содержание грамоты Ростислава — статьи об учреждении епископии, обеспечении ее передачей ей «прощеников», десятины от даней, передачей ей сел, земель и церковных судов — завершается в ст. 15/7 ПРП⁹ заклатьем. После него в следующей ст. 16/8—9 ПРП дается запрет вновь присоединять Смоленскую епископию к Переяславской, как это было ранее, в свою очередь оканчивающейся заклатьем, очень близко повторяющим заклатье ст. 15/7. Воспроизводим оба заклатья:

ст. 15/7 ПРП

Аще ли кто посудит ся грамоты, что еси дал къ святеи Богородици, да тои отвѣчаетъ въ страшный день святеи богородици и сия клятва будеть на нем, а яз буду без греха.

ст. 16/9 ПРП

Да же кто разрушит ю, да сам отвѣчаетъ святеи Богородици, и сия клятва святыихъ отецъ буди на нем, а яз буду без греха.

Это членение грамоты, каждая из двух тематических частей которой завершается заклатьем, позволило поставить вопрос об их одновременности и видеть в статье 16/8—9 ПРП дополни-

⁸ Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 38, 43.

⁹ Здесь и ниже при ссылках на текст Смоленской грамоты указывается номер статьи по нашей нумерации, а через дробь с указанием ПРП — по изданию ПРП, вып. 2, стр. 39—42.

тельную приписку к основной части грамоты, посвященной учреждению и обеспечению епископии.

Статья «[А] се и еще и холм даю святеи Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови прежде епископу строити наряд церковный и утверженье. В лето 6659, индикта 14, месяца сентября 30», связана с грамотой Ростислава, а не Мануила. Эту статью нужно рассматривать как жалованную княжескую запись на землю кафедральной церкви и епископу, сделанную в виде приписки, дополнения, к княжеской грамоте 1136 г. Мы относим эту княжескую запись в особую, III часть комплекса уставных грамот Смоленской епископии.

Подтвердительная грамота Мануила также имеет некоторые черты, которые позволяют заподозрить в ней разновременные части, хотя и с меньшей уверенностью, чем в грамоте Ростислава. Грамота Мануила разделяется на четыре статьи¹⁰, которые различаются как содержанием, так и некоторыми оборотами и терминами. Так, первая статья посвящена подтверждению установлений Ростислава, вторая содержит санкцию — клятву с пересказом правила о поставлении епископов, третья запрещает воссоединять Смоленскую епископию с Переяславской и также завершается клятвой, четвертая запрещает нарушать установления княжеской грамоты о материальном обеспечении епископии и также оканчивается клятвой. Как мы отмечали ранее, некоторые выражения и термины первой статьи («утвержае... о благодати»; «куръ Михайль») позволяют считать, что эта статья могла быть первоначально написана епископом Мануилом-греком на греческом языке, а затем переведена на древнерусский. Другие статьи таких оборотов и терминов не имеют и могли быть составлены уже на древнерусском языке. Кроме того, в ст. 3 митрополит Михаил киевский упоминается как «святой митрополит Русский Михаил», в то время как в ст. 1 без этого эпитета как «поставленник мой митрополит Русский кир Михаил», что также может говорить о некоторой разновременности составления этих статей.

Такое внутреннее смысловое и внешнее формулярное членение обеих грамот позволило нам «в виде опыта» определить в составе грамот Ростислава и Мануила статьи более поздние, чем основные части обеих грамот, принадлежащие 1136 г., и отнести их ко времени до 1150 г., до появления дополнительной княжеской данной записи на соборный холм. В частности, статьи в составе грамот Ростислава и Мануила, специально запрещающие воссоединять Смоленскую епископию с Переяславской, мы связывали с политической и церковно-политической борьбой во второй половине 1140-х годов и политической изоляцией епископа Мануила в 1147—1154 гг., когда его выступление против поставления в киевские митрополиты смоленского уче-

¹⁰ Разделение на статьи и перевод грамоты на современный язык см. Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 42—47, прим. 27.

ного монаха Клина навлекло на него опалу со стороны великого князя Изяслава, самого нового митрополита Клина и ряда епископов, среди них Евфимия, главы упомянутой в обеих грамотах Переяславской епископии. Угроза воссоединения новой епархии с Переяславской была, очевидно, наиболее реальной именно в эти годы.

В опубликованных в последнее время статьях, посвященных учреждению Смоленской епископии и изучаемой грамоте, высказаны сомнения в существовании внутри грамот Ростислава и Мануила разновременных частей. Некоторые наблюдения, например, такое, как хронологическая (не стадильная) инертность упоминания «святого митрополита», нужно принять. Действительно, приведенные данные¹¹ показывают, что этот термин не указывает обязательно на время после смерти митрополита Михаила и не позволяет датировать статьи о Переяславле обязательно после 1145 г., когда он уехал из Руси и, возможно, вскоре умер. Однако отмеченные выше отличия в обозначении митрополита в ст. 1 и 3 грамоты Мануила, как и другие наблюдения о различных слоях в составе грамот, не должны остаться без внимания исследователя этих документов.

На скрытые от нас события церковно-политической истории Смоленской кафедры 1140-х годов, которые мы стремились понять, анализируя комплекс уставных грамот этой епископии, дополнительный свет может бросить свидетельство еще одного документа, связанного с этой кафедрой и князем Ростиславом. Здесь имеется в виду «Похвальное слово» князю Ростиславу Мстиславичу, составленное в связи с его смертью (умер 14 марта 1167 г.)¹², очевидно, при той же смоленской кафедральной церкви Богородицы.

После текста «Похвалы» и в тесной идейной связи с ним идет важная хронологическая запись об освящении церкви Богородицы епископом Мануилом 15 августа 1150 г.: «С[вя]тилище с[вя]тыя б[огороди]ци ос[вя]тятся от Мануила перваго епископа града Смоленска, м[е]с[я]ца августа 15 д[е]нь, индикта 13, в'лета 6658-е»¹³.

¹¹ А. Порре. Fundacja, str. 540—541; А. В. Поппе. Учредительная грамота стр. 60—61.

¹² Ипатьевская летопись сообщает о его смерти в этот день и погребении в Киевском Федоровском монастыре 21 марта в конце статьи 6676 мартовского года, которая имеет дату на два года позже описываемых событий, по Новгородской летописи (Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 177—178). Это сообщение, как определяет Н. Г. Бережков, по свидетельству Лаврентьевской летописи (6675 мартовский год) относится к 6675 мартовскому году, т. е. к 1167/68 г. (Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания, стр. 67, 178—179). «Похвала князю Ростиславу» правильно называет день его смерти 14 марта, но не указывает года.

¹³ «Похвала» была опубликована Н. Н. Орловским по плохой копии XIX в. (Н. Н. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске и раскопки его развалин. — «Смоленская старина», вып. 1. Смоленск, 1909, стр. 211—

Сравнительное изучение этой записи вместе с княжеской записью о холме — составной частью комплекса смоленских уставных грамот, имеющей дату «в лето 6659, индикта 14, месяца сентября 30», показывает тесную связь обеих дат в целом ряде аспектов. Обе они связаны с деятельностью князя Ростислава и епископа Мануила, со Смоленском и кафедральной церковью Богородицы, обе обозначены в одной и той же форме, с указанием года, индикта, месяца и дня и по одному календарному стилю, хронологически они очень близко отстоят друг от друга, наконец, что наиболее важно, как нам представляется, они относятся к одному и тому же кругу исторических событий, связанных с историей кафедральной церкви.

Анализ обеих полных дат, в частности обозначения индиктов и годов «от сотворения мира», показывает, что перед нами сентябрьский, византийский календарный год. Первое сообщение об освящении церкви относится к самому концу 6658 сентябрьского года и соответственно 13 индикта, а второе, подтверждающее собственность на холм, к началу 6659 сентябрьского года и 14 индикта, т. е. оба они должны быть датированы 1150 г. Ни мартовский, ни ультрамартовский стили в обозначении обеих дат заподозрены быть не могут¹⁴.

Согласно вновь привлеченному документу, 15 августа 1150 г. епископ Мануил освятил кафедральную церковь Богородицы, а по записи князя Ростислава через полтора месяца, 30 сентября 1150 г., церковь Богородицы получила в собственность холм, участок смо-

---

212) и вызвала скептическое отношение исследователей. Исследование и издание памятника по списку XVI в. подготовлены нами отдельно.

¹⁴ Тем самым изучаемые памятники не дают материала для решения вопроса, оставленного Н. Г. Бережковым открытым: «применялся ли ультрамартовский стиль, кроме летописания, также в других произведениях литературы и при датировке актов?» Иначе оценивает стиль даты Смоленской уставной грамоты и отвечает на этот вопрос А. Поппе. Руководствуясь применением ультрамартовского стиля в летописании Переяславля (Смоленск долго был зависим от Переяславля в политическом и церковно-политическом отношении) и Киева (Ростислав с 1152 г. княжил в Киеве), он считает, что и датировка смоленского документа 6659 г. должна быть ультрамартовской (А. Поппе. Fundacja, str. 545, прим. 25; А. В. Понне. Учредительная грамота, стр. 64). Однако Н. Г. Бережков не случайно отделял изученный им вопрос о стилях хронологии летописей от вопроса о стилях в датах документов. Применение сентябрьского стиля и вместе с ним датировки по индиктам в смоленских актах и в хронологических записях, относящихся к кафедральной церкви в середине XII в., не может не быть связано с происхождением главы этой церкви — грека Мануила. Очевидно, именно он, представитель Константинопольской церкви, способствовал введению византийского календаря в делопроизводстве и хроникальных записях кафедры. На другую черту этого греческого иерарха, сторонника усвоенных на родине порядков, показывает его отрицательная позиция при избрании Климента в митрополиты киевские (ПСРЛ, т. II, стб. 340—341, 485; см. Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 43—44).

ленской земли, на котором, очевидно, и стояла эта церковь¹⁵. Как понимать это сообщение об освящении в 1150 г. церкви, которая уже 14 лет, с 1136 г., являлась кафедральным епископским собором? Чем был вызван этот акт, не попавший в переяславские и киевские летописные труды XII в., но сохранившийся в смоленском памятнике этого времени?¹⁶ Трудно видеть в этой записи указание на первое освящение этого храма, как предполагает М. К. Каргер¹⁷. Существование епископии в течение 14 лет без кафедрального храма, а нам известно, что уже в 1136 г. им была именно церковь Богородицы, та самая, как подчеркнул киевский летописец XII в., которую основал в 1101 г. Владимир Мономах¹⁸, невероятно. Письменные источники не позволяют считать, что церковь Богородицы стояла без службы до середины XII в. Похвала князю Ростиславу сообщает, что этот князь, придя впервые в Смоленск княжить, увидел, что смоленская церковь управлялась из Переяславля, учредил епископию и обеспечил ее материально. Здесь говорится, что его негодование было вызвано именно подчинением этой церкви Переяславлю, а не тем, что она была не кончена или стояла без службы¹⁹. Само церковно-административное подчинение городского собора переяславскому епископу свидетельствует скорее о том, что это был действующий храм, в котором служили попы, поставленные переяславским епископом, чем о том, что церковь ждала достройки и освящения.

¹⁵ Обоснование такого понимания формулы записи 1150 г. «[А] се и еще и холм даю святей Богородици и епископу строить наряд церковный и утверженье», в противоположность принятому — о передаче церкви города Холма (в Волинской земле или в восточной части Смоленской земли) см. Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 44—46. Этот соборный холм был отдан Владимиром Мономахом переяславскому епископу Симеону, очевидно, около 1101 г. при постройке на нем церкви Богородицы.

¹⁶ Запись об освящении церкви Богородицы епископом Мануилом с указанием тех же индикта, месяца и числа, но с пропуском последней цифры года («лета 6650 [$\bar{\text{S}}\bar{\text{X}}\bar{\text{N}}$] августа 15 индикта 13») включена в хронологию основных дат истории города Смоленска, составленную в XVII в., в сборнике Михайловского Златоверхого монастыря (Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154; см. М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. XII—XIII вв. Л., 1964, стр. 14, 125).

¹⁷ М. К. Каргер справедливо не отвергает интересных свидетельств привлекаемого здесь текста, но неисправность позднего, XIX в., списка этого памятника не позволила исследователю полагаться на него с достаточным основанием. М. К. Каргер высказывает предположение, что церковь Богородицы не была освящена до 1142 г. (6650 г., дата в Михаило-Архангельском сборнике) и в связи с тем, что к приезду епископа Мануила собор не был достроен и его кончал уже князь Ростислав в 1130-х годах (М. К. Каргер. Зодчество, стр. 14—15).

¹⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 250; см. Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 39—40.

¹⁹ «Сеи трєблаженнїи и святїи князь Ростислав... прииде первое в град Смоленск на княжение, и виде смолинскую церковь сущую под Переясловлем, и негодова, и здума с бояры своими и с людми, и постави епископа к церкви святыя Богородицы и уял часть от вся области своєї и дал святей Богородици и епископу и боле люди сия и землю просвети». Текст дается в транскрипции, приближенной к современной орфографии.

Смоленская хронология в Михайловском сборнике, отмечая ряд построек князя Ростислава, говорит только о занимающем нас здесь позднем освящении церкви Богородицы Мануилом, а об участии его в строительстве этой церкви не сообщает. Единственным письменным свидетельством, упоминающим о «строении» Ростиславом смоленской Богородицы, являются слова в статье 6673 г. в смоленской обработке Новгородской летописи в Супрасльском списке, сделанной во второй половине XV в.²⁰ Здесь в летописной статье о смерти Ростислава «В лето 6673 преставися Ростиславъ Мстиславия марта 21²¹, княживъ лет 9 в Киеве» после имени князя может быть выделена вставка, кратко повествующая о его заслуге перед Смоленском: «Сии Ростиславъ Мстиславълич, наречень в святомъ крещении Михаил, внукъ Владимира Монамаха, святую Богородицу строил в Смоленьске»²².

Термин «строить» в древнерусском языке кроме основного — воздвигать, возводить, имел и другие близкие друг другу значения — устраивать, благоустраивать, окружать заботами²³. Ростислав был «строителем» этой церкви в том смысле, что он богато обеспечил ее материально и превратил ее из городского собора в церковный центр огромной территории Смоленской епархии. Возможно, что прежде всего эту заботу и имел в виду смоленский редактор летописи в XV в., когда он писал о князе Ростиславе.

Княжеская запись 1150 г. на холм также употребляет этот термин: «холм даю... яко же дано дедом моим... строить наряд церковный и утверженье...» Конструкция фразы не позволяет определить, относится ли придаточное цели «строить наряд церковный и утверженье» к глаголу «даю» или к обороту «дано дедом моим». Как известно, именно Владимир Мономах был основателем этой церкви и естественно, что холм был дан им переяславскому епископу Симеону именно для такого строительства. Однако другое согласование также не может быть исключено: идиоматические выражения «строить наряд церковный» и «строить утверженье» могут быть поняты и так, что Ростислав, подтверждая передачу холма епископу, указывал цель, которую преследовал именно этот акт 1150 г. «Наряд церковный» в этом контексте, судя по значению этого выражения в Поучении Владимира Мономаха²⁴, — «церковный порядок», очевидно, нормальное функционирование церкви. В таком случае глагол «строить» с этим выражением обозначает не «воздвигать», а «заботиться» об этом порядке, «обеспе-

²⁰ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 236, прим. 4.

²¹ Вместо дня смерти князя здесь, как и в источнике этой записи и в Лаврентьевской летописи, указан день погребения его в Киеве.

²² «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенную летописи». М., 1836, стр. 132.

²³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. М., 1958, стб. 554—555.

²⁴ ПВЛ, ч. 1, стр. 163, 364.

чивать» его ²⁵, в конечном итоге, исполнять функции «строителя» — управителя церкви. Фраза «строить утверждение» может иметь близкое значение «обеспечивать поддержку» церкви, однако, судя по материалам, собранным И. И. Срезневским, здесь скорее можно видеть первоначальное значение слова «утверждение», как опора, подпорка, укрепление. Не имел ли Ростислав в виду в 1150 г. какие-то работы по укреплению церкви Богородицы, построенной в первые годы XII в.?

Археологические раскопки, которые вел Н. Н. Воронин в 1965 г. по сторонам нынешнего собора, построенного на месте монаховского, показали два этапа строительства на этом месте в XII в. Меньшая часть строительной плинфы, 25—30% общего ее количества, тонкая, толщиной 3,5—4 см, с другими признаками, позволяющими отнести ее к началу XII в., к строительству собора Монамахом. Остальная ее часть (следовательно 70—75%) — крупноразмерная, с клеймами и знаками, характерная для середины XII в., времени Ростислава. Н. Н. Воронин, согласовывая приведенные выше свидетельства некоторых письменных источников в списках XVII—XIX вв. с этими данными, относит второй этап к 1142 г., ко времени достройки собора Ростиславом ²⁶. Как было показано выше, дата 1142 г. является результатом описки поздних копировщиков. Как в этих условиях может быть объяснено существование рядом с разрушенным собором строительной плинфы и начала, и середины XII в.? Количественное соотношение ранней и поздней плинфы в раскопках 1965 г., говорящее о весьма значительных строительных работах в середине XII в., с учетом результатов изучения письменных свидетельств, едва ли дают основание видеть в строительных работах середины XII в. достройку собора. Мало вероятно также считать плинфу этого времени остатками каких-то укреплений и дополнительных опор, призванных поддержать собор начала века — вскрытой плинфы для этого, вероятно, излишне много. Возможно, этот строительный материал является свидетельством других сооружений, поставленных в середине XII в. рядом с собором, например епископских палат или пристроек. Монахов собор, как показал Н. Н. Воронин, занимал внутри плана современного собора центральное, несколько сдвинутое в сторону абсид (если престол нового собора был на месте престола старого) положение, но был значительно (вчетверо) меньше его по площади. Возможно, что раскопки внутри нового собора вскроют существование на его территории и других сооружений XII в., хотя нужно учитывать, что массивность нового собора потребовала при постройке его стен

²⁵ Так же понимает этот термин в указанном контексте А. Поппе (см. *A. Poppe. Fundacja*, стр. 553, пр. 47; *A. В. Поппе. Учредительная грамота*, стр. 70, прим. 48).

²⁶ *Н. Н. Воронин и П. А. Рапопорт. Смоленский детинец и его памятники.* — СА, 1967, № 3, стр. 293.

значительной подготовки фундамента, разрушившего предшествующие строительные слои²⁷.

Изучение письменных и археологических свидетельств об истории смоленской Богородицы в первой половине XII в. склоняет нас к выводу, что строительство собора было закончено еще до учреждения епископии, к 1136 г. Чем в таком случае может быть объяснено освящение этой церкви в 1150 г., на 15-м году ее существования как кафедрального собора? Вторые и последующие освящения церквей на Руси производились, согласно правилам, в различных случаях их осквернения перестройками, росписями, животными и службой в них церковников, не имевших на это канонического права, и пр. Что касается случайного осквернения храма, не вызванного какими-либо политическими событиями, казусы такого рода, очевидно, устранялись келейно, без сохранения этих недостойных упоминания случаев для истории. Могло ли быть вторичное освящение связано с пристройками к собору или новыми росписями в нем? Это представляется очень мало вероятным ввиду того, что запись говорит об освящении всего храма, причем в очень торжественной, несколько даже триумфальной форме, с трехкратным применением слов с корнем «свят», т. е. со своеобразным трехкратным освящением этого акта словами самой записи. Освящение пристройки или даже новых работ внутри собора, как представляется, не требовало такого пафоса.

Мы возвращаемся для определения смысла освящения 15 марта 1150 г. к тем политическим и церковно-политическим событиям, связанным с поставлением в 1142 г. митрополитом Климом Смолятича, о которых писали ранее²⁸. Освящение собора в 1150 г. Мануилом, как специально и опять торжественно подчеркивается в записи, первым епископом этого города, представляется нам вторичным освящением этого собора. Первое освящение было произведено, очевидно, еще одним из переяславских епископов — Симеоном (если строительство завершилось уже до 1105 г., что мало вероятно) или его наследниками. Второе освящение 1150 г.²⁹ имело место после церковно-политической изоляции епископа Мануила, преследовавшегося новым митрополитом Климом после 1147 г., и, очевидно, как следствие этого. Возможно, Мануил, вынужденный «скрываться от Клим», как говорится в Ипатьевской летописи³⁰, был лишен возможности выполнять свои функции

²⁷ Там же, стр. 293.

²⁸ Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 43—44.

²⁹ Освящение церкви Богородицы во вторник 15 августа 1150 г. по записи в приложении к «Похвале кн. Ростиславу» дает дополнительное свидетельство к тем, которые собрал А. Поппе об освящении церквей на Руси в будние дни (см. А. Поппе. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. Cz. I. — «Przegląd historyczny», t. LV, 1964, t. 3, str. 388. А. Поппе. Русские митрополиты Константинопольской патриархии в XI столетии. — «Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 93).

³⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 340—341.

в Смоленском соборе и это делал там кто-то другой, кто не имел по представлению Мануила (и по известным ему правилам) на это права³¹. Не исключено также, что это осквернение собора было как-то связано с угрозой воссоединения в эти годы Смоленской епископии с Переяславской или какими-то конкретными действиями по такому воссоединению, что могло найти отражение в последних статьях уставной грамоты Ростислава и подтверждающей грамоте Мануила. Как известно, переяславский епископ Евфимий был при Климе его сторонником и политическим противником Мануила³². Возвращение Мануила к исполнению его обязанностей в Смоленском соборе произошло, следовательно, в августе 1150 г., одновременно с возвращением в 1150 г. в Новгород епископа Нифонта, находившегося до этого в заточении в Печерском монастыре³³.

Эта одновременность появления опальных епископов-греков на их столах говорит о том, что не поддержка Ростиславом Мануила была главной причиной его реабилитации, и возможности Ростислава в улаживании церковно-политического конфликта 1140-х годов были ограничены. Однако Ростислав был заинтересован в том, чтобы угрозы ликвидации церковно-политической независимости его столицы и его княжества не существовало или она не повторялась, что отразилось в последних статьях его уставной грамоты. Затем, через полтора месяца после освящения, он подтвердил передачу епископу территории, где стоял кафедральный собор и, возможно, строились в это время другие помещения кафедры.

Сложение комплекса смоленских уставных грамот, сохранившегося в списке XVI в., можно себе представить таким образом. Грамоты 1136 г. Ростислава и Мануила, существовавшие на нескольких пергаменных листах или в приложении к какой-либо служебной рукописи церкви Богородицы, были вновь переписаны (если принимать дополнения, сделанные в 1150 г.) в 1150 г., при восстановлении деятельности епископии. На эти листы 15 августа 1150 г. или немного позднее была внесена княжеская запись на Соборный холм. В конце XII—первой половине XIII в. к грамотам, хранившимся в канцелярии епископа, была дописана анонимная уставная запись о размерах погородия — особого вида денежных и натуральных поступлений на епископский двор. На это время возникновения записи может указывать, во-первых, денежный счет памятника — здесь не упоминаются гривны серебра, известные в документах середины XIII в., и тем более гроши,

³¹ Ср. свидетельство Ипатьевской летописи о восстановлении службы в Киевском Софийском соборе в 1156 г., когда новый митрополит Константин «испровергыши Климову службу и ставления, и створивше божественную службу» (ПСРЛ, т. II, стб. 485).

³² Я. Н. Шапов. Смоленский устав, стр. 44.

³³ НПЛ, стр. 28. (В лето 6658. «Приде архиепископ Нифонт ис Кыева, пущен Гюргем князем; и ради быша людьє Новегороде»), 214—215.

известные в конце XIV в. Во-вторых, запись относится ко времени, когда власть епископа, церковной организации, в Смоленской земле настолько окрепла, что глава ее сам через своих представителей в городах был в состоянии собирать причитающиеся ему дани, не опираясь на княжескую систему сбора даней, о которой не упоминается в записи. В-третьих, запись рисует условия, когда поступления от городов занимали важное место в приходном бюджете кафедры, а финансы развитых смоленских городов, следовательно, были в состоянии удовлетворить среди других и притензии владыки.

Список грамоты, датируемый второй четвертью XVI в. (филигрань 1534 г.), был изготовлен в связи с восстановлением прав смоленского епископа Гурия на принадлежавшие кафедре села и земли, оказавшиеся после перехода Смоленска в 1514 г. к Русскому государству как на его территории, так и «в королевеве стороне», то есть в Литве. Копии земельных документов кафедры были сняты перед 1542 г., когда о них шла речь в Москве с послами короля Сигизмунда I³⁴. Смоленский писец аккуратно переписал документ, правил свой текст зачеркиваниями и подчистками, но в тексте остался ряд неисправностей, вызванных, вероятно, искажениями в его протографе: в тексте о Путьгине (Путьгине), о «шестой тяже» в грамоте Ростислава, пропуск слов «и епископу» после «святей богородице», для которых оставлено чистое место (ст. 4 грамоты Мануила), фраза «три гоны короткии» в записи о погородии, которая может быть искажением слов «три гривны урока»³⁵.

Продолжая изучение формуляра уставной грамоты Ростислава, начатое ранее, вновь обратим внимание на составные ее части. По содержанию и форме грамоту можно разделить на шесть компонентов.

1. Благословение (ст. 1/1 ПРП).
2. Объявление об учреждении Смоленской епископии с исторической справкой о ней и указанием на совещание князя по этому делу «с людьми своими» (ст. 2/1 ПРП).
3. Перечень «пожалований» новой епископии в таком порядке: «прощеники», десятина от даней, села и земли, воск, мед и два двора крестьян, завершающийся утверждением, что князь дает церкви по повелению своего отца все, что может (ст. 3—10/2—5 ПРП).
4. Примыкающий к этому другой перечень требующих судебного разбирательства дел, которые относятся к юрисдикции епископа, и распоряжение об отказе в судебных пошлинах и денежных штрафах светским претендентам на них: князю, посаднику, тиуну, иным «от мала до велика» (ст. 11—13/6—7 ПРП).

³⁴ «Сборник Русского исторического общества», т. 59. СПб., 1887, стр. 164.

³⁵ Этот вариант реконструкции, предложенный А. Поппе, стоит принять. Второй — «три гуны короткие» — маловероятен. (А. Poppe. Fundacja, str. 545; А. В. Поппе. Учредительная грамота, стр. 64).

5. Оговорка, указывающая на относительность количества десятины от даней, определенного в урожайный и мирный год (ст. 14/7 ПРП).

6. Санкция, включающая запрет нарушения грамоты и заклятье — угрозу страшным судом на том свете ее нарушителям (ст. 15/7 ПРП).

После этого следует новая часть (ст. 16/8—9 ПРП), запрещающая воссоединять Смоленскую епископию с Переяславской. Она представляет собой новый компонент, аналогичный шестому. В статье также содержится запрет нарушения содержания грамоты, ее 2-й статьи, хотя в той статье ничего не говорится ни о Переяславле, ни о выделении Смоленской епархии именно из Переяславской. Далее она содержит новую санкцию в двух частях — 1) угрозу со стороны князя отменить те поступления, которые он предназначил церкви Богородицы, и 2) заклятье именем Богородицы и святых отец. Последнее заклятье, как показано выше, близко повторяет заклятье основной части Смоленской грамоты в ст. 15.

Наконец, дополнением к уставной грамоте Ростислава по форме является княжеская данная — подтвердительная грамота кафедральной церкви на холм с датой 1150 г., ибо она не имеет таких обязательных признаков самостоятельного княжеского акта, как обозначение имени князя, санкции и пр., однако, не будучи включенной в текст уставной грамоты 1136 г., возникнув значительно позже ее и имея свое особое содержание, эта запись является княжеским актом, подтверждающим передачу определенного участка земли в собственность церкви и епископа. Итак, этот акт должен рассматриваться не только как дополнение, но и как особая грамота, в тесном единстве этих обоих качеств.

Основное содержание Смоленской уставной грамоты — это перераспределение даней и других форм ренты между двумя органами государственной власти — светской и церковной, связанное с учреждением государственной церковной организации. Этот начальный акт, вызванный к жизни указанными условиями, подробно, с исключительной полнотой и в довольно ясном изложении отражает структуру нового хозяйства епископии, как и структуру тех разделов княжеского хозяйства, которые подлежали пересмотру в связи с актом 1136 г.

В уставной грамоте отразилось существование в княжеском финансовом хозяйстве четырех составных частей совокупной ренты.

Среди многообразных платежей, которые князь собирал со Смоленской земли в форме традиционных раннеклассовых даней («все дани смоленские» — полюдье, гостиная дань, перевоз, торговое, мыт, передмер и пр.), могут быть выделены два вида, значительно различающихся социально-политически. Одни из этих даней платит все население княжества: как труженики, создающие материальные ценности, так и люди, живущие за счет их эксплуатации или за счет доходов от обращения ценностей (например,

«перевоз»), или только последние (например, «гостиная дань»). Другую часть даней платят непосредственные производители, и эти платежи могут рассматриваться как ранняя форма земельной ренты, которая в ряде отношений близка к феодальной земельной ренте. Сбор даней осуществлялся по территориально-административным округам, погостам, перечисленным в грамоте³⁶.

Следующую составную часть ренты образуют поступления от эксплуатации трудящегося населения, находящегося на следующей, по сравнению с облагаемым данью, ступени феодальной зависимости, и иначе организованного — в виде сеньории. На этот вид феодальной ренты в уставе указывает передача епископии сел и урочищ, в том числе дважды под названием «уезд княж».

И последнее — поступления от суда, как княжеской регалии, в двух видах: виры и продажи.

Смоленская епископия стала обладателем части этих видов ренты. Прежде всего она получила часть даней в виде десятины — традиционного древнерусского способа обеспечения культа, зафиксированного еще в ранних текстах устава Владимира³⁷. Десятина исчислена от всех названных в грамоте видов даней, кроме полюдья. Очевидно, система сбора этого вида отличалась от других и не позволяла делить его с церковью. Не выделялась десятина и с обоих видов государственных штрафов за уголовные преступления — вир и продаж.

Одновременно епископ становился земельным собственником — феодалом. Грамота закрепляла за ним два села с относящейся к ним землей и особыми, не принадлежащими, вероятно, к общинам этих сел крестьянами-изгоями и бортником. Кроме этого, епископии были переданы два двора княжеских поставщиков — капустника и тетереvника — и ненаселенные земли, озера и сеноката. Система дележа феодальной ренты в этом случае совершенно иная, чем в первом. В будущем, как известно, этот вид феодальной ренты станет основным в эксплуатации, в частности и со стороны церкви. Однако остается неизвестным объем феодального иммунитета церкви относительно этих сел. Отсутствие специального указания на принадлежность к такому пожалованию также вир и продаж, как это сделано в уставе относительно прощеников и в грамоте Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на село Буйцы 1130 г., не позволяет с уверенностью говорить о том, что этот иммунитет был полным.

³⁶ Д. и А. Поппе принадлежит интересный опыт изучения структуры одного из таких погостов — Путьтина. Структура его представлена в Смоленской грамоте подробнее, чем других, но некоторые термины искажены, что препятствовало их пониманию (см.: *D. i A. Poppe. Dziedzice na Rusi.* — «*Kwartalnik historyczny*», R. 74, 1967, z. 1, str. 3—19).

³⁷ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 298—308.

Части ренты, поступавшей в виде судебных податей, также подлежали разделу между князем и епископом, причем система этого раздела вновь отличалась от первых двух. Линия размежевания проходила здесь между двумя судебными органами: епископский суд осуществлял семейное и брачное право, а также — в особом случае — уголовное (отравление); княжеский — остальные отрасли права. Итак, церковь обладает наряду с феодальным иммунитетом, действовавшим на территориях сел, принадлежавших ей как феодалу, также особым судебным отраслевым, не связанным с какой-либо территорией.

Своеобразный церковный иммунитет, причем полный, и финансовый, и судебный, распространялся на «прощеников», являвшихся особой, связанной с церковью, сословной группой раннефеодального общества. Наконец, под свою судебную власть берет церковь и те семейно-брачные и уголовные дела, в которых участниками являются «церковные люди» — члены церковного причта. Так, члены церковной организации, являясь в определенных случаях вершителями суда над светским населением и получая соответствующие доходы, сами оказываются вовсе не подлежащими светскому суду.

Можно думать, что не все, что выделил князь епископии в 1136 г., стало собственностью церкви впервые. Смоленское княжество входило до этого в Переяславскую епархию, и переяславский епископ получал на территории этого княжества определенную сумму десятин от даней, очевидно, значительно меньшую, чем новый смоленский епископ. Отсутствие указаний на прежнюю принадлежность выделяемых кафедре сел и земель церкви Богородицы или переяславскому епископу, как это сделано в грамоте 1150 г. относительно холма, позволяет считать, что эти села лишь в связи с организацией епископии были переданы церкви. Что касается церковных судов, то они в определенном объеме, близком к тому, какой указан в уставе Владимира, принадлежали чиновнику переяславского епископа. Выше мы определили тот состав дел, который принадлежал церкви в первой половине XII в.

Изменения в политической и экономической жизни
Новгородской земли в XII в.
и уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г.

В отличие от рассмотренной выше грамоты, своеобразной конституции вновь учреждаемой епископии, где все источники ее обеспечения подробно оговорены, грамота Святослава Ольговича 1137 г. касается лишь некоторых сторон финансового положения епископии, тех, которые подлежат изменению и дополнению в новых условиях XII в. Однако тем самым она позволяет проследить динамику в экономической и политической жизни XII в.

Ниже следует ряд наблюдений над грамотой кн. Святослава об основном ее содержании, объеме, о связи содержащихся в ней

постановлений со смоленской грамотой Ростислава и с уставом Владимира, о данных грамоты для изучения эволюции в материальном обеспечении церкви.

Грамота кн. Святослава Ольговича сохранилась в трех списках, во всех них следует после устава кн. Владимира. Старший список находится в приложении к Синодальной кормчей 1280-х годов, которое по почерку датируется XIV в. (И. И. Срезневский)³⁸ или серединой века, самое позднее — второй его половиной (М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина)³⁹. Этот список хорошо известен в науке и издавался неоднократно⁴⁰.

Второй, Егоровский список находится в кормчей Софийской редакции конца XV — начала XVI в. среди добавочных статей рукописи, отсутствующих в других списках этой редакции⁴¹.

Егоровский список имеет ряд разночтений по сравнению со списком Синодальным. Значение его для изучения грамоты зависит прежде всего от того, в каком отношении этот список находится к старшему, Синодальному: является ли он копией с Синодального или не зависит от него и восходит к архетипу. У нас нет прямых свидетельств, позволяющих считать новый список копией со старшего, и это делает его издание и изучение важным⁴².

Третий список относится к концу XVII — началу XVIII в. Это отдельная тетрадь из делопроизводства Московской патриархии второй половины XVII в.⁴³ Естественно считать, что этот список является копией с части Синодальной кормчей, хранившейся в Патриаршей библиотеке. Таким образом, третий список грамоты не представляет интереса для изучения ее первоначального текста.

В связи с тем, что грамота Святослава в обоих старших списках дошла до нас в комплексе с уставом Владимира Синодальной редакции, следуя после него и не будучи отделенной ни заглавием, ни киноварной буквой, встает вопрос о взаимоотношении этих двух текстов между собой: является ли грамота Святослава продолжением, припиской к уставу Владимира, и какому из памятников принадлежит пограничная статья «Устав, бывший прежде нас

³⁸ И. И. Срезневский. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, стр. 111.

³⁹ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19.

⁴⁰ «Русские достопамятности, издаваемые Московским обществом истории и древностей российских», ч. 1. М., 1815, стр. 82—83; Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, изд. 2-е. М., 1818, прим. 267, стр. 155—156; М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника, стр. 19—21 (здесь издано фототипическое воспроизведение списка); ПРП, вып. 2, стр. 117—118. Эти четыре издания выполнены по рукописи, известные нам другие публикации перепечатаны с этих изданий.

⁴¹ ГБЛ, Егор. 472; краткое описание списка см. ПР; т. 1, стр. 142.

⁴² См. подробнее: Я. Н. Шапов. Новый список новгородского устава Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 26. М., 1963, стр. 395—398.

⁴³ ГИМ, Син., сборники, № II, лл. 11—17.

в Руси от прадед и от дед наших: имати пискупом десятину от дании и от вир и от продаж, что входит в княж двор всего?» Есть ли этот текст заключение устава Владимира или первая статья грамоты Святослава?

Исследователи обоих уставов по-разному решали эти вопросы. Первые издатели грамоты Святослава воспринимали ее целиком, со статьей «Устав, бывший преже нас...», в качестве одного памятника. При этом они отмечали, что в кормчей «старинного» (XVI в.) Вычегодского списка, откуда был взят для издания текст устава Владимира Крестининым⁴⁴, указанные пять строк «ошибкою писца несправедливо приписаны к сему узаконию» и эта ошибка воспроизведена Крестининым в его издании⁴⁵.

Все последующие издания грамоты, основывающиеся на первой его публикации, также включают эту статью в устав Святослава, а не Владимира⁴⁶.

Определенную роль в выработке исследователями мнения о месте спорной статьи сыграло новое издание В. Н. Бенешевичем устава Владимира III редакции в Русской исторической библиотеке⁴⁷. Это издание, явившееся вообще значительным шагом вперед в изучении устава Владимира, неверным методическим подходом внесло путаницу в интересующий нас вопрос.

Найдя в большом числе поздних списков XV—XVII вв. московского и украинского происхождения, не связанных с Новгородом (в кормчей в соединении с «Мерилом праведным», кормчей типа Румянцевского списка № 232, в Софийской летописи и др.), устав Владимира с приложением только одной спорной статьи, В. Н. Бенешевич издал тексты из указанных списков так, как они там сохранились. При этом он не высказал какого-либо взгляда на отношение этой статьи к уставам Владимира и Святослава. Но наряду с таким не вызывающим возражения изданием позд-

⁴⁴ «Продолжение древней российской вивлиофики», ч. III. СПб., 1788, стр. 3—8.

⁴⁵ «Русские достопамятности, издаваемые Московским обществом истории и древностей российских», ч. 1, стр. 82—83. Вопросы о причинах появления этой статьи в поздних списках устава Владимира коснемся ниже.

⁴⁶ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, прим. 267, стр. 155; «Сборник в память 900-летия крещения Руси, изд. Историческим обществом Нестора летописца», под ред. А. Н. Соболевского. Киев, 1888, стр. 65—67; В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915, стр. 99. В этом издании спорная статья дана в качестве заглавия к грамоте Святослава; «Хрестоматия по русской истории», сост. Н. Я. Аристовым. Варшава, 1888, стр. 991—992; «Хрестоматия по истории русского права», сост. М. В. Владимирский-Буданов, вып. 1, изд. 6-е. Киев, 1908, стр. 217; «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», подг. к печати Г. Е. Кочин. Л.—М., 1935, стр. 47. Последние три издания воспроизводят текст, изданный в «Русских достопамятностях».

⁴⁷ РИБ, т. XXXVI, вып. 1 и отдельно — УКВ. До В. Н. Бенешевича устав Владимира вместе со спорной статьей издал по списку XV в. (ГБЛ, Рум. 232) Макарий («История русской церкви», т. I, изд. 2-е. СПб., 1868, стр. 284—286).

них списков Бенешевич дал в соседней колонке и издание устава Владимира по Синодальной кормчей, в которой, как известно, вслед за уставом Владимира идет полный текст грамоты Святослава. Однако и текст Синодального списка в этом издании был искусственно обрезан издателем в соответствии с указанием поздних списков, представляющих результат дальнейшей истории текста устава, а то, что за приведенным в издании началом грамоты Святослава в Синодальном списке и копии с него следует весь остальной текст этого памятника, Бенешевич совсем не указал. Таким образом, это фундаментальное издание устава Владимира вводило читателя в заблуждение, будто устав в старшем, Синодальном, списке, так же как и в других, поздних списках этой группы имеет в качестве дополнения статью «Устав, бывший прежде нас...», на котором он и обрывается. Так, С. В. Юшков в работе, написанной на основе издания Бенешевича, считает спорную статью «заключительной схолией» устава Владимира III редакции, а вопроса об отношении этой статьи к следующей далее в рукописи грамоте Святослава не ставит совсем⁴⁸. Г. Е. Кочин в своем сборнике документов по истории Киевской Руси перепечатывает текст Синодальной кормчей по изданию Бенешевича, также искусственно и без оговорок обрывая его после статьи «Устав бывший прежде нас...»⁴⁹.

А. А. Зимин считает возможным, что «некогда третья редакция Устава Владимира и устав кн. Святослава образовывали один памятник, в котором статья 15 была как бы переходом от одного устава к другому». Следуя также указанию ряда списков устава Владимира Синодальной редакции, где спорная статья является как бы заключением этого устава, а грамота Святослава вообще отсутствует, А. А. Зимин в своем издании уставов Владимира и Святослава присоединяет этот текст в качестве позднейшей приписки к концу устава Владимира и опускает его в грамоте Святослава⁵⁰.

М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина рассматривают грамоту Святослава в Синодальной кормчей в качестве «естественного продолжения» устава Владимира. Спорный текст указанные исследователи считают пояснением к уставу Владимира и переходом к грамоте Святослава, но в своем издании они включают его в состав последнего памятника⁵¹.

Таким образом, в настоящее время распространено мнение, что грамота Святослава является своеобразным дополнением к уставу Владимира Синодальной редакции или продолжением

⁴⁸ С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, стр. 93; ср. также С. В. Юшков. Общественно-политический строй, стр. 222.

⁴⁹ «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». Сб. документов, подготовлен к печати Г. Е. Кочиним. М., 1936, стр. 159—161.

⁵⁰ ПРП, вып. 1, стр. 251—252; вып. 2, стр. 118—119; см. также рецензию А. А. Зимина на издание М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкиной. — «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 162.

⁵¹ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника, стр. 19.

его и вместе с ним образует один сложный памятник, причем статья «Устав, бывший прежде нас...» является позднейшей схолией, соединившей эти два устава в один, и принадлежит, собственно, к уставу Владимира (С. В. Юшков, А. А. Зимин) или является пояснением к этому уставу, являясь частью грамоты Святослава (М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина).

Это мнение покоится на трех основаниях, которые нужно изучить, чтобы ответить на вопрос, насколько оно верно. Такими основаниями являются: 1) сохранение грамоты Святослава Ольговича только вместе с уставом Владимира Синодальной редакции; 2) указание на содержание предшествующего устава в статье «Устав, бывший прежде нас...» и 3) наличие этой статьи в ряде списков устава Владимира, где остального текста грамоты Святослава нет.

Как показано в настоящей работе, Синодальная редакция устава Владимира является памятником XIII в., возможно, последней его четверти. Добавления, появившиеся в этой редакции сравнительно с текстом архетипа Синодально-Волынской группы редакций, говорят о расширении церковной юрисдикции на светский суд, участии представителей церкви в светском суде, показывают приспособление памятника к новым условиям XIII в. Это не позволяет считать грамоту Святослава, датированную 1137 г., дополнением, припиской к этой поздней редакции устава Владимира.

Что же касается спорной статьи «Устав, бывший прежде нас...», то она находится в тексте, следующем за уставом Владимира только одной Синодальной редакции, а в других обработках, сохранивших более ранний текст устава, не встречается.

Между тем содержание этой статьи не связано с тем изменением роли церкви и расширением ее функций, которое характеризует Синодальную редакцию. Эта статья обращена в прошлое, она показывает позицию церкви в системе феодальной эксплуатации не XIII, а X—XI вв. Поэтому и указанная статья также не может считаться припиской, дополнением к уставу Владимира. Перед нами первая статья грамоты Святослава, появившейся задолго до создания Синодальной редакции устава Владимира, своего рода преамбула к грамоте, говорящая о том порядке, который существовал не в Новгороде, а на юге, «в Руси», в том числе в Черниговской земле, откуда пришел в Новгород Святослав.

Обычно статья «Устав, бывший прежде нас...» считается принадлежащей уставу Владимира потому, что она завершает его в ряде списков, где остальной текст грамоты Святослава отсутствует. Изучение археографической традиции Синодальной редакции устава позволяет разъяснить причину такого явления.

Списки устава Владимира, в которых есть спорная статья, принадлежат к Крестининскому изводу Синодальной редакции и к тем более поздним ее изводам, которые восходят к Крестининскому и являются его переработкой. Это Белозерский извод

XV в., Румянцевский извод в кормчей, переписанной в Литовском великом княжестве в XV в., Овчинниковский извод в кормчей, являющейся переработкой кормчей в соединении с «Мерилом праведным». В свою очередь Крестининский извод входит в ряд памятников XV в. — кормчую в соединении с «Мерилом», Фроловский сборник договорных и духовных грамот московского происхождения, Бальзеровский список Софийской летописи и др. Все тексты устава Владимира в этих памятниках, как и тексты устава Ярослава и других составных частей комплекса княжеских уставов, восходят к одному архетипу, а архетипный текст Крестининского извода устава Владимира — к Синодальному изводу, в списках которого, как говорилось выше, за уставом Владимира следует полный текст грамоты Святослава Ольговича.

Можно заметить такую закономерность: в памятниках новгородского происхождения (Синодальная, Егоровская кормчие), которые не включают сборника княжеских уставов (устав Владимира, устав Ярослава, «Правило о церковных людях»), устав Владимира сопровождается грамотой Святослава в полном виде; в памятниках, возникших или переработанных вне Новгорода, включивших устав Владимира в переработках, восходящих к этому новгородскому тексту, устав Владимира включен в состав сборника княжеских уставов, а грамота Святослава обрывается на первой статье.

Из сказанного выше следует два вывода: 1) устав князя Владимира заимствован в юридический сборник указанного состава из рукописи, содержащей как устав Владимира, так и грамоту Святослава; 2) в новых условиях, вне Новгорода, грамота Святослава не представляла интереса для читателя и при включении устава Владимира в юридический сборник она была опущена. Однако при этом начало грамоты ввело в заблуждение редактора сборника. Не содержа указания на новые узаконения, место издания и автора, начало грамоты Святослава не было, очевидно, при этом отделено от предыдущего текста даже кинноварным инициалом, совсем как в Егоровском списке, что и заставило его считать этот текст продолжением устава Владимира. Однако уже первое указание на Новгород, на установление от имени другого лица, заставило редактора опустить остальной текст.

Подобный случай, когда памятники, известные в одном феодальном центре, получают признание и распространение в другом не целиком, а только в объеме, исключающем сугубо местные установления, причем следы таких местных установлений все же остаются в виде первых строк, не является единичным. Таким же образом поступил украинский редактор, составивший Сводную кормчую на основе материалов новгородских и московских кормчих и сборников. В Егоровском списке этой кормчей первой половины XVI в.⁵² заимствован между прочим юридический сборник

⁵² ГБЛ, Егоров. 245.

Археографического типа, в котором княжеские церковные уставы, Правда Русская, «Закон судный людем» переписаны целиком, но из новгородского «Устава Ярослава князя о мостех» списано только начало («Осменником поплатя... до Пискупли улици»). Составитель этой кормчей, уже начав переписывать «устав о мостах», вскоре установил, что этот памятник не представляет для него значения как местное установление, и отказался от него⁵³.

Уставная грамота содержит установления кн. Святослава и епископа Нифонта о материальном обеспечении новгородской епископии. Однако эта грамота не только указывает на нововведения, относящиеся к 1137 г., о которых скажем ниже, но в известной мере освещает и старый порядок, подлежащий изменению. Мало того, в грамоте есть своего рода ссылки не на один, а на два установления — южный и новгородский. Так, князь ссылается, во-первых, на «Устав, бывши прежде нас...» и, во-вторых, на тот порядок, который он «обретох» здесь в Новгороде «уряжено прежде мене бывшими князи».

Ссылка на древний южнорусский устав — это указание на киевский церковный устав, который был известен Святославу, сыну черниговского князя, еще до того, как он появился в Новгороде. Содержание его Святослав излагает очень кратко: «Устав бывшии прежде нас в Руси от прадед и от дед наших: имати пискупом десятину от дании, и от вир, и от продажь, что входит в князь двор всего».

Изучение Смоленской уставной грамоты 1136—1150 гг. показало, что она составлялась также с оглядкой на другие, предшествовавшие установления, следовала этим установлениям или изменяла их. Это привело нас к предположению о том, что источником Смоленской грамоты, которому она следовала как по существу, так и по формуляру, являлись древние установления Киевской митрополии, в которых можно видеть ранние тексты устава Владимира.

Ссылка в грамоте Святослава на древний устав и изложение основных его положений подтверждает этот вывод. Мы находим в обеих грамотах сходные указания на их источник. Киевский устав предоставлял церкви податной и судебный «иммунитет»: десятину со всех даней, а также судебную десятину — от вир и продаж.

⁵³ Интересное указание на то, как воспринимали объем устава Владимира в Синодальной кормчей церковные идеологи конца XVII—начала XVIII в., дают «Статьи о святительских делах», собранные по повелению патриарха Адриана в 1700 г. из различных кормчих и канонических сборников. Сюда были включены две редакции устава Владимира, причем текст устава Синодальной редакции, со ссылкой на использованный источник — кормчую, хранившуюся в «патриаршей ризнице» и переписанную при кн. Дмитрие Александровиче «в 6700 г.» (последние цифры не читались уже в 1700 г.!), оканчивается проклятием семью соборами и не включает спорной статьи (Н. В. Калачов. О значении кормчей в системе древнего русского права. М., 1850, приложение, стр. 25—27).

Ссылка Святослава на установления об епископской десятина в Новгороде несколько менее ясна, чем предыдущая. Это вызвало различное ее понимание исследователями. Однако несомненно, что здесь указывается тот порядок отчисления епископской десятины от даней и от вир и продаж, который князь Святослав застал в Новгороде. Какие-то общие установления Киевского устава о десятине были здесь точно оговорены предшественниками Святослава на новгородском столе: ими была «уряжена» десятина от даней, очевидно, в виде такого же списка княжеских волостей, какой дается в Смоленской грамоте или следует ниже в самой грамоте Святослава. Что же касается судебной десятины, десятины от вир и продаж, то соответствующий текст устава с трудом позволяет понять систему ее отчисления. Имеется в виду сложная для понимания фраза: «Толико от вир и продаж десятины зрел, колико д[а]нии в руке княжи и в клеть его».

Было высказано несколько толкований этого положения. М. Ф. Владимирский-Буданов видит здесь, очевидно, общее указание на то, что в Новгороде князья платили «как десятину от вир и продаж, так и десятину от всех даней, приходящих в казну (клеть) княжескую»⁵⁴. Иначе понимает это место М. Н. Тихомиров. Он видит в сокращенно написанном слове «днии» указание на дни, по которым делился доход от пошлин между князем и епископом («столько десятины от вир и продаж видел, сколько дней в руке князей и в клеть») ⁵⁵. Слово «днии» под титлом действительно употреблялось в древнерусской письменности и как сокращение от «дънии» (дней), однако в этом случае нам представляется более правильным чтение его как «дании». Так читают его Н. М. Карамзин⁵⁶, М. Ф. Владимирский-Буданов⁵⁷, А. А. Зимин⁵⁸. Загадочная фраза в этом случае может быть переведена следующим образом: «Что касается десятины от вир и продаж, то ее я застал [в Новгороде] зависимой от того, сколько даней поступает в руки князя и в его клеть», т. е. размер десятины точно не фиксирован, но зависит от размеров дохода самого князя и изменяется вместе с ними.

В чем были отличия старого, досвятославова новгородского порядка отчисления епископской десятины от порядка в уставе, известном «в Руси» или, точнее говоря, что нового дает грамота Святослава для определения содержания этого древнейшего устава?

⁵⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 6-е. Киев, 1908, стр. 217, прим. 4.

⁵⁵ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника, стр. 21; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 195.

⁵⁶ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, прим. 267, стр. 155—156.

⁵⁷ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия.

⁵⁸ ПРГ, вып. 2, стр. 119.

Грамота Святослава касается очень ограниченного круга источников обеспечения епископии, только судебной десятины и десятины от даней. Здесь нет никакого упоминания ни о земельных владениях епископии, ни о поступлениях от церковных, епископских судов, ни от судов над церковными людьми, т. е. институтов, которыми, судя по другим источникам, обладали епископии в середине XII в. Новгородская епископия не была исключением, и, конечно, в той или иной степени располагала всеми этими источниками. Причина такого узкого содержания грамоты кн. Святослава 1137 г. будет рассмотрена ниже, но сам этот факт позволяет производить сравнение грамоты Святослава, например, со Смоленской грамотой и ее предполагаемым источником только в пределах тех же установлений о десятинах, но не более.

То, что согласно уставу «в Руси» епископы получали десятину от обоих основных видов княжеских поступлений — даней и вир и продаж, уже было показано выше. Однако размеры этой десятины, как и самих даней, остаются неизвестными. Относительно размеров десятины в Новгородском досвятославовом уставе у нас больше данных. Здесь объем десятины зависел от объема поступлений на княжеский двор, т. е. так, как это установил в 1136 г. для Смоленска Ростислав. Но то, что в Смоленске было завоеванием княжеской власти, в Новгороде тогда же оказалось устаревшим уже порядком, для изменения которого и была издана Новгородская грамота.

В литературе, посвященной истории классово-политической борьбы в Новгороде XII в. и, в частности, уставной грамоте Святослава Ольговича, существуют различные мнения о ее смысле. Они рассмотрены в нашей работе 1965 г.⁵⁹

Анализ текста грамоты Святослава в ряду княжеских уставов и грамот позволяет получить ряд дополнительных данных, указывающих на цели и причины его издания, определить объем податного и судебного иммунитета церкви в Новгороде, высказать соображения о земельных владениях епископии.

Грамота Святослава изменяет и дополняет порядок обеспечения епископии, существовавший ранее. Прежде, и по уставу, известному «в Руси», и по порядку, существовавшему в Новгороде, епископ получал судебную десятину, причем во втором случае объем ее зависел от поступлений в княжескую казну (в этом, как нам представляется, весь смысл упоминания обоих установлений в первых статьях грамоты 1137 г.), но отныне вместо судебной десятины («за десятину от вир и продаж») ему была назначена твердая сумма (100 гривен новых кун), которая шла в княжеский двор с одной из территорий — «Онеги». При этом князь принимал на себя страхование этой суммы: в случае, если эта волость не выдаст 100 гривен, недостающая сумма восполнялась у князя из клети.

⁵⁹ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — «Древнерусское государство и его международное значение», стр. 284—287.

Установление о десятине от даней, в отличие от судебной десятины, не изменило прежнего принципа отчисления. В тексте грамоты нет каких-либо данных, говорящих о том, что способ отчисления этой десятины стал иным.

Очевидно, этот принцип в определенной степени удовлетворял епископа. Можно думать даже, что изменения в системе отчисления судебной десятины преследовали цель перенести на судебную десятину тот принцип, который существовал уже применительно к десятине от даней: твердая сумма, независимая от колебаний в поступлениях на княжеский двор.

Однако, если грамота не вносила изменений в старую систему сбора десятины от даней, она значительно расширяла объем этой десятины. Статья «Урядил есмь аз...» содержит перечень даней с ряда погостов, подобный перечислению таких же даней в Смоленской грамоте, причем, как явствует из приведенных начальных слов, десятинна от этих даней установлена князем Святославом, а не его предшественниками. А. Н. Насонов выяснил, что погосты, перечисленные в основной части грамоты кн. Святослава, находятся вне пределов ранее включенного в новгородские владения Обонежья. Это новые районы, освоенные данью к первой половине XII в. — Моша, Вага, Сухона, Двина, Пинега⁶⁰.

Вместе с тем взаимное расположение перечисленных погостов на карте (см. карту Новгородской земли у А. Н. Насонова⁶¹), в важнейших пунктах Прионежья, Онеги и Сухоны и особенно бросающееся в глаза расположение их в бассейне Северной Двины, в устьях ее притоков и подпритоков, говорит о том, что перед нами перечень не отдельных, избранных погостов, дань с которых поступает церкви, а система ключевых пунктов, которая обеспечивала Новгороду господство над местным населением и сбор даней.

Какова в таком случае цель перечня этих погостов в грамоте Святослава? Передает ли князь епископии всю дань с указанных погостов, и тогда цифры, названные в ней, указывают размер этой дани, или епископии идет десятинна от даней, и цифры показывают десятую часть даней, собираемых с погостов⁶².

Некоторые данные как будто говорят в пользу первого предположения. Так, в перечне числа сорочков, получаемых с погостов, трижды указано, что в число сорочков входит и сбор, называемый «даром» («на Ивани погосте с даромь 3 сорочки...», у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даромь два...»). Этот термин, судя по старшим сохранившимся договорным грамотам Новгорода с князьями XIII в., обозначал один из сборов в пользу князя с новгородских «волостей» — территорий, не входивших в состав

⁶⁰ А. Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 74, 94—116.

⁶¹ Там же, стр. 96—97.

⁶² Так считает Насонов (там же, стр. 108—109).

основных административных областей или «пятин»⁶³. Упоминание среди сборов в уставе княжеского «дара» может свидетельствовать о том, что и все поступления — это поступления на имя князя как главы новгородского государства.

Однако другие наблюдения опровергают такое предположение.

Грамота князя Святослава во всех разделах, где содержание ее не вызывает сомнения, посвящена только одному вопросу — десятине. Статьи 1—3 говорят о порядке отчисления десятины «в Руси» и в Новгороде; ст. 4 регулирует размеры судебной десятины. Приписки об обонежском и бежичском ряде, о которых ниже, также устанавливают размер церковной десятины. Это дает основание считать, что и раздел с перечнем погостов (ст. 5) также посвящен урегулированию вопроса о размерах десятины от даней, отданной церкви.

Обращают на себя внимание относительно малые размеры ставок с погостов (3, 2, 1½, 1, ½ сорочков в год). Сорочки белок часто служили единицей денежного счета в Новгороде и Двинской земле в XIV в.⁶⁴ В середине XV в. «конь ворон» приравнивался к пяти сорокам⁶⁵; плата за сорокоуст — сорокодневное поминание в церкви умершего — составляла один сорочек⁶⁶. По Двинской уставной грамоте 1397 г. пеня за нарушение земельных границ села установлена в 30 белок, княжеского поля — 3 сорока⁶⁷. Согласно мировой по спорному делу о Шенкурском погосте 1315—1322 гг., земли этого погоста были оценены в 20 тыс. белок плюс «пополнок» 10 руб.⁶⁸, а в начале XV в. «Корельский наволок, земля и вода, и пожни, и рыбные ловища и всякая угодья от Тойнокуры и до Кудмы, и по Кудме вверх... и на Малокурьи...» были куплены за две тысячи белок⁶⁹.

Погосты в новгородских владениях на северо-востоке были административными, военными и экономическими центрами властвования над местным населением⁷⁰. Здесь собирались дани с окрестного населения, производился учет населения, они были

⁶³ ГВНП, стр. 9—10, 12; ПРП, вып. 2, стр. 135—139.

⁶⁴ Из ранних упоминаний сорочков кроме грамоты Святослава известна новгородская берестяная грамота 336, которую А. В. Арциховский относит к рубежу XI—XII вв. или началу XII в. Здесь дважды говорится о взимании двух сорочков. А. В. Арциховский считает, что здесь имеется в виду заем под ростовщические проценты (А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 25—26). Л. В. Черепнин, сопоставляя цифры этой грамоты с грамотой Святослава, видит здесь записи о сборе дани с населения (Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 204—205).

⁶⁵ Духовная Артемия черноризца Чухченемскому монастырю около 1350 г. — ГВНП, № 239, стр. 256.

⁶⁶ ГВНП, № 177, стр. 217.

⁶⁷ ПРП, вып. 2, стр. 162.

⁶⁸ ГВНП, № 279, стр. 279—280.

⁶⁹ ГВНП, № 128, стр. 185.

⁷⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 303—304.

базами для поиска новой дани и распространения власти на новые территории⁷¹. Территорию одного из таких погостов, Шенкурского, в начале XIV в. рисует упомянутая мировая 1315—1322 гг. Естественно, что почти за 200 лет норма обложения погоста выросла, но даже если мы предположим, что она выросла вдвое, сбор 80 белок (такова ставка наиболее близкого к Шенкурскому Вельского погоста) с территории, которая стоит 10 тыс. белок, представляется слишком низкой ставкой (0,8%). Она не оправдывала бы существование такого погоста. Ближе к истине ставка в 800 белок в год, т. е. 8%.

Упоминание в составе поступлений епископии с некоторых погостов кроме десятины также «дара» показывает, что в XII в. в некоторых районах древнерусского государства этот сбор включался в состав той доли, которая шла церкви. В грамоте 1130 г. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю последнему было передано между прочим «и осеннее полюдие даровное поль третиядесяте гривн»⁷². Существует несомненная близость в этих институтах «дара» и «полюдия даровного», которая показывает и общность в системе обеспечения церкви как на самой новгородской территории, так и в северо-восточных колониальных владениях Новгорода. В то же время в Смоленской земле, по Смоленской грамоте 1136—1150 гг. полюдье не включалось в число сборов, идущих церкви и делящихся между князем и епископом. Очевидно, система сбора «полюдья» и «дара», связанная с объездом князем и являющаяся пережитком дофеодалных и раннефеодалных отношений, не позволяла делить эти сборы так, как дани. Такое обстоятельство вызывало или отказ в полюдье епископиям, как в Смоленске, или передачу этих сборов церкви с некоторых территорий, погостов, целиком, как в Новгороде, при сохранении других за князем.

Каково территориальное и административное взаимоотношение двух основных разделов устава: установления о замене судебной десятины твердой суммой, получаемой «из Онега», и установления о размерах десятины, собираемой по северным погостам, перечень которых начинается с указания «в Онеге»? Упоминается ли в обоих этих случаях одна и та же административная территория или разные?

А. Н. Насонов, сравнивая топографию грамоты Святослава с топографией приписки об «Обонежском ряде» и «Обонежской откупной грамотой» 1434 г., пришел к заключению, что «Онега», с которой выплачивалось, согласно грамоте Святослава, 100 гривен в пользу св. Софии, совпадала с территорией «Обонежского ряда»⁷³, но территория распространения погостов в грамоте Святослава находится вне пределов «Обонежского ряда» и служит

⁷¹ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 109.

⁷² ПРП, вып. 2, стр. 102.

⁷³ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 94.

как бы его продолжением. «Они начинаются только там, где кончается «Обонежский ряд», писал Насонов⁷⁴.

В XI—XII вв., когда еще не сложились новгородские пятинны, в том числе территория Обонежской пятинны, термины «Онега», «Обонезье» не обозначали только ту территорию, которая входила затем в эту пятину. Перечень погостов в приписке об «Обонежском ряде» XIII в. и в Обонежской откупной грамоте XV в. примерно совпадает (Олонец, Свирь, Паша, Кукуева гора, Оят-Тервиничи). Все они не выходят в Заонежье, группируясь в западной части Ладожско-Онежского перешейка, в бассейне рек Ладожского озера. Что же касается термина грамоты Святослава «в Онеге», «из Онега», то у нас нет достаточных оснований видеть в территории, обозначаемой этим термином, ту же территорию, что и погосты «Обонежского ряда». Из 27 погостов или территорий, обложенных десятиной от даней, упоминаемых в грамоте Святослава, ни один, как показал Насонов, не совпадает с погостами по «Обонежскому ряду» и Обонежской грамоте. Мало того, если из этих названий мы отберем те, которые связаны с реками и бесспорное местоположение их можно определить непосредственно по картам севера европейской части СССР, то все 13 таких названий («на Ракуле», «в Пинезе», «в Кегреле», «устье Емце», «устье Ваг», «у Пуите», «у Вели» «у Векшензе», «в Тоиме», «в Тошме» (Тотьме), «на володе в Моши», «у еми»⁷⁵, «на мори») окажутся расположенными на восток и север от реки Онеги, в бассейнах Онеги, Пинег и Двины с ее притоками Вагой и Сухоной. Названия погостов, связанные с именами их основателей или представителей местной знати («на Волдутове погосте», «на Тудорове погосте», «на Ивани погосте», «на Спиркове», «у Вихтуя», «у Чюдина», «у Лигуя», «у Вавдита», «у Пененича», «у Валдита»), могут иметь лишь подсобное значение, поскольку местоположение их твердо не известно. Также не могут учитываться и названия по рекам и урочищам, которые не найдены на картах (на Борку, в Отмине, у Поме, у Порогопустьць).

Таким образом, погосты «в Онеге», упоминаемые в грамоте Святослава, — это заонежская часть новгородских владений. Можно думать, что и территория «из Онега», с которой выдает 100 гривен княжеский чиновник — домажирич, тоже лежала за Онежским озером и ни в какой степени не совпадала с территорией погостов приладожского «Обонежского ряда».

Однако разница в системе обеспечения десятиной епископии — целиком 100 гривен от домажирича «из Онега» и сбор сорочков по погостам «в Онеге» — отражали различное административно-финансовое положение этих близких районов. Указание на домажирича, собирающего дани в своем округе, предполагает существ-

⁷⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля», стр. 74.

⁷⁵ Здесь имеется в виду, очевидно, финское племя, жившее на северо-запад от Онежского озера.

вованние централизованной системы сбора даней в одной части «Онеги», очевидно, уже давно и прочно освоенной новгородскими властями, в то время как другая часть, за рекой Онегой, находилась еще в стадии освоения. Участие в этом деле епископии должно было, вероятно, ускорить колонизацию края, включая поселение здесь владычных чиновников, следивших за сбором дани или собиравших ее, миссионерскую деятельность и пр.

Первая, более древняя часть «Онеги» включала, очевидно, районы на восток от погостов «Обонежского ряда» — территорию бассейна рек Онежского озера и восточнее озера до реки Онеги. Собственно это — территория позднее, в XV в., упоминаемой Заонежской части Обонежской пятины, особое положение которой, еще до включения в пятину, оказывается, восходит к XII в.

Грамота Святослава Ольговича, сохранившая сведения о связи интересов владыки с новгородскими владениями на северо-востоке, представляет собой важный источник, по которому с привлечением и более поздних памятников XIV—XV вв. можно наметить пути возникновения церковной земельной собственности на севере в течение XII—XV вв.

Памятники XIV и XV вв. свидетельствуют о том, что Новгородская епископия владела в это время обширными землями на Двине. А. Н. Насонов пишет, что не позже XIV в. земли на Веле были захвачены новгородскими владыками. Действительно, Устюжский летописный свод сообщает о том, что в 1398 г., когда возник конфликт между Москвой и Новгородом, на Двине, в Вельском погосте на Ваге, сидел «владычень волостель»⁷⁶. Б. Д. Греков приводит свидетельства о наличии на Двине софийских владений по документам 1471 и 1485 гг.⁷⁷ Каково происхождение этих владычных земель? Покупка у бывших владельцев или коммендация их собственников Софийскому дому должны быть отставлены: на территории, захватываемой феодальным государством у покоренных народов, стоявших на более низких ступенях общественного развития, эти институты не имели места.

Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с постепенным вытеснением новгородского государственного суверенитета, который воплощался в лице князя, суверенитетом владыки — явлением, которое привело Грекова к широкому выводу о переходе к епископии всех государственных земель Новгорода после падения княжеской власти. Это вытеснение не имело повсеместного распространения. Но здесь, на Двине, в частности на Веле, право епископа самому, т. е. своими владычными чиновниками, собирать десятину, а кое-где и десятину и «дар», с изменением в соотношении сил основных политических органов Новгорода в XII—

⁷⁶ УЛС, стр. 66.

⁷⁷ ААЭ, т. 1, № 94, стр. 73; РИБ, т. VI, стр. 758, см. Б. Д. Греков. Избранные труды, т. IV. М., 1960, стр. 124.

XIII вв. приводило к переходу и всего округа с центром в погосте под власть владычного наместника.

Приписка к уставной грамоте Святослава Ольговича не связана с этим князем. Она представляет собой установления («ряды», т. е. двусторонние соглашения) о размерах епископской десятины с Онежской и Бежичской земель, входящих в территорию Новгородской республики⁷⁸. Появление этих установлений А. А. Зимин относит к XIII в.⁷⁹

Действительно, с серединой XIII в. связано другое установление относительно Обонежья и Бежичей: временный, на три года, судебный «иммунитет» этих земель, установленный кн. Дмитрием Александровичем с новгородцами, вероятно в 1263—1264 гг. и действовавший еще при составлении второй договорной грамоты Новгорода с Ярославом Ярославичем в 1266—1267 гг. Очевидно, изменения во внутренней политической структуре Новгорода и взаимоотношения с князьями Северо-Восточной Руси привели к необходимости выработать новое конституционное устройство некоторых новгородских «волостей», часть из которых, как Бежичская волость, находилась в пограничье с Владимиро-Суздальскими землями. Князь был поставлен перед условием отказаться в этих волостях от одной из основных своих функций — княжеского суда. Изменение в административном строе этих волостей сопровождалось — если не было обусловлено — и изменением прав в них новгородского архиепископа. Так, в приложении к новгородской княжеской уставной грамоте, изданной в пору усиления влияния владыки и включенной впоследствии во владычную кормчую, оказался зафиксированным новый порядок сбора десятины, который в результате административных реформ 1263—1264 гг. изменил прежние, очевидно, еще досвятославовы установления. Этот новый порядок («ряд») был установлен, может быть, как и судебный «иммунитет», князем «с новгородци», в том числе и со владыкой Далматом.

Законодательство о материальном положении Новгородской епископии состояло, вероятно, из ряда установлений, сохранившихся от времени существования древнерусского государства (устав Владимира) и изданных в дополнение к нему местными

⁷⁸ Обычное понимание терминов «А се обонезьский ряд» и «А се бежичский ряд» как «А вот обонезская территория» и соответственно «бежичская» не подкрепляется анализом термина «ряд». В топонимике известны с этим термином только торговые ряды и поселки, поставленные, очевидно, в виде ряда (см. И. И. Срезневский. *Материалы*, т. III, стб. 231—235). И. И. Срезневский, исходя из содержания статей, предлагал для данного контекста (аналогий нет) значение «раскладка». Однако, зная политическую структуру феодального общества, нет оснований отказываться от основного наиболее распространенного значения термина — устав, договор, соглашение, установление. «Ряды» в приписке к грамоте Святослава — это соглашения между епископией и светской властью о дележе феодальной ренты, собираемой с двух административно выделенных территорий Новгородской земли.

⁷⁹ ПРП, вып. 2, стр. 120.

князьями. Можно предположить, что существовали уставные грамоты, своеобразные новеллы и перечни погостов, с которых шла десятина, касающиеся не только северо-восточных, но и западных, южных и северных земель Новгорода. Однако вместе с текстом устава Владимира XIII в. в новгородских Синодальной и Егоровской кормчих сохранилась лишь грамота, подтверждающая доходы архиепископии с двинских, сухонских и важских новгородских владений, а в приписках — с приладожских и бежецких (приволжских) владений.

Причина сохранности этих памятников заключена, очевидно, не только в том, что все они очень значительно увеличивали источники материального обеспечения церкви. Не может быть случайным, что территории, которых касается устав Святослава и приписки к нему, были пограничными территориями Новгорода, спорными с Московским великим княжеством в XIV в. В таких условиях включение в официальную новгородскую кормчую в XIV в. (этим временем и датируется тетрадь, заключающая в себе уставы) древних документов, подтверждающих права новгородской церкви на двинские и бежичские земли, должно было дать в руки новгородских политиков дополнительное оружие в борьбе за новгородскую «пошлину», за сохранение больших земельных владений. Использование этих памятников в политической борьбе и включение списка с них в кормчую книгу явилось причиной сохранения их как источников до настоящего времени.

Таким образом, уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г. является памятником, показывающим, как архаичный, неустойчивый порядок материального обеспечения епископии судебной десятиной заменялся в XII в. другим, более отвечающим изменившимся общественным отношениям и возросшей силе церкви. Вместе с тем грамота значительно расширила поступления десятины от даней с тех территорий, где эта форма ренты отвечала условиям властвования новгородских феодалов. Уставная грамота Святослава позволяет проследить также один из путей эволюции колониального господства на Двинских землях Новгорода, государственной власти, в сторону формирования феодальной земельной собственности на этих территориях.

Борьба Новгородской республики за свою конституцию и вопрос об уставе Всеволода о церковных судах

Устав князя Всеволода — новгородский памятник, который, как и другие церковные уставы, показывает соотношение различных органов государственной власти на Руси, в частности в Новгородской республике.

Впервые устав был издан в 1807 г.⁸⁰ Некоторые его списки

⁸⁰ «Повесть о начале и основании Печерского (Псковского) монастыря». М., 1807, стр. 99—105.

издавались вместе со сборниками, в которые они входят⁸¹, и отдельно⁸².

Уже во второй половине XIX в. было замечено, что устав Всеволода весьма близок к некоторым спискам устава Владимира. Так, Н. С. Суворов, сказав, что этот устав «не что иное, как безграмотная переделка или переписка устава Владимира на имя Всеволода»⁸³, оценил его очень односторонне. С. В. Юшков сравнил тексты устава Всеволода и устава Владимира и определил, что прежде всего среди источников первого нужно назвать устав Владимира III (Синодальной) редакции. Из этого устава взята большая и основная часть текста устава Всеволода и его дипломатический формуляр⁸⁴.

Юшков устанавливает «три места, три фрагмента», в составе устава Всеволода, которые не повторяют текста устава Владимира, содержат «более или менее оригинальный материал». Эти отрывки он отказывается рассматривать в качестве позднейших схолий к тексту устава Владимира, основываясь на том, что не было важных стимулов для подделки устава под грамоту Всеволода Мстиславича: содержание фрагментов столь незначительно и узко, да к тому же подтверждено другой грамотой («Рукописанием») Всеволода, что не требовало подобной фальсификации⁸⁵. Исследователь принимает здесь тождество двух «издателей» уставов в качестве аксиомы. Он приходит к выводу, что «составитель этого устава, кроме устава Владимира, использовал какую-то подлинную («автентичную») грамоту, которая принадлежала кн. Всеволоду (Мстиславичу)», но отличалась от известного «Рукописания» его и до нас не дошла⁸⁶. С. В. Юшков приводит примерный текст этой грамоты, составление которой он относит к 1137 г. или к 1130—1137 гг. Устав кн. Всеволода был создан в результате слияния уставной грамоты одного князя с уставом другого в конце XIII в.⁸⁷

Анализ текста памятника, однако, не позволяет исследователям согласиться с выводом Юшкова о сохранении в уставе уста-

⁸¹ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 459—463; НПЛ, стр. 485—488; ПСРЛ, т. XVI, стр. 272—275.

⁸² «Православный собеседник». Казань, 1861, т. III, стр. 212—221; В. Н. Бенешевич. Сборник, стр. 91—95; ПРП, вып. 2, стр. 162—165.

⁸³ Н. С. Суворов. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888, стр. 215—216. Уставу Всеволода была посвящена также работа Г. М. Бараца «Критико-сравнительный разбор устава вел. кн. Всеволода о церковных судах» («Вестник права», 1905, ноябрь, стр. 165—211, декабрь, стр. 127—163), весьма слабая в источниковедческом и историко-правовом отношениях. Разбор ее не представляет интереса для нашей темы.

⁸⁴ С. В. Юшков. Устав кн. Всеволода (До завісної історії пам'ятки). — «Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія». Київ, 1927, стр. 408—409; он же. Общественно-политический строй, стр. 217.

⁸⁵ С. В. Юшков. Устав кн. Всеволода, стр. 417—419.

⁸⁶ Там же, стр. 420; он же. Общественно-политический строй, стр. 219.

⁸⁷ С. В. Юшков. Устав кн. Всеволода, стр. 423—424; он же. Общественно-политический строй, стр. 220—221.

новлений XII в. А. А. Зимин не считает возможным «относить памятник в целом ко времени ранее конца XIV в.»⁸⁸ Он считает, что в уставе отразилось ущемление прав новгородского владыки за счет расширения прав купечества Иванского ста и в то же время он свидетельствует о попытке новгородского владыки ограничить в свою пользу некоторые из важнейших торговых привилегий новгородского купечества. Среди черт, которые характеризуют устав в качестве памятника конца XIV в., Зимин указывает упоминание в ст. 3 «детей князя, наместников, тиунов вместо судей», поскольку в конце XIV—XV в. в Новгороде обычно находились княжеские наместники, а не сам великий князь⁸⁹. «Скалвы вошанные», упоминаемые в ст. 4, известны по новгородским документам начиная с 1260-х годов. Новгородская церковь Бориса и Глеба после пожаров 1311 и 1340 гг. была построена в камне в 1377 г.⁹⁰ Появление ст. 5 ПРП/7—8⁹¹ об обязательном участии владычного наместника в светском судопроизводстве Зимин связывает с событиями 1385 г., когда была произведена реформа суда в Новгороде, установлен состав органов светского и церковного суда⁹².

Другой опыт истолкования устава Всеволода как памятника, не связанного с XII в., был предложен В. Л. Яниным. Он вновь, следуя за Юшковым, видит в этом уставе следы компиляции двух разновременных памятников: устава Владимира в его позднейшей III редакции, трактующего об общецерковных постановлениях, и подлинного более раннего устава Всеволода, установившего пожалования новгородской церкви. Вновь считает он, что «тождество князя Всеволода в „Рукописании“ и „уставе“ очевидно, и не нуждается в особых обоснованиях». Янин справедливо отвергает ряд аргументов об отнесении этой компиляции к концу XIV в., показывая, что упоминание церкви Бориса и Глеба ничего не дает для датировки, что устав Всеволода не современен «Рукописанию», но отражает более раннюю стадию организации торгового суда, до участия в нем тысяцкого и двух купеческих старост⁹³.

В. Л. Янин обратил внимание на обозначение крестильного имени князя Всеволода в его уставе, считая его криптограммой пятибуквенного христианского имени. Определив, что это имя может расшифровываться как «Петръ», и исходя из тождества князя Всеволода-Петра, издателя устава, и князя Всеволода Мстиславича — издателя «Рукописания», Янин отыскивает среди новгородских князей XIII в. князя Всеволода-Петра Мстиславича.

⁸⁸ ПРП, вып. 2, стр. 161; см. также А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — «Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 124.

⁸⁹ ПРП, вып. 2, стр. 166.

⁹⁰ Там же, стр. 168. А. А. Зимин. Уставная грамота, стр. 124, прим. 12.

⁹¹ ПРП, вып. 2, стр. 168; А. А. Зимин. Уставная грамота, стр. 130—131.

⁹² Здесь и ниже при двойном обозначении номеров статей указываем номер статьи по изданию ПРП, а через дробь — по нашей нумерации.

⁹³ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 89—90.

Таким князем он считает другого Всеволода Мстиславича, княжившего в 1219—1221 гг., христианское имя которого по летописям неизвестно, но это имя может быть, судя по сфрагистическому материалу, и Петром. К этому Всеволоду-Петру Мстиславичу-Борисовичу, к концу первой четверти XIII в., Янин относит составление первоначального устава Всеволода, который конституировал торговый суд в Новгороде. На основе этого устава возникли оба известных памятника, связанных с этим именем: устав Всеволода появился в конце XIII в. в результате компиляции этого первоначального устава с уставом Владимира, «Рукописание» было создано на той же основе «около этого времени» и отразило действительное устройство торгового суда на рубеже XIII—XIV вв.⁹⁴

Устав кн. Всеволода в отличие от «Рукописания» принадлежит к тому же кругу памятников, разграничивающих пределы власти князя и епископа, как и другие рассмотренные выше уставы, и отражает местные новгородские особенности в организации государственной (городской) власти. «Рукописание» кн. Всеволода Мстиславича трактует другие вопросы об организации купеческой корпорации при церкви Ивана на Опоках и специально нашему исследованию здесь не подлежит.

Для анализа устава Всеволода представляется важным прежде всего различать двух князей Всеволодов, которым приписываются два памятника — устав и «Рукописание». отождествление князей возникло довольно поздно, неосознанное — с XVII в., осознанное — в XIX в., но ни в самих уставах, ни в археографической традиции XV—XVI вв. его не существует.

В уставе Всеволода имя отца князя не указано, христианское же имя Всеволода дается в форме, которая не читается. В «Рукописании» указано и христианское имя Всеволода, и имя его отца. Существование двух памятников, совершенно по-разному обозначающих своих «издателей», несмотря на сходство их имен, не свидетельствует о том, что это должно быть одно лицо. Археографическая традиция памятников различна. «Рукописание» Всеволода Мстиславича находится в приложении к Троицкому списку Новгородской I летописи XVI в., в списках Псковского летописного свода 1547 г. и входит в качестве составной части в сборники двух типов — юридический, новгородский по своему происхождению, сборник Археографического типа и псковский сборник местных житий, содержащий житие Всеволода-Гавриила.

В Троицком списке Новгородской летописи и в псковских летописях устава нет. В сборнике Археографического типа устав и «Рукописание» имеют различное место и происхождение: устав находится в приложении к комплексу других церковных княжеских уставов, Владимира и Ярослава, известному по сборнику

⁹⁴ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 90—93.

Архангельского типа, а «Рукописание» завершает комплекс юридических памятников, известных по Пушкинскому сборнику XIV в. В житийных сборниках устав, судя по Толстовскому списку, появляется только в XVII в.; в сборнике XVI в. есть только «Рукописание», а устава нет⁹⁵. Устав включен также вместе с «Рукописанием» в издание Московской синодальной типографии Повести о Псковском печерском монастыре и житий псковских святых 1807 г.

Попытка примирить сравнительно позднее содержание устава Всеволода с именем Всеволода Мстиславича в «Рукописании» привела Юшкова к гипотезе о существовании в составе этого устава следов подлинной грамоты князя XII в. Янин считает автором этой грамоты другого Всеволода, но также Мстиславича, XIII в. Отказываясь отождествлять Всеволода устава с Всеволодом Мстиславичем «Рукописания», мы не отрицаем возможности, что первый Всеволод мог носить то же отчество. Расшифровка слова НГӨШЬ или близкого к нему как имя «Петръ», предложенная Яниным, теоретически возможна, однако известные сейчас принципы развития древнерусской тайнописи, установленные на основании датированных памятников М. Н. Сперанским, показывают, что в XIII—XIV вв. на Руси была распространена лишь простая литорская система, основанная на простой замене первой половины алфавитного ряда согласных букв вторым рядом в обратном его порядке⁹⁶. Усложненные примеры этой системы и сложная литорея известны лишь по рукописям XVI—XVII вв.⁹⁷ Хотя система, предложенная Яниным, неизвестна в других памятниках, это не говорит о невозможности ее существования — писцы по-своему варьировали способы подстановки букв. Однако само употребление подобной системы, в которой применяется одновременно несколько принципов их подмены, остается для времени до XVI в. неизвестным. Таким образом, отождествление «издателя» устава с Всеволодом, княжившим в 1219—1221 гг. на основе дешифровки, едва ли можно признать достаточно обоснованным.

Отказ от смешения Всеволодов — «издателей» двух различных уставов — освобождает от ряда искусственных связей, от необходимости видеть во Всеволоде устава князя по имени Всеволод Мстиславич, пытаться находить общие и одновременные положения в уставе и «Рукописании», относить устав в его «древнейшей основе» к князю Всеволоду Мстиславичу, строителю каменной церкви Ивана на Опоках 1127—1130 гг.

Устав Всеволода отражает соотношение политической власти новгородского владыки и других государственных органов: князя,

⁹⁵ ГБЛ, Егоров. 593. Список «Рукописания» обнаружен Н. Б. Тихомировым.

⁹⁶ М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Л., 1929, стр. 98, 99; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 264—265.

⁹⁷ М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, стр. 104. Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 390.

выборных представителей городской верхушки. Это церковный устав; место владыки и владычных органов в новых условиях новгородской жизни является основной его темой. Связь устава с уставом Владимира подчеркивает церковный характер памятника.

Заключение С. В. Юшкова об использовании в качестве источника устава Владимира Синодальной редакции остается в силе и сейчас, после того как мы определили существование прототекста этой редакции в форме архетипа Синодально-Волынской группы. Все отличающие текст Синодальной редакции нововведения (вставки в ст. 5 ПРП/8 и 9 ПРП/13 устава Владимира о суде княжеских тиунов с участием владычного наместника; в ст. 6 ПРП/9 о новых видах судов и в ст. 10 ПРП/14 и 14 ПРП/19 о проклятии нарушителям устава) повторены и в уставе Всеволода.

С другим положением Юшкова, о втором источнике устава, труднее согласиться. Можно выставить несколько возражений против того, что устав Всеволода является компиляцией двух различных памятников, что он включил в себя отрывки из какого-то более раннего устава, будь то XII (по Юшкову) или первой половины XIII в. (по Янину).

Сложение и развитие княжеских уставов, как показывает изучение многих их текстов, происходящих со всех частей Руси, шло путем дополнений или сокращений, которым подвергались древние, ставшие каноническими памятники, прежде всего устав Владимира. Создавались новые уставы, изданные от имени местных князей, основанные на материалах старых уставов или не связанные с ними непосредственно, текстологически. Происходило сличение и «исправление» одних списков по другим спискам того же вида, извода, той же редакции; создавались новые обработки в результате сличения и «дополнения» материала одних редакций устава другими. Так возникли некоторые тексты устава Ярослава — Археографический извод Пространной редакции, соединивший несколько текстов Пространной редакции, и Тарновская и Румянцевская редакции, соединившие текст Краткой и Пространной редакции. Несомненных случаев создания уставов в результате слияния двух различных памятников, принадлежавших различным князьям, неизвестно. Другое дело — создание устава, изданного от имени нового князя и содержащего современные ему постановления, но основанного на материалах устава Владимира. Одна из уставных грамот Льва Даниловича, данная Крылосской соборной церкви⁹⁸, возникла именно таким путем. Возникновение устава Всеволода в результате пополнения устава Владимира местным материалом второй половины или конца XIII в., является, по нашему мнению, наиболее реальным.

Такой путь подтверждает и анализ содержания устава Всеволода. В XIII в. в Новгороде был хорошо известен устав Влади-

⁹⁸ См. ссылку 9 на стр. 7.

мира: он был здесь дополнен и включен в состав местных кормчих, в том числе владычной кормчей в Синодальном списке. Следовало бы ожидать, что при создании в XIII в. местного оригинального княжеского устава, посвященного тем же вопросам, если бы таковой существовал, устав Владимира должен был быть использован в нем. Между тем нововведения, находящиеся в уставе Всеволода, показывают значительное развитие государственных институтов Новгорода сравнительно с тем, что зафиксировано в уставе Владимира как в тексте рубежа XII—XIII вв., так и в Синодальной редакции второй половины XIII в. Эти изменения показывает таблица 1.

Таблица 1

Архетип Синодально-Вольнской группы — источник Синодальной редакции устава Владимира	Синодальная редакция устава Владимира — источник устава Всеволода	Устав Всеволода
<p>Потенциальными конкурентами епископа в церковном суде, которым князь запрещает вторгаться в этот суд, являются</p> <p>сам князь, его бояре и судьи</p> <p>его тиуны, дети, правнучата, наместник, тиун, судья</p> <p>Устав издан</p> <p>по совету с княгиней Анной и со своими детьми</p>		<p>его дети, наместники, бояре</p>
<p>даво церквам, митрополиту и всем епископам</p>	<p>Право церковного суда</p>	<p>в результате созыва 10 сотских, старосты Болеслава, бистрица Мирошки, по совету с владыкой, с княгиней, боярами, десятью сотскими, со старостами.</p>
<p>Городские и торговые меры, спуды, свесы и ставила установлено блюсти епископу, который держит ответ в день великого суда</p>	<p>Право суда и мерида на торгу даны святой Софии и епископу и старосте Иванскому и всему Новгороду</p>	<p>Торговые весы, мерида, скалвы воцанные, пуд медовый, гривенку рублевую и всякую «извесь» установлено блюсти епископу. В случае искажения эталонов имущество виновного переходит в равных частях архиепископу, купеческой Иванской организации и городу. А епископ держит ответ в день великого суда</p>

По Синодальной редакции устава Владимира и ее источнику устав был принят так, как это говорилось еще в древних его текстах, по совету с княгиней и с детьми, а по уставу Всеволода — советом из сотских, старост, владыки и бояр, что отражает соотношение социальных сил в Новгороде в XIII в. Надзор за мерилami, как и весовые и судебные пошлины, связанные с пользованием ими, по Синодальной редакции устава Владимира и ее источнику, полностью и нераздельно принадлежат архиепископу, а по уставу Всеволода номинально они продолжают принадлежать епископу, но фактически, судя по порядку распределения конфискованного

имущества нарушителя, наряду с владыкой здесь в равных правах выступают еще два усилившихся института: Иванское сто — привилегированная купеческая организация — и городская в лице сотских⁹⁹. Право церковного суда, согласно прежним установлениям, принадлежало епископским кафедрам, а в уставе Всеволода это право, включающее и торговый суд, принадлежит, кроме местного епископа, также и Иванской купеческой организации в лице ее старосты и «всему Новгороду». Отметим, что понятие «всего Новгорода» именно во второй половине XIII в. находит отражение в официальной документации. Это «печать всего Новгорода», которая сохранилась на грамоте 1262—1264 гг.¹⁰⁰

«Три фрагмента» древнего устава, обнаруженные Юшковым в составе изучаемого памятника, представляют собой не куски текста, не зависимые от остального устава, а те статьи Синодальной редакции устава Владимира, которые потребовали наиболее значительной переработки во второй половине XIII в.: новый состав совета, «принявшего» устав, новый перечень мерил и обозначение новой их ведомственной принадлежности (новое обозначение кафедральной церкви); исключение составляет только новая статья о «прелюбодейной части», которая не связана непосредственно ни с уставом Всеволода, ни с уставом Владимира, а является позднейшей припиской к уставу.

Определяя время возникновения устава Всеволода, т. е. время переработки Синодальной редакции путем изменения имени князя, его «издателя», и внесения многочисленных дополнений и изменений, мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые относят его к последней четверти XIII в. или рубежу XIII—XIV вв. Это время после создания Синодальной редакции устава в последней четверти XIII в. и до дальнейших изменений в организации торгового суда в Новгороде, известных по документам XIV—XV вв. Устав принадлежит тому периоду, когда в ходе борьбы республиканских боярских органов Новгорода с князем значительно пала реальная власть князя, выросла власть архиепископа, но наряду с ней получили большое развитие другие республиканские органы, с которыми в делах внутреннего управления кафедра вынуждена была делить права и доходы.

Как объяснить появление в это время устава, «изданного» князем, который не княжил в Новгороде во второй половине XIII в.?

Нам представляется, что устав Всеволода — это образец фальсификации с политическими целями, возникшей в ходе борьбы республиканских органов Новгорода с князьями. Вторая половина XIII в. связана со значительными конфликтами республики с князьями, с княжеским суверенитетом над Новгородом, что хо-

⁹⁹ Участие сотских организаций в разделе конфискованного имущества показывает также сообщение Новгородской летописи под 1230 г. о расправе с посадниками Семеном Борисовичем и Внесдом Водовиком: «а добыток Сменов и Водовиков разделиша по стом» (НПЛ, стр. 69—70, 276—277).

¹⁰⁰ ГВНП, № 29, стр. 56.

рошо показано в литературе ¹⁰¹. В этих условиях документ об утверждении республиканских порядков одним из местных князей был весьма желательным в борьбе за их признание со стороны суверена республики. Эти порядки были зафиксированы в документе, в основу которого был положен авторитетный устав кн. Владимира, сам документ был приписан местному новгородскому князю Всеволоду. В течение XII—первой половины XIII в. в Новгороде княжили три князя с этим именем: Всеволод-Гавриил Мстиславич (1117—1136), другой Всеволод Мстиславич-Борисович (1219—1221) и Всеволод-Дмитрий Юрьевич (1222 и 1223—1224). Имя Всеволода-Гавриила Мстиславича должно быть отвергнуто потому, что этот князь был хорошо известен в Новгороде во второй половине XIII в., новгородцы знали его христианское имя, имя его отца, с его именем связано «издание» устава торговой новгородской корпорации, где все эти сведения приведены. Этот князь позже был канонизован церковью. Возможно, что составление устава приписано Всеволоду Мстиславичу-Борисовичу, которого Янин считает автором «торгового устава Всеволода», одного из предполагаемых источников изучаемого памятника. Однако есть основания считать, что составители устава в последней четверти XIII в. или на рубеже XIII и XIV вв. имели в виду третьего Всеволода, Дмитрия, сына владимирского князя Юрия и внука Всеволода III Большое Гнездо. Этот молодой князь, которому при вокняжении было 10 лет ¹⁰², был испрошен у великого князя Юрия Всеволодовича для формального признания великокняжеского суверенитета над Новгородом. Когда вскоре Всеволод бежал к отцу, новгородцы так выразили свое отношение к этому суверенитету: «Оже ти не угодно държати Новаграда сыномь, а да ны брат» ¹⁰³. Всеволод был дан Новгороду «на всеи воли новгородьстеи», на условиях признания за ним республиканских особенностей его строя. За недолгое время своего первого пребывания в Новгороде (он жил там менее года, «на ту же зиму... побеже в ночь, утаивъся» к отцу) он успел «одарить» высших представителей Новгородской республики, оставив по себе благодарственную запись летописца: «приде князь Всеволод в Новѣгород и владыка и вси мужи одарени бещисла; и ради быша новгородьци, и бысть мир» ¹⁰⁴. Второй раз тот же Всеволод сидел в Новгороде в 6732, т. е. в 1223—1224 гг. Князь Всеволод-Дмитрий принадлежал роду Владимирских князей, потомков Всеволода Большое Гнездо, которые в последней четверти XIII в. княжили в Новгороде на правах

¹⁰¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 224—266; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XIV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 302—306; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 140—175.

¹⁰² Родился в 6720 (1212) г. (ПСРЛ, т. XV, стр. 109).

¹⁰³ НПЛ, стр. 61 и 263.

¹⁰⁴ НПЛ, стр. 60 и 262.

великих князей. Не считая, что этим князем было издано какое-то постановление, относящееся к внутреннему управлению Новгорода, мы, однако, можем предположить, что новгородские юристы конца XIII в., патриоты боярской республики, использовали в своей фальсификации имя этого связанного с великокняжеским домом новгородского князя, попытки которого расположить к себе владу и «мужей» были хорошо известны.

Устав Всеволода был составлен не в один прием, но дополнялся и позже, во второй половине XIV в. и даже в XV в. Несомненным добавлением к уставу, уже замеченным в литературе¹⁰⁵, является последний раздел, ст. 18 ПРП/24 и 18а ПРП/25 о «прелюбодейной части в животе». Этот единственный раздел, не имеющий параллелей по содержанию и формуляру с уставом Владимира, расположен после заключительной статьи основной части устава, включающей заклетье и слово «аминь», ст. 17—ПРП/23. Наконец, он трактуется о других вопросах, чем весь остальной текст устава, — не о месте епископа в системе управления города, а о некоторых сложных случаях наследования. Очевидно, устав находился в составе какого-то юридического сборника, в который дописывались решения по не предусмотренным в существовавших законах случаям. Одно из таких решений, принадлежавшее, вероятно, епископу («И аз сам ведех тяжю промежу первою женою. . . с третьєю женою. . .» стоит в этой приписке), оказалось приписанным после текста устава и получило новое завершение с концовкой, заимствованной из статьи 11 ПРП/16.

Добавлением в архетипе устава представляется также фраза «ни десятиника не держати», присоединенная в ст. 3 к перечню людей, которым князь запрещает судить «суды и тяжи» епископские. Она является здесь инородным телом.

Упоминание десятиника в уставе Всеволода несколько неожиданно. Дело осложняется еще тем, что не во всех списках устава дается именно этот термин. Его имеют три ранних списка конца XV—XVI в.¹⁰⁶ А в старшем Археографическом середины XV в. и двух списках XVII стоит не «десятиника», а «десятника»¹⁰⁷.

Термин «десятник» в XIII—XV вв. применяется для обозначения митрополичьего и епископского чиновника, производившего сбор с местного духовенства доли их доходов в пользу этой высшей церковной власти («десятина» в ее позднем значении), а также осуществлявшего надзор за деятельностью этого духовенства и суд по церковным делам¹⁰⁸. Церковные десятитники из-

¹⁰⁵ ПРП, вып. 2, стр. 170 (А. А. Зимин).

¹⁰⁶ ГПБ, Соловецк. 858 1493 г.: ГНБ Литовской ССР, ф. 22, № 49 1495 г. в сборнике Авраамки; ГПБ, Попод. 1572, нач. XVI в.

¹⁰⁷ ЛОИИ, Археогр. 240; ГПБ, Q.I.70; ЦГАДА, ф. 181, № 145/212 (здесь дается: «ни десятникамъ»). В «Повести о начале и основании Печерского (Псковского) монастыря» «десятника» (М., 1807, стр. 100).

¹⁰⁸ Н. О. Каптерев. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874, стр. 10, 115.

вестны начиная с их упоминания в правилах Владимирского собора 1274 г.¹⁰⁹ Княжеские десятичники неизвестны в документах, эта должность принадлежала, очевидно, исключительно архиерейскому управлению. Что же касается термина «десятник» он упоминается в третьей редакции «Повести временных лет», сохранившейся в Ипатьевской летописи, вместо более раннего «десятский» (Лаврентьевский список: дат. мн. «десяцъским»; Московский свод: «десятским») для обозначения одной из категорий «нарочитых людей» наряду с боярами, гридями и сотскими среди участников пиров Владимира под 6504 (996) г.¹¹⁰ Вновь появляется термин «десятник» в летописях в связи с установлением ордынского «числа» в 1257 г., когда «приехаша численици, исчетоша всю землю Суждальскую, и Рязанскую, и Муромскую и ставиша десятники и сотники, и тысящники, и темники»¹¹¹. В некоторых списках Никоновской летописи (например, в «Академической XIV рукописи»¹¹²), вместо термина «десятники» упоминается «десятинники» — очевидно, в результате смешения с этим церковным термином.

Можно согласиться с А. А. Зиминим, который считает чтение Археографического опиской¹¹³. Такие его описки, дающие иные чтения, чем в других списках, известны еще (например, чтение «твероногого» вм. «четвероногого» и др.). Возможно, поздний писец имел здесь в виду агента московского князя, берущего с Новгорода ордынский «выход». В таком случае фраза «ни десятичника не держати», попавшая в архетип устава Всеволода, обозначала не княжеского, а митрополичьего чиновника.

Заподозренный нами в этой маленькой фразе отказ от имени великого князя митрополиту в праве посылать своих чиновников в Новгород говорит о том времени, когда великий князь мог, хотя бы в представлении новгородца, делать от имени митрополита политические заявления, т. е. о XIV в., когда великокняжеский стол постоянно находился там же, где митрополичья кафедра, — в Москве. Этот отказ перекликается также с таким актом новгородской истории XIV в., как попытка судебной реформы 1389 г., когда на вече было принято решение отказаться от митрополичьего суда и передать права на церковный суд в течение всего года новгородскому владыке. Возможно, это отражение именно таких изменений в области ведомственной принадлежности церковного суда. Во всяком случае, внесение дополнений к уставу Всеволода еще до сложения архетипного текста устава продолжалось и в конце XIV в. К этому же времени может быть отнесено и другое добавление — статья о порядке наследования.

¹⁰⁹ РИБ, т. VI, стб. 92.

¹¹⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 86; ПСРЛ, т. II, стб. 111; т. XXV, стр. 367.

¹¹¹ ПСРЛ, т. I, стб. 474—475; ср. ПСРЛ, т. X, стр. 141.

¹¹² ПСРЛ, т. X, стр. VI.

¹¹³ ПРП, вып. 2, стр. 171.

Соловецкий список устава в приложении к кормчей книге, переписанный в Новгороде в 1493 г., представляет собой особый, Соловецкий его извод. Этот текст восходит к архетипу Археографического, старшего извода и содержит еще одну добавочную статью в конце, также о сложном случае наследования, и ряд изменений в тексте. Значительным из них является утверждение редактора этого извода, что митрополит Михаил был взят Владимиром «от земля Трапизоньскыя к Белой Руси, к граду Киеву».

Внимание к Трапезунду у редактора устава XV в. может быть объяснено особой ролью Трапезундской империи в течение недолгого времени после падения Византии. Несколько лет, с 1453 до 1461 г., это христианское государство с династией Комнинов на троне являлось наследником древней империи. Сведения о завоевании Трапезунда турками появляются в русских летописях в конце 1470-х—начале 1480-х годов¹¹⁴. Основываясь на этой вставке, создание Соловецкого извода можно датировать временем 1453 г.—началом 1480-х годов. Это новгородский извод: и его источник — Археографический извод, и единственный его список происходит из Новгорода¹¹⁵.

Некоторой обработке был подвергнут и весь сборник юридических статей Археографического типа, который включал в себя «Правила о церковных людях» и правила 165 св. отец, церковные уставы Владимира и Ярослава, статью «О женитве», интересующий нас устав Всеволода, извлечение из слова Василия Великого о судьях и клеветах, Правду Русскую Археографического вида с выделенным уставом Владимира Мономаха и со статьей «А се бещестие», «Закон судный людем» Пространной редакции, устав Ярослава о мостах и грамоту Всеволода Мстиславича церкви Ивана на Опоках. В результате обработки это собрание юридических памятников было пополнено вторым списком Правды Русской Мясниковского вида из кормчей и разделено на три комплекса статей, каждый из которых был разбит на мелкие главы с номерами и заглавиями, а первый комплекс получил еще оглавление, оставшееся незавершенным. В первой части оказалось 73 главы, во второй — 29 (Правда Русская Археографического вида), в третьей — 106 глав (устав Владимира Всеволодовича из Правды Русской с «Законом судным людем», уставом Ярослава о мостах и «Рукописанием» Всеволода Мстиславича)¹¹⁶.

¹¹⁴ Повесть «О царе Ахмате, как приходил на Угру» в 1481 г. — ПСРА, т. VI, стр. 232; т. XII, стр. 202. О Трапезунде под властью турок писал еще Афанасий Никитин в 1472 г. («Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» М.—Л., 1958, стр. 29).

¹¹⁵ Согласно записи соловецкого игумена Дософея, список кормчей изготовлен в Новгороде в 1493 г. по его заказу и послан в Соловецкий монастырь вместе с 18 другими перечисленными им книгами.

¹¹⁶ В. Н. Бенешевич, а за ним и С. В. Юшков ошибочно считали, что нумерация глав всего юридического сборника едина и имеет всего 106 глав (см. УКВ, стр. 24; С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921, стр. 20—27).

Эта обработка юридического сборника объединила древнерусские памятники и местные новгородские уставы XIII—XIV вв. с текстом кормчей Мясниковского типа. Она принадлежит руке церковного юриста, который поставил своей целью возможно полнее собрать памятники церковного права. Однако задачи сличения их и составления сводных текстов он перед собой не ставил.

Устав кн. Всеволода, как нам представляется, возник особым путем, отличным от других княжеских уставов церкви. Но его дальнейшая жизнь не отличалась принципиально от того, что мы знаем, например, об уставе Владимира. В него вносились мелкие и не всегда осознанные изменения, добавлялись статьи, фиксировавшие судебную практику, как и нормы, заимствованные из византийского права.

Устав князя Ярослава о юрисдикции церкви в XI—XV вв. и взаимоотношении княжеской и церковной власти в области суда

Устав в исследованиях XIX—XX вв.

Устав кн. Ярослава представляет собой наиболее ранний кодекс семейного и брачного права Древнерусского государства, сложившийся в течение XI—XII вв. В связи с тем, что взаимоотношения внутри семьи феодального общества, так же, как и заключение и расторжение брака, принадлежали юрисдикции церкви, кодекс о браке и семье стал церковным судебником, уставом о церковных судах. С церковным характером устава связано и наличие в нем статей о других сферах церковного суда: о «домовных» и монастырских людях, т. е. судебном иммунитете церкви на зависимое от нее население, а также о духовенстве и монашестве, подлежащих тому же суду.

Хотя устав князя Ярослава как судебник по семейным и брачным делам сам по себе представляет уникальный памятник, его значение несравнимо шире. Устав дает ценный материал для решения общих вопросов истории русского раннефеодального государства: взаимоотношений церковной и светской власти в области суда, классового расслоения и характеристики социальных групп Древней Руси, уровня развития сельского хозяйства, истории церкви, русско-византийских отношений, древнерусского денежного счета, для выяснения тех или иных загадочных положений других памятников феодального права, в том числе Русской Правды и пр.

Устав князя Ярослава не дошел до нас в своем первоначальном виде, но сохранился в большом числе позднейших переработок с сокращениями и дополнениями, причем только в поздних списках не ранее XV в. Исследование текстов устава и их сводное издание отсутствуют. Все это не только затрудняет использование устава в качестве источника по истории Киевской Руси, но и порождает скептическое отношение вообще к возможности его применения для изучения истории до XV в. Действительно, в уставе кн. Ярослава упоминается ряд терминов, которые не могут быть связаны

с XI в., например, упоминания рублей в системе «пеней», вводимых уставом, свидетельствующие о XIII—XIV вв., тамги и осмьничего среди пошлин, на которые распространяется иммунитет митрополита, что также говорит о XIII и последующих веках и т. п. Эти и другие анахронизмы наряду с отсутствием прямых ссылок на устав кн. Ярослава в памятниках XI—XIV вв. привели некоторых исследователей к предположению, что мы имеем здесь дело с произведением XIV в., памятником кодификации права периода сложения централизованного Русского государства.

Правильная оценка устава в качестве исторического источника, выделение древнейшего ядра возможны только после серьезного источниковедческого изучения его, включающего текстологические и историко-правовые исследования.

Со времени открытия устава для науки В. В. Крестининым в 1771 г. в Архангельске в сборнике первой половины XVI в. и первого его опубликования в оригинале И. И. Лепехиным в 1780 г.¹ этот памятник неоднократно привлекал к себе внимание исследователей.

Н. М. Карамзин был первым историком, высказавшим об уставе Ярослава, как и об уставе Владимира категорические суждения. Карамзину были известны списки двух редакций — Краткой (этот текст очень неудовлетворительно был издан в «Указателе российских законов») и Устюжской (в «Архангелогородском летописце»). Из этих двух редакций он отдал предпочтение Краткой и сам опубликовал ее заново, «согласно с лучшими списками (впрочем, не имею ни одного харатейного и древнее XVI в.)»². Анализ изданного им текста показывает, что в основе последнего лежит список Белозерского извода Краткой редакции, возможно Горюшкинский список, с внесением в него чтений Устюжской редакции (например, «сложил со греческим номоканоном»).

Этот текст позволил Карамзину оценить устав Ярослава как памятник, возникший примерно в XIV в. В качестве доводов в пользу такой датировки он указывает, что устав Ярослава противоречит Русской Правде и наряду с нелепостями содержит более поздние реалии, например рубли в системе пеней³. Среди противоречий между уставом и Русской правдой он указывает на различие в размерах пеней: оскорбление жены боярской словом по уставу наказывается штрафом в 10 гривен (5 фунтов) золота, а по Русской Правде убийца боярина платит только «осьмидесять» гривен кун; поджигатели и грабители, как установлено в Правде,

¹ И. П. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1780, стр. 350—351. Прежде И. Лепехина в латинском переводе устав был издан И. Кульчинским в 1733 г. (*I. Kulczyński. Specimen Ecclesiae Ruthenicae. Romae, 1733, Appendix, p. 32—35*).

² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, стр. 60.

³ Там же, стр. 67.

судились гражданским судом, а согласно уставу они платят пеню епископу⁴.

Текст Краткой редакции, который анализировал Карамзин, по нашему мнению, также принадлежит XIV в., что не влияет на датировку древнейшего текста устава, источника Краткой редакции. Однако ряд наблюдений Карамзина, в частности, о некотором противоречии устава нормам Русской Правды, не снимается и при отнесении этого текста устава не к XI, а к XIV в.

Решительная оценка Карамзиным устава Ярослава как позднего подлога имела значительное влияние на историческую науку и этот памятник оказался изъятым из числа источников по истории Киевской Руси у многих историков государственного строя, церкви и права.

Этому влиянию, однако, не подвергся один из первых русских историков права Ф. Морошкин. Он обратил внимание на то, что устав Ярослава говорит о тех преступлениях, которые совершенным молчанием обходит Русская Правда («Ярославова Правда»). По его мнению, сама Русская Правда не что иное, как дополнение к уставу Ярослава и без него непонятна, ибо она умалчивает о таких поступках, которые «не только Ярослав, но даже времен его подьячий» не мог оставить без внимания, например, насилия, умышления, побои, убийство родственников, а также о браках и разводах. «Надобно вообразить совершенную дикость России, — пишет Морошкин, — чтобы считать естественным пропуск подобных статей в законодательстве Ярослава»⁵. Мысль Морошкина о тесной связи двух судебных кодексов, принадлежащих примерно одному времени, о том, что только нормы одного и другого в совокупности показывают систему древнерусского права, представляется нам верной. Ниже обосновывается, однако, другое соотношение Правды и устава: не Правда является дополнением к уставу, как думал Морошкин, а устав Ярослава представляет собой церковный судебник, охватывающий дела, не нашедшие отражения в этом древнем княжеском судебнике.

Оценка Карамзина была серьезно поколеблена в середине XIX в. К. А. Невוליным. Неволин привлек значительно большее количество текстов, в том числе Пространную и Румянцевскую редакции, а также «Свиток Ярославль», опубликованный в 1846 г. И. Григоровичем⁶. Это позволило ему не ограничиваться оценкой данных одной из обработок и более широко взглянуть на историю памятника.

Исследователь видит в уставе Ярослава не столько противоречия с нормами Русской Правды, сколько соответствие этим нормам. Нормам Правды Ярослава устав в делах о подсудности не проти-

⁴ Н. М. Карамзин. Прим., стр. 63.

⁵ А. Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Перевод и примечания Ф. Морошкина. М., 1836, стр. 386—387.

⁶ «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 1. СПб., 1846, № 166, стр. 191.

воречит. Что касается Пространной Правды, то там говорится о воровстве и о побоях вообще, в уставе же — о краже в особых случаях, в семье, и рассматриваются только побои между членами одной семьи и побои, связанные со сговором и свадьбой. Статью о поджоге в уставе Неволин считает позднейшей вставкой, поскольку она разрывает связь между целым рядом статей, относящихся к нарушениям нравственности⁷. Все эти наблюдения Неволина подтверждаются и последующими исследованиями.

Самый важный вопрос для определения сущности устава и тем самым времени его возникновения и его «подлинности», как считает Неволин, состоит в том, «каким образом в недрах церкви, и притом получившей свое образование от церкви греческой, могла родиться мысль обложить преступления, предоставленные церковному суду, денежными пенями? Каким образом вообще могла развиться система взысканий, принимаемая уставом ярославовым о церковных судах?» Он видит ответ на этот действительно важный вопрос в нормах Русской Правды, согласно которым нарушители наказывались взысканием денежных пеней.

Неволин впервые обратил внимание на это соответствие, а также на противоречие норм устава Ярослава византийскому церковному праву: «номоканону, правилам св. отец совершенно неизвестны денежные взыскания с нарушителей церковных постановлений⁸. Это противоречие тем более непонятно, что в самом уставе Ярослава, в тексте, напечатанном Карамзиным («Сложил есми со греческим номоканоном, аже не подобает сих тяжь судити князю и бояром. Дал есть. . . те суды, что писаны в правиле, в номоканоне»), источником права названы греческие законы. Объяснение этой ссылки он видит в том, что для ряда поступков установлено кроме денежного взыскания в пользу церковной власти также уголовное наказание («а князь казнить»). Но эта особенность устава представляется Неволину так не соответствующей началам, принятым в Русской Правде, что он отказывается понимать, как Ярослав мог допустить в своем уставе двойное наказание за церковные преступления. «Но что мы находим для себя непонятным, то другой, может быть, легко поймет», — добавляет исследователь⁹. Слова «а князь казнить» в ряде статей устава исследователями XIX—XX вв., начиная с Неволина, понимаются как свидетельство двойного наказания, которое, в свою очередь, не нашло достаточно убедительного объяснения.

Неволин обратил внимание на то, что от времени до начала XV в., до утверждения текста устава «Восточнорусской» редакции великим князем Василием Дмитриевичем, нет свидетельств о существовании и практическом употреблении устава. Что касается

⁷ К. А. Неволин. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. — «Полное собрание сочинений», т. VI. СПб., 1859.

⁸ Там же, стр. 300—301.

⁹ Там же, стр. 304.

его замечания о том, что устав был включен в Кормчую книгу только в XVI в.¹⁰, то оно вызвано недостаточной археографической изученностью памятника в середине XIX в. В настоящее время известно более 90 списков устава, которые сохранили большой ряд редакций, изводов и видов памятника. В составе кормчих книг устав появляется уже в XIV в. Свидетельством существования устава до XV в. является прежде всего это большое число последовательных переработок, которые оказались зафиксированными в списках XV—XVII вв. Однако действительно, мы не располагаем прямыми указаниями на практическое применение устава в памятниках до XV в., как об этом и писал Неволин.

Решая для себя вопрос о подлинности устава Ярослава, Неволин в данном случае еще в большей степени, чем при исследовании устава Владимира, является защитником формального подхода к оценке памятника. Он считает нужным применить к уставу основные требования «подлинности» исторических памятников, «считать памятник поддельным, как скоро он заключает в себе или внутренние противоречия, или анахронизмы, как скоро он противоречит по своему содержанию или форме тем условиям, при которых будто бы он был составлен». Исходя из этих требований, «коль скоро в нем (уставе) находятся слова, выражения и места, которых не мог писать Ярослав, он должен быть признан подложным». В то же время Неволин считает достаточно доказанным, что основа могла быть древняя, времени введения христианства на Руси, времени Ярослава¹¹.

Неволину принадлежит выделение среди текстов устава лишь двух редакций, которые он назвал Западнорусской («Свиток Ярославль») и Восточнорусской (остальные известные ему тексты). Это деление не соответствовало ни по существу, ни по названиям уже тем текстам, с которыми он имел дело: в Восточнорусской редакции было объединено несколько текстов и среди них Румянцевская редакция, также представляющая западнорусскую обработку устава. В дальнейшем были обнаружены новые западнорусские обработки, которые ближе к Восточнорусской редакции, чем к «Свитку Ярославлю». В связи с этим нужно отказаться не только от классификации списков Неволина, но и от предложенной им терминологии.

Работа Неволина об уставе остается в историографии XIX в. наиболее ценным, разносторонним, в том числе историко-правовым, анализом памятника. При этом исследователю еще недоступно понимание истории текста памятника и те возможности, которые предоставляет наличие нескольких его списков. Следование историко-лингвистическим принципам, выработанным в XVIII—начале XIX в., приводит его к признанию памятника «подложным», хотя он сам не устанавливает ни причин, ни времени этого подлога, и

¹⁰ К. А. Неволин. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. — «Полное собрание сочинений», т. VI. СПб., 1859, стр. 305.

¹¹ Там же, стр. 309—310.

постоянно подчеркивает наличие в уставе следов древнейшей его основы.

Вторая половина XIX в. не принесла значительных успехов в изучении устава Ярослава, как и устава Владимира. Не внесли ничего нового работы Е. Е. Голубинского, В. И. Сергеевича, П. Н. Мрочек-Дроздовского¹².

Недостаточное знание опубликованных текстов устава Ярослава, использование поздних обработок (Археографический извод) и недоброкачественных изданий (текст Краткой редакции, «исправленный» Карамзиным) не позволили Голубинскому увидеть в уставе Ярослава памятник, заслуживающий внимания. Он вновь обращает внимание на противоречия в тексте и содержании устава, уже отмеченные другими исследователями, и обнаруживает, как ему представляется, новые свидетельства «неподлинности» памятника. Однако ряд его заключений основан на недоразумении. Так, он пишет, что по всем спискам «устава» Ярослав предоставляет епископам те суды, которые писаны в правилах, в номоканоне, в то время как такая ссылка есть только в списках Краткой редакции, включенной в номоканон, и тех, которые восходят к Краткой редакции. Он основывается в своем анализе устава на фразе первой статьи «сложил еси съ греческим номоканоном», в то время как эта фраза возникла под пером Карамзина, который соединил чтения Краткой редакции «сложил есмь греческий номоканон» с переработкой устава XVI в. в «Архангелогородском летописце»¹³.

Голубинский вновь справедливо подчеркивает несоответствие норм устава нормам номоканона, объясняя его тем, что составитель устава, стремясь увеличить доходы церкви от суда, выписал перечни дел из второй части кормчей, содержащей руководства по гражданским законам и не имевшей прямого отношения к юрисдикции церкви¹⁴. При этом составитель устава не знал меры и сделал почти весь гражданский суд общим достоянием князя и епископа¹⁵. Таким образом, согласно Голубинскому, различие норм устава и номоканона вызвано сознательной деятельностью церковных юристов на Руси, которые действовали «на основании примера церкви западной». С этим влиянием связывает Голубинский и возникновение устава Ярослава (как и устава Владимира) в Новгороде, где западные церковные порядки могли стать известными в XII в. сначала от католических священников, явившихся вместе с купцами, и затем от ливонских немцев¹⁶. Голубинский обращает внимание на то, что устав был якобы принят Ярославом в самом конце его правления, но объясняет это не особыми условиями церковно-политической истории Руси последних лет его

¹² П. Н. Мрочек-Дроздовский. Обзорение некоторых памятников древнерусского права. М., 1892, стр. 88—109.

¹³ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, пол. 1. М., 1901, стр. 403.

¹⁴ Там же, стр. 405.

¹⁵ Там же, стр. 407.

¹⁶ Там же, стр. 408.

княжения, а тем, что поздние составители не знали другого митрополита времени Ярослава и вставили имя Илариона¹⁷. С этим положением Голубинского нельзя согласиться: кроме Илариона от времени княжения Ярослава русским средневековым историкам были известны митрополит Феопемпт, упоминаемый в 1039 г. во всех редакциях «Повести временных лет» и в списках митрополитов в сборнике Археографического типа, и митрополит Кирилл, известный по спискам Никоновской летописи, как об этом пишет сам Голубинский¹⁸.

В. И. Сергеевич без какой-либо аргументации высказал мнение, что вводимые статьи устава возникли позже, чем статьи судебника. «Ясно, — пишет он, — что к статьям кто-то присоединил начало, будто бы это статьи Ярослава»¹⁹. Эта точка зрения впоследствии была воспринята и развита в работе немецкого историка и публициста К. Фрицлера.

Иначе, чем это было сделано Невוליным, пытался представить себе историю создания устава в работах 1888 и 1893 гг. Н. С. Суворов. Рассматривая устав в качестве позднего подложного памятника, он нашел, что Западнорусская редакция, официально подтвержденная неоднократно в течение XV—XVI вв., является первичной формой фальсифицированного документа. Эта фальсификация имела определенную политическую цель — закрепление за православной иерархией в Литовском великом княжестве того же ведомства, которое принадлежало там католической церкви. Она выполнена в Западной Руси не ранее княжения Витовта (с 1386 г.) и была освящена традиционным именем князя-законодателя Ярослава. Восточнорусская редакция возникла, по Суворову, очевидно, также в Западной Руси после официального утверждения Западнорусской редакции на основе последней, устава Владимира и других юридических памятников. Восточнорусская редакция — чисто литературное произведение, составленное досужим книжником, служившее, вероятно, теоретическим утешением любителям литературной старины. В Москву, в Русское государство устав попал благодаря митрополиту Киприану²⁰.

Работа известного ярославского профессора истории права производит странное впечатление. Суворов не знает многочисленных текстов устава, известных в его время, не утруждает себя работой по определению того, как в конце XIV в. могли появиться близкие к Русской Правде нормы устава, единицы денежного счета, другие архаические черты памятника, на которые было обращено внимание еще в середине века. В заслугу ему можно поставить только то

¹⁷ Е. Е. Голубинский. История, т. 1, пол. 1, стр. 403.

¹⁸ Там же, стр. 285—286.

¹⁹ В. П. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, стр. 160.

²⁰ Н. С. Суворов. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888, стр. 221—234; он же. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право, стр. 371—379.

внимание, которое он уделил «Свитку Ярославлю», показав основное содержание этого памятника, отражавшего положение православной церкви в Литовском великом княжестве. Эта его работа была продолжена украинским исследователем А. Лотоцким.

Вновь точку зрения Неволлина о древней, ярославовой основе устава поддержал в споре с Суворовым А. С. Павлов²¹. Он видит в уставе свидетельство «исторической, т. е. жизненной, необходимости перенести в сферу церковного суда ту же самую систему вир и продаж, какая принята в Русской Правде», считает его возникшим в период еще полной действительности этого княжеского судейника, видит у этого устава и устава Владимира общую основу, причем первый устав является исторически необходимым дополнением ко второму. Со всеми этими его наблюдениями можно согласиться, так же как и с предположением, что противоречие устава и Правды Русской о подсудности ряда уголовных дел объясняется тем, что по уставу Ярослава эти дела принадлежат церковной юрисдикции в том случае, если они совершены церковными людьми. Можно только добавить, что церковной юрисдикции подлежали и уголовные дела, возникшие при взаимоотношении членов одной семьи, регулирование жизни которой принадлежало ведомству церкви.

Ключевский в своем Курсе русской истории уделяет уставу большое внимание: уставу Ярослава посвящено там 18 страниц, в то время как уставу Владимира всего две. Устав Ярослава и Правду Русскую как памятники кодификации он рассматривает в качестве сверстников. Ключевский впервые подверг рассмотрению денежный счет в различных списках устава и, сопоставив его со счетом Правды, определил, что «древнейший вид, какой встречаем в дошедших до нас списках устава, этот памятник получил в начале XII в., во всяком случае еще до половины этого века. Значит, устав Ярослава выработывался в одно время с Русской Правдой»²². По мнению исследователя, можно сомневаться, приложимы ли обычные вопросы исторической критики о подлинности и восстановлении первоначальной основы к такому памятнику, как этот устав. Ко времени Ярослава он относит только договор между двумя властями, светской и духовной, разграничивавший принципиально, в духе греческого номоканона судебные ведомства той и другой власти. Краткое введение в устав, которое приводит «Архангелогородская летопись» (Устюжский свод), было его первоначальной основой. Постепенно согласно с договором устанавливалась и кодифицировалась практика церковного суда. Из совокупности этих правил и составилась устав, получивший по происхождению своей основы название Ярославова²³.

²¹ А. С. Павлов. Курс церковного права. СПб., 1902, стр. 150—154.

²² В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 257—258.

²³ Там же, стр. 259.

Руководствуясь тем, что в ряде статей устава есть указания на совместное участие двух властей при получении пеней (например, «митрополиту в вине, а князь казнит» или «платят виру князю с владыкою наполю»), Ключевский пришел к выводу, что главная цель устава — «разграничение двух подсудностей, княжеской и святительской, выделение в составе церковного суда дел, решаемых совместно представителями обоих». С этим заключением трудно согласиться: размежеванию двух властей в суде посвящен специально устав Владимира, которому Ключевский не уделил достаточного внимания. Указания типа «платят виру с владыкою наполю», как показано в данной работе, появляются в поздних текстах XIV в. и свидетельствуют об изменении в юрисдикции церкви и размежевании суда в это время. Что же касается устава Ярослава, то основной его целью является установление пенитенциальных норм по тем поступкам, которые были подсудны церкви.

Ключевский привносит в устав Ярослава этико-правовые представления позднего времени, которые чужды этому памятнику. Так, он считает, что система и порядок устава построены на различении и соответствии понятий греха и преступления. Грех ведает церковь, преступление — государство. На комбинации этих основных понятий и построен церковно-судный порядок в уставе Ярослава²⁴. Однако этико-правовая система устава Ярослава, как и устава Владимира, основывается на совершенно ином принципе — на квалификации поступков, главным образом не подлежащих наказанию со стороны государства, в качестве преступлений, которые наказывает церковь, но наказывает не морально, а в материальной форме, так же, как наказывает государственная власть.

Два «сверстника» в истории кодификации древнерусского права, Правду Русскую и устав Ярослава, Ключевский рассматривает как две части одного церковно-юридического кодекса: устав он называет «церковным судебником по духовным делам лиц духовного и светского ведомства», а Правду — также «церковным судебником по недуховным делам лиц духовного ведомства». Это его понимание взаимоотношения двух памятников не находит подтверждения. Существование устава Ярослава, современного Правде судебника по делам, которые не рассматривались в качестве преступлений светской властью и не регулировались ею, но подлежали юрисдикции церкви, судебника, к тому же включающего и статьи о «недуховных делах лиц духовного ведомства», служит важным аргументом против той церковной схемы возникновения Правды Русской, которую предложил Ключевский.

В работах XX в. об уставе все острее чувствуется разрыв, существующий между желанием исследователей найти для устава более четкое и понятное место среди памятников XI—XIV вв., и теми возможностями, которые предоставляли для этого единичные, случайные опубликованные его списки. Поскольку в этих списках

²⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 251.

находились следы и XI—XV вв., а взаимоотношение и история этих списков были неизвестны, сохраняли право на существование мнения о возникновении устава в самое различное время и в связи с различными событиями. Незаработанность той отрасли исторического источниковедения, которая имеет дело с памятником, сохранившимся в большом числе поздних списков, отставание ее от других областей, например от дипломатики, обобщенной в работах А. С. Лаппо-Данилевского, задерживали изучение памятников права, не только уставов, но и Правды Русской. Значительные успехи были достигнуты лишь применительно к одному виду источников — летописям, которые широко, подробно и в течение длительного времени изучались А. А. Шахматовым и его последователями.

Еще в 1910-х годах была начата подготовка к сводному изданию текстов устава Ярослава во втором выпуске «Памятников русского канонического права». Однако эта работа, ведшаяся В. Н. Бенешевичем, не была напечатана и осталась незаконченной. Новые попытки подготовки издания, предпринимавшиеся в конце 1940-х годов С. В. Юшковым, также не завершились полным изданием памятника. А. А. Зиминим в серии «Памятников русского права», начавшей выходить под редакцией С. В. Юшкова, устав был издан по четырем группам текста и более чем 20 спискам²⁵. Это издание способствовало изучению устава и использованию его в качестве источника.

Исследования устава этого времени имеют ограниченное значение из-за указанного разрыва между узкой источниковедческой базой исследования и задачами, которые ставит перед собой исследователь. Однако некоторые из этих работ содержат ряд важных наблюдений.

Ярким примером того, как априорные положения могут подтверждаться выборками из случайных списков памятника, является исследование немецкого историка К. Фрицлера (1917)²⁶. Автор имел дело с шестью текстами устава: в Архангелогородском (Устюжском) летописце, в издании Карамзина, в Румянцевской кормчей, в Соловецкой кормчей, в летописце Переяславля-Суздальского и «Свиток Ярославль». Анализируя эти тексты, он делает попытку восстановить историю устава и время его возникновения, его первоначальный текст и источники, одновременно показывая историю древнерусского права в конце X—XIV в., как он их понимает.

Фрицлер исходит в своей работе из того, что устав состоит из двух одновременных частей. Введение и Заключение представляют собой разъединенные части одного целого, собственно церков-

²⁵ ПРП, вып. 1, стр. 255—285.

²⁶ К. Fritzler. Zwei Abhandlungen über altrussisches Recht. 1. Die sogenannte Kirchenordnung Jaroslaws — ein Denkmal russisch-germanischen Rechts. 2. Die fürstliche Erbfolge im Russland. Berlin—Leipzig, 1923, S. 3—120.

ного устава кн. Ярослава, которым он признавал каноническое право в качестве государственного и распространял его на всю Русь. Основная часть — статьи с указанием размеров штрафов — никакого отношения к этому уставу Ярослава не имеет и объединена с ним поздно, в результате «грубого заблуждения». Для Фрицлера «это столь ясно, что сомневаться совершенно невозможно». На случай сомнения, однако, он приводит «один простой факт» — введение и заключение в карамзинском тексте близки и соответствуют друг другу; в Переяславском списке введение завершается теми же угрозами, которые лишь повторены в заключении. Наконец, в Архангелогородском списке устав состоит только из этих двух частей.

Фрицлер позволяет себе производить и другие, столь же необоснованные изменения в тексте. Так, в первой статье (Введение) он произвольно изменяет имя Илариона на Иоанна («стоит лишь сравнить написание в кириллице этих обоих имен, Иоанна и Лариона, чтобы заметить, что при неясном написании («bei unleserlicher Schrift») из одного могло возникнуть другое»). Первое лицо глагола «сложил» во фразе «Се аз князь великий Ярослав... сгадал есми с митрополитом Ларионом, сложил есми греческий номоканон...» он передает в третьем лице «Siehe, ich, Großfürst Jaroslaw... mich beratschlagt habe mit dem Metropolit Larion, der den griechischen Nomokanon verfaßt hat...», искусственно отнеся это действие к митрополиту. Эта замена нужна автору для того, чтобы видеть во фразе «сложил... номоканон» внесенную в текст маргиналию, имевшую в виду сочинение митрополита Иоанна II — канонические правила, которые первоначально были написаны по-гречески²⁷. Примеров произвольного обращения с текстом немало.

Изъяв из Введения и Заключения карамзинского текста фразы о номоканоне, о неподсудности «сих тяж» князю и боярам (Фрицлер считает термин «тяжа» позднейшим, являющимся вставкой в текст), о потенциальных нарушителях устава, замены имени Илариона на Иоанна, он реконструирует текст грамоты Ярослава, который должен показать, что грамота не имеет никакой связи с «штрафным уставом» (основной частью) и ничего не говорит о церковных судах²⁸. Этот «церковный устав Ярослава», впервые записанный в первые годы его правления, был источником, на котором основывается устав Владимира. Устав Владимира появился не ранее последней четверти XIII в. под влиянием того места в «уставе Ярослава», где говорилось о «дании» Владимира. В поздних обработках устава Ярослава, например в Соловецком списке, сказывается уже обратное влияние устава Владимира на устав Ярослава²⁹.

²⁷ K. Fritzier. Zwei Abhandlungen, S. 23.

²⁸ Ibid., S. 25. Один из рецензентов этой работы, А. Гофмейстер, справедливо характеризует эту реконструкцию как произвольную. См. «Historische Zeitschrift», Bd. 119, 1919, S. 521.

²⁹ K. Fritzier. Zwei Abhandlungen, S. 40—42.

Другой памятник, искусственно соединенный с «уставом Ярослава», — штрафной устав — представляет собой, по Фрицлеру, отнюдь не церковный судебник, показывающий юрисдикцию церкви, а перечень поступков, в связи с которыми епископ претендует на получение штрафных денег, хотя судопроизводство и наказание принадлежит светской, княжеской власти³⁰.

Фрицлер отрицает всякую юрисдикцию церкви в домонгольский период, обосновывая это заключениями, что для княжеской власти создание еще одного особого суда было бы бессмыслицей, что если бы церковный суд возник, это было бы «самоубийственным поступком» для самой государственной власти, что лишь чужая сила, для которой было важно ослабление княжеской власти, могла дать церкви собственную юрисдикцию: «это были татары»³¹. Основанием для заключения об отсутствии церковной юрисдикции в уставе он считает так называемые «двойные штрафы» в уставе — епископу (митрополиту) и князю, и особенно указания в трех статьях карамзинского текста (ст. 29—31, по Фрицлеру — ст. 33 и 34) о том, что штрафы за кражи и душегубство «делит князь с владыкою (или владыка с князем) наполю».

Изучение истории текста устава показывает, что эти фразы появились в нем лишь в XIV в., при создании Краткой редакции. В них отразились определенные и хорошо известные в политической истории Руси изменения во взаимоотношениях великого князя со своими вассалами в области суда — ограничение феодального иммунитета церкви. Фрицлер держится представления о направлении эволюции церковной юрисдикции, противоположном тому, что показывают источники, в том числе и устав Ярослава. Он видит в XIII—XIV вв. принципиальное изменение роли и места церкви на Руси сравнительно с домонгольским временем: от отсутствия всякого права суда, всякого иммунитета, к возникновению и усилению его под влиянием монгольского завоевания; ибо освобождение от пошлин русского духовенства — это не русское, а монгольское установление, которое введено в России лишь великими ханами³². В дотатарское время, по Фрицлеру, на Руси церковной юрисдикции вообще не было и «лишь татары предоставили русской церкви собственную юрисдикцию»³³, она получила ее «от азиатского завоевания России, от Бату»³⁴.

Фрицлер видит в «штрафном уставе» полное отсутствие «церковно-византийского» влияния, которое проявляется только в монгольское время. Здесь выражено лишь «языческо-русское право», весьма близкое к «скандинавскому церковному праву». Фрицлер не считает возможным говорить о заимствовании этого права Русью из Скандинавии (поскольку Швеция и Норвегия приняли

³⁰ Ibid., S. 58, 91—92.

³¹ Ibid., S. 94—95.

³² Ibid., S. 29.

³³ Ibid., S. 36.

³⁴ Ibid., S. 103.

христианство позднее, чем Русь) и скандинавскими странами из Руси. Близость их он видит «не во внешнем, а во внутреннем, не в случайном, а в необходимом». Она основана на единстве одного «германского корня», относительно которого и древнерусское и скандинавское право представляют собой различные ветви»³⁵.

Одной из черт права «штрафного устава», в частности брачного права, он считает существование в прошлом двух социальных слоев в древнерусском обществе: «Правящего высшего слоя, с одной стороны, и простого народа — с другой, которые были образованы двумя совершенно различными народами и не состояли ни в какой близкой связи между собой». Запрет умыкания — это фрагмент права завоевателя, которое они принесли в готовом виде, когда пришли в страну³⁶.

Вся проделанная Фрицлером большая работа имеет целью установить полную общность правовых отношений домонгольской Руси и «германских стран», которая впоследствии, в результате монгольского завоевания и облегченного им проникновения византийского правопорядка, была вытеснена наносными, внешними влияниями. Фрицлер пишет о «германской общности», понимая ее отнюдь не в смысле общности социально-экономической жизни германских и славянских племен, развивавшихся без значительного римского компонента, а о национальной общности: «Оба права, древнерусское и скандинавское, это ветви одного и того же германского корня». «Весь уклад (die ganze Sittung) древней России (прежде всего в верхних слоях народа) имеет германские черты»³⁷.

Заслугой Фрицлера остается немецкий перевод всего устава Ярослава вместе с вариантами по пяти названным текстам (кроме «Свитка»). Этот перевод в большинстве мест удовлетворителен. Исключения представляют те места, где Фрицлер сознательно предлагает иное толкование текста. Так, значительной ошибкой является отмеченное выше изменение в первой фразе первого лица. «сложил есмь» в третье «Der... verfaßt hat» и отнесение действия тем самым к митрополиту. Другими весьма спорными толкованиями являются перевод статьи «Аже девка засядеть...» как «wenn ein Mädchen Kindesmord begeht», т. е. в смысле детоубийства; двукратное толкование слова «иноязычник» как «то есть язычник (das ist ein Heide)» и др. Нужно учитывать также, что как анализируемый Фрицлером текст, так и его перевод искусственно разделен на два памятника и находится в разных частях книги.

³⁵ K. Fritzler. Zwei Abhandlungen, S. 112—120.

³⁶ Ibid., S. 114.

³⁷ Ibid., S. 120. Это остро развитое «национальное чувство» автора особенно ярко сказалось в его введении к работе, написанном на исходе первой мировой войны, в 1917 г., и повторенном в издании 1923 г.: «Условия для хорошего мира с Россией должен создать немецкий меч. Укрепление самого мира — великая задача будущего, в решении которой призвана помочь также немецкая наука. Этой цели должна служить и эта работа» (Ibid., S. 11). Трудно понять, как эта работа Фрицлера может служить такой цели.

Работа А. Лотоцкого 1925 г. об уставе Ярослава³⁸ противоречива по своим методическим принципам. Он исходит из априорного ошибочного тезиса о том, что уставы, созданные в Южной Руси, в более раннем виде должны сохраняться и в тех переработках, которые возникли на юге, на Украине, а не на Севере, в Великой-россии. Следуя этому тезису, он рассматривает в качестве наиболее древнего текста «Свиток Ярославль». Заранее исключив из поля своего исследования множество других не только «московских», но и украинских, т. е. возникших в Южной Руси в XIII—XV вв. и более ранних древнерусских текстов, он закрыл себе путь к определению действительной истории развития устава, его древнейшего состава. В то же время ему принадлежит ряд интересных наблюдений по отдельным вопросам, которые помогают лучше понять этот памятник и его историю.

Лотоцкий считает основным отличием украинской редакции «Свитка» от «московской редакции» то, что первый представляет собой сокращенную редакцию оригинала, а вторая — редакцию расширенную и значительно дополненную элементами местного происхождения. Появление в восточных текстах «излишних» статей, не связанных с церковным судом, он объясняет стремлением церкви в Москве расширить свою компетенцию на сферу светскую. В отличие от этого украинская редакция, возникшая под чужеземной властью, была свободна от этих «заборчих тенденций». Лотоцкий считает более возможным, что, подавая на утверждение иному правителю свой церковный судебный кодекс, украинская иерархия сознательно исключала те пункты своей компетенции, которые принадлежали государственной власти³⁹. Показывая условия возникновения «Свитка», Лотоцкий, однако, закрывает глаза на то, что и эта украинская редакция также значительно расширена в результате включения в нее ряда статей. Таковы статьи об административном подчинении православных епископов киевскому митрополиту, а пресвитеров — не местным князьям и боярам, а своим епископам; о суде двух инстанций по делам о браках некоторых социальных групп, о посылке митрополитом и епископами своих чиновников на места для выполнения норм устава и другие, которые соответствуют условиям возникновения «Свитка», а не древнего текста устава.

Не найдя в «Свитке» статей о различных формах «блуда», оскорбления словом, преступлений церковных людей, Лотоцкий исключает их из состава древнего текста устава, оставляя в нем статьи о брачных делах, семейных отношениях, толоке и, условно, других формах нарушения морали⁴⁰.

³⁸ О. Лотоцкий. «Свиток Ярославль». — «Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі присвячений панові... Т. Г. Масарикові...», частина 1. Прага, 1925, стор. 118—138; он же. Українські джерела церковного права. Варшава, 1931, стор. 233—253.

³⁹ О. Лотоцкий. Українські джерела, стор. 238—239.

⁴⁰ Там же, стор. 242.

Одним из доводов существования устава Ярослава в «киевский» период в опровержение точки зрения Суворова Лотоцкий правильно считает свидетельство археографической традиции, существование нескольких отличающихся текстов памятника, происходящих с различных территорий. Эта параллельность существования того же самого памятника может свидетельствовать, по его мнению, не только о прочной традиции очень раннего времени, еще до формального раздела «руського» племени на две отдельные государственные части, но и о существовании какой-то одной фактической основы этих памятников⁴¹.

Интересны и наблюдения Лотоцкого о значении принятия устава в XI в. и участия в этом митрополита Илариона. Основное значение Ярославова памятника он видит в том, что суровую уголовную систему греческого номоканона устав заменил «национальной» уголовной системой выкупов и вир. Это был шаг большого значения, требовавший смелой инициативы. Едва ли на такой шаг отважился бы митрополит из греков, ибо греческие иерархи были чересчур связаны со своим национальным церковным кодексом. Лотоцкий подчеркивает большую роль в принятии устава митрополита Илариона, первого местного главы древнерусской церкви, который мог оказать определенное влияние на князя⁴². Эти наблюдения Лотоцкого, изложенные частью в понятиях, чуждых действительности XI в., все же помогают иначе понять упоминание в уставе Илариона, чем это делал Голубинский, и пристальнее присмотреться к тем условиям, которые привели к возникновению устава.

Определенный скептицизм в возможности установить общие черты между уставом как памятником, изданным от имени кн. Ярослава, и другими источниками по истории Киевской Руси, который был характерен для некоторых ученых XIX в. — Карамзина, Голубинского, Суворова, — был причиной появления работы В. М. Чернова, в которой устав Ярослава представлен в качестве памятника не столько древнерусского, сколько древнеболгарского права⁴³. Автор ищет объяснение некоторых загадочных юридических терминов устава Ярослава, исходя из их значения в болгарском языке, и видит сходство ряда статей устава с памятниками права и институтами средневековой Болгарии.

Чернов пытается найти к нормам устава Ярослава параллели в двух планах. Во-первых, ряд статей его он стремится объяснить, исходя из значения отдельных терминов не в древнерусском, а в болгарском языке, как их дают словари болгарского языка. Так, статью «аще девка засядеть великих бояр...», устанавливающую ставки штрафов в зависимости от сословного положения

⁴¹ О. Лотоцкий. Українські джерела, стор. 248.

⁴² Там же, стор. 252.

⁴³ В. М. Чернов. К вопросу о болгарском влиянии на устав Ярослава. — «Ювілейний збірник на пошану акад. М. Грушевського», ч. 1. Київ, 1928, стор. 426—434.

этой «девки», он объясняет из значения слов «засести» как «поселиться, водвориться» и переводит как «поселится у великого боярина», т. е. вступит в брак с великим (или малым) боярином без надлежащего церковного оформления. Другую статью, «аще про девку сыр краян будеть...», он объясняет толкованием слов «сырный» как «молодой, свежий, чистый, невинный», а «кроя» как «задумывать, замышлять, злоумышлять» и переводит: «Если с девической честию будет поступлено неподобающим образом и т. д.»

Необоснованность такого толкования статей показал в своей рецензии на статью Чернова Г. Ильинский⁴⁴. Он обратил внимание на то, что грамматическая конструкция первой статьи не позволяет так ее толковать. Чернов пишет, что «вызывает большое сомнение в реальности норма права, предписывающая наказание за невыдачу замуж при аскетическом характере византийского церковного права (действовавшего на Руси в то время) и наличии института монашествующих и монастырей». Однако, как показали исследования Неволлина и отчасти Лотоцкого, нет оснований рассматривать нормы устава Ярослава как нормы византийского права. Как показывается в нашей работе ниже, эта архаичная статья устава Ярослава может найти объяснение в условиях Руси XI в., до того, как нормы византийского церковного права оказали значительное влияние на древнерусское семейное право, как получило распространение монашество. Что касается второй статьи, о сыре, то она находит прямые параллели в известных восточнославянских свадебных обрядах⁴⁵.

Характерное для ряда статей устава упоминание двух групп бояр, великих и меньших, которое не находит аналогии в других известных памятниках Древней Руси, Чернов сопоставляет с известными из истории болгарского средневекового права группами «великих бояр», «средних людей». В Болгарии существовали и особые сословные суды для отдельных групп бояр. Это наблюдение представляет интерес, и некоторые исследователи, например С. В. Юшков, разделяют мнение Чернова о болгарской основе деления боярства в уставе на группы.

Другая серия сравнений призвана показать сходство норм устава Ярослава с некоторыми юридическими памятниками, которые, как считает Чернов, «бесспорно признаются памятниками болгарского права». Это — «Закон судный людем», «Книги законные» и «Заповеди св. отцов». Что касается первого, то болгарское его происхождение обосновывается рядом ученых. Но относительно других памятников этого сказать нельзя. Сравнение устава с «Заповедью» — одним из ранних епитимийников — по-

⁴⁴ Г. Ильински. Към въпроса за българското влияние върху староруското църковно право. — «Български преглед», т. 1. София, 1929, кн. 2, стр. 243—248.

⁴⁵ К. Мысовский. Древнерусское церковное право. — «Православный собеседник», 1862, ч. III, стр. 130. Г. Ильински. Указ. соч., стр. 244—245.

казывает лишь общность происхождения обоих памятников в христианской среде, но значительное различие в характере ответственности за нарушение: моральная ответственность епитимийника и уголовная — устава. Сравнение статей устава с двумя другими памятниками, производимое Черновым, очень интересно:

Устав Ярослава

«Книги законные»

«Закон судный»

Аже кто умчить девку или насилить, аже боярская дчи, за сором ей 5 гривен золота... а на умычницех по гривне серебра епископу, а князь казнит их.

Въсхытивый жену, ... таковый мечем казнен будет, а сподобляющей ему... бьемы и острижены, носы их урезати.

Иже уносить девицу, то да тепуться уноски в триста.

Аже две жене кто водить, епископу 40 гривен, а которая подгела, та поняти в дом церковный, а первую держит по закону.

Иже две жене иметь кушаяся не по закону, но и произволением, добре подоиметь прелюбодеяния казнь...

Имея две жене да ся иженить меншица съ своими детми и да тепеться тверд.

Сравнение норм «Закона судного», основанных на византийской Эклоге, и норм «Книг законных», одной из переработок Прохирона, с одной стороны, и норм устава Ярослава — с другой, показывает вопреки мнению Чернова различные системы пенитенциального церковного права. Это сравнение служит подтверждением наблюдения тех исследователей древнерусского права, которые видят в уставе Ярослава нарушение норм византийского номоканона (Лотоцкий пишет даже о «революционности церковно-правовой реформы», осуществленной уставом.)

Можно согласиться с Г. Ильинским, что и фразеология статей, и их стиль, и словарь, и само содержание (а это самое важное) различны в этих памятниках. Чернов обратил внимание также на то, что санкция в уставе Ярослава, угроза нарушителям устава проклятьем 318 отцами Никейского собора находит параллели в таких же угрозах в болгарских хрисовулах. Однако не менее вероятным остается и другая возможность, появление этой формы санкции и в болгарских и в древнерусских памятниках из общего источника — византийского.

Исследование С. В. Юшковым устава Ярослава⁴⁶ в отличие от устава Владимира не базировалось на текстологическом изучении всех редакций и видов памятника. Юшков оперирует здесь тремя традиционно выделяемыми его редакциями — Восточнорусской, Западнорусской и Архангелогородской. И вторую, и третью редакции он считает переработками первой, Восточнорусской. Западнорусскую он относит предположительно к XV в., времени, «когда православной церкви пришлось начать борьбу с католицизмом», Архангелогородскую — ко «времени и месту» создания этого летописца.

⁴⁶ С. В. Юшков. «Общественно-политический строй», стр. 211—216.

В этих построениях истории редакций XV—XVI вв. у Юшкова осталась недоказанной прямая зависимость редакции «Свитка» от тех текстов устава, которые он объединил в Восточнорусской редакции. В качестве аргумента упомянуто только то, что «основное содержание устава Западнорусской редакции посвящено установлению юрисдикции церкви по вопросам брачного права, т. е. тем вопросам, которые подробно рассматриваются в начале списков Восточнорусской редакции». Однако еще Лотоцким было показано, что именно вопросы брачного права и оставались в ведении православной церкви в Литовском великом княжестве, и разработка их в «Свитке» может быть объяснена не тем, что этот материал есть и в текстах Восточнорусской редакции, а тем, что именно эти вопросы составитель «Свитка» считал нужным включить в него. Остается в силе и предположение Лотоцкого об одном общем древнем источнике и «свитка Ярослава», и других «восточнорусских» текстов.

Юшков рассматривает Восточнорусскую редакцию так же, как и Фридлер, состоящей из разновременных частей. Первая часть — «предисловие» о даровании Ярославом суда, современное Ярославу, которое содержит в сущности ту же подтвердительную грамоту, что и грамота Владимира в основе устава Владимира. Этой грамотой Ярослав мог повторить подтверждение, сделанное его отцом. Исследователь обосновывает такое выделение первой части тем, что примерно такой объем имеет устав Ярослава в Устюжском летописном своде, хотя сам ниже справедливо устанавливает, что списки этой III редакции устава Ярослава не что иное, как извлечение из предисловия Восточнорусской редакции.

Вторая часть устава — «судебник» — возможно, представлял собой самостоятельную статью в протографе сборника княжеских уставов и уже затем был присоединен к первой части этого устава. Судебник, по мнению Юшкова, «был действующим источником права, применявшимся в церковных судах в определенный период (XII—XIII вв.)». В нем отразилась и существовавшая церковная практика, и решения митрополитов. Доводы В. М. Чернова о влиянии на устав (на этот «судебник») болгарского права он считает весьма убедительными.

Источником многих статей судебного (в диспозитивной части) он признает «Закон судный людем»; упоминание в уставе двух групп бояр также позволяет ему говорить о влиянии болгарского права.

При сопоставлении не только Правды Ярослава, но и Правды Ярославичей с основными статьями судебного Юшков видит полное несоответствие уровня правосознания этих памятников. Он указывает на весьма развитую систему преступлений и наказаний в уставе, на сложную денежную систему, которой не было на Руси при Ярославе и даже при его ближайших преемниках, на значительную дифференциацию (бояре великие, бояре меньшие, добрые люди, нарочитые люди, простая чадь, городские

люди, сельские люди), которая не может быть отнесена не только ко времени Ярослава, но и его ближайших преемников. Судебник Юшков относит к середине XII в. и к Киевской митрополичьей кафедре. Что касается заклатья в третьей части устава, в санкции, где упоминается о 318 отцах Никейского собора, то оно признается Юшковым несомненно заимствованным из дипломатики болгарских хрисовулов.

Ряд заключений Юшкова о составе текста Восточнорусской редакции вызван недостаточным знанием им текстов устава. Так, он не выделил в качестве подлежащего самостоятельному исследованию текст Пространной редакции, что было сделано еще в 1915 г. В. Н. Бенешевичем⁴⁷, и затем А. А. Зиминим⁴⁸, но ограничился указанием, что «некоторые списки устава Ярослава заканчиваются статьями о поводах к разводу». Выделение среди этих «некоторых списков» Пространной и Румянцевской редакций, сравнение их с Краткой позволяет проследить историю устава в развитии, установить связи в содержании и форме, которые существуют между вводными статьями и судебником, определить эволюцию денежного счета в уставе и соответствие его другим памятникам раннего русского средневековья.

А. А. Зимин рассматривает устав Ярослава как памятник, который является «отражением попыток церкви добиться эффективных результатов в борьбе с пережитками язычества, прежде всего в семейно-брачных отношениях». Он отмечает стремление церкви использовать поддержку светской власти в борьбе с нарушениями нравственности, фиксацию в уставе феодального права-привилегии⁴⁹. Вопрос о времени возникновения устава до специальных исследований о нем он оставляет открытым. Разветвленная система денежных пеней в уставе, по мнению Зимина, не могла сложиться ранее XIV в., когда появились рубли и когда гривна являлась частью этой денежной единицы⁵⁰. Зимин в отличие от Юшкова не считает возможным отделять в уставе так называемый «судебник» от вступительной части и заклатья. Он справедливо пишет, что вступление, основная часть («судебник») и заключение одновременны, ибо композиционно составляют одно целое⁵¹.

А. А. Зимин дал наиболее полную классификацию списков устава, включающую 22 списка, более половины которых привлечены впервые⁵². Он выделяет две редакции: Восточнорусскую,

⁴⁷ В. Н. Бенешевич. Сборник, стр. 78; см. также: Я. Н. Шапов. Редакции устава князя Ярослава Владимировича. — «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 486—488.

⁴⁸ ПРП, вып. 1, стр. 257.

⁴⁹ Там же, стр. 257.

⁵⁰ Там же, стр. 281.

⁵¹ Там же, стр. 277.

⁵² ПРП, вып. 1, стр. 257—258; см. также Я. Н. Шапов. Редакции устава, стр. 488—489.

состоящую из двух групп, Краткой и Пространной, и Западно-русскую. Древнейшим текстом устава А. А. Зимин считает текст, сохранившийся в Краткой группе списков. «Устав Ярослава этой группы, — пишет А. А. Зимин, — является целостным произведением, созданным, по-видимому, в канцелярии митрополита Киприана: не случайно он замыкается часто договорной грамотой этого митрополита 1403 г.»⁵³. Внутри Краткой группы выделяется два извода: старший Основной и вторичный Румянцевский, возникший из Основного с дополнением ряда статей, встречающихся в Пространной группе устава. Среди пяти изводов Пространной группы основным Зимин считает Археографический, который уже существовал в начале XV в. По мнению Зимина, Западно-русская редакция основана на Восточно-русской. А. А. Зимин показал близость норм ряда статей устава с древнерусскими, южнославянскими и византийскими памятниками⁵⁴.

Обзор мнений и работ о сущности и истории памятника завершаем изложением и критикой взглядов на устав автора парижских «Очерков по истории русской церкви» А. В. Карташова (1959). Предложенная им новая концепция возникновения устава, не лишенная логической стройности, вновь основывается на изучении отдельных текстов памятника, отчасти выбранных произвольно; она не представляется убедительной.

Карташов справедливо относит основу устава ко времени Ярослава, считает его памятником следующего этапа развития церковной юрисдикции после устава Владимира, однако он связывает его возникновение с церковно-государственной реформой 1037 г. — учреждением в Киеве митрополии и появлением там митрополита Феопемпта. При этом, по Карташову, устав Ярослава явился конституцией не для всей территории Древней Руси, а только для южных ее земель, для «митрополичьей области». Этот устав должен был материально обеспечить «доходы новой митрополии путем расширения пределов митрополичьего суда и обложением всех относящихся сюда преступлений повышенными пенями», которые сами по себе «просто система косвенных налогов, неизбежная именно на территории Киевской области... где десятина шла по завету Владимира на храм, в котором покоился его прах». Автор приводит ряд доводов в пользу такой схемы возникновения устава. Это прежде всего особенности содержания памятника: двойная ответственность по перечисленным в нем поступкам — перед князем и перед митрополитом, и более широкий круг дел по сравнению с зафиксированными в уставе Владимира. На обстоятельства «принудительного введения греческой митрополии», гарантию авторитета «нового начальника над церковью путем поддержки его княжеской властью в предположении оппо-

⁵³ ПРП, вып. I, там же.

⁵⁴ Там же, стр. 277—282.

зиции епископата», по мнению А. В. Карташова, указывают слова «Свитка Ярослава»: «всѣ епископы княжения нашего. . . да повинуются преосвященному митрополиту Киевскому во всем под изверженъемъ от сана и отринутием од престол их. . .» Карташов считает, что «Свиток Ярославль» к тому же имеет дату 1037 г. («лето 6540-е»), в которой «последнее «е» принято не за цифру 5, а за окончание порядкового числительного, т. е. за «со-роковое». Далее Карташов отмечает, что в уставе Ярослава совсем нет речи о суде епископском вообще, как то ясно выражено в церковном уставе Владимира, а говорится о судах, данных только митрополиту, титул которого последовательно упоминается чуть ли не в каждой статье устава. «А если и сказано в . . . заглавии устава «дал есмь митрополиту и епископом те суды», то слово «епископом», — пишет Карташов, — как несогласное с внутренним содержанием самого устава, следует считать за позднейшую прибавку, когда Ярославов устав, вероятно, пытались применить к практике суда епископов вообще». Наконец, А. В. Карташов ссылается на малое сравнительно с уставом Владимира число списков устава Ярослава и объясняет это узким, специальным назначением Ярославова устава для митрополичьей области⁵⁵.

Трудно согласиться с этими доводами. Привлечение «Свитка Ярослава» для реконструкции первоначального содержания устава может привести только к необоснованным заключениям. Как показал А. И. Лотоцкий, это памятник, отразивший особые условия существования церковной организации на территории Литовского великого княжества. Ниже показывается, что его содержание никак не может быть связано с возникновением древнерусской митрополии и сам он текстологически очень далек от тех текстов устава, которые можно возвести к XI в. К тому же и дату в этом памятнике трудно связать с 1037 г., так как в единственном известном его списке она ограничена тремя буквами-цифрами 6540 и конечной «е» там нет. Что касается термина «митрополит» или «епископ», то автор обратил внимание только на обозначение в одной из ранних редакций памятника — в Пространной, где обычно упоминается митрополит. Между тем в другой, Краткой редакции, тоже восходящей к раннему тексту, постоянно называется епископ. Вопрос о первоначальном термине в древнейшем тексте устава сложен и может быть решен лишь на основе ряда других данных. Что касается особой «митрополичьей области» вокруг Киева, якобы существовавшей в XI в., то о ней источники ничего не говорят. Церковная юрисдикция на этой территории осуществлялась, очевидно, епископами Белгородской кафедры. Число списков уставов Владимира и Ярослава, действительно, очень различно, но это различие существ-

⁵⁵ А. В. Карташов. Очерки по истории русской церкви, т. I. Париж, 1959, стр. 195—198.

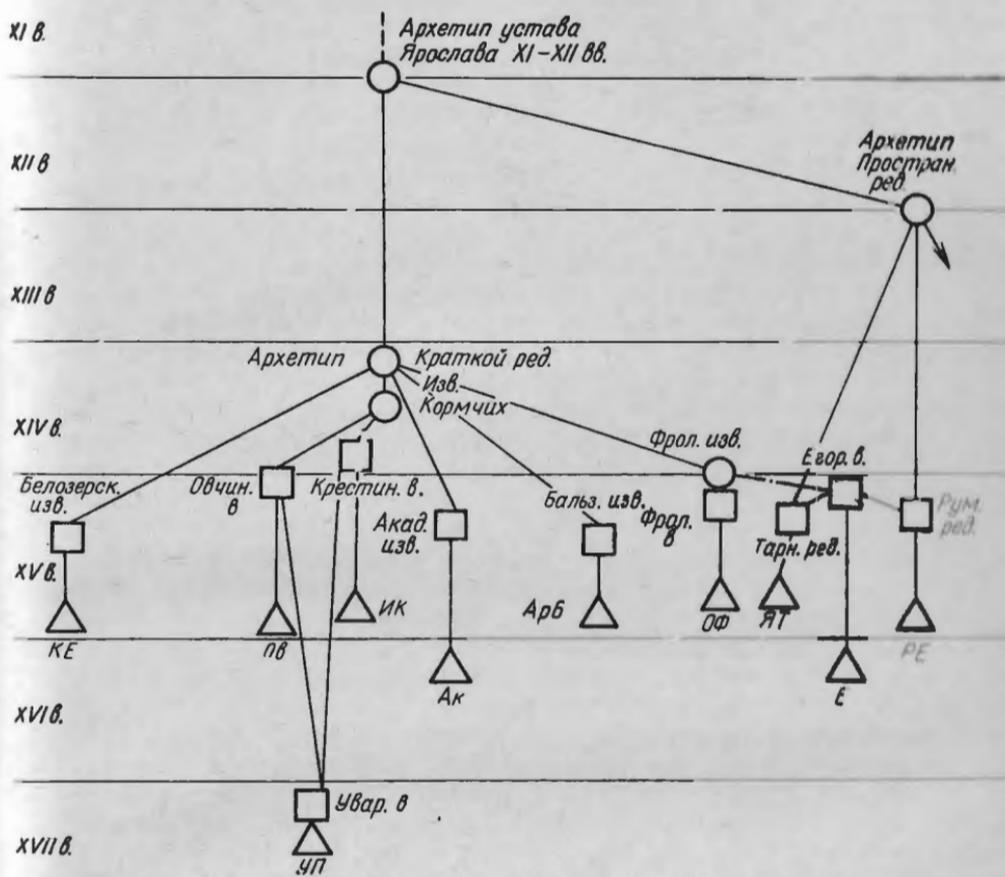

Схема 3. Взаимоотношение текстов Краткой, Тарновской и Румянцевской редакций устава Ярослава

вует главным образом за счет двух поздних обработок устава Владимира XVI в. — его текстов в Стоглаве, известном в сотнях списков XVI—XIX вв., и в Степенной книге, известной в десятках списков XVI—XVIII вв. Что касается более ранних текстов в списках XV—XVI вв., то их число примерно равно. Таким образом, этот аргумент также не может быть принят во внимание.

Важный для изложенной схемы вопрос о времени возникновения Киевской митрополии в последние годы получил новое освещение в работах, которые показывают существование митрополичьей кафедры в Киеве с конца X в. и отрицают акт 1037 г.⁵⁶

⁵⁶ L. Müller. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln—Braunsfeld, 1959. A. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach Kościoła na Rusi. — «Przegląd historyczny», t. LV, 1964, str. 369—389; он же. Русские митрополии Констан-

Отсутствие резкого перелома в эволюции государственной церковной организации в 30—40-е годы XI в. должно вести, очевидно, к поискам условий возникновения устава Ярослава в других событиях этого века.

Списки и тексты устава конца XIV—XVI в.

Исследователь, ставящий перед собой цель текстологически изучить устав Ярослава, сталкивается с явлением, и помогающим ему в работе, и значительно затрудняющим ее. Это очень большое — свыше 90 — число списков памятника. Такое богатство археографической его традиции делает возможным путем скрупулезного изучения списков с определенной степенью подробности изучить историю его текста; с другой стороны, это обилие списков делает текстологическую работу весьма сложной.

Самые ранние из дошедших до нас списков устава Ярослава датируются второй четвертью XV в., самые поздние — XIX в. В течение этого длительного времени, как и во время до XV в., текст памятника изменялся, редактировался, дополнялся и сокращался. Все сохранившиеся списки можно разделить на шесть редакций, которые представляют собой тексты, являющиеся определенными этапами в истории памятника, отражающими изменения в социально-экономической и политической жизни Руси. Таковы две старшие редакции, традиционно носящие названия Краткой и Пространной, хотя сейчас известны тексты короче первой и пространнее второй, а также четыре младшие редакции, возникшие в результате переработки двух первых: Румянцевская, Тарновская, Устюжская и Западнорусская («Свиток»). Внутри Краткой и Пространной редакций выделены изводы, переработки текста редакции, явившиеся результатом приспособления к новым условиям места и времени, а также включения его в состав нового летописного, юридического и т. п. памятника, частью которого устав становится.

Краткая редакция устава была распространена более всего. Среди примерно 60 ее списков может быть выделено пять изводов: извод Кормчих (44 списка), Фроловский (7 списков), Академический (1 список), Бальзеровский (5 списков) и Белозерский (2 списка) (См. схему 4).

Устав в изводе Кормчих является неперменной составной частью одной из наиболее распространенных редакций кормчей книги, которая была создана при митрополичьей кафедре в Москве в XIV в. в результате соединения кормчей, восходящей через новгородскую традицию к русской обработке 1274 г. сербского номоканона, с «Мерилом праведным» и рядом

тинопольской патриархии в XI столетии. — «Византийский временник», т. 28. М.—Л., 1968, стр. 85—96.

добавочных статей⁵⁷. Кроме кормчих, тот же текст содержит созданные на ее основе канонические сборники и поздний синодальный список «Мерила праведного». Удалось привлечь 43 списка этого извода, 6 старших из которых — Крестининский (ИК)⁵⁸, Овчинниковский (ОВ), Троицкий Арсениев (ТА), Оленинский II (ОII), Розенкамповский (УР) и Чудовский (Ч) относятся к последней четверти и концу XV в.

Устав входит в кормчую книгу в окружении устойчивой группы статей: 1) устава кн. Владимира, 2) правила 165 св. отец об обидящих церковь и 3) «Правила о церковных людях», занимая в этой группе последнее, 4-е место.

Внутри извода Кормчих можно выделить три вида: Крестининский (список ИК и 19 других первой четверти XVI—XVIII в.), Овчинниковский (список Ов. и 18 других конца XV—XVII в.) и Уваровский (4 списка XVII в.).

Характерные чтения этих текстов следующие:

Крестининский вид	Овчинниковский вид	Уваровский вид
—	<i>А се о судѣх</i>	<i>А се о судѣх</i>
а князь казнит их	а князю казнить <i>умычника</i>	а князь казнит их <i>умычника</i>
простой чади	простых чади	простой чади
дчи дѣвкою <i>детяти</i> до- будет	дчи дѣвкою <i>дѣтя</i> добу- дет	дчи дѣвкою <i>дѣтя</i> добудет
Аже чернец... или поп или <i>попадья</i> <i>впадут</i> в блуд	Аже чернец... или поп или <i>дьякон</i> и <i>падут</i> в блуд	Аже чернец... или поп или <i>попадья</i> ... <i>впадут</i> в блуд

Уваровский вид является вторичным сравнительно с Крестининским и Овчинниковским. Он возник в результате соединения чтений этих двух видов, судя по дате старших списков⁵⁹, в первой половине, может быть, первой четверти XVII в. На место его происхождения — Пермский край — указывают, очевидно, вкладные записи Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря над Сылвою рекою, находящиеся на двух из четырех списков вида (УП, ПП).

Взаимоотношение Крестининского и Овчинниковского видов выясняется в результате анализа как текста устава, так и состава всего юридического сборника. После вступительной статьи, говорящей об объеме судебного иммунитета, в Овчинниковском виде следует заглавие «А се о судех», отсутствующее как в Крестининском виде, так и вообще во всех изводах Краткой редакции. Это заглавие является результатом небольшой переработки текста в Овчинниковском виде по сравнению с видом Крестининским. Юридический сборник в составе Овчинниковского

⁵⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 119.

⁵⁸ Расшифровку условных обозначений списков см. на стр. 326.

⁵⁹ УП и Н — первой половины XVII в.; ПП — второй четверти XVII в.

списка кормчей представляет собой переработку такого сборника, представленного Крестининским списком. В Овчинниковском списке устав кн. Владимира пополнен статьями из «Правил о церковных людях», в результате чего появился новый объединенный текст, а на соответствующих местах «Правил о церковных людях» было указано: «сие писано пред сим»⁶⁰. Таким образом, Овчинниковский вид восходит к архетипу, претерпевшему гораздо больше изменений, чем архетип Крестининского вида, а последний сохранил наиболее ранний текст извода Кормчих.

Фроловский извод сохранился в сборниках смешанного содержания третьей четверти XV — третьей четверти XVI в. Среди списков извода выделяются два разновременных вида — собственно Фроловский (5 списков) и Егоровский (2 списка). Характерная особенность рукописей, содержащих этот извод, — добавление к сборнику уставов подтвердительной грамоты, изданной от имени вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита в Москве. При этом тексты Фроловского и Егоровского видов сопровождаются различными вариантами грамоты — в первом случае следует грамота с упоминанием митрополита Киприана и датой 1402 г., а во втором — с упоминанием Фотия и датой 1419 г.

Мы имеем, таким образом, дело со следами двух утвержденных княжеских уставов в начале XV в.: сборник уставов, сохранивший Фроловский извод устава Ярослава, был подтвержден в 1402 г. и тогда же вместе с подтвердительной грамотой начал самостоятельное существование. В 1419 г. тот же сборник уставов без изменения их текстов был лишен первой подтвердительной грамоты 1402 г. и снабжен грамотой митрополита Фотия 1419 г. Сборник такого состава сохранил Фроловский вид устава.

Кроме сопровождающих статей, для каждого вида характерны свои чтения⁶¹, показывающие различное соотношение юрисдикции светской и церковной властей там, где создавались архетип Краткой редакции (его чтения сохранил Фроловский вид) и архетип Егоровского вида.

Фроловский вид

Аже муж от жены блядет, епископу в вине, а князь казнит

Аже муж биет чюждоу жену, за сором еи по закону, а епископу 6 гривен

Егоровский вид

Аже муж от жены блядет, епископу в вине (ст. 8)

Аже муж биет чюжую жену, за сором еи по закону, а епископу 6 гривен, а князь казнит (ст. 31).

⁶⁰ С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников. Саратов, 1921, стр. 10.

⁶¹ Дефектность списка II, в протографе которого были утрачены листы со ст. 12—31, не позволяет отделить все чтения Егоровского вида от чтений списка E.

Бальзеровский извод дошел до нас в составе особой Бальзеровской ветви второй редакции Софийской I летописи, куда входят списки: Бальзеровский (Ар Б), Ленинской библиотеки (Л), а также Ундольский (Ун 1) в сборнике⁶².

Для Бальзеровского извода характерен ряд чтений, являющихся результатом переработки и осмысления текста, близкого Фроловскому изводу. Такова замена слов «Аще кто умчить девку...» на «Аще кто умчить девку...», свидетельствующая об исчезновении языческого обычая умыкания невесты в развитом феодальном обществе средневекового русского города. В тексте вступительной статьи: «...дал есмь митрополиту и епископом те суды, что писаны в правилех в номоканоне...», слово «митрополиту» в единственном числе заменено множественным числом «митрополитом». Эта переработка может указывать на время существования на Руси не одного Киевского и вся Руси, а двух митрополитов, явление, возникшее в XIV в. и ставшее правилом с XV в. Характерным для Бальзеровского извода является также штраф «3 (г) гривны золота» за самовольный, без основания, развод со стороны мужа — великого боярина, в то время как все другие изводы согласно указывают штраф «300 (т) гривен».

В то же время Бальзеровский извод сопровождается такой же подтверждающей грамотой митрополита Киприана 1402 г., какая следует за Егоровским видом Фроловского извода. Следовательно, Бальзеровский извод явился результатом переработки архетипного текста Фроловского извода.

Возникновение Бальзеровского извода устава, старший одноименный список которого относится ко второй половине XV в. (последние статьи 1460-х годов), должно быть связано с созданием Бальзеровской ветви Софийской I летописи. Оно может быть датировано также 1460-ми годами. Представляет интерес, что при этом в летопись был включен юридический сборник с ранней грамотой Киприана 1402 г., в то время как существовала уже более поздняя грамота Фотия 1419 г.

Белозерский извод известен в двух списках: 1470-х годов (КЕ) и конца XV—начала XVI в. (Сд.) Он имел, очевидно, ограниченное распространение во времени. Территориально он также был распространен нешироко: оба списка связаны с Кирилло-Белозерским монастырем. КЕ сохранился в собрании этого монастыря и был, очевидно, переписан в монастыре; Сд, судя по вкладной записи, также принадлежал этому монастырю.

⁶² Известен также Горюшкинский список (ОГ), являющийся копией середины XVIII в. с Бальзеровского. Текст устава, напечатанный Н. М. Карамзиным («История Государства Российского», т. II, изд. 2-е. М., 1818, стр. 60—63, прим. 108), представляет собой, очевидно, Горюшкинский список, сверенный со списками XVI в., в том числе Устюжской редакции (чтение в ст. 1: «...сложил есмь со греческим номоканоном»), и отредактированный им.

Текст извода восходит к раннему тексту, близкому к архетипу Краткой редакции (об этом свидетельствует, в частности, чтение «князь казнить их», совпадающее с Крестининским изв.), но подвергнут значительной переработке, отражая значительную роль церковно-монастырской земельной собственности и стоящего над ней административно-хозяйственного аппарата. Об этом говорит включение в число вершителей церковного суда «владычного приказника или волостеля его» вместо общего указания на «епископя волостеля», а в число наследников безатщины — «волостеля митрополичья или владычня» вместо общего «епископу» (ст. 37), а также подчеркивание иммунитета не только для митрополичьих судов, но и для владычных (ст. 38).

Редактор устава не принадлежал ведомству митрополита, а защищал интересы других звеньев церковной организации. Он заменил определение церковных «судов», перечисляемых в уставе как «судов митрополичьих», на более широкое: «судов митрополичьих и владычных». Переставив местами слова «митрополита» и «церковь» и выделив «церковь» не только первым местом, но и новыми эпитетами «святая» и «божья», редактор показал, что для него интересы церковной организации как таковой были выше, чем интересы митрополита. Ряд норм в Белозерском изводе получает новое осмысление, например «Аже мужа два бьетася женьскы...» (нечестным способом) изменено на «Аже мужа два бьются женкы деля...» (наиболее частая причина драки) (ст. 30), «Аже чернець или черница растяжуются о чем», вместо «растрижется» (ст. 36). Составитель извода стремился усилить авторитет устава введением новых санкций за его нарушение. Извод отличается также поновлением терминологии: «платять вину» вместо «платят веру» (ст. 29), «устав» вместо «ряд» (ст. 38); поновлением языка: «бьются» вместо «бьетася»; заменой слов или изменением их звучания, что может указывать на диалектные особенности: «подмолвить кто» вместо «умолвить», «поруганье» вместо «толока», «потолока»; «на умышнице» вместо «на умолвнице»; «на ругателех» вместо «на толочанех» (ст. 7); «машеха» вместо «мачеха» (ст. 22) и др.

Другие составные части юридического сборника, в который входит устав, отмечены теми же особенностями, являются такой же переработкой, как и он. Это касается и устава кн. Владимира, и «Правил о церковных людех».

Возможно, создание Белозерского извода XV в. связано с Кирилловым монастырем.

Сборник, содержащий список *КЕ*, является рукописью, состоящей из трех частей, писанных разными почерками на разной бумаге, но соединенных не позже XVI в. Устав Ярослава вместе с уставом Владимира, правилом 165 отец входит в первую, основную часть сборника.

Состав этой части разнообразен. Можно, однако, выделить несколько групп статей, занимающих большое место в сборнике.

Это правила для монахов и священников, сочинения для чтения и выписи из них («Задонщина», «Хождение Игумена Даниила», «Сказание о поставлении на царство Мануила», выписи из «Палей», «Лествицы», «Шестоднева», загадки), стихиры, песнопения на крюковых нотах.

Правила в сборнике касаются деятельности монаха и в то же время священника, который связан с монастырем, но общается со «старейшиною места», с женщинами и детьми. Ему приходится ходить по родильницам, венчать двое- и троюродных, отвечать на трудные вопросы о местонахождении отшедших душ человеческих. Составитель сборника специально выделяет правила, относящиеся к «попам-чернецам», он приводит строгие правила об изгнании монаха, даже если он «премудр есть и книжен», за прекословие игумену, о наказаниях за повреждение монастырского имущества. Составителя интересуют и другие, политические, вопросы. Он приводит правила и толкования относительно того, «кто предаёт град на прятие иному царю или князю и сътворится неправды, и соблазни, и брани...», о том, почему архиереями и князьями бывают люди недостойные. Он даёт списки князей по некоторым княжествам а именно: московских, ростовских, владимирских, тверских, белозерских, смоленских и ярославских. Он пишет не в Москве, так как сообщает в виде примечания к статье о тате церковном, что «на Москве некто тать имени Куладар 4 ста церкви покрал», но употребляет московскую денежную систему и связан с Кирилло-Белозерским монастырем.

Составитель сборника, содержащего *КЕ*, судя по составу сборника, является образованным человеком, стоящим если не во главе монастыря, то недалеко от его руководства. Круг его интересов не замыкается регулированием жизни монахов и обязанностями приходского священника. Он знает и ценит историю Руси, отмечает столетие Куликовской битвы включением в сборник известий об этом событии. Его волнует вопрос о несоответствии известных ему носителей высшей духовной и светской власти месту, которое они занимают.

Как установлено в литературе, интересующий нас сборник писан Ефросином, писцом-составителем ряда сборников Кирилло-Белозерского монастыря⁶³.

Я. С. Лурье показал широкие, в том числе естественнонаучные, светские интересы этого писца и редактора XV в.⁶⁴ Он ра-

⁶³ Н. В. Рувский. Сведения о рукописях, содержащих в себе «Хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII в.» — «Чтения ОИДР», 1891, кн. III, отд. II, стр. 9—20.

⁶⁴ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 130—188; см. также: В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». — ТОДРЛ, т. V; 1947, стр. 196; Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 474—475.

ботал в Кирилловом монастыре, но был тесно связан и с Троицким⁶⁵.

Выписи из устава Кириллова монастыря, сохранение рукописей, принадлежащих перу Ефросина, в составе библиотеки этого монастыря наряду с вниманием этого составителя к истории княжеских домов Северной и Северо-Восточной Руси, в том числе таких, как Тверские и Белозерские, позволяют считать, что сборник, содержащий список КЕ, был составлен в Кириллове монастыре⁶⁶.

Вносимым в сборники произведениям составитель их давал свои заглавия; некоторые из памятников в сборниках Ефросина представлены в обработках, неизвестных в других рукописях. Не исключена возможность, что создателем обработки устава, которую мы называем Белозерским изводом, был сам составитель сборника — Ефросин⁶⁷.

Академический извод обнаружен в единственном списке начала XVI в., Ак, в составе историко-литературного сборника⁶⁸, в который из исторических и юридических текстов входят «Летописец руския земли» — обработка «Повести вре-

⁶⁵ Зимой 1477/78 г. он был поставлен игуменом в другой монастырь, не там, где жил прежде: «Впервые писал в лето 6986 октября 8, 4 часы в среду же писал, тое зимы на игуменство поехал» (Н. В. Рувский. Указ. соч., стр. 23). Среди игуменов монастырей XV—начала XVI в., расположенных в епархиях севернее Москвы, носящих имя Ефросин, Строев указывает только двух: игумена Саввина-Сторожевского монастыря, который упоминается под 1454 г., и игумена Вяжицкого монастыря под Новгородом, который упоминается в 1501 г. (П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 65, 166). Можно предположить, что Ефросин, поставленный в игумены из Кириллова или близкого к нему монастыря в 1477 г., и этот игумен вяжицкий являются одним лицом (предыдущий игумен упомянут в 1466 г.). В этом случае остаются труднообъяснимыми, однако, причины возвращения книг, написанных Ефросином (в частности Кир. 11/1088, написанной после поставления игуменом), в Кириллов монастырь. Скорее, он был игуменом одного из небольших заводских монастырей, имен которых не сохранилось, причем скоро вернулся обратно в Кириллов.

⁶⁶ Кажется недостаточно убедительным довод Варлаама (Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — «Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук», кн. V. СПб., 1859, стр. 2), что указание на «Кирилов устав» говорит за то, что эти слова писаны вне этого монастыря. Составитель сборника называл цитируемый устав Кирилловым не с целью отличить его от своего, а чтобы отличить от других известных в XV в. типов монастырских уставов.

⁶⁷ Второй список (Сд, начало XVI в.) находится в сборнике, содержащем ряд новгородских статей — перечни новгородских концов, церквей, пятин, летописную запись 6986 (1478 г.) о взятии Иваном III Новгорода с перечислением даров, данных Ивану. Сборник был вложен в Кириллов монастырь. Текст списка Сд очень близок к КЕ, но включает добавления, сделанные на полях рукой писца.

⁶⁸ Сборник вместе с частью Синопольной библиотеки был передан в 1854 г. в Московскую духовную академию, а ныне находится в Библиотеке им. Ленина: ГБЛ, Синод. собр., № 363, лл. 155 об.—157 (Ак). Список любезно указан Л. В. Тигановой.

менных лет», сделанная, судя по последним ростовским известиям 1215—1236 гг., в этом городе; перечень князей Всеволодовичей — здесь названы сыновья Юрия и Ярослава Всеволодовичей, Даниила Александровича «Московского», Александра Ярославича, Ивана Даниловича, Семюна и Ивана Ивановичей (последние родились в 1353 г.; сыновей Дмитрия Ивановича, родившихся в 1370-х годах, здесь уже нет); перечень 18 русских епархий (Ростовская стоит на втором месте, после Новгородской и перед Черниговской, последняя — Пермская, открытая в 1383 г.); перечень великих князей (последний — Василий Васильевич, 1415—1462 гг.); «Правило о церковных людях», устав Ярослава и «Палея историческая».

Состав сборника позволяет считать, что он складывался в несколько этапов в XIII—XV вв. в Северо-Восточной Руси, вероятно в Ростове Ярославском. Наиболее позднее его свидетельство — упоминание кн. Василия Темного — указывает на середину XV в. как на время завершения этой работы.

Текст устава Ярослава обнаруживает черты близости с рядом текстов Краткой редакции: с Крестининским видом извода Кормчих, с Фроловским видом, с текстом, лежавшим в основе переработки, представленной в Белозерском изводе, и др. Это не позволяет возводить архетип Академического извода ни к одному из известных изводов. Этот текст может рассматриваться как обработка, восходящая к архетипу Краткой редакции. Характер этой обработки бросается в глаза при чтении текста устава: почти в каждой его статье, а в некоторых статьях по несколько раз при указании денежного штрафа епископу за те или иные нарушения вставлены слова «а князь казнить». В общей сложности в этом тексте они вставлены 21 раз. Кроме того, в некоторых случаях к словам «гривен», «гривны» добавлено «серебра» (7 раз) и «золота» (4 раза). В тексте опущены две статьи: о блюде с черницей и о скотоложстве.

Академический извод представляется нам обработкой текста Краткой редакции, сделанной во второй четверти или середине XV в. в Северо-Восточной Руси (скорее, в Москве, чем в Ростове), в условиях значительного возрастания княжеской власти и претензий ее на участие в отправлении судов, традиционно принадлежавших церкви.

Пространная редакция устава сохранилась в меньшем числе списков, сюда входит их всего 19. Однако тексты, которые по своему происхождению могут быть отнесены к этой редакции, значительно отличаются друг от друга и представляют собой ряд важных переработок.

Внутри Пространной редакции существует пять изводов: Архивный, Маркеловский, известные в одном списке, Основной (7 списков), Ипатьевский (6 списков) и Археографический (4 списка). Эти изводы принадлежат к двум крупным группам — Архивно-Маркеловской, куда входят эти два извода, и Оленин-

ской, куда входят изводы Основной, Ипатьевский и Археографический. Изводы объединяются в группы по генеалогическому родству текста: два первых восходят к одному архетипу, три вторых, некоторые опосредованно, — к другому (см. схему 4).

Архивный извод устава Ярослава сохранился в единственном списке МА второй половины XV в. в статье 6543 (1035) г. летописного свода, названного в рукописи «Летописцем русских царей». На существование этого извода впервые обратил внимание Макарий. Текст извода опубликован М. А. Оболенским⁶⁹ и перепечатан Е. Е. Голубинским⁷⁰.

Об истории создания «Летописца русских царей», как она выяснена в литературе, рассказано выше. Как и устав Владимира, устав Ярослава был включен в состав этого «Летописца», очевидно, в Западной Руси во второй половине XIV—начале XV в.

Имея определенную общность с Маркеловским изводом, вызванную их общим происхождением, Архивный извод отличается рядом индивидуальных чтений. Таковы указание на соотношение денежных единиц Древней Руси, примененных в уставе, и единиц Литовского великого княжества XIV—XV вв.: «А гривна по пятидесяти грошей»; изменения в тексте, вызванные, очевидно, его приспособлением к условиям Западной Руси: замена слова «иноязычник» на «иноверец» и вынесение в формуле «Аще кто с бесерменкою или с жидовкою блуд сотворить» слов «с жидовкою» перед «с бесерменкою». Они показывают, что для редактора вопросы взаимоотношений с людьми другой веры были важнее, чем с иноязычниками, а бесермены в его области встречались редко. С последней четвертью XIV в. или началом XV в. связано также сужение судебных прав епископа в пользу князя, центральной государственной власти, выражающееся в участии княжеского чиновника в разборе уголовных дел: «Судити их (духовные суды) оприсно мирян, разве татьбы с поличным, то судити с моим, таже и душегубление...» Здесь, в сфере отношений княжеской власти с церковью, отражается общий процесс постепенного ограничения судебного иммунитета феодалов в пользу центральной власти.

К этому времени относится сложение и самого «Летописца русских царей». Терминология указывает на одновременность обработки устава и летописных статей памятника: в уставе дважды употреблен термин «заказник» («заказник наш» [князя], ст. 2, «безатщина идет митрополичим заказником», ст. 52), во втором случае он заменяет термин «волость».

Тот же термин употреблен в летописном тексте в рассказе о пирах кн. Владимира («Устрои же всем боляром гридню

⁶⁹ М. А. Оболенский. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. М., 1851.

⁷⁰ Е. Е. Голубинский. История, т. 1, стр. 629—639.

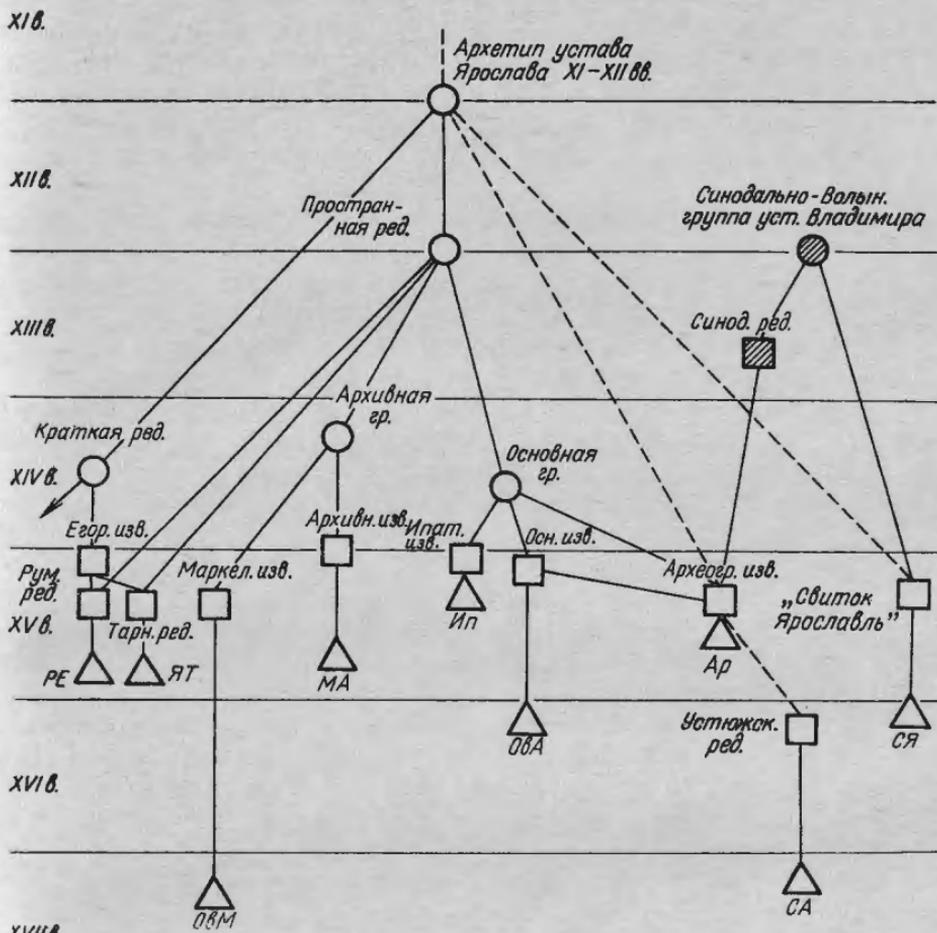

Схема 4. Взаимоотношение Пространной, Тарновской, Румянцевской, Устюжской редакций и «Свитка Ярославля»

в неделю сходится всему народу, и воем, и заказником»), где он заменил слова «Повести временных лет» («по вся неделя устави на дворе в гриднице пир творити и приходити боляром, и гридем, и соуьским, и десяуьским, и нарочитым мужем...») ⁷¹. Это свидетельствует о возникновении Архивного извода одновременно с включением устава в состав «Летописца» и с обработкой этого «Летописца».

Составитель Архивного извода включил в текст добавочную статью «Аже кто биеть священника, за срам 5 гривен злата», показывая особую заботу о защите этих служителей церкви. Церковного деятеля, может быть, близкого к епископской кафедре, выдают и следующие слова о процедуре суда о блуде между чернецом и черницей: «судить их святитель, а мирян не припушая,

⁷¹ ПВЛ, ч. 1, стр. 86.

еще и верни суть» (ст. 42). Здесь требование закрытого от лиц, не принадлежащих церкви, судебного разбирательства по делам о блуде церковных людей появилось в результате нового осмысления входившего еще в архетип редакции положения о суде «оприсно мирян», т. е. кроме дел, касающихся светского населения Руси.

Составитель Архивного извода знаком с целым рядом церковно-юридических памятников. Он ссылается на Кормчую, причем в древнерусском списке («а се роспусты из номоканона Ярославли от правил», ст. 51, «по правилом святых отец...» ст. 1; «се же святителям отдано святыми отци... ст. 3); на «судебные книги» («помыслих греховныя вещи и духовны отдати церкви по слову митрополита от судебных книг, ст. 1), включает нормы «градских законов» («или руки князь полишить, или в градскую казнь, в позор, а епископу в вине без урока», ст. 41). «Судебными книгами» могли быть названы такие судебники, как «Закон судный людем», «Книги законные», «Закон градской» («Прохиرون»), «Избрание от закона», которые были известны на территории Литовского великого княжества в XIV—XV вв. Знание составителем извода юридических памятников также свидетельствует о связи его с местной архиерейской кафедрой — церковным судебным органом.

Развитие норм феодального права, в частности церковного, получило отражение в нескольких статьях. Это оформление закрытого сословного (церковного) суда, разбирающего преступления только членов монастырской организации, о чем было сказано выше.

Статья о прелюбодеянии жены, подтвержденном свидетелями, как достаточном основании для развода, восходящая к византийскому «Закону градскому» («Прохиرونу»), изменена. Изменением здесь является дополнение, по которому таким же образом подтвержденная измена мужа жене также является основанием для развода (ст. 51). Статья 41 о сыне, бьющем родителей, получила ссылку на «градскую казнь». В условиях развитого феодального общества белорусских городов XIV—XV вв. оказалось возможным применить пенитенциальные нормы, выработанные в условиях классового общества Византии. Эти нормы были хорошо известны по переводам византийских юридических памятников в рукописях XI—XIV вв.

Как и некоторые изводы, возникшие в XV в. (Бальзеровский, Археографический), Архивный извод несет на себе определенные черты стремления увеличить авторитетность устава ссылками на установления «святых отец», усилить ответственность за его нарушение. Здесь нужно указать прежде всего на перестановку двух источников права, упоминаемых уставом: если в других рукописях и изводах правила св. отец упоминаются после «записи» или «дания» отца Владимира, то здесь они стоят на первом месте. Упомянувшаяся уже ссылка «из номоканона Яро-

слави от правил» устанавливает прямую связь норм брачного права устава с положениями его источника — «Закона градского», включенного в номоканон (кормчую). Эта ссылка, казавшаяся ненужной составителю архетипа Пространной редакции, появилась под рукой составителя Архивного извода, очевидно, также для усиления авторитета этих норм.

Маркеловский извод представлен также единственным списком первой половины XVII в. (ОвМ). Текст устава несет на себе следы и того времени, когда он создавался, и времени изготовления списка. К последнему времени нужно отнести прежде всего многочисленные пропуски в тексте, нарушающие его смысл. Таковы оборванные фразы «сложил есмь (далее в архетипе было: греческий номоканон...) и дал есмь митрополиту и епископом» (ст. 1); «А во что их» (далее было: осудить волен, ст. 45). Писцу XVII в. принадлежат также и изменения, внесенные на страницах рукописи. Так, в ст. 17 выделенные слова архетипа «а которая подлегла понять в дом божий» исправлены той же рукой в «последняя, ту».

Составитель Маркеловского извода довольно хорошо сохранил чтения своего источника, текст архетипа общего с Архивным изводом. Как и в тексте устава Владимира, он внес в этот устав немного изменений: опустил две статьи, о пьянстве попа или чернеца (Архивн. изв., ст. 44, эта статья изменена в статью о драке их) и запрещение попу нарушать границы прихода (Архивн. изв., ст. 46). Возможно, статья о нарушении границ церковного прихода при совершении таинств и треб не соответствовала тем условиям, где работал редактор, — эти границы там не были так жестки и непреходимы. Характерно, что и в Архивном изводе эта статья получила изменение — это нарушение не преследовалось, если оно было вызвано «великой нужей».

Тому же редактору принадлежит, очевидно, изменение в ст. 51 о краже женой у мужа как достаточном основании для развода, появившееся в архетипе Пространной редакции из «Прохирона», которую он привел в соответствие с нормой в другой, древней части устава («Аще жена имет красти у мужъ, митрополить 3 гривны, а муж казнит, а не разлучити их» — ст. 35 Маркел. изв.). Согласно этой норме и статья 51 изменила свое содержание: «Аще покрадет жена у мужа своего товар, или ино что, да подавает иным — *владыце вина*» (в архетипе — *разлучити их*).

Текст Маркеловского извода устава Ярослава, как и соответствующего извода устава Владимира, сохраняет чтения архетипа Архивно-Маркеловской группы нередко лучше, чем Архивный извод, значительно переработанный при включении в летопись. Тем самым он ценен и для восстановления архетипа Пространной редакции.

Архетип Маркеловского и Архивного изводов возник в результате обработки текста архетипа Пространной редакции устава. Эта обработка отличается изменениями раз-

Архивный извод	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод	Археографический извод
7. Тако же и вдова олиже род выкупить	6. Тако же и женка, а чим род окупит	6. Тако же и женка без своего мужа, или при мужи дитяти добудеть да погубить или в свиньи ввержить... а чим ю паки род окупит	Нет	6. Тако же и жена без своего мужа или при мужи дитяти добудеть и погубить, или в свиньи вкинуть..., а чим ю паки род окупить
11. А поидет жена от мужа за иньи, а тако же	11. Аще жена поидет за ин муж, а то тако же	10. Аже поидеть жена от своего мужа за иньи муж или иметь блясти от мужа, ту жену пояти в дом церковный, а новоженя в продажи митрополиту	7. Оже поидеть жена от своего мужа за иньи мужь или блудити от мужа, ту жену пояти в дом церковный, а новоженя в продажи митрополиту	11. Аще поидеть жена от своего мужа за иньи муж или иметь блясти от мужа, ту жену пояти в дом церковный, а новоженя в продаже митрополиту
18. а будеть венчалнаа, то святителю 12 гривен	18. ...а будут венчаны, дадут митрополиту 12 гривен	18. ...а будеть ли венчалнаа, и дадять митрополиту 12 гривен; а будеть ли не венчалная, митрополиту 6 гривен.	Нет	19. а будеть ли венчалнаа, и дадять митрополиту 12 гривен. А будуть ли не венчалныи — митрополиту 6 гривен.
28. Аще кто жену зоветь..., а будеть боярская жена, за срам 5 гривен злата, а святителю також[е]. Ажь ли гражанка..., а селянце...	29. Аще кто зовет жену..., а будеть боярская жена, за сором еи пят гривен, а митрополиту такоже. Аще будеть городских люди..., на селянцах...	30. Аще кто зовет чюжую жену..., а будеть боярская жена великих бояр, за срам 5 гривен злата.. А будеть менших бояр... Оже будеть городских людей... Селянце...	Нет	31. Аще кто назовет чюжую жену..., а будеть боярская жена великих бояр, за срам еи 5 гривен злата..; и будеть менших бояр... А оже будеть городских людей.. А сельской же не...
29. Аще кто пострижеть браду или главу святителю 3 гривны	30. А пострижеть браду или голову митрополит[у] 3 грив[ны]	31. Аще кто пострижеть кому главу или бороду митрополиту 12 гривен, а князь казнить	Нет	32. Аще кто пострижеть кому главу или бороду митрополиту 12 гривен, а князь казнить
53. А что удеют монастырския люди...	52. А что удеют монастырския люди...	54. А что ся дееть в монастырских делех...	10. Аще что ся дееть в монастырских людех...	57. А что ся дееть в монастырских людех...

ного характера. Несколько статей оказались сокращенными, причем это сокращение можно объяснить тем, что некоторые положения древнего текста устава оказались устаревшими. Таково сокращение в ст. 18 Маркеловского и Архивного изводов о разводе по своей воле (см. сравнение текстов на стр. 212), в результате которого из двух видов брака, венчанного и невенчанного, остался только первый, а второй оказался отброшенным. Эта обработка относится ко времени, когда церковный брак проник достаточно глубоко и церкви не часто приходилось наказывать за нарушение браков, в возникновении которых она не участвовала. В статье об оскорблении чужой жены словом (ст. 29 Маркел., ст. 28 Архивн. см. сравнение текстов на стр. 212) сокращены градации внутри боярства, свойственные древнему тексту устава и в Пространной, и в Краткой редакциях. Перед нами свидетельство несоответствия этих градаций условиям, в которых работал редактор, хотя в начальных статьях (ст. 2, 3, 4) эти градации традиционно сохраняются, как сохраняются они и во всех других (кроме «Свитка Ярославля» XV в. и Устюжской редакции начала XVI в.) обработках устава. В статье о драке нечестным способом в Маркеловском (ст. 38) и Архивном изводах (ст. 36) из фразы архетипа Пространной редакции «Аже мужа два бьетася *женьскы*, или укусить, или одереть...» опущено выделенное слово. Эта статья оказалась измененной и другим редактором, составителем Белозерского извода Краткой редакции. Тот изменил выделенное слово в «женкы деля». Очевидно, для некоторых редакторов XIV—XV вв. термин «битися женськы» — драться по-женски, без правил, не был достаточно понятен.

Мы встречаемся в архетипе этой группы и с добавлением к тексту — дополнительной ссылкой на установления кн. Владимира в статье о преследовании нарушителей устава. Она несколько различна в двух изводах.

Маркеловский извод	Архивный извод	Основной извод	Краткая редакция (Крестининский извод)
... от рода моего, ... или от бояр кто порушает ряд син князя великого Володимера, а вступятся в суд митрополч. ...	... или род мой <i>отца моего предаю</i> <i>ни Василия, великого князя Володимера</i> , а вступятся в суд овятителеск. ...	... или от рода моего, или от рода боярского, моих, а вступят в суд митрополч. ...	... или от рода бояр кто, а поручать ряд мои и вступятся в суды митрополчи. ...

Появление в уставе Ярослава этой дополнительной ссылки на устав кн. Владимира (первоначальный ее вид дает Маркеловский извод) было вызвано, вероятно, тем, что и князь Владимир, крестивший Русь, и устав этого князя пользовались значительным авторитетом на территории, где возник изучаемый текст, большим, чем устав кн. Ярослава. Эта ссылка облегчалась тем, что

сам устав кн. Владимира в этом архетипном тексте находился в списках рядом с уставом Ярослава.

В изучаемой обработке встречаются свои собственные ставки штрафов, отличные от архетипных текстов и устава, и Пространной редакции, и от других изводов Пространной редакции. Они видны в сравнении текстов на стр. 212 и в таблице 2.

Таблица 2

Статьи	Архивный и Маркеловский изводы	Основной извод	Археогр-фический извод	Краткая и Тарновская редакция	Румянцевская редакция
Об оскорблении пострижением бороды или головы	3 гривны		12 гривен		
О браке близких родственников	гривна	30, 40 гривен	«30 или 40 гривен»	80 гривен	50 гривен

Текст Маркеловского и Архивного изводов имеет некоторые общие языковые признаки, характерные в XIV—XV вв. не для русского, а для украинского или белорусского языков. Они появились также в общем архетипе. Таковы формы «в жене», «в своей воли»: «Аще в жене лихий недуг будет или слепа... (ст. 12 Архивн. и Маркел. изводов; в Осн.: «Аще будет жене лихий недуг...»); «Аще муж с женою распустится в своей воли...» (ст. 18 Архивн. и Маркел. изводов; в Осн.: «Аще муж распустится с женою по своей воли...»).

Важным для датировки этой обработки является то, что в ней нет упоминания грошей, которые есть в других западных обработках устава — Основном и Архивном изводах Пространной редакции, в Румянцевской и Тарновской редакциях и «Свитке Ярославле». Это подтверждает отнесение обработки ко времени до последней четверти XIV в., когда новая денежная единица начинает преобладать. Мы имеем здесь дело, следовательно, с обработкой всего комплекса уставов и правил о материальном обеспечении церкви, епископских кафедр, которая имела место в начале или в первой половине XIV в. при одной из епископских кафедр Юго-Западной или Западной Руси. Источником для этой обработки послужил текст, близкий к архетипу Пространной редакции. В свою очередь, эта обработка была использована в последней четверти XIV—первой половине XV в. при создании Маркеловского и Архивного изводов. Более точное определение места работы всех трех редакторов — задача будущих исследований.

Два другие извода Оленинской редакции, Основной и Ипатьевский, также связаны своим происхождением и восходят к одному архетипу. В одних случаях (их больше) текст архетипа

лучше сохранился в Основном изводе, в других — в Ипатьевском. Ипатьевский извод отличается большими пропусками статей, в нем отсутствуют следующие статьи Основного извода: 5 — о рождении ребенка у незамужней, 8 — об измене мужа жене, 13 — о блуде кума с кумою и далее статьи 15—53, т. е. большая часть устава. Сохранены только последние статьи 54—56 о судебном иммунитете церковных и монастырских людей, их «безатщине» и об ответственности за нарушение устава.

Показываем взаимотношение общих текстов Основного и Ипатьевского изводов, Маркеловского извода Пространной редакции (он указывает на чтения архетипа этой редакции) и Крестининского извода Краткой редакции (текст, общий с архетипом устава).

Краткая редакция (список АП)	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод
---------------------------------	-----------------------	----------------	-------------------

2... а добрых лю-дей за сором 5 гри-вен серебра, а епи-скопу 5 гривен се-ребра; а на умыт-ницех по гривне се-ребра епископу, а князь казнит их.	3 ... а добрых людей за сором 3 гривны серебра, а митрополиту та же, а на умытницех по гривне се-ребра епископу, а митрополиту казнит.	Ст. 2. Аже добрых людей будет, за со-ром рубль, на умы-цах по 60 митропо-литу, а князь их казнить.	Ст. 2. а добрых людии будетъ за со-рам рубль, а ми-трополиту рубль, а на умыцах по 60 митрополиту, а князь их казнить.
13. Аже кто заж-жет двор или гум-но, или что иное, епископу 100 гри-вен, а во опитемьи и в казни по за-кону.	14. Аще кто заж-жет двор или гум-но и ино что ми-трополиту 40 гри-вен, а опитемья по закону, а князь казнить.	14. Аще кто заж-жет гумно или двор, или иное что митрополиту 40 гривен, а опи-темью подоимуть, а князь казнить.	10. Аще кто заж-жетъ гумно или двор или иное что, митрополиту 40 гривен, а епитемью подоиметь, а князь казнить.
38. А что деется в домовных людех и в церковных и в самех монасты-рех...	52. А что удеют монастырския лю-ди, церковныя или в самех монасты-рех...	54. А что ся дееть в монастырских делех в церковных в самех монасты-рех...	11. Аще что ся дееть в монастыр-ских людех и в церковных и в са-мех монастырех...
39. А кто уставле-ние мое порушит или сынове мои... или от бояр кто, а порушать ряд мои и вступятся в суды митропо-личичи...	54. А кто уставле-ние мое порушит или сынове мои... или от бояр кто порушает ряд сии князя великого Во-лодимера, а всту-пятся в суд митро-полич...	55. Аще кто устав мой и уставление мое порушит или сынове мои... или от рода боярского бояр моих, а всту-пять в суд митро-полич...	12. Аще кто устав мой и уставленье мое порушит или сынове мои... или от рода боярского бояр моих кого, а порушаютъ мои ря-ды, а вступятся в суд митрополачь...

Ипатьевский извод сохранился в составе учительных и полемических сборников двух типов: сборников, начинающих «Книгой богоносивых отець... о святей троици и о вере» в списках XV в. (Ип. 1420-х годов, СЧ третьей четверти XV в.; Ун II конца XV в.) и в «Златой чепи» в списках XVI—XVII вв. (СМ 1545; Еп первой половины XVI в., ПЧ второй половины XVII в.). Старший список Ипатьевский (Ип), 1420-х годов, является древнейшим списком устава Ярослава вообще. Внутри

извода можно выделить два вида на том основании, что часть списков (*Ип, Ун II, СЧ*) содержит на месте большой группы опущенных статей слова: «Иныя же вещи многы суть, яже не писаны зде срама ради», а другая часть (*Еп, СМ, ПЧ*) этих слов не имеет. Второй вид является производным от первого, известного по спискам XV в.

Включение в эти сборники устава, как и всего комплекса княжеских уставов, преследовало цель защиты и обоснования прав и имущества церкви и монастырей, поэтому статьи устава Ярослава, трактующие о прелюбодеяниях и таких далеких от споров о сущности троицы и церковном стяжательстве делах, как кража и побои, были не нужны. Этим и объясняется сокращение текста устава.

Основной извод известен в шести списках в составе сборников одного и того же состава. Старший дефектный Архангельский список (*ОвА*) конца XV—начала XVI в., списки *О I, У III* и *А*—XVI в., *О III* и *У IV*—XVII в.

Основной и Ипатьевский изводы не зависят друг от друга, но восходят оба к общему архетипу. В связи с тем, что текст Ипатьевского извода сильно сокращен, не всегда удается определить, какие из чтений Основного извода появились при создании этого извода, а какие принадлежат к архетипу Основного и Ипатьевского. Поэтому приходится рассматривать работу обоих редакторов вместе, выясняя общее ее направление.

Есть данные, которые свидетельствуют, что для этих редакторов устав был, очевидно, действующим судебником. На это указывает развитие одних его норм и пропуск других.

Так, в двух статьях получили развитие нормы семейного права, показывающие усиление власти родителей в семье. Ст. 29 Основного извода говорит о покушении на самоубийство в результате насильственного брака, причем в архетипных текстах Пространной редакции и всего устава предполагалась возможность такого насилия со стороны родителей («Аже девка не восхочет замуж, а отец и мати силою дадут...», ст. 24 Кратк. ред.). В Основном изводе или архетипе Основного и Ипатьевского изводов эта возможность превращена в обязанность родителей заменой *a* на *то* («Аще девка не вѣсхочеть замужь, то отец и мати силою дадут...» ст. 29 Осн. изв.). В ст. 43 Основного извода виноватый в избиении родителей сын кроме «волостельской казни» (уголовного наказания) и, очевидно, епитимьи («а митрополиту в вине»), как было в архетипе устава, по новой норме («в дом церковный такыи отрок») должен передаваться под ведомство церкви также, как это было установлено еще в архетипе устава для незамужней девушки, жившей с родителями и родившей ребенка. Обращает на себя внимание, что вопрос о наказании сына, бьющего родителей, волновал и другого редактора устава, работавшего примерно в то же время, — автора Архивного извода. Как указано выше, он счел нужным применить

к этому нарушителю нормы византийского права: «...или руки князь полишить, или в градскую казнь, в позор...» (ст. 41 Архивн. изв.).

В тексте Основного извода (или архетипа Основного и Ипатьевского изводов) обращено внимание на другие стороны укрепления семьи: добавлена ст. 24 о преследовании блуда с падчерицей, усилено преследование за прелюбодеяние жены (ст. 5 и 10), детоубийство (ст. 6). Несколько статей архетипа о групповом изнасиловании (ст. 7 Краткой ред.), о покушении на самоубийство в результате запрещения брака (ст. 33 Кратк. ред.) были опущены.

Редактор, работавший уже только над текстом Основного извода, значительно расширил объем монастырского и церковного иммунитета, когда он, может быть ненамеренно, изменил в древней формуле устава «А что ся деет в монастырских людех в церковных, в самех монастырех...» слово «людех» на «делех». Архаичная норма, идущая от устава Владимира, о судебном иммунитете относительно княжеской власти церковных и монастырских людей перестановкой двух букв была здесь приведена в соответствие с условиями XIV—XV вв., когда монастырский и церковный иммунитет не ограничивался только юрисдикцией, но распространялся на торговлю и пр.

Эти обработки устава могут быть отнесены к концу XIV—началу XV в. На это время указывают данные анализа целого ряда статей сборника Архангельского типа, приведенные выше. Повновения в уставе Ярослава также содержат хронологические свидетельства. Таково включение в денежный счет его рубля, в то время как в других и зводах счет идет на гривны золота и гривны серебра. Денежный счет устава специально изучается ниже, здесь же нужно отметить, что рубль характерен для систем XIV в. и позже.

Архетип Основного и Ипатьевского изводов в отличие от Архивного и Маркеловского изводов и архетипа редакции включил применительно к митрополиту Илариону титул «Киевский и всеа Руси». Этот титул появляется лишь с середины XIV в., с присоединением Галичской митрополии к Киевской (Московской) в 1347 г. При этом в константинопольских патриарших документах он сначала имеет более обширную форму⁷², а с 1354 г. употребляется в этом, ставшем устойчивым, виде⁷³. В русских памятниках титул «Киевский и всеа Руси» заменяет более ранний «всеа Руси» лишь позже, начиная с митрополита Киприана: в известных актах — с 1392 г.⁷⁴, в летописях —

⁷² РИБ, т. VI, Прил., стб. 21, 37.

⁷³ Там же, стб. 202; Прил., стб. 47, 51, 53, 59 и др.

⁷⁴ Старый титул — около 1360 г. (РИБ, т. VI, стб. 167), 1378 г. (там же, стб. 173, 182); новый — 1392 г. (там же, стб. 229), 1395 г. (там же, стб. 231).

Археографический извод	Основной извод	Ипатьевский извод	Маркеловский извод	Краткая редакция (Крестининский извод)	Румянцевская редакция
7. Аще девка засядеть... а нарочитых людей митрополиту два рубля или 12 гривен, а простой чади митрополиту гривна серебра или рубль.	7. Аже девка засядеть... а нарочитых людей 12 гривен... а простой чади рубль.	5. Аще девка засядеть... а нарочитых людей 12 гривен, а простой чади рубль.	7. Аще девка засядеть... а нарочитых людей митрополиту 12 гривен, а простой чади рубль.	Нет статьи	14. Аще девка засядеть... а нарочитых людей 12 гривен серебра, а митрополиту 12 гривен, а простой чади гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.
15. Аще кто зажъжет гумно или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен а опитимю подоимуть, а князь казнить.	14. Аще кто зажъжет гумно или двор или иное что, митрополиту 40 гривен, а оптемью подоимуть, а князь казнить.	10. Аще кто зажъжет гумно или двор или иное что, митрополиту 40 гривен, а епитемью подоиметь, а князь казнить	14. Аще кто зажъжет двор или гумно и иное что, митрополиту 40 гривен, а опитемья по закону, князь казнит.	13. Аже кто зажъжет двор или гумно или что иное, епископу 100 гривен, а князь казнит.	17. Аще кто зажъжет двор или гумно или что иное митрополиту 100 гривен, а князь казни.
49. Аще кто зажъжет двор или гумно или иное что, митрополиту 40 гривен, а князь казнить.	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
30. А что девка учинить над собою то отец и мати митрополиту в вине, а истор има платити. Тако же и отрок.	29. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине.	Нет	28. А что сотворит над собою отец (и) мати владыце в вине	25. А что створит над собою, отец и мати епископу в вине, а истор има платити. Також(е) и отрок.	30. А что сътворит над собою, отец и мати митрополиту в вине, а исторь има платить. Такожъ и отрокъ.
46. Иже чернец или черница или поп... впадут в блуд, тех судим митрополиту оприсно мирян...	44. Иже чернец или черница впадет в блуд, тех судить митрополиту. Также или поп... а впадут в блуд тех судить митрополиту опроче мирю...	Нет	44. Аще чернецъ черница блуд сотворит судить их митрополиту опрочи мирян. Или поп... блудит, а то также...	35. Аже чернец или черница, или поп... впадут в блуд, тех судити епископу оприсно мирян...	41. Аще чернец или черница, поп... впадут в блуд, тех судить митрополиту опречь мирян...

с 1376—1391 гг.⁷⁵ Новые разделения митрополии возникли только в XV в. Таким образом, это указание также датирует архетип Основного и Ипатьевского изводов концом XIV—началом XV в.

Упоминание митрополита, которому поступает доля десятины от княжеских доходов, появилось в этой обработке еще раз в ст. 1, во вставке, выделенной ниже курсивом: «Дал есмь митрополиту и епископом распусты по всем городам, десятую неделю мыта к церкви и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде, и осминичье дал есми». Эти вставки, как нам кажется, позволяют считать, что обработка устава была произведена не в Новгороде. Во взаимоотношениях Новгорода с митрополитом Киевским и всея Руси именно в это время, в конце XIV—начале XV в., при Киприане и его ближайшем преемнике существовали очень напряженные отношения. В течение 1385—1395 гг. в результате попытки Новгорода освободиться от верховного суда митрополита и передать права на этот суд новгородскому архиепископу с представителями городского управления, отношения между Новгородом и Москвой были порваны. Власть митрополита в Новгороде была восстановлена лишь после военного поражения, нанесенного московским великим князем. В 1401—1404 гг., более трех лет, новгородский архиепископ был задержан в Москве митрополитом Киприаном⁷⁶. Внесение в устав Ярослава указаний на то, что митрополиту идут дополнительные доходы, торговые пошлины, в этих условиях в Новгороде представляется маловероятным. В то же время эти добавления находят аналогии в других белорусских и украинских памятниках XIV—XV вв. Так, формула «десятая неделя мыта» близка к формуле в Туровской обработке устава Владимира середины XIV в.: «а у мыте, и у торгу, и на перевозех 10-ю неделю»⁷⁷, показывает общее в системе обеспечения церковных кафедр в Литовском великом княжестве в этот период. «Осминичье», правда, в половинном размере, закрепляет за митрополитом киевский князь Александр в 1441 г.⁷⁸

Как было показано выше, создание сборника Архангельского типа и Основного извода устава Ярослава в нем может быть связано с Полоцкой архиепископской кафедрой начала XV в.

К Археографическому изводу относятся четыре списка: в приложениях к Новгородской I летописи (Ар), к Соловецкой новгородской кормчей (СлН), к летописи Авраамки (Ав), в Строевском сборнике (ПС). Старший список извода,

⁷⁵ ПСРЛ, т. XXV: старый титул — 1353 г. (стр. 234), 1365 г. (стр. 182), 1377 г. (стр. 194, 196); новый — 1376 г. (стр. 192—195), 1406 г. (стр. 234). «Троицкая летопись»: старый титул 1390 г. (стр. 437), новый — с 1391 г. (стр. 438).

⁷⁶ НПЛ, стр. 387, 398.

⁷⁷ Я. Н. Шапов, Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 267.

⁷⁸ АИ, т. I, № 259, стр. 488.

(Ар), относится к середине XV в., два следующих — к 1493 и 1495 гг., Строевский — к началу XVI в.

Устав Ярослава в Археографическом изводе представляет собой переработку, в которой использовано несколько текстов памятника.

Главный его источник — список Основного извода (ст. 1, 5—7, 11, 14—32, 34—37, 40—45, 48, 53, 55—59 Археогр. изв.). Редактор использовал не один, а несколько списков Основного извода с различными ставками штрафов (ст. 7, 17). Этим объясняется наличие в тексте Археографического извода двойных ставок штрафов («2 рубля или 12 гривен», ст. 7; «30 или 40 гривен», ст. 17; «гривна серебра или рубль», ст. 31, и др.). Кроме того, в распоряжении редактора был список текста, принадлежавший Пространной редакции, но отличавшийся от известных ее изводов. Текст был близок также к одному из источников Румянцевской и Тарновской редакций. Этот общий для указанных текстов источник может быть сближен с текстом архетипа Пространной редакции (ст. 7—10, 21, 33, 36, 38, 40—41, 43, 47, 49, 52, 54, 56—VI, 58 Археографического извода). Составитель дважды включил статью о поджоге, заимствовав ее из двух источников — из списка Основного извода (ст. 15) и из указанного архетипа (ст. 49). Наконец, редактор пользовался и списком текста Краткой редакции (ст. 24, 30, 46). На то, что текст Краткой использован не через Румянцевскую, а непосредственно, указывает сохранение в Археографическом изводе слова «оприсно» (ст. 46), а не «опрочь» архетипа Основного извода и Румянцевской редакции. Указанные связи текста Археографического извода видны в сравнении текстов на стр. 218 и в схеме 5.

Редактор Археографического извода не только свел текст из 4—5 списков, но и сам сделал вставки в текст.

Упомянув наряду с мытом и осмьничьим, пошлинами, которые входят в церковный иммунитет, также тамгу (ст. 2), он привел древний текст устава в соответствие с нормами, возобладавшими в период сложения русского централизованного государства. Тамга входит в число пошлин, которые защищены иммунитетом церкви (первоначально — монастырей) с третьей четверти XIV в.⁷⁹ Договором между московским князем и митрополитом в Москве 1404 г. сбор тамги с митрополичьих людей частично вошел в число иммунитетных прав митрополита⁸⁰. Редактор вновь привел текст устава в соответствие с существовавшими нормами, включив в перечень церковных людей вдову и пономаря, которые уже находились в подобном перечне в той же рукописи выше, в уставе Владимира, и появились там еще на рубеже XII и XIII вв. Дважды,

⁷⁹ ДАЭ, т. 1, № 4, стр. 2—3. Жалованная грамота кн. Василия Михайловича Тверского Отрочю монастырю 1361—1365 гг.; см. С. М. Каштанов. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 211—217.

⁸⁰ ПРП, вып. 3, стр. 422.

в статьях о блуде (ст. 14) и о скотоложстве (ст. 22), редактор вставил слова о том, что епитимья (в ст. 22 и казнь) назначается «по закону». Добавлением этого извода является и заглавие устава («А ее устав Ярославль суды святительския») ⁸¹.

Археографический извод устава, как и сборника уставов целиком, связан своим происхождением с Новгородом. На это указывает как использование при создании находящегося в том же сборнике текста устава Владимира новгородского источника — устава Синодальной редакции, так и связь списков извода с Новгородом: *Ар.* и *СлН* переписаны в Новгороде; *Ав.* переписан в Смоленске, но сопровождается перечнями новгородских епископов. Извод возник, очевидно, при владычной кафедре в первой половине XV в., а в середине его был переписан в приложении к Новгородской летописи.

Тарновская и Румянцевская редакции представляют собой памятки, близкие друг другу. Они возникли примерно в одно время, в XV в., не ранее 1402 г. и не позже середины века, в близких исторических условиях: на территории Украины, наконец, в результате использования одних и тех же источников. Однако изучение этих редакций показывает, что они возникли независимо друг от друга и опосредованы только через свои источники, в каждом случае использованные по-разному.

Первым и основным их источником был текст устава Краткой редакции в составе комплекса княжеских уставов, подтвержденного в 1402 г. московским великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном. На этот источник, кроме анализа чтений устава, указывают другие части комплекса, в том числе подтвердительная грамота 1402 г. Из известных текстов, включающих эту грамоту, обе новые редакции, и Тарновская, и Румянцевская, имеют чтения, наиболее близкие к Егоровскому виду Фроловского извода.

Составитель Тарновской редакции выписал из текста Краткой подряд 29 статей, после чего включил ст. 30 о «крайнии сыра» из другого источника. Далее (ст. 31—39) он вновь переписал все статьи подряд из Краткой редакции, кроме двух последних, санкции. Прежде чем обратиться к ней, он включил еще не-

⁸¹ В тексте Археографического извода, в перечне потенциальных нарушителей устава («Аще кто устав мой преступит и уставление мое нарушает, или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего кто, или от рода боярьского, бояр моих бояре, а порушают мои ряды...») путем вставки выделенного слова появилась формула «бояр моих бояре» (ст. 58). Существование в XIV—XV вв. на Руси, в частности в Новгороде, системы юридической зависимости одной группы бояр от другой не находит подтверждения в источниках. Сложное словесное нагромождение в этом месте устава отразило значительное политическое усиление боярства и превращение его в важнейшего конкурента церкви в области суда, но смысл этой части фразы не изменился: «Если кто нарушит мой устав и мое постановление, или мои сыновья... или кто из моего рода, или бояре из рода моих бояр, если они нарушат мои соглашения...»

сколько статей, выбрав их из того же второго источника: о блуде «христиан» (этот термин заменяет безличное «кто» или «русскую» именно в Тарновской ред.) с «бесурменами» и «жидовинами» (ст. 40—41), о краже женой у мужа (и мужем у жены, добавлено в этой редакции, ст. 42—43); об избиениях женой мужа, женщинами друг друга и мужскими представителями большой семьи женщин (ст. 44—46); наконец, о запрете употреблять в пищу «кобылину» и «медведину» (ст. 47). Две заключительные статьи (ст. 48—49) вновь заимствованы из текста Краткой редакции, которая, таким образом, вошла в состав Тарновской полностью.

Второй источник, использованный составителем, — текст Пространной редакции, известный и распространенный на территории Украины с самого своего возникновения. Связать этот текст с каким-либо определенным, известным нам изводом этой редакции трудно. Можно только сказать с уверенностью, что это не Археографический и не Архивный изводы XV в., обладающие яркими индивидуальными чертами. Основной извод имеет отличные от Тарновской ставки штрафов в статье о сыре (Тарновская ред. — 6 гр., Основной извод — 3 гр.), о драке женщин (Тарновская ред. — 60 резан, Основной извод — 6 гр.). В Основном изводе опущена статья об избиении снохи свекром, которая включена в Тарновской (ст. 46). В Маркеловском нет статей о краже из клетки и избиении женой мужа, которые включены в Тарновскую. Очевидно, здесь использован текст, близкий к архетипу Пространной редакции. При этом большое число статей Пространной редакции составитель новой обработки устава не использовал, ограничившись только перечисленными.

Соединив таким образом два текста, этот составитель не многое внес от себя. Он дал памятнику заглавие, отсутствующее в обоих его источниках; вводя денежный счет Краткой редакции устава в систему тех денежных единиц, которые господствовали на территории, где он работал, он первую же статью устава снабдил комментарием: «А у гривне серебряной 16 гроши». Лишь одна статья, 42, о краже женой у мужа, заимствованная из Пространной редакции, подверглась некоторой переработке⁸², заключающейся в двух изменениях. В нее были вставлены слова «или муж жену» (крадеть), что включило в число нарушителей имущественных прав не только жену, но и мужа, обкрадывающего свою супругу. С этим изменением связано и другое: если раньше проворовавшуюся жену наказывал муж, то в новом тексте и суд, и наказание обоих нарушителей принадлежит епископу. Статья отражает, таким образом, развитие прав собственности в семье и некоторые изменения в положении ее членов — оба они принадлежат в этом случае юрисдикции государственной публичной власти, епископа.

⁸² «Иже жена мужа крадеть, или муж жену, и обличив ю, судить их епископ, и епископу 3 гривны».

Краткая и Пространная редакции устава различаются терминами, употребляемыми для обозначения высших представителей церковной власти: в Краткой постоянно называется епископ, в Пространной — митрополит. Тарновская редакция не отличается последовательностью в применяемых терминах, хотя значительно чаще она называет епископа, как в Краткой, причем и в тех случаях, когда статьи заимствованы из Пространной (ст. 40—47). Однако митрополит назван в ст. 3, также взятой из Краткой, а в некоторых случаях составитель ставит рядом оба термина («митрополиту или епископу», ст. 4, 7), напоминая этим работу автора Археографического извода. Очевидно, для составителя Тарновской редакции выбор термина не определялся какими-либо важными соображениями.

Тарновская редакция устава Ярослава в комплексе княжеских уставов сохранилась в единственном списке *ЯТ*, в приложении к кормчей книге последней четверти XV в. собрания графа Феликса Тарновского в Дзикове, в Галиции. Она хранится сейчас в Библиотеке Ягеллонской, в Кракове⁸³. Судя по некоторым другим приложениям к ней, в частности грамотам о поставлении Григория Цамблака митрополитом Киевским в 1415 г. в Новогродке и записи о размерах денежных и медовых даней, собираемых с «софийских людей», принадлежавших киевскому Софийскому собору, по Судебнику Казимира 1468 г., эта кормчая переписана на украинских землях Литовского великого княжества и, возможно, принадлежала еще в XV в. киевскому Софийскому собору. С этими землями можно условно связывать и создание Тарновской редакции устава. Она возникла, очевидно, еще до разрыва церковно-политических отношений между Литовским и Московским великими княжествами в 1414—1415 гг., когда литовские епархии вышли из-под управления митрополита Фотия. Ее можно датировать началом XV в., когда связи украинских епархий с митрополией были достаточно тесными, когда обновленные установления, касающиеся устройства и юрисдикции церкви и утвержденные митрополитом, были желанными для местных кафедр, в течение долгого времени живших местными работками древних, домонгольских еще установлений.

Сборник уставов в Тарновской кормчей был создан, очевидно, в результате поездки митрополита Киприана в Литовское великое княжество в 1404—1405 гг. Он посетил Вильну, Киев, Луцк, вероятно, Туров⁸⁴. Московская обработка уставов могла быть распространена в литовских епархиях во время этой поездки. Старший Егоровский список одноименного вида устава, использованного составителем Тарновской редакции, происходит с Украины.

⁸³ Благодарю А. И. Рогова, указавшего на этот список.

⁸⁴ «Троицкая летопись», стр. 458—460; ср. Е. Е. Голубинский. История, т. 1, пол. 2, стр. 344.

Румянцевская редакция была создана таким же способом, как Тарновская. В основу ее был положен тот же текст, подтвержденный в Москве в 1402 г. Составитель Румянцевской редакции также начал с выписок из первого своего источника, но сочетал статьи Краткой и Пространной иначе, чем его коллега: из Краткой он взял статьи, получившие в нашем издании Румянцевской редакции номера 1—11, 16—21, 23—34, 37—44, из Пространной — 12—15, 22, 45—52. Ст. 35 соединила текст Краткой и Пространной. После ст. 52 текст устава перебивается другим памятником, правилом 165 св. отец, а затем следует окончание устава Ярослава — санкция, заимствованная из Пространной редакции.

Как и текст Пространной, заимствованный в Тарновскую редакцию, он показывает в Румянцевской близость то к Архивному изводу (ст. 18), то к Маркеловскому (ст. 33), то и к тому, и к другому изводам (ст. 15, 45, 46, 50, 53). Статьи Пространного источника близки к Основному изводу (ст. 12, 13, 47, 48), к трем изводам: Архивному, Маркеловскому, Основному (ст. 14, 35, 49, 51, 52), а в некоторых статьях, которые есть в Ипатьевском изводе (ст. 54), — к четырем изводам Пространной. На этом основании можно считать вторым источником Румянцевской редакции также ранний архетипный текст Пространной, не сохранившийся в «чистом» виде ни в одном из списков.

В отличие от Тарновской Румянцевская редакция более полно и более последовательно соединила оба текста. Составитель последней ставил своей целью добавить из известного ему древнего, но неофициального текста устава к уставу, утвержденному митрополитом Киприаном, не отдельные статьи, как это сделал его коллега, считавший их, очевидно, наиболее важными или сохраняющими свою действительность. Он создал сводный судебник, включив в него все статьи из Краткой и почти все из Пространной и сохранив у этого судебника утверждение митрополита. Более последовательно, чем в Тарновской редакции, проведена здесь замена термина «епископ» на «митрополит». Однако денежный счет и размер ставок оставлены большей частью такими, как они были в более близкой по времени, Краткой редакции. Памятник получил заглавие «Князь великий Ярослав». Взаимоотношение списков редакции представлено в схеме 5.

Другие сопровождающие устав Ярослава статьи (устав Владимира, «Правило о церковных людях») могут быть также привлечены для выяснения характера работы редактора. Румянцевский извод устава Владимира (в издании Бенешевича списки Вв 8 и 14)⁸⁵ возник в результате обработки текста Синодальной редакции, близкого к Егоровскому виду (списку Вб 20). Этот текст был сходен редактором с текстом «Правила о церковных людях», находившимся рядом, и те положения последнего, которые отсут-

⁸⁵ УКВ, стр. 8—25.

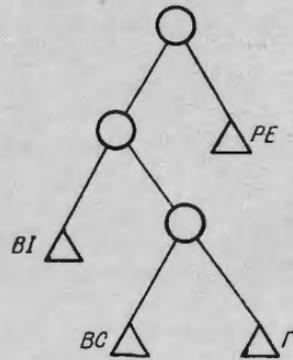

Схема 5. Взаимоотношение списков Румянцевской редакции

ствова́ли в уставе, перенесены из «Правила» в устав. Статьи «Правила», повторяющие статьи устава, оказались опущенными (ст. 3—6 по изданию В. Н. Бенешевича, списки вида 3е: 50 и 52)⁸⁶.

И в уставе Владимира, и в «Правиле о церковных людях» термины «епископ», «епископские суды» были заменены на «митрополит», «суды митрополичьи»; имя митрополита Леонта́ заменено на Михаила. В уставе Владимира, кроме того, вместо безымянного упоминания «греческого царя» в тексте архетипа Синодальной редакции появилось имя Константина, очевидно, также из первой статьи «Правила о церковных людях», где она указывается; в заглавии устава вставкой выделенного слова «Устав святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю...» было, очевидно, обращено внимание на то, что Владимиром была крещена не только Южная Русь, но и та часть русской земли, где работал редактор. Список церковных людей пополнен не только из «Правила о церковных людях» («прощеник, баба вдовица»), но и из других источников (игуменя, дяконица, пономарь, который заменил паломника Синодальной редакции, прикладень).

Румянцевская редакция известна в шести списках, три из которых сохранились: Румянцевский в приложении к кормчей последней четверти XV в. (PE), в приложении к Требнику середины XVI в. (BC) и в Смоленском сборнике 1580 г. (Г). Кроме того, известны еще три списка устава этой редакции (один из них опубликован), которые в настоящее время остаются неразысканными⁸⁷.

⁸⁶ УКВ, стр. 39—53.

⁸⁷ 1) Волинский I список (BI) в кормчей, или «Каноническом сборнике», под заглавием «Книга, глаголемая духовъныя, еже сказаться монаканун», принадлежавшей Волинскому епархиальному древлехранилищу в Житомире, № 1—130, собрание Загоровского монастыря № 34, начала второй половины XV в., на 326 л.), «в полдесть», описанный в 1902 г. (Д. И. Абрамович. Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волин-

Большинство списков редакции происходит с Украины: Румянцевская кормчая переписана на Волини, она включает судебник Казимира 1468 г. и имеет запись с упоминанием епископа туровского и пинского Евфимия⁸⁸, приобретена в Гомеле. Требник включает документы Новгородского собора 1415 г., принадлежал — Волинскому Супрасльскому монастырю. Три утраченных списка, как было показано, также волинские. Наконец, сборник Г переписан уже в конце XVI в. в Смоленске.

Таким образом, Румянцевская редакция, как и Тарновская, связана с территорией Украины, но, судя по ранним спискам, была, очевидно, распространена вначале на западных ее землях, на Волини, поделенной между Речью Посполитой и Литовским великим княжеством. Возможно, что она была и создана где-то здесь при одной из кафедр, существовавших в начале XV в., — Луцкой, Владимирской, Холмской или Перемышльской. Она возникла в те же годы, что и Тарновская, после 1402 г., и до начала второй половины века, которым датируется утраченный список VI. Источник знакомства с Краткой редакцией был тот же — посещение Луцкой епископии Киприаном.

Украинские кафедры начала XV в., сохранившие древние тексты, с вниманием и доверием отнеслись к тому списку уставов, который появился в начале XV в. из Москвы и был официально утвержден митрополитом и великим князем Василием Дмитриевичем.

Редакция «Свитка Ярославля» является своеобразной переработкой устава Ярослава, традиционно называемой Западнорусской его редакцией; известна в одном списке начала XVI в., вместе с грамотой — привилеем, данной вел. кн. литовским Александром Казимировичем архиепископу полоцкому и луцкому Луке в Вильне 1502 г. (7011 г. декабря 26), подтвер-

---

ской епархии. — «Христианское чтение», 1903, июль, стр. 44, 110, 114, 117—120) и утраченный позже. Текст устава издан там же. Судя по описанию Д. И. Абрамовича, рукопись представляла собой кормчую с приложением сборника уставов типа Рум. 232 (VII редакции по Юшкову); 2) Волинский II список (VII) в требнике, принадлежавшем тому же древлехранилищу в Житомире, Загоровское собрание № 24, на который обратил внимание Абрамович (Д. И. Абрамович, Указ. соч., стр. 109) и утраченный позже. Судя по его выпискам, рукопись была близка к Вилленскому требнику (RKF206); 3) Львовский список в приложении к кормчей 1565 г., на 273 л., принадлежавший в 1870-х годах ставропигийской церкви Успения во Львове, а затем библиотеке Львовского университета, описанный в 1873 г. (Я. Ф. Головацкий. Библиографические находки во Львове. СПб., 1873, стр. 35—43) и утраченный в годы второй мировой войны. Запись писца Феодора, сына и «учня» архимандрита Зименского монастыря близ Владимира Волинского. Судя по описанию Головацкого, рукопись близка по составу к Рум. 232.

⁸⁸ Известен по печати и подписи на документе 6997. (1489) г. (см. А. Грушевский. Пинское Полесье, ч. II. Киев, 1903, стр. 99).

ждающей за ним права православной церкви в Литовском великом княжестве в объеме, указанном в этом свитке⁸⁹.

В тексте устава говорится об издании его кн. Ярославом «с советом» митрополита киевского Илариона «и всех боголюбивых епископов Русийского княжения нашего», причем указывается дата «написания» свитка — 6540 (1032) г.

«Свиток Ярославль» посвящен двум основным вопросам положения церкви: во-первых, регулированию отношений внутри нее между высшими и низшими ее членами, т. е. митрополитом; епископами и пресвитерами, и, во-вторых, внешним отношениям церкви с населением, принадлежавшим к этой организации, с ктиторами — светскими попечителями церквей и с представителями местной и центральной светской, в частности судебной, власти.

Согласно статьям устава, епископы обязаны подчиняться верховной власти митрополита киевского под угрозой извержения от сана и лишения кафедры. Светские феодалы и их чиновники — принадлежащие православной церкви князья, бояре и судьи — обязаны признавать эту верховную власть митрополита над епископами и способствовать ее осуществлению под угрозой штрафа в пользу Киевской соборной церкви (ст. 2/1 ПРП). Пресвитеры православных церквей обязаны подчиняться власти епископов и митрополита. Местные светские феодалы — князья и бояре — не должны исполнять в своих ктиторских церквях функций, которые поручены тамошним священникам их епископами под угрозой штрафа в пользу епископской кафедральной церкви и утраты ктиторства — перехода церкви из собственности феодала в ведомство епископа (ст. 2/1 ПРП).

Светские лица — представители власти — не имеют права суда по делам о браках и права развода под угрозой штрафа в тот же адрес. Эти права принадлежат епископу (ст. 3/2 ПРП). Дела о втором браке без развода первого судит епископ. Он присуждает расторжение второго брака и штраф в пользу епископской церкви.

Дальнейшие действия зависят от социального (сословного) положения нарушителя — боярин, не подчинившийся решению епископского суда, подлежит суду второй инстанции, суду «мирской власти», которая его наказывает и заставляет уплатить тот же штраф соборной церкви (ст. 4/3 ПРП). Для «простых» людей вторая инстанция не предусмотрена, дело оканчивается в первой, которая наказывает штрафом «елико возможно» или иным способом, расторгает второй брак и восстанавливает первый (ст. 5/4 ПРП).

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 8. «Описание документов архива западно-русских униятских митрополитов», т. I (1470—1700). СПб., 1897, № 8, стр. 6. Издания по рукописи: АЗР, т. I, № 166/II, стр. 191; В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права..., вып. 4. Пг., 1914, стр. 87—89.

На митрополита и епископов возлагается государственная ответственность за искоренение незаконных браков и блуда (ст. 8/7 ПРП), а также еретичества (ст. 9/8 ПРП), их ведению надлежит суд и наказание по делам о явном прелюбодеянии («аще... во блуде яве живет»). Наказанием является здесь штраф в пользу кафедральной церкви, в зависимости от сословного положения нарушителя: 500 руб. грошей широких «от сановитых» (ст. 6/7 ПРП) и 2 руб. грошей широких «прост человек, муж или жена» (ст. 7/6 ПРП).

Устав утверждает судебный иммунитет церкви относительно «князей, бояр и судей» по тем делам, которые в нем названы, и по делам, «яже суть написана во правилах святых апостол и святых богоносных отец», т. е. в кормчих книгах (ст. 9/8 ПРП).

Как показывает его содержание, — это памятник, фиксирующий в основных чертах место и устройство православной церковной организации в Литовском великом княжестве. Устав производит впечатление установления, имеющего целью одновременно положить конец многим нарушениям в жизни церковной и во взаимоотношениях церкви с обществом: как видно, местные епископы не подчинялись власти митрополита, чему способствовали светские феодалы, также не признававшие верховной церковной власти митрополита; светские собственники церквей, содержавшие их на свои средства ктитория не считались с существованием церковной организации, осуществляли суд над священниками, сами ставили их в свои церкви, а то и сами исполняли их функции.

Суд по делам о браках, как и другие сферы церковного суда, в древности принадлежавшие епископам, перешел к ведению светских феодалов — князей, бояр и их чиновников⁹⁰. «Свиток Ярославль» пытается восстановить распавшуюся церковную организацию и сделать ее одним из звеньев феодального государства. Он представляет собой деловой документ, вполне реально оценивающий возможности православной церкви в Литовском великом княжестве. Он закрепляет за церковным судом только три нарушения из многочисленных дел, принадлежавших ему в Древнерусском государстве, — разводы, блуд и еретичество, причем по делам о разводах для суда над феодалами, обладавшими нередко большей властью, чем епископ и митрополит, признает существование второй, великокняжеской инстанции.

Денежный счет «Свитка» на «рубли грошей широких» ведет нас к XV в., когда, по наблюдениям М. Гумовского, после унии Литвы с Польшей (1387 г.) гроши получили в Литве большое распространение, а в XV в. счет на чешские гроши стал общепринятым⁹¹. Упоминание «грошей широких», очевидно, предполагает

⁹⁰ J. Bardach. Swiecki charakter zwyczajowego prawa małżeńskiego ludności ruskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego (XV—XVII wiek). — «Czasopismo prawnohistoryczne», t. XV, zes. 1, 1963, s. 127—145.

⁹¹ M. Gumowski. Numizmatyka litewska wieków śródniich. Kraków, 1920, str. 28.

время, когда потребовалось противопоставление этих грошей другим, обрезанным. Н. А. Соболева показывает, что обрезанные гроши характерны для конца XIV—начала XV в., так как клады, состоящие в основном из обрезанных грошей XVI в., датируются временем Вацлава IV (1378—1419 гг.)⁹².

«Свиток Ярославль» находится в весьма своеобразном родстве с другими текстами устава Ярослава. Попытки установить текстологическую близость этой редакции с другими имеют очень мало успеха. Не удается заметить ни одной фразы, ни одной формулы, которая совпадала бы с другими, в том числе возникшими также на территории Литовского великого княжества его обработками. Этот текст, однако, показывает близость к уставу Владимира, причем к тексту Синодально-Волынской группы, к которой принадлежат как юго-западные его обработки — Волынская редакция XIII в. и Печерская XIV в., так и текст, подтвержденный в 1403 г. в Москве (Фроловский, Егоровский, Бальзеровский изводы Синодальной редакции и Румянцевская редакция). Близкими здесь являются следующие две формулы:

«Свиток Ярославль»

Основной извод
Устава Ярослава
(близкий к архетипу
устава)

Волынская редакция
устава Владимира

1. Се аз, князь Ярослав, нареченный во святом крещении Георгий Владимирович...
10. ... князем же, болярим и судиям в тые суды не вступатися...

1. А се аз князь великий Ярослав, сын Володимеров, по данию отца своего сложихом греческии номоканон, еже не подобаетъ сих тяжь судити князю, ни бояром его, ни судиям его...

2. Се аз, князь Вьлодимерь, нареченный въ святом крещении Василян...
6. Князю и бояром и судиям в ты суды не уступатися...

Текст устава Владимира, восходящий к архетипу Синодально-Волынской группы, возникшему в XIII в., является одним из источников «Свитка». Что же касается устава Ярослава, то можно думать, что составитель «Свитка» ничего текстуально не взял из этого своего источника, а позаимствовал лишь основную его идею — закрепление за высшими органами церковной власти определенных сфер юрисдикции и управления, а также основу его формуляра — перечня подлежащих преследованию поступков с указанием ставок штрафов и адреса их поступления и введения, рассказывающего о принятии устава по соглашению с митрополитом Иларионом и в связи с номоканоном. Представляется очень странным это отсутствие текстуальной близости «Свитка» к другим текстам устава, например, то, что в нем нет указания на издание Ярославом устава как продолжения дела, начатого его отцом. А. И. Лотоцкий видел причину столь отличного состава

⁹² Н. А. Соболева. Пражские гроши в музеях Украины. — «Нумизматика и сфрагистика», сб. 1. Киев, 1963, стр. 137.

«Свитка Ярославля» от других текстов в глубокой древности текста устава Ярослава, бывшего источником именно «Свитка». Однако изучение всей совокупности текстов устава показывает, что некоторые другие обработки, которые Лотоцкий считает великорусскими и поздними, например тексты Пространной редакции, происходят из Южной Руси, несут черты раннего времени, XII—XIII вв., и восходят к еще более глубокой древности (объем церковной юрисдикции, денежный счет, текст ст. 1, отличающиеся в «Свитке»). Причина этих различий лежит, очевидно, в другом — в невозможности использовать традиционный текст устава Ярослава для тех целей, которые преследовали составители этой обработки, из-за больших отличий в положении церкви, объеме ее юрисдикции, в степени авторитетности ее установлений в Древней Руси и в Литовском великом княжестве конца XIV—XV в.

Содержание «Свитка» было подтверждено в конце XV—начале XVI в. во взаимоотношениях между великим князем Литовским и местными епископами (один из них, Иосиф, был и местоблюстителем Киевской митрополичьей кафедры). Однако уже в середине XV в. оно не соответствовало действительному соотношению власти в конфликте между местными мстиславскими князьями, епископом и монастырем и было тогда изменено.

Иммуниетная грамота князя Юрия Семеновича Лингеновича Мстиславскому Онуфриевскому монастырю 1443 (6951) г. (г. Мстиславль в южной части Смоленской земли) и аналогичная грамота его сына Ивана 1483 г. освобождают этот монастырь от княжеской юрисдикции, а также от юрисдикции мстиславского епископа, во изменение норм «Свитка»⁹³. Таким образом «Свиток» существовал уже в это время, но возник, очевидно, еще раньше.

В течение долгого времени в результате завоевания западных земель Руси Литовским великим княжеством и Польшей и отсутствия постоянной митрополичьей кафедры во главе западных епископий, православная церковная организация на завоеванных западными соседями Руси территориях постепенно пришла в упадок и приобрела черты, очень похожие на те, что рисует «Свиток Ярославль». О таком состоянии церкви в XIV—XV вв. есть и другие свидетельства⁹⁴.

⁹³ «А владычным десятником... тех людей монастырских в духовных делех не судить... и вин не имать на владыку, што в свитку Ерослави стоять, судить и рядить и вины имать в духовных судех... самому архимандриту...» (АЗР, т. I, № 43, стр. 58 и № 82, стр. 103).

⁹⁴ Казимир от имени «князей русских, верующих в христианскую веру и от бояр русских» писал патриарху в 1370 г., что «вся земля гибнет ныне без закона, ибо закон исчезает» (РИБ, т. VI, стр. 125—126). Митрополит Киприан писал в 1378 г. из Литвы, что его предшественнику «Олексееви митрополиту не волно было слати ни в Вольньскую землю, ни в Литовскую владыку которого, ни звати, ни дозрети которое дело церковное, ни поучити, или посварити на кого, или казнити виноватого, или владыку, или архимандрита, или игумена, или князя поучити, или боярина; свящи-

Среди документов, которые были поданы упоминавшимся уже митрополитом киевским Иосифом королю Сигизмунду I в 1511 г. в защиту прав православной церкви в «русских» воеводствах объединенного Польско-Литовского государства, находились какие-то грамоты не только Александра, но и Витовта и Казимира III, подтверждающие эти права⁹⁵. Возможно, что среди этих грамот были и более ранние подтверждения «Свитка».

Можно отнести возникновение «Свитка» к первой четверти XV в., времени княжения Витовта, когда неоднократно предпринимались попытки поставить во главе православной церкви в Литовском великом княжестве самостоятельного митрополита, сначала полоцкого епископа Феодосия, затем Григория Цамблака, избранного собором в Новгороде в 1415 г. (умер в 1420 г.). Очевидно, в форме «Свитка Ярослава» и его великокняжеского подтверждения православная церковная организация добилась признания определенных прав и обязанностей в государстве. Узость этих прав в «Свитке», большое количество нововведений, отражающих условия XV в., денежный счет на общераспространенные в XV в. единицы являются основными аргументами в пользу такой датировки «Свитка».

Представляются возможными два пути использования тех текстов устава Ярослава, которые были источниками «Свитка» при создании этого памятника.

Возможно, это переработка текста устава, который попал на территорию Литовского великого княжества после утверждения уставов в Москве в 1402 г. Киприаном, в результате его поездки на Западную Русь в 1404 г., когда в Галицко-Волынской Руси на основе других переработок того же источника возникли Румянцевская и Тарновская редакции устава. Однако распространение на той же территории текстов Пространной редакции до проникновения Краткой редакции из Москвы позволяет связывать эту обработку с автохтонными, в том числе киевскими, текстами.

Установить хотя бы приблизительно родство «Свитка» с тем или иным текстом устава Ярослава не представляется возможным. В любом случае этот памятник не может быть использован для восстановления древних текстов устава.

Устюжскую редакцию устава Ярослава представляет текст, находящийся в статье 6561 (1053) г. Устюжского летописного свода. Этот текст, имеющий заглавие «Устав Ярославль»,

---

тельским недозиранием который ждо владыка, не блюдяся, по своей воли ходил, как хотел, а попове и черньци и вси христиане — как животина без пастуха» (РИБ, т. VI, стр. 183). Накануне подтверждения «Свитка Ярослава» Александром смоленский епископ Иосиф жаловался ему, что «первыи наместники смоленскии и их наместники, предком его, першим владыкам, кривды дельвали и в их дела духовныи ся вступовали, и слуг и людей церковных суживали и ряживали...» (1494 г., АЗР, т. 1, № 118, стр. 143; см. также J. Bardach: *Świecki charakter zwyczajowego prawa*). АЗР, г. II, № 65.

отличается от всех других его текстов тем, что в нем отсутствует судебник. Текст Устюжской редакции можно разделить на три статьи, первая из которых говорит о соглашении князя Ярослава с митрополитом Ларионом о судебном иммунитете; вторая представляет собой перечень защищенных иммунитетом людей (митрополит, епископы, попы и дьяконы) и объем иммунитета (мыт, явка, тамга, восьмичье); третья — заклятье нарушителям судебного иммунитета. Освобождение церковных людей от сбора с них мыта, явки, тамги, восьмичьного, употребление слов «что» вместо «аже», «судов» вместо «тяжь» указывает на позднее происхождение этой редакции. В уставе есть указание и на то, что он является сокращением памятника, включавшего судебник. Так, здесь сохранилась ссылка на этот судебник: «... не подобает сих судов судити князю и бояром его ...», хотя сами суды не поименованы.

Источником обработки был текст Пространной редакции, принадлежавший Основному, Археографическому или Ипатьевскому изводам. Этим изводам свойственны такие формулы Устюжской редакции, как «Киивским и всея Русии» «по всем градом», «будеть на нем клятва святых отец 318 иже в Никеи и всех святых. Аминь». Перечень феодальных сборов ближе всего к Археографическому изводу, где упоминается и тамга. В то же время в последнюю статью Устюжской редакции включена формула «в тыя суды вступатися в церковныя», которая находится в Краткой редакции и могла быть заимствована из нее.

Устюжская редакция сохранилась в двух списках (СА, ИнХ). Кроме того, известна копия 1770-х годов с одного из них.

Как указывает исследователь Устюжского летописного свода К. Н. Сербина, этот свод составлен в Великом Устюге в первой четверти XVI в. Составитель свода использовал ряд местных и общерусских летописей и сводов, в том числе Новгородский летописный свод 1448 г. Работа составителя не ограничивалась механической перепиской источников, он «проделал над ними большую редакционную работу, которая имела определенную тенденцию — всемерно сократить общерусские известия и расширить устюжские. В использованных им источниках сделаны большие сокращения»⁹⁶.

Найдя в одном из своих источников, возможно также новгородского происхождения, текст устава Ярослава в обработке, близкой к Археографическому изводу, устюжский сводчик первой четверти XVI в. включил его в свой труд, предварительно сильно сократив, сверив с текстом Краткой редакции и переработав. Выбросив судебник и вставив вместо него перечень сборов, от которых защищены члены церковной организации, составитель превратил устав о церковных судах в своего рода жалованную несудимую и тарханную грамоту, данную от имени кн. Ярослава

⁹⁶ «Устюжский летописный свод», подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 3; она же. Устюжский летописный свод. — «Исторические записки», т. 20, стр. 239—270.

церковным иерархам и церковному причту (попам и дьяконам), причем монастыри и их интересы не волновали составителя этой грамоты. Устюжская редакция устава представляет интерес как памятник церковной идеологии и права XVI в.

Использование древнего текста устава в Москве
в середине XIV в.
и создание Краткой редакции

При изучении двух старших редакций устава Ярослава, Пространной и Краткой, определении их архетипов прежде всего предстоит выяснить их соотношение. Обе они в большей или меньшей степени отражали объем юрисдикции церкви в то время и в тех местах, где они создавались, фиксировали поступки, которые считались преступлениями, подлежащими суду публичной власти, соответствовали отношениям в сфере земельной собственности и суда, которые сложились между церковной и светской властями.

Архетип Пространной редакции несомненно богаче архетипа Краткой по содержанию. В него включено около 25 статей, развивающих древнерусское семейное и брачное право, иногда изменяющих нормы общих для обеих редакций статей.

Однако Пространная редакция появилась не в результате пополнения Краткой, а обе они восходят к одному архетипу, который при создании этих редакций был изменен. Эти обработки текста устава относятся к разному времени и происходят с различных территорий Руси.

На то, что связь Краткой и Пространной редакций является опосредованной, через общий архетип, а не непосредственной, указывает текст в общих для обеих редакций статьях, различающийся в этих редакциях и не являющийся переработкой один другого.

Пространная редакция
(Основн. изв.)

1. ... сложихом греческыи номоканон; еже не подобаетъ сих тяжь судити князю, ни бояром его, ни судиям его, дал есмь митрополиту и епископом роспусы по всем городом, десятую неделю мыта к церкви и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде, и осминчье дал есми.
4. Аще же пуститъ боярин жену великих бояр за сором еи 300 гривен, а митрополиту 5 гривен золота, а менших бояр гривна золота, а митрополиту гривца золота, а нарочитых людии 2 рубля, а митрополиту 2 рубля, простой чади 12 гривен,

Краткая редакция
(Крестин. изв.)

1. ... сложил есмь гречьскыи номоканун, аже не подобаетъ сих тяжь судити князю, ни бояром, дал есмь митрополиту и епископом те суды, что писаны в правиле в номокануне, по всем городом и по всей области, где християнственное.
4. Аже пустит болярин велик жену без вины, за сором еи 300 гривен, а епископу 5 гривен золота; а нарочитых людии 3 рубли, а епископу 3 рубли; а простой чади 15 гривен, а епископу 15 гривен, а князь казнить.

а митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

33. Аще муж крадетъ белыя порты или портища, или полотны митрополиту 3 гривны. Также и женка.

44. Иже чернец или черница впадет в блуд, тех судити митрополиту.

45. Также или поп, или попадия, или проскурница, а впадутъ в блуд, тех судити митрополиту опроче миру, а во что их осудить волен.

56. А хто иметь судити, станет съ мною на страшнем суде пред богом и да будетъ на нем клятва святых отецъ 300 и 18 иже во Никеи и всех святых. Аминь.

29. Аже муж крадетъ белыя порты, или полотно и портища и поневы, также и женка, епископу в вине с князем наполю

35. Аже чернец, или черница, или поп, или попадия, или проскурница впадутъ в блуд, тех судити епископу оприсно мирян и во что их осудить волен.

40. А хто иметься в тыя суды в церковныя вступатися христианско имя не наречется на том, а от святых отецъ 318 да будетъ проклят.

В обеих редакциях текст общего архетипа изменен и модернизирован, причем сделано это различными путями: в Пространной редакции — в основном пополнением ее новыми статьями; в Краткой — сокращением или, чаще, расширением за счет дополнений старых, общих обеим редакциям и восходящих к их архетипу статей. Установление такого пути создания Краткой редакции важно и для определения смысла этой редакции, и для установления текста архетипа устава в том случае, если текст в Краткой и Пространной различен.

Так, чтение Краткой редакции в начале устава, в ст. 1 («Дал есмь митрополитам и епископом... по всем городом и по всей области, где христианственное»), представляет собой изменение (позднейшую модернизацию) такого же положения устава Владимира (в редакциях Синодально-Волынской группы): «... то все дал есмь по всем городом, и по погостем, и по свободам, где нъ суть христиане...» Оно заимствовано из устава Владимира, который находится в рукописях в одном комплексе с уставом Ярослава Краткой редакции и предшествует этому уставу.

Подобное же явление в заключительной ст. 40 устава. Здесь чтение Краткой редакции «А кто иметься в тыя суды в церковныя вступатися» перекликается с текстами той же группы устава Владимира, где о нарушении церковного судебного иммунитета говорится теми же словами, причем дважды: «А по сем не надобе вступатися ни детем моим... ни в люди церковныя, ни во все суды их» (ст. 6 Синод.-ред.); «Те все суды церкви даны суть, князю, и бояром, и судьях их в ты суды не lze вступатися» (ст. 10 Синод.-ред.). Очевидно, и здесь мы имеем дело с заимствованием в Краткой редакции из устава Владимира.

Чтения Краткой редакции в указанных случаях не могут дать материала для реконструкции текста архетипа устава.

Общими для обеих редакций являются статьи о нецерковных формах брака и развода с градацией ставок штрафов по группам «великих бояр», «меньших бояр», «нарочитых людей», «простой чади». В ст. 5 Краткой упоминание «меньших бояр» отсутствует,

хотя «боярин велик» упоминается, а «меньшие бояре» есть в тексте Пространной редакции. Здесь мы имеем дело с сокращением текста архетипа устава, лучше сохранившегося в Пространной редакции.

В ст. 29, 35 и ряде других Краткой редакции архетипный текст устава подвергнут большому изменению, чем в Пространной. Положения, которые находятся в тексте Пространной в виде записи отдельных сходных казусов, в Краткой объединены и обобщены. Для реконструкции соответствующих статей архетипа устава дают материал также чтения Пространной редакции.

При создании текста Краткой редакции архетип устава Ярослава был подвергнут обработке, которая формально очень незначительно его изменила, но по существу внесла важные положения. Некоторые из них были уже показаны.

Наиболее важное явление во взаимоотношениях между светской (княжеской) и церковной властями, которое отразила Краткая редакция устава, — ограничение судебных прав кафедр в пользу княжеской власти, сужение юрисдикции церковной власти и расширение княжеской.

В статьях 28 и 29, трактующих о краже женой у мужа продуктов сельского хозяйства и домашнего производства крестьянина (конопли, льна, жита, полотен, «белых порт» и понев), здесь появляется установление о смешанном суде епископа и князя («епископу в вине со князем наполю»), в то время как в Пространной редакции оба случая принадлежат церковному суду, которому идут и все штрафы. Такое же изменение в следующей далее статье о «свадебном и сгородном». В Краткой редакции это статья о «свадебных» и «сгородних» боях и убийствах и душугубство в этом случае карается «вирой князю с владыкою наполю» (ст. 30). В Пространной редакции — это статья о краже «свадебного» и «сгородного», и штрафы за это принадлежат митрополиту.

Маркеловский извод

31. Аже муж или женка имет красти конопля или лен и всякое жито митрополиту 3 гривны.

32. Аже муж имет красти белы порты, полотно и портища митрополиту 10 гривен. Такоже и женка имет красти.

33. Изгородное и свадебное все владыце.

Основной извод

32. Аже мужь иметь красти конопле, или лен и всякое жито, митрополиту 12 гривен. Такоже и женка.

33. Аще мужь крадеть белыя порты или портище, или полотно и митрополиту 3 гривны. Такоже и женка.

34. Аще кто иметь красть свадебное и сгородное все митрополиту.

Крестининский извод

28. Аже муж иметь красти конопля, или лен и всякое жито епископу в вине с князем наполю. Такоже и женка, аже иметь то красти.

29. Аже муж крадеть белыя порты или полотно и портища и поневы, такоже и женка епископу в вине с князем наполю.

30. Свадебное и сгородное бои и убийство аже что учпниться и душегубство платять виру князю с владыкою наполю.

Ограничение судебных прав относительно дел о душегубстве и татьбе связано с усилением власти великого князя во время сложения Русского централизованного государства в XIV—XV вв. На различных территориях, принадлежавших различным собственникам, этот процесс шел по-разному, с большей или меньшей скоростью, ограничения касались тех или иных сторон судебного иммунитета. Для нашего анализа Краткой редакции устава Ярослава важно отметить, что эти ограничения впервые известны по документам 1330-х годов, следовательно, появились еще в первой половине XIV в. Наиболее ранним документом, говорящим об изъятии из юрисдикции феодального земельного собственника Новгородского Юрьева монастыря уголовных дел — о татьбе, разбое и душегубстве, — является грамота вел. кн. московского Ивана Калиты этому монастырю об иммунитете монастырских людей в принадлежащем московской администрации городе Волоке 1337—1339 гг.^{96а} Эта грамота была вызвана особым положением г. Волока, находившегося на пограничье Новгородских и Московских земель⁹⁷. Несомненно, что дела о разбоях и душегубстве в пограничном городе, политическая принадлежность которого определялась наличным соотношением сил между Москвой и Новгородом, касались прежде всего защиты в нем представителей московской администрации, торговых и других агентов. Исключение этих уголовных дел из юрисдикции новгородского монастыря, таким образом, может быть прочно связано с политическим положением города в 1330-х годах. Наличие же в перечне уголовных дел и татьбы было вызвано, очевидно, не только столкновением московско-новгородских интересов в Волоке, но и общей политикой крупных феодалов, какими были московские князья, направленной на усиление политической и экономической власти за счет других, соседних собственников.

Постепенный переход уголовных дел в вотчинах местных феодалов к московским и последним удельным князьям происходит, судя по сохранившимся документам, в течение XIV—XVI вв. и зафиксирован в Белозерской земле в первой четверти XV в.⁹⁸, на Вологодской земле — в середине XV в.⁹⁹, в Рузском уезде — в 1460-х годах¹⁰⁰, в Галицком — в 1480-х годах¹⁰¹, в Кашинском уезде в начале XVI в.¹⁰², в Рязанской земле — после ликвидации

^{96а} ГВНП, № 86, стр. 143; ААЭ, т. 1, № 4, стр. 2 «...а волостелем (московским) их (юрьевских монастырских людей) волоцким (т. е. московским) на Володе не судити, *опроче татбы, и разбоя, и душегубства*, а то (остальные дела) судит их (монастырских людей) человек св. Юрья про-межи собою...»

⁹⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, т. II, стр. 116.

⁹⁸ АСЭИ, т. II, № 45, стр. 31 (1397—1427 гг.); № 49, стр. 33—34 (1428—1432 гг.).

⁹⁹ Там же, и № 169, стр. 106 (1456 г.).

¹⁰⁰ АСЭИ, т. III, № 243, стр. 263 (1488 г.).

¹⁰¹ Там же, № 63, стр. 95 (1462 г.).

¹⁰² ААЭ, т. I, № 152, стр. 123 (1509 г.); № 158, стр. 128 (1514 г.).

Рязанского княжества, в 1520-х годах¹⁰³. Продолжительное время сохраняют судебный иммунитет по уголовным делам монастырские феодалы в Ярославском¹⁰⁴, Суздальском уездах¹⁰⁵, на Кемь¹⁰⁶.

Однако до того, как суд по уголовным делам перешел к княжеской власти и оказался зафиксированным в «жалованных» грамотах, мы встречаемся со следами, указывающими на определенные столкновения в юрисдикции, борьбу между князем и его администрацией, с одной стороны, и монастырем — с другой.

На это указывают, как нам представляется, частые оговорки в иммунитетных грамотах о том, что суд по этим самым уголовным делам сохраняется за «жалуемым» монастырем или передается этому монастырю. Такова, например, формула грамоты кашинского великого князя Василия Михайловича и его удельных князей тверскому Отрочу монастырю 1361—1365 гг. «А что ся учинит или разбой, или душегубство, или татба, который суд ино будет меж монастырских людей, судит их и дворян, дееть монастырский тивун один, а нашим судьям не надобе»¹⁰⁷. Она указывает на то, что дела о разбоях, душегубстве и татьбе в 1360-х годах в Тверском княжестве, как, очевидно, и в других феодально развитых землях, были делами спорной принадлежности и сохранение их за монастырем (или передача их ему) или за князем зависело от политического соотношения сил этих двух сторон и требовалась специальная фиксация в жалованной грамоте того, кому из них принадлежали уголовные дела. Появление грамоты с подобной же формулой около 1320-х годов в результате споров и недоразумений ярославского князя Василия Давидовича с архимандритом Спасского монастыря Пименом известно в литературе¹⁰⁸. Здесь полный податной и судебный иммунитет утвержден за монастырем в обмен на ежегодную выплату князю двух рублей¹⁰⁹.

Появление в Краткой редакции устава Ярослава ограничения судебных функций церковной власти — митрополичьей или епископских кафедр — по делам о кражах и убийствах находится в не-

¹⁰³ АЮ, № 24, стр. 59 (1520 г., в акте 1584 г.).

¹⁰⁴ Формула «а ведает и судит анхимандрит... и в татьбе с поличным во всех делех» (АСЭИ, т. III, № 219, стр. 236 (1509—1510 гг.)).

¹⁰⁵ Сохранение иммунитета «по старине и с судом» (АСЭИ, т. II, № 441, стр. 483. 1440—1444 гг.); «с судом, и с татьбою, и с поличным...» (АИ, т. I, № 29, стр. 57—58, «после 1425 г.»).

¹⁰⁶ Архаичная иммунитетная формула «с судом и з данию» (АСЭИ, т. II, № 295, стр. 250—251, 1495—1506 гг.).

¹⁰⁷ ААЭ, т. 1, № 5, стр. 3. Подобные формулы в грамотах тверского великого князя Бориса Александровича (1437—1461 гг.); ААЭ, т. I, № 34, 35, стр. 27 и в других.

¹⁰⁸ Б. Н. Тихомиров. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси. — «Историк-марксист», 1936, кн. 3 (55), стр. 9.

¹⁰⁹ «А что учинится между спаскими людьми бои, или татьба, или душегубство, или самосуд, то все судит игумен и вину емлет в дом святого Спаса, а нашим судьям не надобе, ни дворяном» (АСЭИ, т. III, № 190, стр. 204).

сомненной связи с этим процессом постепенного перехода юрисдикции по уголовным делам от вассалов к сеньору.

Оригинальная форма этого перехода — смешанный суд представителей епископа и князя — вызвана самим характером этих дел, условиями, в которых произошли кража и убийство. Устав кн. Ярослава был судебником не только для сидевшего на земле кафедр и зависимого от них населения, но и для всего населения Руси, не подлежащего княжеской юрисдикции по определенным семейным и брачным делам. Однако и в жизни семьи, и при заключении брака нередко возникали преступления против жизни и собственности, которые относились уже не к «духовным делам», а к сугубо светским, к уголовным.

Старшие тексты устава Ярослава свидетельствуют, что первоначально, очевидно в пору существования Древнерусского государства и при феодальной раздробленности, эти дела, как связанные с браком и семьей, принадлежали юрисдикции церкви. На то, что в XII—XIII вв. в подобных делах не отделяли еще четко уголовные преступления от близких к ним «духовных», указывает включение в перечень церковных судов Смоленской грамоты 1136 г. слов: «зелья и душегубства — тяжа епископа»¹¹⁰. Здесь имелась в виду, очевидно, смерть, вызванная отравлением в результате каких-то колдовских или лечебных действий. Эти случаи в грамоте, изданной князем, принадлежат ведомству церкви.

Изменения в компетенции церковного суда относительно кражи и душегубства в Северо-Восточной Руси можно отнести к XIV и XV вв., времени, когда там идет процесс перехода юрисдикции духовных феодалов по уголовным делам к их сеньорам — князьям. Перед нами, таким образом, новое свидетельство эволюции феодального иммунитета в период сложения Русского централизованного государства.

Ст. 25. Краткой редакции о покушении на самоубийство в результате насильственного брака имеет сравнительно с соответствующей статьей Пространной добавление:

Маркеловский извод

28. Аще девка не восхождет замуж, а отец, мати в силу дадут, а что сотворит над собою, отец, мати владыце в вине.

Крестининский извод

25. Аже девка не восхочит замуж, а отецъ и мати силою дадутъ, а что створит над собою, отецъ и мати епископу в вине, а истор има платити. Также и отрок

Истор или истора — расход, издержка. В Краткой редакции имеются в виду, очевидно, издержки, связанные со свадебной процедурой, которые были произведены другой стороной, родителями мужа, и которые теперь, в результате смерти жены, должны быть внесены ее родителями в семью мужа для того, чтобы при следующей его женитьбе было на что устраивать следующую свадьбу.

¹¹⁰ ПРП, вып. 2, стр. 41.

Статья, говорившая прежде об уголовном преступлении, об ответственности за действия, приведшие к самоубийству, в результате этого добавления стала говорить и об имущественных взаимоотношениях в связи с браком. Это свидетельствует о большей роли товарно-денежных отношений в пору создания Краткой редакции, чем при создании архетипа устава или Пространной редакции, и развития гражданского, имущественного права.

Как было указано уже выше, при анализе ст. 4, составитель Краткой редакции не только добавлял к древнему тексту устава новые положения, но и сокращал его. Это наблюдение важно в связи с тем, что в Краткой редакции нет нескольких статей, которые судя по другим данным, присутствовали в архетипе устава.

В уставе Ярослава можно выделить целую группу статей, аналогичных ст. 4. Характерным для этой группы является то, что во всех статьях идет речь о нарушении брачного права, наказанием в них являются штрафы, размер которых зависит от юридического положения семьи потерпевшей, при этом высшие ставки исчислены в гривнах золота. Таких статей в Пространной редакции пять (ст. 2, 3, 4, 7, 30 по Осн. изв.), а в Краткой — четыре (ст. 2, 3, 4, 26). Всю эту группу статей нужно относить к архетипу устава. Однако из этой группы одна статья «Аще девка засядет...» (ст. 7 Основн. изв.) отсутствует в Краткой редакции. Мы имеем здесь дело, очевидно, с сокращением архетипа устава составителем Краткой редакции, в результате которого эта статья была опущена. Преследование церковью как публичной властью родителей за то, что их дочь не вышла замуж, которое имело определенные причины при создании этой статьи, в XI в., со временем, очевидно, утратило смысл. Юридические памятники XIV—XV вв. и епитемийники этого времени не содержат каких-либо сведений о том, что правовые или духовные нормы, аналогичные указанной статье, существовали.

Признав, что статья о «засевшей девке» исключена составителем Краткой редакции, мы будем иметь в совокупности всех его редакторских изменений свидетельство о значительной по существу переработке памятника, имевшей целью приблизить его к действующим нормам. Текст, появившийся в результате его работы, во всех тех плоскостях, которые привлекли внимание редактора, — в перечне поступков, подлежащих суду публичной власти, в принадлежности их княжескому или церковному суду, в социально-юридической градации общества — в основном отвечал, очевидно, этим действующим нормам.

Прослеженные выше изменения, которые были внесены в ведомственную принадлежность уголовных дел, связанных с семейным и брачным правом, показывают, что редактор защищал интересы не только епископских судов, как это следовало бы ожидать; исходя из основного содержания устава. Он руководствовался и княжескими интересами, отразил стремление княжеской власти

Северо-Восточной Руси к ограничению судебного иммунитета церкви. Краткая редакция устава создавалась не любителем-графоманом в каком-либо провинциальном монастыре. Она должна была отразить действительную практику, быть судебником, удовлетворявшим в той или иной степени и церковную, и светскую власть там, где они соприкасались и перекрещивались.

На определенную связь Краткой редакции с Москвой, с территорией Московского великого княжества, указывает ряд данных. Это, во-первых, распространение списков этой редакции, которое определяется по ранним припискам в рукописях или месту их традиционного хранения; во-вторых, места возникновения изводов и видов редакции, установленные выше; в-третьих, административная и территориальная принадлежность сопровождающих изучаемый текст статей; наконец — информация, заключенная в самом тексте памятника: его юридические нормы, денежный счет и язык.

Старшая археографическая традиция Крестининского извода XV—середины XVI в. связана с северо-восточными землями: Москвой (Ч, Ак), Ферапонтовым монастырем (ЕФ), Волоколамском (Ин); во второй половине XVI в. списки были известны в Москве (С, Ус), Троицком Сергиевом монастыре (ТА, СЛД), Кирилло-Белозерском монастыре (К, КТ), Новгороде (ЕА), Вологде (ИИ), Сольвычегодске (ИК), в Антониевом Сийском монастыре (АА); в XVII в. их ареал расширился: списки появились в Киеве (Кс), Соловецком монастыре (вклад из Троицкого монастыря СЛД, СЛК), Пермском Пыскорском монастыре (УП, ПП). Как определил М. Н. Тихомиров, списки кормчей в соединении с «Мерилом» были распространены в пределах Московской земли, в широком смысле этого слова. Он справедливо считает «Мерило праведное» в составе этой кормчей памятником Московской Руси¹¹¹.

Фроловский извод сопровождается грамотами вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита, составленными в Москве в 1402 и 1419 гг., что указывает на московскую принадлежность извода.

Бальзеровский извод, также сопровождающийся подтвердительной грамотой Киприана 1402 г., был включен в состав Софийской I летописи при создании второй ее редакции. По определению А. А. Шахматова, вторая редакция летописи — московский памятник, принадлежащий москвичу, преданному «интересам своего княжеского дома»¹¹². Ветвь, представленная списками Бальзеровским, Воронцовским и Царского, восходит к общему тексту, который в отличие от основного списка второй редакции, характерен несколькими дополнительными вставками из московской летописи¹¹³. Сборник княжеских уставов входит только

¹¹¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде, стр. 120—121.

¹¹² А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 218—219.

¹¹³ Там же, стр. 220.

в группу списков, близких к Бальзеровскому¹¹⁴, он сохранился также в отдельном списке, отрывке из большой рукописи, очевидно, также Софийской I летописи¹¹⁵. Музейный список 3841 конца XV—начала XVI в. происходит, очевидно, из Пафнутьева Боровского монастыря: он содержит современные записи, связанные с этим монастырем¹¹⁶.

Распространение списков Краткой редакции в XV—XVI вв. из Москвы и на территории Московского великого княжества позволяет связывать и возникновение Краткой редакции с Москвой.

Подтверждение княжеских уставов в Москве в 1402 г. говорит о том, что этот состав сборника княжеских уставов, включающий Краткую редакцию устава Ярослава, во-первых, был известен в начале XV в. в Москве, во-вторых, был утвержден в качестве официального московского княжеского и митрополичьего текста и оставался им и позже, при Фотии.

В грамоте вел. кн. Василия и Киприана (и Фотия) дважды указано, что княжеские уставы, подтвержденные в 1402 г., были выписаны из «старого номоканона»: «изнашед старыи номоканон», «списан же бысть сии сверток (в других списках: список, свиток) из великого и старого номоканона на Москве...»

Номоканон — это кормчая книга, «великий и старый номоканон» — это, очевидно, та же книга, значительно расширенная на русской почве, с местными добавлениями, переписанная за несколько десятилетий до 1402 г., вероятно, еще на пергамене. Мы знаем списки такого рода, например, новгородскую Синодальную и Варсонофьевскую кормчие, представляющие огромные тома на более чем шестистах пергаменных листах.

Устав Ярослава вместе с уставом Владимира и двумя названными выше памятниками, действительно, входил в состав кормчей книги, но в более поздней обработке, чем та, что представлена в новгородской Синодальной и Варсонофьевской кормчих. Это — кормчая в соединении с «Мерилом праведным», или Чудовская редакция кормчей, включающая текст устава, обозначенный нами как извод кормчих. Из двух ранних видов этого извода Крестининский ближе к архетипу извода, чем Овчинниковский, представляющий собой его переработку. Фроловский, Бальзеровский и Академический изводы устава восходят к тексту, близкому к Крестининскому виду.

В 1402 г. из списка кормчей, близкой по содержанию к Чудовской редакции или принадлежавшей этой редакции, списка, относящегося к XIV в. («старый» номоканон), был выписан

¹¹⁴ ЛОИИ, Археогр. 23; ГБЛ, Муз. 3841; Муз. 5710.

¹¹⁵ ГБЛ, Унд. 820, представляет собой 13—15-ю тетради и начало 16-й тетради утраченной рукописи (см. л. 25).

¹¹⁶ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114.

сборник княжеских уставов и подтвержден князем Василием и митрополитом Киприаном.

Но когда княжеские уставы попали в кормчую?

Чудовскую редакцию кормчей книги в связи с анализом Чудовского (Розенкамповского) извода Русской Правды изучал М. Н. Тихомиров. Он определил эту редакцию как памятник, созданный в течение XIV в. в несколько приемов на основе какой-то кормчей типа новгородской Синодальной с добавлениями, по-видимому, из Рязанской кормчей¹¹⁷. На наиболее раннюю дату составления указывает Правило митрополита Максима (ум. 1305 г.).

Этот прототип Чудовской кормчей был снабжен сборником «Мерило праведное» в переработанном виде. Возникновение кормчей в соединении с «Мерилом» М. Н. Тихомиров датирует первой половиной или началом XIV в.¹¹⁸ Эта кормчая продолжала дополняться и позже. Возникновение Чудовского извода Русской Правды и включение его в кормчую М. Н. Тихомиров относит к более позднему времени и предположительно связывает с деятельностью епископа Дионисия Суздальского (1374—1382) и кн. Дмитрия Константиновича, хотя не приводит в пользу такой датировки конкретных данных. Выводы исследователя о возникновении Чудовской редакции кормчей в первой половине XIV в. не противоречат нашему утверждению об использовании в начале XV в. в Москве списка кормчей этой редакции.

Возникновение Чудовской кормчей в основном ее составе, с номерами глав и оглавлением, нет оснований относить ко времени позже начала XIV в. Основным источником ее была кормчая, возникшая вскоре после собора 1274 г. и послужившая основой для ряда обработок древнерусских кормчих последней четверти XIII в. Этот источник может быть отнесен к 1280 г., к Владимирской Руси¹¹⁹. В Чудовской кормчей вслед за тремя традиционными местными правилами — киевским (1080—1089 гг.), новгородским (1130—1156 гг.) и владимирским (1274 г.) следует Правило митрополита Максима о постах, датируемое временем его деятельности, 1283—1305 гг. Статей последующих иерархов, в частности поучения митрополита Петра о епитимьях и вдовых полах (1308—1326)¹²⁰, других статей, которые можно было бы датировать первой половиной или серединой XIV в., там нет.

Кормчая Чудовской редакции в ее раннем, не дошедшем до нас виде — памятник, возникший, очевидно, в Москве после переезда владимирского митрополита в новую столицу.

Сборник княжеских уставов не входит в эту основную часть кормчей и включен позже. Однако далеко относить пополнение

¹¹⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 108.

¹¹⁸ Там же, стр. 120.

¹¹⁹ Я. Н. Шапов. К истории текста, стр. 299—300.

¹²⁰ Эта статья включена в кормчую середины XVI в. — ГИМ, Син. 222; РИБ, т. VI, стр. 159—164.

кормчей дополнительными статьями, среди которых были и выписки из сборника «Мерило праведное», нет оснований. И среди новых статей мы не встречаем поздних, относящихся, например, к XV в.

Создание Краткой редакции устава Ярослава — поновление древнего архетипного его текста и приспособление его к новым условиям начальной поры формирования русского централизованного государства — можно связывать с этим пополнением кормчей книги времени первого московского митрополита Максима сборником княжеских уставов. Это произошло также в Москве, очевидно, в середине XIV в., следовательно, в княжение Семёна (1340—1353) или Ивана (1353—1359) Ивановичей, при митрополитах Феогносте или Алексее ¹²¹.

Пространная редакция и кодификация древнерусского права во второй половине XII—начале XIII в.

Пространная редакция возникла в результате значительной обработки текста архетипа устава. Эта обработка затронула весь текст, с первых до последних статей. Через весь текст проходят особые, свойственные этой редакции ставки штрафов; для большинства статей этой редакции характерно именование вершителя церковного суда митрополитом (в Краткой редакции он называется епископом).

Однако основным в изменении древнего текста было пополнение его новыми статьями и изменение старых, которые показывают развитие и кодификацию древнерусского права, отражают изменения в социально-экономической и политической жизни страны.

Наибольшее количество добавлений и изменений было посвящено фиксированию норм брачного права, главным образом права развода. Это установление о несостоявшемся свадебном сговоре; о самовольном уходе жены от мужа и новом ее браке; изменение, касающееся самовольного развода по вине мужа, — уточнение случая, когда брак был и не был венчан; добавление статьи о краже внутри семьи, как недостаточном основании для развода, наконец, включение кодекса права развода — перечня поступков жены, являвшихся основанием для развода по ее вине.

¹²¹ Московскому происхождению Краткой редакции устава середины XIV в. не противоречит упоминание в ст. 29 поневы, как одного из видов одежды, кража которой преследуется князем и митрополитом. Комплекс женской одежды с поневой был для славянского населения на территории Москвы исконным и, как указывает М. Г. Рабинович, продержался в Московском крае очень долго. Лишь к XVI в. поневу вытеснил сарафан — в Домострое понева не упоминается (М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 283—284).

Статья о «сыре» — о свадебном сговоре, после которого не последовало заключения брака¹²² отражает значительное развитие брачного права, причем на местной, древнерусской основе, хотя здесь упоминается весьма архаичный обряд.

Резание сыра — один из древнейших восточнославянских языческих обрядов принесения жертвы. Об этом говорят слова, которые автор Сказания о Борисе и Глебе (конец XI — начало XII в.) вложил в уста Глеба, чувствующего, что его убийство — не наказание за содеянное зло, а жертва: «Аз братие, и зълбюем и възвръстъмъ еще младеньствую. Се нѣсть убійство, нѣ сырорѣзаніе. Чьто зъло сътворихъ, съвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си»¹²³. На Руси, в частности в Новгородской земле, вплоть до XII в. это была жертва языческим божествам, дававшим продолжение жизни, что видно из вопрошения Кирика к Нифонту: «Аже се Роду и Рожаницѣ крають хлѣбы, и сыры, и медъ? — Бороняше велми: нѣгдѣ, рече, молвить — горе пьющим Рожаницѣ!»¹²⁴. Позже резание сыра осталось в качестве основной части сговора, предшествовавшего свадьбе. В Домострое, московском памятнике XVI в., резание сыра и угощение им входит в состав официальной светской свадебной обрядности¹²⁵. Н. Сумцов привел этнографические данные о распространении свадебных обрядов с употреблением сыра у русских, украинцев, белорусов, поляков, лужицких сербов в XIX в. Наиболее близкий случай записан у западных украинцев в бывшем Бельском уезде Седлецкой губернии. Здесь сыр выносился невестой в конце сговора родителей жениха и невесты, резался сватом и раздавался всем присутствующим¹²⁶.

Отказ жениха от невесты наносил ей определенный моральный ущерб, ставя ее перед вероятностью остаться без замужества, а ее родителям — и материальный из-за такой вероятности и расходов на сговор. Согласно этой статье устава, жених или его родители возмещали материальные расходы на сговор («а что истеряли»), ущерб невесте («за сыр»), как во многих других статьях устава, платили штраф митрополиту.

Норма возмещения ущерба, связанного с нарушенным сговором, близкая к зафиксированной в уставе, известна из сообщения

¹²² «А еще про девку сыр будеть краань, за сыр гривна, а што стеря[ли] — заплатять, а митрополиту 6 гривень, а князь казнить». (Румянц., ст. 36). В Архивном изводе добавлено для большей ясности: «Аще за девку сыр краань будеть, а не так съцнят, за сыр гривна 1...» (ст. 33).

¹²³ «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. 1. Издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899, стр. 20.

¹²⁴ РИБ, т. VI, стб. 31, вопрос 33.

¹²⁵ «...Поставити сыр, да перепеча (печенье, коровай) положить, которая резати; ... и как... новобрачный князь сядет на место... а дружка в те поры благословляется перепечи и сыр резати и подносити сыр и перепечи ко всем...» («Домострой, по рукописям имп. Публичной библиотеки». СПб., 1867, стр. 188).

¹²⁶ Н. Сумцов. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881, стр. 121.

Григория Котошихина (вторая половина XVII в.)¹²⁷. Очевидно, норма такого возмещения была широко известна на территории Руси, но в уставе Ярослава она появилась лишь при создании Пространной редакции.

Статья о самовольном уходе жены от мужа и новом ее браке (ст. 11 Маркеловского и Архивного изводов, стр. 10 Основного извода и ст. 15 Румянцевской редакции...) ¹²⁸ в архетипе Пространной была близка к тексту Румянцевской: в Основном (и Археографическом) она получила добавление (дано курсивом); в архетипе Маркеловского и Архивного изводов была сокращена и снабжена словами о связи ее с предыдущей статьей.

Согласно этой статье, в случае если женою был заключен второй брак без законного расторжения первого, оба брака признавались не действительными. Статья распространяла норму о недействительности второго брака, заключенного мужем без расторжения первого, на подобный же случай, вызванный действием жены. Появление ее вслед за статьей о новом браке мужа естественно, оно свидетельствует о развитии брачного права, появлении в древнерусском праве в качестве активного действующего лица женщины, которая своими действиями также могла расторгнуть брак, как и ее муж. Однако права бывших мужа и жены в аналогичных ситуациях различны: если второй брак в обоих случаях признавался недействительным, то действительность первого зависела от того, кто был виновником его нарушения. Муж, ушедший от своей жены, мог и должен был вернуться к ней обратно; жена, ушедшая от мужа к другому, согласно норме этой статьи, к мужу не возвращалась, а должна была быть передана «в дом церков-

¹²⁷ «И тот жених смотря тое невесты, а после того ему не полюбитца, и тое невесту учнет хулить...; и тое невесты отец или мать... учнет о том бить челом патриарху или влаstem... и по сыску патриарх и власти, кто смотря хулил и бесчестил тую невесту, велят женити его на ней силно. А будет он женится до того челобитья на иной, и на нем той невесте возмут безчестье по указу» (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб., 1859, стр. 130, ст. 14).

¹²⁸.

Маркеловский
извод

Архивный
извод

Основной
извод

Румянцевская
редакция

10. Аще муж оженится иною женою, со старую (не) распустятъся, муж епископу в вине, а молодую жену поять в дом церковный, а со старую женою жит[и].

11. Аще жена поидет за ин муж, от мужа а то также.

11. А поидет жена в дом церковный, а также.

10. Аже поидеть жена от своего мужа, или блясти от мужа, ту жену поять в дом церковный, а новожения митрополиту у продажи.

ный», очевидно, учреждение монастырского типа, чем пресекалась возможность фактического сохранения второго брака или заключения нового. Ответственность за расторжение первого брака неслала жена — она оказывалась для этого недостаточно правоспособной, а второй муж, который платил митрополиту «продажу» (штраф). Статья ничего не говорит о правах обоих бывших мужей в результате такого наведения порядка в жизни двух семей, но оба они после епитимьи, очевидно, были свободны вступать в новые церковные браки.

Статья о самовольном разводе по инициативе мужа представлена в трех обработках: в Краткой редакции и в Основном и Архивном (вариант — в Маркеловском) изводах Пространной¹²⁹. Краткая, сохранившая, очевидно, наиболее ранний текст, предусматривает два случая — первый, древнейший текст: самовольный развод без учета того, был или не был венчан брак; второй (дополнение), когда брак не был венчан. В архетипе Пространной редакции первый случай получил уточнение: «а будет венчанная», в результате чего статья приобрела логическую завершенность. Так осталось, очевидно, в Основном изводе.

Эта обработка относится ко времени, когда церковный брак не получил еще всеобщего распространения, и церковь вынуждена была считаться с существованием браков, заключенных по старому языческому обряду, и даже оберегать его своим авторитетом и своей властью от расторжения.

В 80-х годах XI в., судя по правилам киевского митрополита Иоанна II, церковным браком венчались «токмо» бояре и князья, а «простые люди» обходились без «благословения и венчания», ограничиваясь «плясаньем и гуденьем (музыкой), и плесканьем (очевидно, пляски под хлопки)». Иоанн называет такую языческую свадьбу «тайнопоиманием» и назначает за нее епитимью¹³⁰. Во второй половине XIII и начале XIV в. невенчаные браки на Руси продолжали беспокоить служителей церкви. Среди вопросов сарайского епископа Феоноста 1276 г. есть вопрос о том, может ли печь просфоры, т. е. принимать участие в подготовке

129

Маркеловский извод	Архивный извод	Основной извод	Краткая редакция (Крест. изв.)
18. Аще муж 18. Аще муж 18. Аже мужь 17. Аже мужь	с женою роспу- с женою роспу- с женою по своей	стится в своей стится в своем ною по своей воли роспустится,	с женою по своей воли роспустится, епископу 12 гри-
воли а будут вен- воли, а будет венчанная, и да- вен, а буде не	чаны, дадут мит- венчанная, то свя- венчанная, митропо-	дут митрополиту венчаный, епи-	скупу 6 гривен.
рополиту 12 гри- тителю 12 гривен. дят митрополиту венчаный, епи-		12 гривен. А бу- скупу 6 гривен.	
в[ен]		деть ли не вен- чальная, митропо-	
		литую 6 гривен.	

¹³⁰ РИБ, т. VI, стб. 18, § 30.

к церковному таинству, «невенчанная жена по мужни смерти, аже будет чисто житие...»¹³¹ В другом древнерусском правиле, которое С. И. Смирнов связывает с Южной, Киевской, Русью конца XII—XIII вв., говорится о необходимости церковного оформления невенчанного брака, даже если в нем появились дети, в случае, когда человек будет поставляться в священники¹³². Это правило повторяется и в «Заповеди ко исповедающимся», памятнике начала XIV в.¹³³, и многих других.

В архетипе Маркеловского и Архивного изводов второй случай — «а будет не венчанная» оказался опущенным. Со временем, когда влияние церкви проникло достаточно широко и глубоко, она перестала признавать невенчаный брак и не считала нужным принимать участие в его расторжении. Митрополит Петр (1308—1326) обличал не соблюдавших канонических правил священников: «треженѣць и четвероженѣць, имѣющи невѣнчаньны жены, тѣмъ не запрещаете»¹³⁴.

Право развода затрагивается в нескольких статьях о поступках жены: о краже у мужа и свекра, о зелейничестве жены, т. е. отправлении ею нецерковных, языческих культов¹³⁵. За эти поступки она наказывается мужем, но они не являются основанием для расторжения брака. Эта группа расположенных рядом статей

¹³¹ Там же, стб. 137—138, § 28. Это правило продолжало переписываться и позже. Один из его вариантов называется «Тимофея Александрийского ответ» (ГБЛ, Собр. МДА, № 108, лл. 35 об.—36).

¹³² «Аще кто не венчался будет с женою и достоин будет поповства, да венчався станет; достоин бо и с детьми венчаться» — «Апостольских заповедей правила святых отец» (С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, № VIII, стр. 52, 332—341).

¹³³ Там же, № XIII.

¹³⁴ РИБ, т. VI, стб. 161.

¹³⁵

Маркеловский извод	Архивный извод	Основной извод	Румянцевская редакция
35. Аще жена имет красти мужа 3 гривны, а муж казнит, а не различит их.	34. А жена у мужа имет красти святителю 3 гривны, а муж казнит, а не различит их.	36. Аще жена (у) крадетъ, у мужа крадетъ, а муж казнитъ ю, а про казнить, про то не различити.	12. Аще жена крадетъ, у мужа крадетъ, а муж казнитъ ю, а про казнить, про то не различити.
37. А жена чародейца, волхва, ница, — муж доличитъ, а владыце 6 грив[ен].	36. Аще жена зелейница, чародейца, волхва, ница, — муж доличитъ, а святителю 6 гривен	37. Аще кто клетъ покрадет, также творять.	13. Аще клетъ покрадетъ также творит над нею.
	37. Аще жена зелейница, чародейца, волхва, ница, — муж доличитъ, а святителю 6 гривен	38. Аще жена будет чародейца, волхва, или ница, муж доличитъ, а не лишиться	нет статьи

появилась в архетипе Пространной редакции, очевидно, одновременно.

Значительным по объему новых юридических норм и текста добавлением в архетипе Пространной редакции является включение статей, содержащих перечень достаточных оснований для законного развода.

Древний текст устава не содержал норм расторжения брака. В нем несколько раз говорится лишь о том, что те или иные действия или состояния супругов (тяжелая болезнь или слепота жены или мужа, новая женитьба мужа без расторжения первого брака, двоеженство) не влекут за собой прекращения первого брака. Исключением является лишь статья о недействительности брака в близких степенях родства. Но нормы расторжения брака, отсутствовавшие в этом кодексе, существовали в жизни, о них говорит устав Владимира в самых ранних обработках, восходящих к XI в., и Смоленская уставная грамота 1136 г. Сами нормы были зафиксированы в некоторых древнерусских памятниках. В Вопроснике Кирика XII в. прелюбодеяние жены и невыполнение мужем супружеских обязанностей — достаточные основания для развода, не каравшегося и епитимьей; развод в связи с кражами мужем у жены одежды, вызванными его долгами или пьянством, признается обоснованным, однако сопровождается епитимьей¹³⁶.

Подобные же нормы содержат и другие памятники, источники которых не всегда можно точно определить: «Правило Халкидонского собора», которое С. И. Смирнов считал русским¹³⁷, «Устав людем о браках»¹³⁸, «Заповедь св. отец от правил вкратце»¹³⁹ и пр. Все эти правила, очевидно, не зависят от устава Ярослава и восходят к другой традиции. Некоторые нормы развода содержит заключительная статья «Закона судного людем»¹⁴⁰.

Появление в уставе князя Ярослава ряда статей о праве развода отражает, таким образом, значительное развитие этого права на Руси.

Статьи «А сими винами разлучити мужа с женою» перечисляют действия жены, которые являются достаточным основанием для расторжения брака. Это шесть групп поступков: 1) политиче-

¹³⁶ РИБ, т. VI, стб. 48. «Оже ли велми зло будеть, яко не мочи мужю държати жены, или жена мужа, или долг мног у мужа застанеть, а порты ея грабиити начнеть, или пропиваеть, или ино зло, да 3 лета».

¹³⁷ С. И. Смирнов. Материалы, стр. 242 («Аще ли прелюбы створить от него, ту видить ю своима очама да отпустить ю»).

¹³⁸ ГБЛ, МДА, врем. 108, л. 30 и другие списки («Аще ли муж блудит с иною, а жену свою бьет, и даст жена извет пред людми, а иже ся не лишит — несть вины жене отити от него. А лишитися — не ити от него»).

¹³⁹ ГБЛ, Никиф. 68, 1600 г., л. 32 («Аще кто женясь долг потант и емля порты женина или ин пристрой и дает за долг и саму бьет неповинно, яко не мочно има жити, се по нужи распустится, епитемии мужу 5 лет, а жене нет»).

¹⁴⁰ ЗСЛ Краткой редакции, стр. 109.

ское преступление: несообщение женой мужу о посягательстве на власть или жизнь монарха, в случае если она об этом узнает; 2) прелюбодеяние с поличным или подтвержденное свидетелями; 3) покушение на жизнь мужа или соучастие в нем (недонесение о нем); 4) общение жены с чужими людьми вне своего дома и без разрешения мужа, что может явиться угрозой для ее чести; 5) участие в ограблении мужа или самостоятельное ограбление его с отдачей его имущества во вне дома; 6) несообщение о готовящемся ограблении церкви.

Источником статей о разводах, как показывает сравнение текстов, не были Эклога и ее славянские переработки — «Закон судный людем» и перевод — «Леона и Константина главизны», входившие в состав известных на Руси редакций номоканона.

Эклога, II, 13¹⁴¹

«Закон судный людем»¹⁴²

«Леона и Константина главизны»¹⁴³

ἴψ'. Δόβεται ὁ ἀνὴρ ἀπὸ
 γυναῖκος διὰ τοιαύτας
 αἰτίας· ἐὰν ἡ γυνὴ αὐτοῦ
 πορνεύσῃ· ἐὰν ἐπιβουλεύσῃ
 οἰοφθήποτε τροφῇ τῇ ζωῇ
 αὐτοῦ ἢ ἐπισταμένῃ ἑτέρους
 ἐπιβουλεύοντας μὴ κατα-
 μνηύσῃ αὐτῷ· καὶ ἐὰν
 λωβῆ ἔστί·

..Разлучается муж от
 жены своя за таковыи
 грѣх, и аще обличаться
 проказу дѣючи животу
 его или ины кыя злобы,
 нъ мужу очищьюю не
 исповѣсть ему, и аще
 в недуг в прокажен впа-
 деть.

Распущается муж от
 жены сея ради вины.
 Аще жена его блуд ство-
 рить. Ли мыслити нач-
 неть какимъ любо обра-
 зомъ на живот его. Или
 свѣдуши ины мыслящая
 нань не възвѣстити ему
 и аще вред есть.

Перечень «вин», очень близкий по содержанию к перечню устава Ярослава, дают новеллы Юстиниана и включивший эти новеллы Прохирон 879 г. И одиннадцатый титул Прохирина, и его источник, 117-я и 22-я новеллы Юстиниана, содержат перечни «вин» в близком к уставу Ярослава объеме и порядке изложения. В указанных византийских памятниках отсутствуют лишь две последние статьи, которые возникли уже на местной, древнерусской почве.

Оба возможных византийских источника изучаемых нами статей устава — и новеллы, и Прохирон — были известны в славянских переводах. В составе Сербской кормчей находятся и перевод 117-й новеллы в извлечении из новелл¹⁴⁴, и перевод Прохирина под заглавием «Закона градского главы различны в четырёхдесятих гранех»¹⁴⁵. Прохирон в русской письменности известен и в другом переводе, в составе «Книг законных, ими же годится всякое дело исправить...», где есть и статьи об основаниях для раз-

¹⁴¹ «Collectio librorum juris Graeco—Romani ineditorum. Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal». Lipsiae, 1852, p. 21.

¹⁴² ЗСЛ Краткой редакции, стр. 109.

¹⁴³ «Мерило праведное», стр. 351—352.

¹⁴⁴ «Кормчая, напечатана с оригинала патриарха Иосифа». М., 1912. Издание журнала «Церковь», гл. 49, лл. 427 об.—428 об.

¹⁴⁵ Там же, гл. 44, лл. 361 об.

вода¹⁴⁶. Исследователи датируют «книги» концом XII—началом XIII в.¹⁴⁷ или концом XIV—началом XV в., связывая их с деятельностью митрополита Киприана¹⁴⁸.

Сравнение текста статей о «винах» в уставе Ярослава с соответствующими статьями переводов новелл и Прохирона в Сербской кормчей и в «Книгах законных» показывает, что, несмотря на совпадение в порядке изложения статей во всех этих памятниках, статьи устава Ярослава не связаны с этими известными переводами. Эти статьи представляют собой переработку греческого текста, отличную и от «Закона градского», и от «Книг законных», и от «Новых заповедей Юстиниана».

На стр. 458—459 приведены четыре статьи: о государственной измене жены, покушении ее на имущество мужа и об общении ее с чужими людьми, в греческих текстах и славянских переводах устава.

Текст «Сими винами разлучити...» отличается от известных переводов Прохирона и новелл не только по языку, но и частично по содержанию. Оба перевода Прохирона довольно близки к своему источнику, передавая содержание каждой статьи в подробностях. Статьи устава Ярослава кратко перелагают основное содержание статьи, опуская указания на детали конфликта и процесса. Из двух известных переводов Прохирона статьи устава Ярослава по языку ближе к переводу «Книг законных», что может объясняться, однако, русским происхождением и того, и другого («Закон градской» — сербский перевод Прохирона).

Статьи «Сими винами разлучити» представляют собой изложение глав 5—10 одиннадцатой грани Прохирона, т. е. лишь некоторых случаев расторжения брака, а именно по вине жены, в то время как начальные главы 2—4 (глава 1 — вводная): о физической неспособности мужа к браку, о расторжении по причине длительного пребывания мужа в плену, об уходе одного из супругов в монастырь — в текст устава заимствованы не были. Есть эти нормы и в «Книгах законных»: статьи устава излагают ст. 11 и следующие этого памятника, впереди которых находится десять статей о разводах по вине мужа, не попавших в этот устав.

Является ли группа из 6—7 статей о разводах в уставе Ярослава, заимствованных из византийских источников права и дополненных на Руси, кодексом, сознательно ограниченным случаями, когда виновницей расторжения брака была жена, а поступки мужа не принимались при этом в расчет или этот отбор был в какой-то степени случайным? Древнерусские памятники свидетельствуют, что нормы «распустного права», связанные с поступками мужа, в том числе те, которые известны Прохирону, применялись на Руси еще в конце XI—середине XII в. греческими иерархами. Митрополит

¹⁴⁶ А. С. Павлов. «Книги законные». СПб., 1885, стр. 16.

¹⁴⁷ Там же, стр. 1—10.

¹⁴⁸ М. П. Бенеманский. «Закон градской». Пг., 1916, стр. 87—93.

киевский Иоанн¹⁴⁹ и епископ новгородский Нифонт¹⁵⁰ признавали эти обстоятельства основанием для развода. Приведенные правила, известные в русских рукописях, допускали развод, если измена мужа жене или продажа им ее приданого сопровождалась ее избиением. Новгородская запись второй половины XV в. «О разлучении», включившая в себя изучаемый кодекс распустного права устава Ярослава, зафиксировала также некоторые нормы развода по вине мужа, которые имеют архаичный характер и не связаны непременно с новыми явлениями XV в. Это право жены на развод в случаях клеветнического (не доказанного свидетелями) обвинения ее мужем в измене или покушения на ее жизнь¹⁵¹.

Таким образом, включение в устав Ярослава норм развода только по вине жены едва ли может быть понято как намеренный выбор именно этих статей из византийских памятников. Ответить на поставленный выше вопрос позволяют византийские тексты, сходные по своему составу со статьями устава. Два известных нам таких текста, глава 8 117-й новеллы Юстиниана и глава 4 13-й грани Извлечений из новелл «От различных титул рекше граней» начинаются теми самыми статьями, которые входят в устав Ярослава. Вопреки мнению М. И. Горчакова¹⁵², текст Извлечений также нельзя рассматривать как непосредственный источник статей устава: он очень сокращен, часто значительно короче соответствующих статей устава Ярослава. Кроме того, и греческий, и славянский текст Извлечений из новелл не имеет упоминания такой причины, как посещение женой зрелищ, в то время как и новелла 117-я, и Прохирон, и устав Ярослава знают ее.

Наиболее близким к статьям устава памятником оказывается новелла 117-я. Однако текст этой новеллы сравнительно с нашими статьями очень подробен и многословен. Можно думать, что источником древнерусского кодекса был какой-то византийский текст или славянский его перевод, представляющий переработку этой новеллы, но отличающийся от известных переводов Прохирона и принадлежащий ко времени до появления на Руси перевода как Прохирона в Сербской кормчей (вторая половина XIII в.), так и «Книг законных» (возможно, также XIII в.).

Таким образом, состав статей в разделе «Сими винами...» диктовался, очевидно, тем источником, которым пользовался его составитель. Ограничившись перечислением «вин» одной стороны,

¹⁴⁹ «Мужа отлучившася своего подружья мнишеского ради житья, аще отлученая от него жена со инемъ сочетається, не възбраняється ему на иерейство прити...» (РИБ, т. VI, стб. 6).

¹⁵⁰ «Ожели мужъ на жену свою не лязитъ безъ съвета, то жена не виновата, идучи отъ него» (там же, стб. 48).

¹⁵¹ Я. Н. Шапов. Новый памятник русского права XV в. (Запись «о разлучении»). — «Славяне и Русь». Сб. статей. М., 1968, стр. 382.

¹⁵² М. И. Горчаков писал, что извлечения из новелл «От различных титул» «находятся в некоторых списках рукописных кормчих книг в связи с русскою статьею, которая присоединялась к уставу Ярослава и начиналась словами „а теми винами разлучит мужа с женою“» (М. И. Горчаков. О тайне супружества. СПб., 1880, стр. 170).

1^a. Εἰ κατὰ τῆς βασιλείας
βουλευομένοις τισὶ σύνοιδεν ἢ
γυνὴ καὶ τῷ ἰδίῳ ἀνδρὶ μὴ
φανερῶσαι. Εἰ δὲ ὁ ἀνὴρ τοῦτο
παρὰ τῆς γυναικὸς ἀπαγγελ-
θὲν^β σιωπήσει, ἐξέστω τῇ
γυναικὶ δι' οἰουδήποτε προ-
σώπου τοῦτο προσαγγέλλειν
τῇ βασιλείᾳ, ὥστε τον ἄν-
δρα μηδεμίαν ἐκ ταύτης τῆς
αἰτίας ῥεπουδίου ἢ εὐρεῖν
πρόφασιν

3^b. Ἐὰν οἰφθῆποτε τρόπῳ
ἢ γυρῇ τῇ ζωῇ τοῦ ἀνδρός
ἐπιβουλεύσῃ, ἢ ἄλλοις τοῦ-
το ποιούσι συνειδυῖα τῷ ἀν-
δρὶ μὴ φανερῶσῃ.

4^c. Ἐὰν ἀνδράσι μὴ βου-
λομένου τοῦ ἀνδρός ἐξωτικοῖς
συμποσιάζῃ ἢ συλλούηται.

5^c. Ἐὰν μὴ βουλομένου
τοῦ ἀνδρός ἐξῶ τοῦ οἴκου
μείνῃ, εἰ μήτοιγε τυχόν^η
παρὰ τοῖς ἰδίοις γονεῦσιν.

6^δ. Ἐὰν ἱππικοῖς ἢ θεά-
τροις ἢ κυνηγίοις παραγί-
νηται^ι ἐπὶ τῷ θεωρῆσαι
ἀγνοοῦντος ἢ καὶ * κωλύον-
τος τοῦ ἀνδρός.

[1] Ἐὰν συνοιδέ τινας
ἐπιβουλεύοντες τῇ βασιλείᾳ,
καὶ τῷ ἰδίῳ μὴ φανερῶσῃ
ἀνδοί.

[3] Ἐὰν ἐν οἰφθῆποτε
τρόπῳ τῇ ζωῇ τοῦ ἀνδρός
ἐπιβουλεύσῃ, ἢ τοῦτο ἐτέ-
ροις συγγινώσκουσα μὴ φα-
νερῶσῃ αὐτῷ.

[4] Ἐὰν ἐξωτικοῖς ἀνδ-
ράσι συμποσιάζῃ, μὴ βουλο-
μένου τοῦ ἀνδρός.

[5] Ἐὰν μὴ βουλομένου
αὐτοῦ, ἐξῶ τοῦ οἴκου μείνῃ
μὴ παρα τοῖς γονεῦσιν αὐτῆς,
εἰ μὴ αὐτὸς χωρὶς τῶν εἰρη-
μένων αὐτιῶν αὐτὴν ἐξωθί-
σῃ.

[1]. Аще вѣдяши свѣ-
творяща на царство
своему мужови
явити.

[3]. Аще кимь люб-
образом о животоѣ мужи
своего злое свѣщае^т
или ины нѣкыя свѣщае-
щая зло на мужа ея вѣ-
души не повѣсть ему.

[4]. Аще со внѣшним
моужи пьеть в корчем-
ници или индѣ гдѣ, ил-
мыеться в бани с ними
же, не хотящу мужев
ея.

[5]. Аще бес повелѣни-
внѣ дому своего пред-
жить не оу родител
своих, аще не сам без
реченых вин отринет
ю.

Примечание. Procheiron: α 6 β проσαγγεληθεν γ λυσεωσ γαμου δ 8 ε 9 ζ 10 η
τυχοῦσα θ 11 ι παραγενήσεται * нет

1* «Corpus Juris civilis» t. III. Novellae, 1956, p. 557.

2* А. С. Павлов. «Книги законные», стр. 79—81.

3* J. B. Pitra. Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, t. III, Ro-
mae, 1868, p. 6113.

он, однако, продолжил формирование этого кодекса, внеся в него
две дополнительные статьи: о краже женой у мужа и об ограбле-
нии женой церкви, как основаниях для развода ¹⁵³.

¹⁵³ «Аще ведет жена мужа своего покрасти клеть или товар, или сама по-
крадеть, да иным подаеть, или иметь ведати, што хотять церковь покрасти,

11. Аще на царя или на князя гадають неции, сведуще жене, и своему мужеву не объявить; аще ли же мужь ее от жены възвѣще умолчить; достойти жене кым либо образом се възвестити цареви или князю, яко да мужеви ни един же извет от таковая вины разрешение брака обрящет.

Аще кым либо образом жена мужня живота наветуеть, или инех се творящих свесть и мужеву не объявит.

Аще жена, мужеву ея не хотящу, ни велящу, с инеми мужми шестуесть, или в мовници ходитъ.

Аще не хотящу мужеву жена вне дома прелагаетъ, токмо аще прилучится в своих родителни.

Аще на коньская урисканья, или плясания, или ловления поидеть жена съмотрити, неведущую или възбраняющую мужу.

5. Аще на царство свѣщавающа нѣкия и увѣдвши жена своему мужю не повѣсть; аще мужь се от жены своея услышав умолчить подобаетъ женѣ кым либо образомъ възвѣстити цареви. якоже мужеву ея от того дне имѣти извѣта никоего же. о разлучении брака.

7. Кимь либо образомъ жена на мужа своего. на живот свѣщаетъ или инѣх се творящих свѣдущи не явить.

8. Аще мужеву ея не хотящу. со вѣшними мужи пнетъ. и мыеться с ними в бани.

9. Аще не хотящу мужеву ея. вѣ дому своего ночь преспить, токмо аще прилучиться у родителя своих.

10. Аще на коньное урискание или на позорища. или на лотвы изыдетъ, якоже позоры дѣюща. не вѣдущи ю. ли възбраняющую мужеву.

А се первая вина, услышитъ жена от иных людей, что думати на царя, или на князя, а мужу своему не скажетъ, а опосли обличитъ, разлучити.

А се 3-я вина, аще подумаетъ жена на своего мужа или зельем, или инѣми людми, или имет что вѣдати мужа ея хотять убити, а мужу своему не скажетъ а опослѣ объявится и разлучити их.

А се 4-я вина, аще жена без мужня слова иметъ с чюжими людми ходити или пити, или ясти, или опроче дому мужа своего спати, а потомъ объявится, разлучити.

А се 5-я вина, аще иметъ опроче мужа ходити по игрищам, или в дни, или в нощи, а не послушати иметъ, разлучити их.

4* И. И. Срезневский. Обзорение, стр. 192 (по списку Син. 132).

5* А. С. Павлов. «Книги законные», стр. 79—80.

6* «Мерило праведное», стр. 511—513.

7*. ГПБ, Ф. II. 251, л. 106.

а она мужу своему не скажетъ — разлучити» (Рум. ред.); «Оже жена на мужа наведеть тати, велить покрасти или сама покрадетъ, или товар, или церковь покрадши инем подаеть — про то разлучити» (Основной извод Пространной ред.).

Эти статьи отсутствуют в названных византийских и переводных памятниках. По праву, зафиксированному в Сербской кормчей, ни первый, ни второй случаи не являлись основанием для развода¹⁵⁴. Но и на Руси эти нормы, в частности развод из-за кражи имущества женой у мужа, не имели общего распространения. Архиепископ Нифонт Новгородский определяет в качестве наказания в случае кражи мужем у жены не развод, а епитимью в течение трех лет¹⁵⁵.

Среди статей, появившихся в Пространной редакции и упомянутых выше, есть аналогичная статья о краже женой у мужа, однако в этом случае такие действия жены подлежат наказанию со стороны мужа и штрафу в пользу митрополита, но не являются основанием для развода. Появление этих двух взаимоисключающих статей в уставе можно объяснить прежде всего тем, что в пору создания архетипа Пространной редакции на Руси не было единых норм «распустного права», которые применялись бы на всей ее территории, будучи утвержденными местной верховной церковной властью. Местные, уже христианские, традиции и обычаи сосуществовали с противоречивыми нормами переводных византийских памятников, и выбор тех, а не иных диктовался местными конкретными условиями, взглядами или знаниями местного иерарха или другого составителя правового свода, подобного уставу Ярослава.

Сам этот кодекс возник под рукой представителя не светской, княжеской, а церковной власти. На это указывает включение второй добавочной статьи — об ограблении церкви или соучастии в нем как основании для развода.

Существуют списки кодекса «Сими винами разлучить мужа с женою» вместе с двумя русскими статьями в сборниках самостоятельно, вне устава Ярослава¹⁵⁶.

Возможно, отрывок новеллы или ее переработки в древнерусском переводе, включенный затем в устав Ярослава, имел именно такой вид отдельной статьи. Однако известные мне списки этого кодекса трудно рассматривать в качестве источников Пространной редакции устава. Текстологический анализ показывает, что эти статьи сложились под влиянием текста устава Ярослава или прямо выписаны из него¹⁵⁷.

Текст архетипа Пространной редакции отразил изменения и в других сферах общественного развития Руси.

¹⁵⁴ А. Загоровский. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884, стр. 184—185.

¹⁵⁵ «... Или долг мног у мужа застанеть, а порты ея грабити начнеть, или пропиваеть, или ино зло — да 3 лета» (РИБ, т. VI, стб. 48).

¹⁵⁶ Мне известны: ГИМ, Син. 951, лл. 220 об.—221; ГБЛ, МДА, врем. 108, л. 37—37 об. и др.

¹⁵⁷ Некоторые из списков имеют отсутствующие в уставе Ярослава добавления, отражающие развитие «распустного права» на Руси в XIII—XV вв., в условиях усиления феодальной зависимости (см. Я. Н. Шапов. Новый памятник русского права, стр. 378—379).

К ведению церковной власти были отнесены драки между женщинами¹⁵⁸. Драками между мужчинами, принадлежавшими к различным социальным группам, ведала, согласно Русской Правде, княжеская власть. Это были нередко социальные стычки, и интересы формирующегося класса феодалов требовали пресечения подобных стычек и внесения соответствующих норм в законодательный кодекс. Конфликты другого рода, не имевшие, очевидно, классового характера, попали не в княжескую Русскую Правду, а в церковный устав. Дела об убийствах и членовредительствах при традиционных свадебных играх и боях, пережитках родоплеменного общества, попали в устав Ярослава раньше, еще в его архетип, а названные здесь стычки и драки, не носившие ни классового, ни религиозного характера,—позже, при создании архетипа Пространной редакции.

Получили дальнейшее развитие нормы внутрицерковной епархиальной жизни. С укреплением христианской церкви, увеличением числа церковнослужителей в густонаселенных районах страны сферы влияния приходских храмов пришли в столкновение, вызвав определение их границ и запрещение нарушать эти границы. Правила и поучения о соблюдении границ приходов известны в древнерусской письменности¹⁵⁹. Постановления о запрещении священнослужителю нарушать границы вошло и в текст Пространного устава¹⁶⁰.

Значительна по объему и содержанию также группа появившихся в Пространной редакции статей о контактах с людьми другой веры и другого языка.

Статьи, вошедшие в эту группу, принадлежат разному времени и связаны с несколькими периодами жизни Древнерусского государства. Здесь можно видеть разные положения, касающиеся взаимоотношений с представителями вероисповеданий Востока («жидовин», «бесерменин»), которые еще в X в. конкурировали

¹⁵⁸ «Аще две жене бьется митрополиту 60 резань на виноватой» (ст. 46 Румянц. ред.).

¹⁵⁹ Нифонт Новгородский в середине XII в. давал местному попу специальные инструкции, что говорить человеку, пришедшему из другого прихода и отказавшемуся от исповеди по месту своей «приписки»: «Емли у него (своего законного попа) молитву и дарок ему дай, яко же и переди (как и раньше делал), а со мною исправление держи отаи и слушаи мене» (РИБ, т. VI, стр. 61). Нарушение границ прихода по тем или иным причинам было частым явлением. Смоленские священники и игумены монастырей в начале XIII в. обвиняли Авраамия в том, что он своими речами переманил к себе их прихожан: «уже наши дети вся обратил есть» — «Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов» («Памятники древнерусской литературы», вып. 1). СПб., 1912, стр. 10. Переезд священника в другой приход был возможен лишь с утверждения епископа. «А в чужом пределе не служи, не взем от епископа грамоты», — говорит поучение новопоставленному XIII в. (РИБ, т. VI, стб. 108). Ср. правила соборов, перечисленные в главе 2 грани 8 Синтагмы XIV титулов.

¹⁶⁰ «Аще поп детя крестить у чужом уезде или иное что священническое, развеи нужа и болезни, митрополиту у вине» (ст. 49 Румянцевской ред.).

на Руси с христианством и в течение долгого времени оставались его соперниками и противниками. Эти статьи (ст. 49 Маркел. изв.) принадлежат, очевидно, раннему времени, XI—XII вв.¹⁶¹ В дальнейшем, однако, после монгольского завоевания в связи с распространением среди завоевателей мусульманства эта статья приобрела, очевидно, особое значение. Ставка штрафа в 50 гривен в статье о блуде иноверца с «русской», отличающаяся от 40-гривенной ставки и ее долей в статьях XI—XII вв., могла быть внесена позднее, в XIII в.

Запрещение употреблять в пищу мясо определенных животных («кобылина», «медведина») имело также различное значение в течение X—XIV вв. В XII в. в Новгороде Нифонт не рекомендует строго наказывать «смердь», «иже по селам живут», которые «ядять веверичину и ино»¹⁶². Однако упоминание «кобылины» в уставе XII—XIII вв. имеет, очевидно, уже другое, религиозное значение. Конина была обычной пищей кочевых народов, в частности половцев¹⁶³.

Статья о запрете совместной еды с иноверцами, в том числе принадлежавшими той же древнерусской, а также другим народностям, возникла, очевидно, позже, чем статьи о «жидовине» и «бесерменине»: она сменяет указание конкретных представителей иноверцев на обобщенное их определение; вводит в число иноверцев представителей своей народности, наконец, дополняет первоначальный перечень «крупных» дел в общении разноверцев (браки, сожительство) «мелочными» придирками («ни ясти, ни пити»). Однако сами эти требования не общаться с иноверцами относятся к раннему времени. Митрополит Иоанн в 1080-х годах дал несколько определений о том, как поступать в подобных случаях¹⁶⁴.

Обращает на себя внимание отсутствие в перечне людей чужой веры, общение с которыми наказывается церковью, — представителей католицизма, христиан римской ориентации¹⁶⁵. Как и упо-

¹⁶¹ М. Н. Тихомиров. Бесермены в русских источниках. — «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 50—57.

¹⁶² РИБ, т. VI, стб. 47—48.

¹⁶³ Слова «или кобылину» были опущены затем в тексте Румянцевской редакции, обработке, которую я связываю с Юго-Западной Русью начала XV в. Возможно, здесь нашли отражение изменения на этой территории Руси в течение XIV в., когда влияние обычаев кочевников значительно пало.

¹⁶⁴ «А иже ядять с погаными не ведаю, молитву творить на осквернение токмо, и тако примати достойть»; «иже своею волею ходять к поганым купли ради и скверное ядять... иже именья ради их скотолоубья (т. е. любви к деньгам) ради с погаными оскверняются иже с ними пребываньем и деяньем, от церкве не възбраняються, но токмо молитвами и моленьем да очистяться...» (РИБ, т. VI, стб. 9, 15—16).

¹⁶⁵ Иного мнения держится Г. Пашкевич, для которого фраза устава «или от нашего языка некрещен будет» является указанием на человека инохристианской, католической веры. Однако его попытка показать, что слово «язык» здесь употреблено в значении «вера», не является убедительной

минание людей принадлежавших к древним нехристианским верам, известным в Восточной Европе, это характерно для сравнительно раннего времени. В течение XI—XII вв. в древнерусском обществе отсутствует вражда к христианам-католикам, и попытки иерархов, прежде всего греческих, обострить отношения христиан разных вероисповеданий не были успешными¹⁶⁶. Католическая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII в. значительно ускорила проникновение в древнерусскую общественную мысль враждебности к католицизму. Включение латинян в список иноверцев показывают русские памятники более позднего времени, в частности правила «Аще двоеженец», которое С. И. Смирнов относит к XIV в. и предположительно к Новгороду¹⁶⁷, и связанный с ним «Устав людем о брацех»¹⁶⁸.

Данные анализа текста Пространной редакции позволяют отнести ее создание к XII—первой четверти XIII в. Результаты изучения денежного счета этой редакции (о котором ниже) подтверждают этот вывод. Денежный счет Пространной редакции принадлежит к тому же периоду денежного обращения, что и счет архетипа устава, до середины XIII в. На принадлежность обоих текстов к одному периоду указывает и сохранение в Пространной редакции счета архетипного текста (в отличие от Краткой, где этот счет поновлен), и в еще большей степени — применение тех же единиц и ставок в статьях, которые появились впервые при создании Пространной редакции. Счет Пространной редакции близок к счету архетипа устава, как счет Пространной Правды Русской к счету Краткой.

Денежный счет устава Ярослава и его свидетельства о времени возникновения и бытования устава

Для определения времени возникновения устава Ярослава, времени и места его многочисленных переработок важен анализ денежного счета памятника. Эта работа не была проделана прежде. Исследователи, специально занимавшиеся уставом, не подвергали анализу ставки штрафов, указанные в нем, не сравнивали эти ставки в различных списках устава. Как было указано выше, лишь В. О. Ключевский, уделивший уставу большое внимание в своем

(см. Н. Paszkiewicz. The Making of the Russian Nation. London, 1963, р. 32—41).

¹⁶⁶ Я. Н. Шапов. Некоторые вопросы идеологии Древней Руси, стр. 229.

¹⁶⁷ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. 350, 352. «Аще поган хто хлебы принесеть, или латынин, или жидовин, или питье и ядь своего доспеха, не емлите...» (Там же, стр. 74, ст. 44).

¹⁶⁸ ГБЛ. МДА, врем., 108, лл. 30 об.—31.

Казусы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянцевская ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
Умыкание дочери боярской	5 гр. зол.	5 [гр.] золота	5 гр. зол.	5 гр. золота	5 гр. зол.	5 гр. зол. <i>(ИК, ЕФ, Х,</i> <i>Увар. вид. —</i> <i>10 гр. зол.</i>	5 гр. зол.	5 гр. зол.
митрополиту (в Краткой ред. здесь и ниже — епископу)	«также»	«Также»	5 гр. зол.	5 гр. золота	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.
меньших бояр митрополиту	1 гр. зол.	3 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.
добрых людей митрополиту	[нет казуса]	[нет казуса]	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.
на умчниках митрополиту по	1 гр. сер.	3 гр. сер.	1 рубль	1 рубль	2 гр. сер.	5 гр. сер.	5 гр. сер.	5 гр. сер.
Пошибание дочери боярской	«также»	«таже»	1 рубль	1 рубль	1 рубль	5 гр. зол.	5 гр. сер.	5 гр. сер.
митрополиту меньших бояр	60 гр.	60	60	60	60	1 гр. зол.	1 гр. сер.	1 гр. сер.
митрополиту нарочитых (добрых) людей	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.
митрополиту простой чади	[нет казуса]	[нет казуса]	5 гр. зол.	5 гр. зол.	«также»	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.
	1 гр.	3 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	5 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.
	«таже»	«тоже»	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.
	2 рубля	2 рубля	2 рубля	2 рубля	2 рубля	3 рубля	3 рубля	3 рубля
	2 рубля	[нет казуса]	2 рубля	2 рубля	2 рубля	3 рубля	3 рубля	3 рубля
	12 гр.	12 гр.	12 гр. кун	12 гр. кун	12 гр. кун	15 гр.	15 гр.	15 гр.

Казузы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянцевская ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
митрополиту	12 гр.	12 гр.	12 гр.	12 р. кун (СЧ, СМ, ПЧ 12 гр.)	12 гр. кун	15 гр.	15 гр.	15 гр.
Оставление жены великих бояр митрополиту меньших бояр	5 гр. зол. «тоже» 1 гр. зол.	5 гр. зол. «тоже» 1 гр. зол.	300 гр. 5 гр. зол. 1 гр. зол.	300 гр. 5 гр. зол. 1 гр. зол.	300 гр. 5 гр. зол. 1 гр. зол.	300 гр. 5 гр. зол. [нет казуса]	300 гр. зол. 5 гр. зол. [нет казуса]	5 гр. зол. 5 гр. зол. [нет казуса] (ВС. 1 гр. зол.)
митрополиту	«таже»	«также»	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	[нет казуса]	[нет казуса]	[нет казуса] (ВС. 1 гр. зол.)
нарочитых людей митрополиту простой чади	2 рубля «таже» 12 гр.	2 рубля 2 рубля 12 гр.	2 рубля 2 рубля 12 гр.	2 рубля 2 рубля 12 гр.	2 рубля 2 рубля 12 гр.	3 рубля 3 рубля 15 гр.	3 рубля 3 рубля 15 гр.	3 рубля 3 рубля 15 гр.
митрополиту	«таже»	12 гр.	12 гр.	12 гр.	12 гр.	15 гр.	15 гр.	15 гр.
О засевшей девке великих бояр	5 гр.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	2 гр. зол. (ПЧ 12 гр. зол.)	5 гр. зол.	[нет статьи]	[нет статьи]	5 гр. зол.
меньших бояр нарочитых людей	[нет казуса] 12 гр.	1 гр. зол. 12 гр.	1 гр. зол. 12 гр.	1 гр. зол. 12 гр.	1 гр. зол. «2 руб. или 12 гр.»			1 гр. зол. 12 гр. сер., митрополиту 12 гр.

Казусы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянецкая ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
простой чади	1 рубль	1 рубль	1 рубль	1 рубль	«1 гр. сер. или 1 руб.»			1 гр. сер., митрополиту 1 гр. сер.
О толоке на умычнике митрополиту девице за срам	1 гр. сер. 3 гр.	«гривен серебра» 3 гр.	[нет статьи]	[нет статьи]	1 гр. сер. [нет казуса]	3 гр. сер. 3 гр. сер. (ПП, ПК 200 гр. сер.)	3 гр. сер. 3 гр. сер.	3 гр. сер. 3 гр.
на толочанех по	60 гр.	60			60	1 рубль	1 рубль	1 рубль
Блуд кума с кумой	12 гр.	12 гр.	12 гр.	[нет статьи]	12 гр.	1 гр. зол.	1 гр. зол.	1 гр. зол.
Поджог, митрополиту	40 гр.	40 гр.	40 гр.	40 гр.	40 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.
Блуд с сестрой митрополиту	40 гр.	40 гр.	40 гр.	[нет статей]	40 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.
Блуд близких родственников, митрополиту	«гривна»	«гривен»	<i>ОвА, ОIII</i> 40 гр. <i>ОI. УIII</i> 30 гр.		«30 или 40 гр.»	80 гр.	80 гр.	50 гр.
Двоеженство митрополиту	20 гр.	20 гр.	20 гр.		20 гр.	40 гр.	40 гр.	40 гр.
Самовольный развод								
с венчанной, митрополиту	12 гр.	12 гр.	12 гр.		12 гр.	12 гр.	12 гр.	12 гр.
с невенчанной, митрополиту	[нет казуса]	[нет казуса]	6 гр.		6 гр.	6 гр.	6 гр.	6 гр.

Казусы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянцевская ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
Блуд иноверца с русской	50 гр.	50 гр.	50 гр.	[нет статей]	50 гр.	[нет статьи]	15 гр.	50 гр.
Блуд с черницей, митрополиту	40 гр.	40 гр.	40 гр.		40 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.
Скотоложство	12 гр.	12 гр.	12 гр.		12 гр.	12 гр.	12 гр.	12 гр.
Блуд свекра со снохой	40 гр.	40 гр.	40 гр.		40 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.
Блуд с двумя сестрами	[нет статьи]	12 гр.	12 гр.		30 гр.	30 гр.	30 гр.	30 гр.
Блуд с падчерицей	[нет статьи]	[нет статьи]	12 гр.		12 гр.	[нет статьи]	[нет ст.]	[нет статьи]
Блуд деверя с ятровью	12 гр.	12 гр.*	12 гр.		12 гр.	30 гр.	30 гр.	30 гр.
Блуд с мачехой	12 гр.	12 гр.	12 гр.		12 гр.	40 гр.	40 гр.	40 гр.
Блуд двух братьев с одной женой	1 гр.	30 гр.	30 гр.		30 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.
Блуд отца с дочерью	40 гр.	40 гр.	40 гр.		40 гр.	[нет статьи]	[нет ст.]	[нет статьи]
Оскорбление словом жены великих бояр (в Архивном и Маркеловском изводах «боярская») митрополиту	5 гр. зол.	5 гр.	5 гр. зол.		5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.
	«также»	«также»	5 гр. зол.		5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.	5 гр. зол.

Таблица 3 (продолжение)

Казусы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянцевская ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
меньших бояр митрополиту городских людей	[нет казуса]	[нет казуса]	3 гр. зол.	[нет статей]	3 гр. зол.	3 гр. зол.	3 гр. зол.	3 гр. зол.
	[нет казуса]	[нет казуса]	1 рубль		3 гр. зол.	3 гр. зол.	3 гр. зол.	3 гр. зол.
	«гражанка»	8 гр. сер.	3 гр. зол.		«3 гр. сер. или 1 руб.»	3 гр. сер.	3 гр. сер.	3 гр. сер.
	1 гр. сер.							
митрополиту сельских людей	«таже»	«такоже»	1 рубль		«такоже»	3 гр. сер.	3 гр. сер.	3 гр. сер.
	«селянце»	«на селенцах» 60 кун	«селенце» 60 резан		сельской жене 60 резан	1 гр. сер.	1 гр. сер.	1 гр. сер.
митрополиту	3 гр. сер.	3 гр.	3 гр.		3 гр.	1 гр. сер.	1 гр. сер.	1 гр. сер.
Острижение головы или бороды, митрополиту	3 гр.	3 гр.	12 гр.		12 гр.	12 гр.	12 гр.	12 гр.
Кража конопли, льна, жита митрополиту	3 гр.	3 гр.	12 гр.		3 гр.	[без денежной ставки]		
Кража белья, митрополиту	10 гр.	10 гр.	3 гр.		3 гр.	[без денежной ставки]		
Сыр краен, за сыр за срам	1 гр.	1 гр.	[нет казуса]		1 гр.	[нет статьи]	1 гр.	1 гр.
	[нет казуса]	[нет казуса]	3 гр.		3 гр.		[нет казуса]	[нет казуса]
митрополиту	6 гр.	6 гр.	6 гр.		6 гр.		6 гр.	6 гр.
Кража женой у мужа	3 гр.	3 гр.	3 гр.		3 гр.	[нет статьи]	3 гр.	3 гр.
Кража из клетки	[нет статьи]	[нет статьи]	«такоже»		«такоже»	[нет статьи]	«такоже»	«такоже»
Кража снохой у свекра	«также» (т. е. 3 гр.)	«такоже» (т. е. 3 гр.)	[нет статьи]		«такоже»	[нет статьи]	[нет статьи]	[нет статьи]

Казусы	Пространная редакция					Краткая ред.	Тарновская ред.	Румянцевская ред.
	Архивный изв.	Маркеловский изв.	Основной изв.	Ипатьевский изв.	Археографический изв.			
Жена чародейца	6 гр.	6 гр.	[без денежной ставки]	[нет статей]	6 гр.	[нет статьи]	[нет статьи]	[нет статьи]
Драка нечестным способом Жена бьет мужа	} 3 гр. {	3 гр. [нет статьи]	12 гр. 3 гр.		«12 гр. или 1 гр.» 3 гр.	3 гр. [нет статьи]	3 гр. 3 гр.	3 гр. [нет статьи]
Драка женщины, на виноватой митрополиту		60 кун	60 гр.	6 гр.		«60 резан. или 6 гр.»	[нет статьи]	60 резан
Муж бьет чужую жену, митрополиту	6 гр.	6 гр.	6 гр.		6 гр.	6 гр.	6 гр.	6 гр.
Бьет священники	5 гр. зол.				[статья нет]			
Свекор бьет сноху	6 гр.	6 гр.	[нет статьи]		[нет статьи]	[нет статьи]	[без денежной ставки]	6 гр.
Блуд с иноязычницей	12 гр.	12 гр.	12 гр.		12 гр.	[нет статьи]	12 гр.	12 гр.
Расстрижество	40 гр.	40 гр.	40 гр.		40 гр.	[без денежной ставки]	[без денежной ставки]	[без денежной ставки]

«Курсе русской истории», сопоставляя ставки штрафов в различных списках устава между собой и со ставками в Русской Правде¹⁶⁹.

Специалисты-нумизматы, изучавшие памятники менее сложные по своей истории¹⁷⁰ или исследованные текстологически¹⁷¹, уставу Ярослава не уделили внимания. Н. П. Бауер ограничился замечанием, что этот устав «должен в дошедшей до нас редакции быть отнесен из-за употребления слова рубль к XIV в.»¹⁷².

Задачей источниковедческого исследования памятника, таким образом, является изучение его денежного счета.

Счет устава Ярослава весьма сложен. Эта сложность вызвана древностью его основы и наслоением денежных единиц и счетов, существовавших в XI—XV вв., во время, когда устав использовался как юридический памятник, судебник. Эта сложность усугублена применением различных денежных единиц и счетов в различных его обработках, редакциях и изводах, происходящих с различных территорий, входивших в состав Древнерусского государства.

При изучении денежного счета памятника ниже не ставится задача объяснить каждую ставку штрафа или найти ей место. Для наших целей достаточно выяснить, к какому времени и к какой территории принадлежит денежный счет устава в своей основе, а также найти нумизматические свидетельства о времени и месте возникновения двух старших его редакций — Пространной и Краткой.

Анализ денежных единиц и ставок устава Ярослава позволяет обратить внимание на ряд закономерностей в их отличиях. Для удобства использования известных в науке, а также неизданных его текстов в табл. 3 дается сводка статей и ставок штрафов по всем известным мне текстам.

Первое общее знакомство с денежными единицами устава показывает, что здесь счет идет на гривны золота, гривны серебра, гривны, куны, резаны, рубли. Это архаичная терминология, известная по памятникам XI—XIII вв. Здесь нет западных грошей, появившихся в конце XIV—начале XV в., нет новых терминов для обозначения мелких денежных единиц, появившихся в XIV в. с возникновением русской монетной чеканки: деньги, алтына. Единственным исключением из терминологии XI—XIII вв. является термин «рубль», который появился только в XIII в.

Обращает на себя внимание в табл. 3, что ставки в гривнах золота во всех изводах и редакциях устава в основном остаются неизменными, в то время как ставки в гривнах серебра, рублях,

¹⁶⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 256—257.

¹⁷⁰ Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XIII в. — «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940.

¹⁷¹ Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды. — «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. статей. М.—Л., 1937, стр. 183—244.

¹⁷² Там же, стр. 238.

гривнах кун значительно различаются. Как показано ниже, соответствующие статьи появились еще в архетипе устава, они являются древнейшими статьями этого памятника. Единство денежных единиц и ставок штрафов в этих статьях в обработках устава различного происхождения также подтверждает принадлежность их архетипному тексту¹⁷³.

Свидетельства устава о гривнах золота очень интересны. В существующей нумизматической литературе вопрос о сущности гривен золота как предметов из золота, или денежных единиц, или меры веса этого драгоценного металла, не нашел разрешения. Н. П. Бауер собрал ряд свидетельств из источников о гривнах золота¹⁷⁴. Этот перечень может быть расширен. Термин «гривна золота» не имел такого распространения, как «гривна серебра», и не все значения последней можно перенести на гривну золота. Этимологические аналогии с гривной серебра позволяют предположить, что первоначально этот термин употреблялся для обозначения шейного украшения из золота. Такое украшение было известно на Руси еще в XI в. Его упоминает Сказание о Борисе и Глебе в рассказе об «угрине» Георгии, на которого Борис за заслуги возложил «гривну злату». Убийцы князя в 1015 г. «с Георгия же не могуще сънати гривны и отсекоша главу»¹⁷⁵. Археологически подобные украшения, сделанные иногда из витого четырехгранного дрота, также известны. Правда, большая часть их была закопана в наиболее тревожное время феодальных усобиц и монгольского нашествия. Г. Ф. Корзухина выделяет их в последнюю, IV хронологическую группу и датирует 1170—1240 гг.¹⁷⁶, в то время как большое число серебряных шейных гривен является одной из отличительных черт кладов XI в.¹⁷⁷

Так же, как и гривны серебра, гривны золота могли служить обозначением и слитков этого металла. Такие слитки и их фраг-

¹⁷³ Ставка в гривнах золота появилась в уставе Ярослава один раз еще в поздней обработке XIV в., в Архивном изводе («40. Аже кто быеть священника за срам 5 гривен злата»). Поскольку Архивный извод возник на территории Руси, вошедшей в состав Литовского великого княжества, в условиях, когда традиционное православие вытеснялось и заменялось католичеством, возможно, что статья появилась для охраны жизни и чести служителя православной церкви от посягательств представителей светской власти в этот переходный период. Огромная ставка штрафа рассчитана не на рядового нарушителя, а на крупного феодала и связана со ставками «больших бояр» архетипа устава.

¹⁷⁴ Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды, стр. 236—238.

¹⁷⁵ «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1, стр. 17, 19.

¹⁷⁶ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 118 (99/4), 131 (127/8), 143 (161/3). Кроме того, в свое время были известны «золотой свиток», найденный в 1829 г. в реке Волкове и «золотая гривна, найденная в 1851 г. вместе с 2 тыс. куфическими монетами в Киеве» (Г. Ф. Корзухина, стр. 83; Архив Эрмитажа, оп. V, 1864, № 9 (1865), лл. 143—146 об.). За сообщение сведений о материалах Эрмитажа благодарю М. П. Сотникову.

¹⁷⁷ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., стр. 25.

вина слитка)¹⁸⁷, 78,803 г (фрагмент)¹⁸⁸, 63,99 г (золотой пруттик)¹⁸⁹, браслеты 108,57 г¹⁹⁰, 99,824 г¹⁹¹, 38,394 г¹⁹², кольца 19,55 г¹⁹³, 16,26 г¹⁹⁴; златники Владимира Святославича, как и современные им византийские монеты — солиды, — от 4,0 до 4,5 г.; фрагмент слитка из клада последней четверти XII—XIII в. — 19,7 г¹⁹⁵; недатированный слиток — полуийцо — 88,5 г¹⁹⁶. Можно говорить лишь о том, что некоторые из золотых вещей приближаются к весу фракций ($1/2$, $1/4$) южной 160—163-граммовой серебряной гривны (вещи весом 80 г, 78,8 г, 38 г).

Учитывая, что источником поступления золота на Русь в X—XI вв. была главным образом Византия, можно думать, что в основе условного весового количества этого металла на Руси лежала именно византийская единица, литра (163,72 г), которая являлась материальной основой определенной В. Л. Яниным южной древнерусской денежно-весовой системы, возникшей в середине X в. и распространенной на среднем и верхнем Днепре, нижней Десне и Волыни¹⁹⁷.

Это разнообразие веса слитков золота, их фрагментов и вещей не позволяет говорить о том, что на Руси была распространена особая денежная единица — гривна золота — как слиток определенного веса, подобно гривне серебра. Ограниченное количество золота на Руси и его большая ценность, значительное сокращение притока этого металла в XII в., к тому времени, когда южные серебряные слитки стали стандартными, прекращение притока в XIII в. (о чем ниже) не позволили этому золоту в слитках занять такое же или хотя бы подобное место в денежном обращении в безмонетный период, какое заняли серебряные слитки. У нас нет данных для того, чтобы говорить о распространении в Древней Руси и счетной золотой гривны, подобной счетной гривне кун, ибо золотая монета имела очень небольшое хождение в стране и оставалась лишь средством накопления и сырьем для ювелирных изделий.

Термин «гривна золота» применялся для обозначения меры ценности, равной определенному весовому количеству золота. Упоминания гривны золота, несомненно, в этом значении относятся

¹⁸⁷ А. А. Ильин. Топография кладов, стр. 16 (отрубленная половина золотой ладьеобразной монетной гривны 96 пробы весом 6 лотов 1 золотник).

¹⁸⁸ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., № 46/2; А. А. Ильин. Топография кладов, № 151. Гос. Эрмитаж Аз—10.

¹⁸⁹ А. А. Ильин. Топография кладов, стр. 29.

¹⁹⁰ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, № 30/3; Н. Бауер, № 19.

¹⁹¹ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, № 30/3.

¹⁹² Там же, № 30/4.

¹⁹³ Там же, № 46/8.

¹⁹⁴ Там же, № 46/4.

¹⁹⁵ Там же, № 127/1.

¹⁹⁶ См. прим. 181 на стр. 266.

¹⁹⁷ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1954, стр. 148—151.

к 1147¹⁹⁸ и 1229¹⁹⁹ гг. Вероятно, в том же значении меры веса упоминается гривна золота в сообщениях XI—XII вв. о передаче князьями большого количества золота в виде откупа, дани и вкладов: о передаче Владимиром Мономахом своему отцу Всеволоду, очевидно в 1078 г., «300 гривен золота»²⁰⁰, об откупе в «200 гривенъ серебра же 12 гривенъ золота», данном кн. Святославом Ольговичем Иванку Берладнику в 1146 г.²⁰¹, о вкладах в Печерский монастырь кн. Святославом Ярославичем 100 гривен золота²⁰², кн. Глебом — 600 гривен серебра «а 50 гривен золота» и его вдовой — 100 гривен серебра «а 50 гривен золота» под 1158 г.²⁰³ Трудно предположить, что князь Глеб давал в монастырь только мерные 160-граммовые слитки серебра и золота. Естественно считать, что здесь дается количество драгоценного металла в самых различных формах — слитках, монете, ювелирных изделиях, выраженное в весе серебра и золота отдельно.

С тем же значением гривны золота мы встречаемся в Пространной Правде и в нашем уставе, а также в некоторых других памятниках (см. ниже). В Пространной Правде «полугривна золота» названа как минимальная величина ценности украденной вещи, при следствии о которой нужно применять испытание железом²⁰⁴. Ни первоначального значения весового количества золота, ни тем более значения золотого слитка этот термин здесь не имеет. Весовое количество золота в этой мере ценности на юге Руси было связано, очевидно, с южной 160-граммовой мерой веса, совпадая с ней или представляя вес, кратный этой мере²⁰⁵.

¹⁹⁸ С киевского боярина Михаила были сняты кресты и цепи «в гривну золота» (ПСРЛ, т. I, стр. 318, 1147 г.). После смерти кн. Святоши в Печерском монастыре в 1142 г. его брат просил у игумена крест и другие золотые вещи покойного и за них «вдасть игумену 3 гривны злата, да не туне възметь знаменче братне» («Патерик Киево-Печерского монастыря», стр. 85). В этом случае гривны, очевидно, показывают вес промененных вещей.

¹⁹⁹ «Купити латинескыи гривну зольта, дасть весити, дати ему весеце ногата смольнская» в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (СГ, стр. 24).

²⁰⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 247.

²⁰¹ ПСРЛ, т. II, стб. 338.

²⁰² «Киево-Печерскыи патерик», Київ, 1930, стр. 8.

²⁰³ ПСРЛ, т. II, стб. 492—493.

²⁰⁴ Ст. 22 «... оже не будетъ лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли м[е]не, то на воду, оли то до дву гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куне» (ПР, т. I, стр. 410). Величины ценности украденных вещей названы в этой статье по убывающей шкале, от более ценных к менее ценным.

²⁰⁵ Новгородская берестяная грамота 335 начала XII в. говорит об обмене (или продаже) четырех золотых колтов («Мени же ми кълътьке цетыри по полугривне кълътькъ золотыхъ, а за тобою 12 куне робыхъ...» — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 23). Здесь указана, очевидно, также ценность золотых колтов в гривнах золота.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что гривна золота в уставе Ярослава — это крупная мера ценности, равная ценности золота весом в одну гривну, очевидно, южного веса.

К какому времени относится возникновение и применение этой меры?

Анализ находок золотых, византийских по своему происхождению монет в Восточной Европе, произведенный В. В. Кропоткиным, показал, что в обращении золотой византийской монеты на Руси резко выделяются периоды, когда золото поступало в большом количестве и когда его было очень мало. Один период значительного притока золотых монет — VII в. (119 экз. в VII в. сравнительно с 22 экз. в VI в. и 26 экз. в VIII в.)²⁰⁶, когда поступление золота может быть связано с результатами военных предприятий кочевых племен Восточной Европы против Византийской империи²⁰⁷. Второй подъем падает на XI в. (140 экз. в XI в. сравнительно с 5 экз. в IX в., 8 экз. в X в., 13 экз. в XII в., по одному экз. XIII и XIV вв.; монеты XV в. отсутствуют вовсе). Это время усиления внешнеторговой активности Древнерусского государства, а возрастание золота на Руси связано, возможно, и с развитием экономики и византийских городов, в которых, как указывает А. П. Каждан, в XI—первой половине XII в. денежное обращение вообще (в форме медной монеты) значительно возрастает²⁰⁸.

Можно думать, что сокращение притока золота на Русь в XII—XIII вв. должно было привести к вздорожанию его и изменению соотношения цены его относительно серебра.

Анализ золотых изделий в кладах, принадлежащий Г. Ф. Корзухиной, показывает тот же путь изменения количества золота в Древней Руси X—XII вв. В I группе кладов, относящейся к IX—рубежу IX—X вв., золотых вещей нет, они появляются впервые во II группе, в X в. и на рубеже X и XI вв.²⁰⁹ В X—XI вв. — это огромные и тяжелые кованые браслеты, сомкнутые кольца; в XI в., в отличие от X в., также золотые слитки. Тонких ювелирных изделий в этих кладах нет²¹⁰. Последняя, IV группа кладов 1170—1240-х годов включает золотые слитки, но «основное богатство» этих кладов, как пишет Г. Ф. Корзухина, это вещи, высококачественные золотые ювелирные изделия, орнаментированные перегородчатой эмалью²¹¹.

²⁰⁶ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е4—4), стр. 13; он же. Новые находки византийских монет на территории СССР. — «Византийский временник», т. XI, 1965, стр. 166—168, 187.

²⁰⁷ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет, стр. 10.

²⁰⁸ А. П. Каждан. Византийские города в VII—IX вв. — «Советская археология», т. XXI. М.—Л., 1954, стр. 170—172.

²⁰⁹ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., стр. 22.

²¹⁰ Там же, стр. 24—25.

²¹¹ Там же, стр. 28.

В XII в. золото из формы меновой стоимости и без того высокой ценности вследствие ряда внутренних и внешних причин превратилось главным образом в украшения очень высокой ценности. К таким причинам, кроме уменьшения притока золота, относятся расширение и обогащение высшего социального слоя феодалов, ставших, очевидно, монопольными его держателями, — следствие глубоко зашедшего процесса феодализации Руси. Определенную роль сыграли здесь и значительные успехи в развитии древнерусского ювелирного искусства. В кладах XII—первой половины XIII в. можно насчитать до двух десятков видов золотых украшений²¹². Однако наиболее ценные из них вещи с перегордчатой эмалью перестали изготавливать уже около середины XII в.²¹³ Очевидно, тот же недостаток поступления золота привел и к постепенной замене в уборе и соответственно наборах кладов золотых украшений серебряными, что произошло также в середине XII в.²¹⁴

Таким образом, основная масса византийского золота поступала на Русь в XI в., а в XII в. количество его значительно уменьшилось. К этому же «богатому золотом» времени, концу X—началу XI в., относится появление и недолгое существование чеканки древнерусскими князьями собственной государственной золотой монеты. Одиннадцатым веком мы можем датировать и появление статей устава Ярослава, в которых ставки указаны в гривнах золота. Отнесение этих статей к более позднему времени, например ко второй половине XII—XIII в., исходя из указанных данных, невероятно. В свою очередь, исчисление ставок штрафов вместо гривен золота в других единицах — гривнах серебра, гривнах кун, рублях, которое прослеживается при переработке архетипа устава и создании сохранившихся его текстов, может найти объяснение именно в этом уменьшении притока золота на Русь.

Особенностью кладов, содержащих золотые вещи и монету, как и отдельных находок золотых монет, является их распространение в южной и средней Руси. Так, золотая византийская монета распространена лишь по нижнему и среднему Днепру и его основным притокам, на юг от линии Пинск—Смоленск—Чернигов—Курск²¹⁵. Вещи в кладах ограничены той же линией, с заходом на востоке на уровень Старой Рязани. Находка золотой гривны — слитка в р. Волхове, на торговом пути, подтверждает вывод о распространении золота главным образом на территории Руси вне Новгородской и Владимиро-Суздальской земель. В связи с этим и возникновение интересующих нас старших статей архетипа устава Ярослава мы должны связывать с этой территорией, вне северных и северо-восточных земель. Естественно связывать возникновение этих статей устава с Киевом.

²¹² Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., стр. 30.

²¹³ Там же, стр. 29.

²¹⁴ Там же, стр. 28.

²¹⁵ В. В. Кротошкин. Клады византийских монет, стр. 15.

Гривна золота упоминается также в памятниках, которые имеют определенную связь с изучаемым здесь уставом. Так, статья «о бесчестии», которая находится в составе комплексов юридических и публицистических памятников, включающих Правду Русскую, княжеские уставы и правила, а также входит в Сводную редакцию «Закона судного людем» в летописном (Софийской летописи) изводе²¹⁶, говорит о «бесчестной гривне золота». По своему содержанию она представляет запись о размерах и формах денежного возмещения за оскорбление (судя по статье «О муже кроваве» — в результате побоев), которое зависит от наследственного сословного состояния потерпевшего. Оно определяется правом одного или двух поколений его предков по женской линии получать возмещение за оскорбление в «золоте» (очень больших ценностях) или в серебре, так, как зафиксировано в статьях устава Ярослава (ст. 2—4, 7, 30 Основного извода Пространной редакции). М. Н. Тихомиров даже писал однажды, что «статья о бесчестии взята из церковного устава Ярослава»²¹⁷. Хотя такого заимствования проследить нельзя, однако зависимость норм этой статьи от норм устава несомненна.

Статья о бесчестии моложе архетипа устава Ярослава, хотя и ненамного. Золото во время создания этой статьи уже не имело того хождения, какое было в X—XI вв. Здесь идет счет на гривны серебра и просто гривны, т. е. гривны кун, что ведет нас, очевидно, к XII—XIII вв.

Непосредственным заимствованием из устава Ярослава объясняется появление гривны золота в Правосудии митрополищем²¹⁸. Сюда в несколько измененном виде вошла статья этого устава об умыкании. Здесь, как и в статье о бесчестии, гривна золота и «золото» обозначают крупные суммы возмещения за оскорбление, которые положены лицам, являющимся высшими местными представителями княжеской власти (тиун, княж наместник).

Статья о бесчестии и ст. 2 и 3 Правосудия подтверждают существование соответствующих норм устава Ярослава не только на бумаге, но и в жизни, причем в течение довольно долгого времени, с XIII в. (статья о бесчестии) до XIV—XV вв., когда при создании сборников права потребовалась переоценка штрафов в древних гривнах золота в гривны серебра, охрана «золотом» представителей власти на местах и урегулирование судопроизводства по этим делам.

Целая серия новгородских отдельных и рядных грамот XIV—XV вв., фиксирующих переход земель от одних феодалов к другим, указывает в качестве неустойки князю и владыке или

²¹⁶ ПР, т. 1, стр. 316; «Закон судный людем Пространной и Сводной редакции». Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, М., 1961, стр. 57 и 117.

²¹⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 151.

²¹⁸ ПРП, вып. 3, стр. 426. М. Н. Тихомиров. Правосудье митрополище. — «Археографический ежегодник за 1963 г.» М., 1964, стр. 44.

судьям то или иное количество (от 1 до 20) гривен золота²¹⁹. Кроме гривен золота неустойки в этих грамотах указаны в «тысячах белки» (от 1 до 5 тыс.) и рублях (50 руб.). Поскольку в XIV—XV вв. на территории северных, новгородских земель обращения золотой монеты не было, указание на гривны золота имело значение огромной меры ценности вообще, безотносительно к золоту. «Тысячи белок» — очень большие суммы, в них исчислены цены на земли в Двинской земле в XIV—XV вв. (2 тыс. белок, 20 тыс. белок).

Для определения ценности гривны золота в XI—XII вв. устав Ярослава, как и другие источники, не дает достаточного материала. Статья о бесчестье показывает, что в XIII в. гривна золота сравнивалась в 50 гривенам. Некоторые обработки устава Ярослава XIV—первой половины XV в. позволяют проследить ценность гривны золота в это более позднее время. В Краткой редакции, в Основном изводе Пространной редакции и в Тарновской редакции (ст. 4), в статье об оставлении жены без развода на месте традиционной ставки возмещения в пользу потерпевшей жены великого боярина в 5 гривен золота появилась ставка «300 гривен». При этом ставка одновременного штрафа митрополиту осталась прежней, традиционной — 5 гривен золота. Очевидно, мы имеем здесь дело с исчислением той же суммы в других, современных обоим редакторам, денежных единицах. В таком случае гривна золота равна 60 гривнам кун.

В отличие от ставок в гривнах золота, другие ставки и единицы в большинстве своем различаются по двум основным группам: в Пространной редакции и в Краткой редакции. Ставки и единицы Румянцевской редакции совпадают с теми, которые есть в Краткой там, где статьи заимствованы из этой редакции, и с теми, которые есть в Пространной там, где статьи заимствованы из Пространной²²⁰. Это различие — позднейшего происхождения. При обработке текстов устава и создании архетипов указанных редакций и архетипов их изводов первоначальные ставки изменялись и поновлялись, приближаясь к денежному счету и нормам, которые существовали там, где эти тексты возникали.

Кроме ставок в гривнах золота, лишь ставки еще в четырех статьях остались в обеих редакциях неизменными. Это ставки в 12 гривен за самовольный развод с венчанной женой и 6 гривен с невенчанной; ставка в 12 гривен за скотоложство; ставка в 12 гривен за острижение головы и бороды и ставка в 6 гривен за избиение чужой жены. В третьем случае ставка в 12 гривен

²¹⁹ ГВНП, № 122, 130, 138, 212, 221, 279, 278, 290, 314.

²²⁰ Исключений не так много. Ставка в 50 ($\bar{N}$) гривен в статье о блюде близких родственников является, очевидно, осмыслением близкого по виду цифрового знака 80 ($\bar{n}$) в Краткой (и Тарновской) редакции. На возможность такого изменения цифры показывает следующее. В Егоровском списке Краткой редакции, близком к тому, какой лег в основу архетипа Румянцевской редакции, на месте этой цифры находится неясный знак, который может быть прочитан и как $\bar{N}$ и как $\bar{n}$.

общая Основному и Археографическому изводам Пространной редакции, Краткой и Румянцевской редакциям; в Архивном и Маркеловском изводах указано 3 гривны. Первоначальной ставкой, принадлежащей архетипу устава, я считаю 12-гривенную ставку, поскольку эта цифра указана в не связанных между собой непосредственно Основном изводе и Краткой редакции. Сравнение ставок ниже с другими памятниками XI—XIII вв. подтверждает это.

Названные 12 и 6-гривенные ставки архетипа устава Ярослава — это ставки, которые указаны в статьях о близких по существу поступках в Краткой и Пространной редакциях Правды Русской, в договоре 1189—1199 гг., а измененные в Архивном и Маркеловском изводах 3-гривенные близки к тем, которые указаны в договорах 1229 и 1230—1270 гг.

Соответствие названных и других 12, 6 и 3-гривенных ставок устава ставкам этих памятников видно из табл. 4.

Оскорбления действием в Краткой Правде (эти статьи и их ставки появились еще в Древнейшей Правде) караются штрафом в 12 гривен. Развитие этой нормы продолжается в XII в. в Пространной Правде, заимствовавшей все соответствующие статьи из Краткой; здесь добавлена еще статья о выбитом зубе. Ставка штрафа остается 12-гривенной. В договоре 1230—1270 гг. ставка указана в новой денежной единице, но абсолютный размер ее тот же: 3 гривны серебра равны 12 гривнам кун.

За аналогичные поступки, оскорбления действием, в уставе Ярослава указаны те же ставки. В раннем тексте, архетипе устава (его ставки сохраняет Основной извод Пространной ред.), это 12 гривен, в одной из поздних обработок — архетипе Архивного и Маркеловского изводов, который мы относим к XIII—началу XIV в., — 3 гривны. Учитывая денежную единицу договора 1230—1270 гг., мы можем считать, что в этих изводах также имеется в виду гривна серебра, хотя она здесь не названа так.

Из светских памятников XI—XIII вв. оскорбление женщины упоминает только договор 1189—1199 гг. Здесь за срыв с головы женщины повязки-повоя установлено 6 гривен старых, т. е. гривен кун Правды Русской. Архетип устава Ярослава и его обработки XIII—XIV вв. также указывают 6 гривен за другие виды оскорбления женщины: избиение чужим мужчиной и отказ жениться на девушке после состоявшегося сговора. Перед нами полное соответствие видов поступков и ставок, причем соответствие, возникшее еще очень рано, в XI—первой половине XII в. (устав Ярослава не знает термина старые гривны).

В третьей группе общих для устава Ярослава и памятников права XI—XIII вв. статей о краже, мы также встречаемся с соответствием норм и ставок. Кража имущества в Правде Русской карается штрафом в 3 гривны кун или в 3 гривны 30 резан (в Пространной Правде — 3 гривны 30 кун). В архетипе устава Ярослава здесь ставка 3 гривны.

Казус	Правда Русская		Договоры XII—XIII вв.			Устав Ярослава		
	Краткая (древнейшая)	Простран- ная	1189— 1199 гг	1229 г.	1230— 1270 гг.	Архетип	Маркелов- ский и Архивный наводь	Краткая редакция
<i>Оскорбление действием</i>								
Холоп ударит свободного	12 гр.	12 гр.			3 гр. сер.			
Ударит батогом, невынутым мечом	12 гр.	12 гр.	6 гр. старых	$\frac{3}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ гр. сер.				
Выбьет зуб	нет статьи	12 гр.						
Драка нечестным способом						12 гр.	3 гр.	3 гр.
Повреждение усов, бороды	12 гр.	12 гр.				3 гр. сер.		
Острижение головы, бороды						12 гр.	3 гр.	12 гр.
<i>Оскорбление женщины</i>								
Сорвет повой			6 гр. старых					
Избиение чужой жены						6 гр.	6 гр.	6 гр.
Отказ от женитьбы после сговора						6 гр.		
<i>Кража</i>								
Опознает свой порт	3 гр.	3 гр.						
Кража из клетки	3 гр.	3 гр.				3 гр.	нет статьи	
	30 резан	30 кун						
Кража белья						3 гр.	10 гр.	с князем наполы
Кража женой у мужа						3 гр.	3 гр.	нет статьи

Наряду со статьями, общими для устава Ярослава и Правды Русской, соответствие в ставках штрафов есть и в других статьях, причем в большинстве статей архетипа устава. Так, характерной для Краткой и Пространной Правды, памятников XI—XII вв., является ставка виры, 40 гривен. 40-гривенная ставка в ретроспективной форме «40 гривен ветхих кун» известна еще только в договоре 1189—1199 гг., а в договорах XIII в. она уже не упоминается. То же нужно сказать и о полувириной ставке, 20 гривен, причем эта ставка неизвестна договору 1189—1199 гг.

40-гривенная ставка часто встречается в уставе Ярослава, где она установлена в качестве штрафа, очевидно, за наиболее важные проступки, нарушающие требования гражданского и церковного права. Это поджог, блуд родственников (брат с сестрой, отец с дочерью, свекор со снохой) и блуд с черницей, а также может быть расстрижество. Статьи об этих поступках без попыток внести какие-либо обобщения, имеющие ставку в размере виры, вошли в состав текста архетипа, очевидно, очень рано, в XI в. То же нужно сказать и о статье о двоеженстве, обложенном полувириной ставкой. В отличие от статей об этих конкретных казусах обобщающая статья архетипа о блуде близких родственников («Аще ближнии род падется...»), предусматривающая различные ставки в различных изводах (30, 40 гривен) или совсем без ставки, имеет, очевидно, более позднее происхождение.

12-гривенные ставки, как было указано, свойственны обоим частям Краткой Правды и Пространной Правде. Круг применения этих ставок в архетипе устава Ярослава столь же широк, как и 40-гривенных. Это блуд с родственниками, входящими в большую семью или не связанными прямым кровным родством (с двумя сестрами, с мачехой, с падчерицей, деверя с ятровью, кума с кумой), самовольный развод и оставление жены представителем группы «простой чади», «пошибание» (изнасилование) жены или дочери представителя той же группы, наконец, скотоложство. Та же ставка 12 гривен указана в статье о блуде с иноязычницей, появившейся только в Пространной редакции. Это говорит о возникновении Пространной редакции еще во время существования кунной гривны Русской Правды, т. е. скорее в XII, чем в XIII в. (счет договора 1229 г. уже иной).

Близость к ставкам и денежным единицам Правды Русской показывает еще одна любопытная группа ставок устава — это ставки в «60 резан», «60 кун», просто «60» или даже «60 гривен». Ставка в 60 резан известна в Правде Ярославичей второй половины XI в.: в качестве штрафа за кражу кобылы (ст. 28), продажи при краже лодьи (ст. 35), крупной птицы (ст. 36), овцы, козы или свиньи (ст. 40). В Пространной Правде при той же цифре 60 указаны уже не резаны, а куны, ценность которых в XII в. стала равной ценности резан. Там же появились и новые статьи (ст. 59) о плате «за обиду» за несправедливость господина к закупу с той же 60-кунной ставкой. Исследователи прочно свя-

зывают группу статей о закупах с деятельностью Владимира Мономаха. Таким образом, уже в начале XII в. резаны были приравнены к кунам.

В уставе Ярослава ставка в 60 единиц указана в четырех статьях в качестве штрафа на соучастниках в умыкании и в изнасиловании; в качестве возмещения крестьянке («селенце» или «селянце») за оскорбление ее словом и штрафа на виноватую при драке двух женщин. При этом денежные единицы у этой цифры 60, как было указано, различны: резаны, куны, гривны или без указания единицы. Что касается 60 «гривен», то этот термин два раза в Архивном изводе и один раз в Маркеловском вставлен позже — он появился только при создании этих изводов. Возможно, что термин «гривна» мог появиться в этих поздних обработках потому, что раньше, в архетипе устава, денежная единица здесь вовсе не была указана, как это сохранилось в статье об умыкании по Маркеловскому, Основному и Археографическому изводам (в Основном изводе статья пропущена) и в статье об оскорблении словом по Маркеловскому изводу.

В двух статьях, где денежные единицы (не «гривны») указаны, можно заметить закономерность в их применении: в Архивном изводе, и только в нем, в обоих случаях названы куны; резаны названы один раз в Основном и дважды в зависящем от него Археографическом изводе, один раз в Тарновской и Румянцевской редакциях. Как было указано выше, статьи последних двух редакций, не имеющие параллелей в Краткой (как в последнем случае), попали в них из архетипного текста Пространной редакции. Одним из источников Археографического извода также был архетипный текст Пространной редакции. Резаны попали в Тарновскую и Румянцевскую редакции и Археографический извод, следовательно, из этого архетипа.

Таким образом, куны характерны только для Архивного извода, и этот термин появился, очевидно, при создании именно этого извода. Резаны же упоминались уже в архетипе Пространной редакции и, вероятно, в архетипе устава. Таким образом, ставка «60» в уставе является ставкой в 60 резан и современна Краткой Правде.

В Пространной редакции устава Ярослава есть ставка в 50 гривен (гривен кун) штрафа за блуд иноверца с православной, которая представляет собой, очевидно, модификацию 40-гривенной вирной ставки. Эта статья и ее ставка возникли, вероятно, позже, чем другие статьи Пространной редакции, как было выяснено выше, в XIII в.

Крупные штрафы в уставе Ярослава, взимаемые за поступки, которые наносят ущерб не боярам, а «добрым людям», «нарочитым людям», а то и «городским» людям и «простой чади», указаны в гривнах серебра или в рублях.

Гривна серебра как мера веса этого металла, позже — слиток традиционного веса, известна по письменным документам XII—

начала XIV в., но ее возникновение относится еще к XI в. Термин рубль сменил старый термин гривна серебра, как сейчас известно на новгородском материале, в течение конца XIII—первой четверти XIV в., когда гривна серебра перестала уже упоминаться²²¹.

Упоминание рублей в уставе Ярослава не ведет нас к заключению, что соответствующие статьи возникли в XIV в. или позже. Этим термином постепенно заменялся старый термин «гривна серебра» при обработке архетипа устава, архетипов его редакций и изводов. Эта замена одного термина другим не завершилась ни до XIV—XV вв., когда возникли поздние изводы Пространной редакции, ни до XV—XVII вв., которым принадлежат их списки. Так, в статье об умыкании в Архивном изводе указана «гривна серебра», а в Основном изводе — «рубль»; в статье о засеваемой девке в Румянцевской редакции (из архетипа Пространной) — «гривна серебра», в большинстве изводов Пространной — «рубль», а в Археографическом изводе — «гривна серебра» или рубль и т. д. Следовательно, там где стоит ставка в рублях, нужно видеть более раннюю ставку в гривнах серебра.

Старшим упоминанием гривны серебра как меры ценности является упоминание в древнейшей из сохранившихся пергаменной грамоте Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г. («А се я, Всеволод, дал есмь блюдо серебряно в 30 гривен серебра святому же Георгиеви...»). Здесь назван не только вес блюда в гривнах, но указана ценность его в гривнах серебра, ибо употреблен именно этот термин, а не просто «30 гривен». В конце XII в. гривна серебра известна широко на Руси и в Новгороде (договор 1189—1199 гг.), и в Галицко-Волынской земле (обязательство кн. Владимира Ярославича «давати цареви (императору) по 2000 гривен с(р)ебра до года» под 1190 г.²²² В течение XII—XIII вв. существуют понятия и «гривна серебра» и «гривна кун». Последняя известна еще в 1232 г. во Пскове²²³, в 1270-х годах — в Галицко-Волынской земле²²⁴; общерусское церковное постановление, упоминающее ее, принято в 1274 г.²²⁵ Таким образом, в XII—XIII вв. на Руси существовали одновременно две денежные единицы — счетная гривна и весовая гривна — гривна серебра, которая имела и реальное воплощение в форме слитка серебра. Как показывает договор 1189—1199 гг., счет

²²¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 87.

²²² ПСРЛ, т. II, стб. 666.

²²³ Во Пскове во время голода «купяху соль по 7 гривен бърковськь» (НПА, стр. 72; Комисс. список: «по 7 гривен и болши». — Там же, стр. 281).

²²⁴ «Рукописание кн. Владимира Васильковича» (княжил 1273—1288); где он указывает, что купил в свое время село Березовиче за 50 гривен кун (ПСРЛ, т. II, стб. 904, 1287).

²²⁵ Владимирский собор 1274 г. подтвердил киевскую ставленную пошлину митрополита Кирилла («яко же уставих в митрополии, да будет се въ всех епископях: да възмутъ клирошане 7 гривен от поповьства и от дяконьства от обоего». — РИБ, т. VI, стб. 92).

в обеих единицах применялся и в одном и том же судебнике. С таким же случаем мы встречаемся, очевидно, и в уставе Ярослава. В указанном договоре в гривнах серебра (20, 10 гривен серебра) указан штраф — головщина — за убийство; в «гривнах старых» (6, 3 гривны) и гривнах «старых кун» и «ветхих кун» (40, 12 гривен) — за оскорбления действием (избиение, изнасилование и пр.). В уставе Ярослава не указано, что эти кунные гривны — тоже «старые», однако это очевидно так, ведь и в договоре указывается ставка штрафа в этих «старых гривнах», но без этого термина («оже кто робу повержать насильем, а не соломит — то за обиду гривна»), совсем как в нашем уставе.

Денежный счет архетипа устава Ярослава, судя по упоминанию в нем резан, гривен кун, гривен золота, принадлежит XI—первой половине XII в. Применение в нем счета на гривны серебра может иметь одно из двух объяснений: или архетип продолжал складываться в XII в., в том числе во второй его половине, когда и появились клаузулы со счетом на гривны серебра, или ставки в гривнах серебра во второй половине XII—XIII в. заменили первоначальные, принадлежавшие XI—началу XII в. ставки в других ранних единицах, например в гривнах кун. Новая денежная единица, появившаяся на территории Литовского великого княжества в конце XIV в. и получившая большое распространение в XV в., своеобразно отразилась в текстах устава, переписывавшихся в этом княжестве. В отличие от русских рублей, легко заменивших в XIV в. гривны серебра, чешские гроши, находившиеся с древнерусскими единицами в сложном соотношении, не были внесены в тексты, но оказались упомянутыми в специальных приписках к нему. Такие приписки, указывающие на соотношение гривен с грошами, есть в трех рукописях: в украинском Егоровском списке (Е)²²⁶, в Тарновской редакции²²⁷ и Архивном изводе Пространной редакции²²⁸.

Денежный счет Краткой редакции отличается по составу денежных единиц. Здесь упоминаются только гривны золота, гривны серебра, гривны и рубли, а древних кун и резан нет. Здесь также нет новых мелких, характерных для второй половины XIV в. единиц — денег, алтынов и пр.²²⁹ На отличие счета Краткой редакции от Пространной показывают другие ставки штрафов в общих для

²²⁶ «А где гривна серебра писана, в которой вине, ино гривна серебра — рубль. А где гривна писана, а серебра не помянуто, то шестнадцать грошей» (в конце сборника княжеских уставов, после подтвердительной грамоты Василия Дмитриевича).

²²⁷ «А у гривне серебряной 16 гроши» (в конце ст. 2 об умыкании).

²²⁸ «А гривна по пятидесять грошей» (в конце ст. 5 об оставлении жены).

²²⁹ 1375 г. — докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. Михаилом Александровичем: алтын, резана, гривна, четверть (ДДГ, № 9, стр. 28); 1382 г. — докончание его же с вел. кн. Олегом Ивановичем: денга, алтын (ДДГ, № 10, стр. 30); около 1396 г. — докончание вел. кн. Василия Дмитриевича с вел. кн. Михаилом Александровичем: мортка, алтын, рубль, «шестьдесят» (ДДГ, № 15, стр. 42); 1402 г. — докончание его же: алтын, денга (ДДГ, № 19, стр. 55).

обеих редакций статьях. Вместо ставок Пространной в 40 и 30 гривен здесь 100 гривен, вместо 30 — здесь 80, вместо 20 — 40, вместо 12 — 30 и 40 гривен, несколько раз вместо 12 гривен — 15 гривен или эта ставка, как и ставка в 6 гривен, оставлена такой же. Вместо ставок в 60 кун-резан — 1 гривна серебра и 1 рубль, вместо ставок в 2 рубля — 3 рубля.

Различие в ставках двух редакций отражает различие в денежных системах двух периодов — XI—XII вв. в Пространной и XIII—первой половины XIV в. в Краткой. Ставки в Краткой редакции указаны в других гривнах, уменьшивших свой вес и ставших в подчиненное положение к рублю как 10 : 1. Вирная ставка в 40 гривен кун, к которой в архетипе были приравнены наиболее тяжелые преступления, в конце XIV в. имела денежное выражение в 10 руб.²³⁰ Это и есть 100 гривен XIV в.

Денежный счет Краткой редакции представляет собой, таким образом, счет Низовских земель, который благодаря распространению в XIV в. в Москве стал общерусским денежным счетом. Этот счет подтверждает сделанный выше вывод о том, что Краткая редакция устава — московский памятник XIV в.

Устав кн. Ярослава в его обработках XI—XV вв. — это перво-степенный по своему значению памятник денежного счета русских земель этого времени, сохранивший нередко сведения, отсутствующие в других письменных памятниках.

Устав Ярослава — памятник права Древнерусского государства

Определение состава и основного содержания архетипных текстов Пространной и Краткой редакций позволяет перенести исследование в глубь истории памятника, к его возникновению.

Для реконструкции текста устава Ярослава, от которого произошли старшие редакции архетипа — Пространная и Краткая редакции, мы используем прежде всего статьи, общие обеим редакциям как по содержанию, так и по тексту. В восстанавливаемом тексте архетипа устава таких статей большинство — 36 из 43. Это ст. 1—29, 31—34, 37—39 по нумерации Краткой редакции (см. Прилож.). Для реконструкции этих статей мы берем их общие и архаичные чтения, оставшиеся неизменными в позднейших переработках.

Вторую группу составляют те статьи, которые содержатся в обеих старших редакциях, но имеют там неодинаковое значение или неодинаковый состав. Таковы окончания 1-й статьи всех изводов, кроме Маркеловского, показывающие различный объем

²³⁰ В Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг.: «Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, — инѣ душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца — инѣ дадут намѣстникомъ десять рублевъ...» (ГВНП, № 88, стр. 144).

иммунитета в «положительной» и «отрицательной» форме; последние статьи, санкция, во всех изводах, по-разному формулирующие заклятье нарушителям устава (ст. 56—Основн. извода), статьи о действиях, связанных со свадебным обрядом: кражей «свадебного» в Пространной редакции (ст. 34 Основного извода), свадебных боях в Краткой; статьи о блуде монахов и церковнослужителей, в Маркеловском, Архивном и Основном изводах составляющие две статьи (ст. 44—45 Основного извода), а в Краткой и Румянцевской редакциях и Археографическом изводе Пространной — одну; статьи о пьянстве (в Краткой, Румянцевской редакциях и Основном изводе Пространной, ст. 46) или драке (в Архивном изводе) священника.

Основной извод	Маркеловский извод	Архивный извод	Краткая редакция (Крестин. изв.)
1. ...дал есмь митрополиту и епископом пусты по всем городам, десятую недюлю мыта к церквн и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде, и осмине чье дал есмы.	1. Се яз князь велики Ярослав сын Володимиров дан[и]ю отца моего [сь]гадал есмь с митрополитом Ларионом, сложил есмь и дал есмь митрополиту и епископом.	1. ...отдали есмо святителем тыа духовныя суды мирян, разве тати бы с поличным, та судить с моим, та же и душегубленне, а во дела моим не вступитися, да не в проклятие или дети мои, или бояре, или заказник наш, аще от рода моего вступитися, да будет проклят.	1. ...дал есмь митрополиту и епископом те суды, в преномака виле, в номакабы с поличным, то нуне, по всем го-области, где християнственное.
56. А хто иметь судити, станеть съ мною настрашнет де пред богем и да будеть на нем клятва св. отцу и 18 иже в Ни-тых. Аминь.	55. А хто имет судити, станеть со мною пред богем настрашдет на нем клятва св. отец и 18 иже в Ни-кеи.	55. А чрес се кто почнетъ судити, сам оскудееть, а клятва и [не] благословение на них св. отец иже в Nikeи 318.	40. А хто иметься в тыа суды в церквн вступатися, христианско имя не наречеться на том, а от св. отец 318 да будет проклят.

Четыре варианта ст. 1 представляют собой результаты четырех различных обработок устава. Ни один из вариантов не повторяется хотя бы в измененном виде в каком-либо другом. Это позволяет считать, что ни один из этих текстов не входил в состав архетипа устава, а все они появились при создании архетипа соответствующих изводов.

В Основном изводе Пространной редакции появилось упоминание распустов, очевидно, в связи с тем, что в устав этой редакции

был включен кодекс статей о распухах. Форма упоминания этих дел совпадает с формулой соответствующей статьи устава Владимира («Дал есмь распухы...»), который находился в рукописи рядом с изучаемым текстом. Сбор торговых и провозных пошлин входил в число иммунитетных прав церкви, очевидно, с XII в., однако превращение этих институтов в число важнейших (после земельной ренты) источников обеспечения церкви, какими они выступают в названной статье, относится лишь к XIV в.²³¹ К этому времени, очевидно, и принадлежит обработка статьи архетипа устава в Основном изводе. Фраза об осминичьем представляется припиской, передающей сбор этой пошлины в число иммунитетных прав местной кафедры.

Статья в Архивном изводе также не может быть отнесена к архетипу устава. Ограничение иммунитета вассалов относительно суда по наиболее опасным уголовным делам в пользу центральной великокняжеской власти связано со временем сложения Русского (Московского) и Литовского государств к XIV—XV вв. Эта статья появилась также вместе с возникновением Архивного извода, которое было датировано выше XIV в.

Наиболее архаична по виду статья в Краткой редакции. Здесь пределы иммунитета по содержанию и территории указаны лишь в очень общей форме. Однако предположение именно о таком составе статьи в архетипе устава наталкивается на ряд противоречий.

Формула устава Ярослава: «Дал есмь... по всем городом и по всей области, где христианственное» («где христианство ни есть») — очень близка к аналогичной формуле устава Владимира: «По всемь градомь дал есмь и по погостомь, и по свободам, где христиане суть»²³² (Оленин. ред.); «То вьсе дал есмь... по всем городом, и по погостом, и по свободам, где ни суть христиане» (Синод. ред., Крестин. изв.²³³). Очевидно, она и появилась здесь из текста устава Владимира. Однако это заимствование, судя по замене слов «по погостом и по свободам» на «по области», принадлежит к XIII—XIV вв., когда, как было показано выше, упоминания погостов в обработках устава Владимира опускаются, ибо сам термин на территории вне Севера Руси выходит из употребления.

Трудно связать с архетипом устава и упоминание номоканона в этой статье. Указание на «правило, номоканон», если бы оно было в древнем тексте устава, должно было бы сохраниться и в других поздних обработках, ибо авторитет этого памятника в течение XI—XIV вв. на Руси рос, а не падал. Между тем мы встречаем это упоминание лишь в одной обработке архетипа, Краткой редакции, выписанной, судя по грамоте московского князя и мит-

²³¹ Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 257—260; А. И. Семенов. «Осменники» устава о мостах. — «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1962, стр. 253—255.

²³² УКВ, стр. 6, стб. Бб.

²³³ УКВ, стр. 14, стб. Вб.

реполита, из «номоканона». Причем наиболее ранний текст этой редакции, Крестининский извод, сам сохранился как раз в таком «правиле-номоканоне», носившем официальное название «Книга, глаголемая кормчая, рекше правило закону, греческим же языком номоканон».

Это позволяет связывать и возникновение текста второй части ст. 1 с созданием Краткой редакции и включением ее в «великий номоканон», что произошло, как было показано выше, в середине XIV в.

Маркеловский извод отличается, как было указано выше, двумя особенностями: сохранением древнего текста от позднейших добавлений и некоторым сокращением этого текста. Подобное сокращение явно в ст. 1: «Сложил есмь и дал есмь митрополиту». Что сложил — указывают все изводы, кроме Маркеловского, где соответствующие слова опущены. Есть ли пропуск после слов «дал есмь митрополиту и епископом»?

Только эти слова являются общими для всех четырех (в Архивном изводе они несколько изменены) текстов статьи. Возможно, что ими и оканчивалась ст. 1 в архетипе устава Ярослава. Тогда основное ее содержание было выражено в трех пунктах: Ярослав «съгадал» с митрополитом Ларионом, «сложил» греческий номоканон и «дал» митрополиту и епископам «си тяжи», что «не подобает судити князю, ни бояром», которые подробно перечисляются в уставе ниже.

В заключительной статье, в санкции, архетипу принадлежит, несомненно, упоминание 318 св. отец, т. е. правил Никейского собора. Что же касается формулы самого заклатья, то для ее восстановления мало материалов. Условно включаем в архетип формулу Краткой редакции.

Основной извод	Маркеловский извод	Архивный извод
33. Аще муж крадеть белыя порты или портища, или полотны, и митрополиту 3 гривны. <i>Такоже и женка.</i>	32—33. Аще муж имет красти белы порты, полотно и портища митрополиту 10 гривен. <i>Тако же и женка имет красти.</i>	31. Аще муж или жена крадеть белы пръты, полотно и портище, святителю 10 гривен.
34. Аще кто имет красти <i>свадебное и сгородное</i> — все митрополиту.	<i>Изгород(ное) и свадебное</i> — все владыце	32. Аще ли <i>изгородное и свадебное</i> — то все святителю.

Краткая редакция

29. Аще муж крадеть белыя порты, или полотно и портища и поневы, *такоже и женка*, епископу в вине с князем наполю.
30. *Свадебные и сгородные бои и убийство*, аже что учиниться и душегубство — платят виру князю с владыкою наполю.

Румянцевская редакция

34. Аще мужь крадеть белыя порты, или полотно, или портища, поневы *такоже и женка*, митрополиту у вине с князем наполю.
35. Аще имет красть *свадебное и огородное бои и убийство*, а что учиниться душегубство, платят вину князю с митрополитом наполю.

Статья о «свадебном» и «сгородном» в Пространной и Краткой редакциях имеет различное содержание. В Краткой редакции это статья об убийствах, которые могли произойти во время сговора и свадьбы. В Основном изводе Пространной — это статья о краже одним супругом у другого имущества, связанного, очевидно, с брачным обычаем, т. е. приданого в той или иной его форме.

В других изводах Пространной значение статьи неясно. В Архивном она наиболее кратка и близка к Маркеловскому изводу; в последнем статья о «свадебном» и «сгородном» слита с предыдущей статьей о краже в семье одежды, причем, очевидно, правильнее начать новую, ст. 33 со слова «изгород(ное)...». В Румянцевской редакции текст Основного извода и Краткой редакции слит, в результате чего получилась бессмыслица, усугубленная еще искажением слова «сгородное» в «огородное».

Из этих обработок статьи к архетипу может быть возведена по смыслу статья Краткой редакции, т. е. статья о свадебных боях, а по форме, по тексту основной части, очевидно, фраза Маркеловского извода: «Изгородное и свадебное — все владыце», или Архивного: «Аще ли изгородное и свадебное — то все святителю».

Свадебные игры, в частности соревнования в силе, кулачные и другие бои, были традиционным брачным обрядом на Руси. Среди свадебных обрядов восточных славян накануне образования Древнерусского государства летописец упоминает и «игрища межы селы», в результате которых «умыкаху жены собѣ»²³⁴. Так же как и битвы во время тризны — похоронного обряда, эти «игрища», пережитки настоящих битв, кончавшиеся нередко увечьями и даже гибелью участников, встречали осуждение и преследование со стороны христианской церкви. В церковных правилах, поучениях и епитимийниках XI—XIV вв. содержатся осуждения участникам этих «беззаконных боев» и строгие указания попам «унимать» своих прихожан, не принимать даров от противящихся этим правилам, отказывать в заупокойных службах по убитым. Такие правила содержат поучение новгородского архиепископа Ильи 1166 г.²³⁵, Правила Владимирского собора 1274 г.²³⁶, епитимийники²³⁷.

²³⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 15.

²³⁵ «...И про безаконный бои вы, попове, уймайте детей своих; или кого убьютъ, а вы над ними в ризах не пойте, ни просфурь принимайте» (РИБ, т. VI, стб. 370).

²³⁶ «Паки же уведехом бесовская еще торжаше обычая треклятых елин в божествныя праздники позоры некаки бесовския творити, с свистанием, и с кличем, и с воплем съзывающе неки скаредныя пьяница и бьющися дрьколъемъ до самыя смерти и възимающе от убиваемых порты... Аще и умереть, то над ним не ходять иереи и службы за них да не творятъ, ни положити их близ божих церкв» (РИБ, т. VI, Прилож., стб. 95—96).

²³⁷ «А по мертвеци дрался еси — опитемыи 15 днии» (С. И. Смирнов. Материалы, № XXIV, стр. 141).

С классовых, феодальных позиций эти столкновения не представляли угрозы новому строю: оба участника таких схваток или обе стороны в них принадлежали к одному и тому же общественному классу, главным образом крестьянству. Этим внутриклассовым характером стычек объясняется отсутствие установлений о такого рода боях в Русской Правде. Государственная, княжеская власть при своем возникновении не брала на себя функций разбора дел о подобных столкновениях и преследования виновных в них, ибо эти столкновения не угрожали новому строю или его представителям непосредственно. Здесь церковь вторглась в не затронутую еще государственной публичной властью сферу общественной жизни, изъяв из ведомства местных блюстителей языческих традиций древние обряды заключения брака, заменив их таинством в церкви и преследуя от имени княжеской власти сторонников прежних обрядов.

Статья в Краткой редакции содержит поновления, разъясняющие ее значение («бой и убийства, аже что учинится душегубство») и приводящие ее содержание в соответствие с нормами, существовавшими там и тогда (как мы предположили — в Москве в середине XIV в.), где и когда они сложились («платять виру князю с владыкою наполю»). Смешанный характер суда при этом вызван, очевидно, и сложным характером преступления — убийством, происшедшим во время свадебного обряда.

Основной извод

44. *Иже чернец или черница впадет в блуд, тех судити митрополиту.*
45. *Такоже или поп или попадя, или проскурница, а впадут в блуд, тех судити митрополиту опроче миру, а во что их осудить волен.*

46. *Аще поп или чернец или черница упиет ся без времени митрополиту в вине.*

Археографический извод

46. *Иже чернец, или черница, или поп, или попадя, или вдова, или проскурница, или пономарь впадут в блуд, тех судити митрополиту оприсно мирян, а во что их осудить волен.*

Маркеловский извод

44. *Аще чернецъ, черница блуд сотворит судити их митрополиту опрочи мирян.*
45. *Или поп, или попадя, или проскурница блудит, а то такоже. А во что их.*

нет статьи

Архивный извод

43. *Аще чернец с черницею сдеют блуд судить их святитель, а мирян не припуцаа, аще и верни суть.*
44. *Или поп с нею, или попадя с чернцем, или проскурница, а тих також судить, а во что осудить волен.*
45. *Аще поп или инок бьетъ(ся) всегда епископу в вине.*

Краткая редакция (Крестин. изв.)

35. *Аже чернец, или черница, или поп, или попадя, или проскурница впадут в блуд, тех судити епископу оприсно мирян и во что их осудить волен.*

36. *Аще поп или чернец упиют ся без времени — епископу в вине.*

В Основном изводе, а может быть, и в Маркеловском списке, эта древняя и неясная статья имела другое значение — кража в семье имущества, связанного происхождением со сговором и

свадьбой, т. е., очевидно, приданого имущества, которое не нажито супругами в процессе совместного хозяйствования, а принесено из дома родителей и принадлежащего, очевидно, не обоим супругам, а только одному из них. Мне представляется, что это понимание статьи о «свадебном и сгородном» является вторичным, поздним, связанным с развитием товарно-денежных отношений в деревне. Такое «вещно-правовое» толкование статьи появилось, очевидно, лишь в XIV в., при возникновении архетипа Основного извода, а в XII—начале XIII в., при создании архетипа Пространной редакции, его еще не было.

Установления о блуде монахов и попов в большинстве изводов Пространной редакции изложены в двух статьях, а в Краткой редакции и возникшем под ее влиянием Археографическом изводе — в одной статье. Первоначальной является форма этих статей Пространной редакции²³⁸; она была изменена в XIV в. Из двух статей архетипа, в свою очередь, можно выделить более раннюю — о блуде монахов, к которой впоследствии была присоединена вторая («также им...», «или...», а то также...»).

Наконец, статья о пьянстве или драке священника. Первоначальное значение ее — в Основном изводе и Краткой редакции: «Аще поп или чернец упьется без времени». В Архивном изводе она изменена: «Аще поп или инок бьет...» Возможно, это изменение или первоначальное искажение появилось еще в архетипе Архивного и Маркеловского изводов и как искажение опущено в Маркеловском. Несомненно, однако, что были и драки, в которых принимали участие попы и монахи, раз возможность «упиваться» сохранялась. Мы встречаемся здесь с примером истории текста памятника, когда появляется новое чтение, вызванное опиской редактора или переписчика, но отражающее определенную характерную сторону местной общественной жизни²³⁹.

К составу архетипа устава мы можем отнести не только те статьи, которые входят в состав и Пространной и Краткой редакций, хотя бы в разном виде. По крайней мере одну из статей Пространной, отсутствующую в Краткой (о «засевшей девке»), есть достаточные основания также возвести к этому архетипу.

Эта статья по социальным группам и денежному счету очень близка к таким статьям архетипа устава, как статья об умыкании (ст. 2 Основного извода), пошибании (ст. 3), оставлении жены (ст. 4), оскорблении женщины словом (ст. 30). Эта близость заключается в том, что во всех этих статьях (и только в них) размер штрафов зависит от социальной градации виновного, причем высшие категории — «великие» (или «большие») бояре и «меньшие» бояре — одинаковы во всех пяти статьях этого рода, «нарочитые люди» и «простая чадь» упоминаются в трех (ст. 3, 4 и интересующая нас 7).

²³⁸ Я. Н. Шапов. Редакции устава, стр. 508.

²³⁹ См. также выше, стр. 113.

Одноипен и денежный счет этих статей — штрафы с «великих» и «малых» бояр указаны в гривнах золота, в то время как в других статьях счет на гривны золота не употребляется²⁴⁰. По своему содержанию эти статьи не противоречат друг другу, все они, очевидно, принадлежат одному времени, если не одному автору.

Статья о «засевшей девке» преследует законом неозабоченность родителей, семьи вообще, в устройстве дочери в жизни (в замужестве), облагая их штрафами²⁴¹. Такое значение статьи вытекает из ряда данных. «Засести» — это, очевидно, усиленное значение от «сести» — термина, который обозначал «не выйти замуж», «остаться безбрачной»²⁴². Комментарий о том, что штраф взыскивается с родителей или родственников девушки, «на отци или на племени», дает текст Архивного извода²⁴³.

Преследование родителей за невыход девушки замуж неизвестен по другим древнерусским памятникам права, поучениям или епитимийникам. Однако нет оснований считать такую статью недействительной. Возможно, что она отражала переход к церкви древнего семейного или общинного права восточнославянского общества, согласно которому старшие члены семьи несли ответственность не только за воспитание младших при их жизни, но и обеспечение их после своей смерти. Традиционное наследственное право не обеспечивало дочерей в отличие от сыновей после смерти родителей. Это заставляло общинную организацию, а в XI в. взявшую у нее это право церковь обязывать родителей устройством дочерей и наказывать их за нарушение этой обязанности. Со временем, с установлением новых развитых феодальных отношений

²⁴⁰ Исключением является поздняя единичная вставка в Архивном изводе «5 гривен золота» за избиение священника (ст. 40).

²⁴¹ Основной извод: «Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а менших бояр — гривна золота, а нарочитых людей — 12 гривен, а простой чади — рубль» (гривна серебра в Румянц. ред.).

²⁴² Такое значение имеет термин «сести» в формуле клятвы жены умирающему мужу в том, что она останется после его смерти безбрачной, чтобы он завещал ей, а не раздавал имущество «... ротит бо ся (жена) много и глаголет: сести по тебе хошу или постригуся» («Православный собеседник», 1858, ч. III, стр. 508—512; С. И. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1913, стр. 74—75).

²⁴³ «Аще девица засядеть великих бояр митрополиту 5 гривен на отци или племени, а нарочитых люди — 12 гривен, а простых чади — рубль». В памятниках права Литовского великого княжества был известен и термин «засести». Статут 1529 г. содержит статью о том, что девушка, которая без воли родителей вышла замуж, лишается приданого и родительского материнского наследства, даже если она единственная дочь в семье: «О девки, которыи без воли отцовское и матчины засядуть замуж своеволне. Тож естли бы дочка без воли отцовское або матчины засела замуж, такавая отпадываеть от посягу отчиного и материстого и именя материстого...» («Статут великого княжества Литовского 1529 г.», Минск, 1966, стр. 58). Здесь этот термин в сочетании со словом «замуж» имеет другое, противоположное значение.

и соответствующих семейных прав эта статья потеряла смысл. Этим и можно объяснить отсутствие статьи в Краткой редакции, где она была опущена как не соответствующая действительности. В Юго-Западной Руси, однако, эта норма сохранилась дольше. Об этом говорит не только сохранение статьи в Пространной редакции, но и обработка ее в Архивном изводе: здесь появилось названное выше добавление, уточняющее ответственных за отклонение от нормы, а также упрощение градаций боярства путем пропуска «менших бояр», что приводило статью в большее соответствие с социальным строем Руси.

Общность денежного счета со статьями, принадлежащими архетипу, позволяет заподозрить в принадлежности к этому древнему памятнику еще одну статью, хотя ее также нет в Краткой редакции. Это статья о драке двух женщин²⁴⁴, в которой ставка штрафа «на виноватой» — 60 (в кунах — в Архивном изв., резанах — в Тарновской, Румянцевской ред. и Археографическом изв. и гривнах — в Маркеловском изв.) — та же, что и в трех других статьях, принадлежащих архетипу. Однако легче объяснить включение ее позже, в XII в., в Пространную редакцию, чем пропуск ее в XIV в., при создании Краткой. Оставляем ее поэтому вне архетипного текста устава.

К составу архетипа устава мы можем отнести, таким образом, следующие 43 статьи. Основное содержание сорока судебных статей обозначаем условными индексами: Б — статьи о браке; БР — о расторжении брака; БЛ — о блуде внутри большой семьи; БЯ — о языческих брачных обычаях; БП — о покушениях на свою жизнь, связанных с заключением брака; О — об оскорблениях; ОД — об оскорблениях, связанных с драками и побоями; С — о скотоложстве; Ц — о преступлениях монахов и причта; ЦБ — о блуде их; У — об уголовных преступлениях.

1. Соглашение князя Ярослава с митрополитом.
- Б 2. О похищении
- Б 3. Об изнасиловании
- БР 4. Об оставлении жены без развода
- Б 5. О рождении ребенка у незамужней
- Б 6. То же о жене без мужа
- Б 7. О засевшей девке
- Б 8. О групповом изнасиловании
- Б 9. Об измене мужа жене
- БР 10. О новой женитьбе мужа без развода
- БР 11. Об оставлении больной жены
- БР 12. То же мужа
- БЛ 13. О блуде кума с кумой

²⁴⁴ «Аще две жене бьетсяя, митрополиту 60 резань на виноватой» (Рум., ст. 46).

- У 14. О поджоге
- БЛ 15. О блуде со своей сестрой
- Б 16. О браке близких родственников
- Б 17. О двоеженстве
- БР 18. О разводе по своей воле
- ЦБ 19. О блуде с монахинями
- С 20. О скотоложстве
- БЛ 21. О блуде свекра со снохой
- БЛ 22. О блуде с двумя родными сестрами
- БЛ 23. О блуде деверя с ятровью
- БЛ 24. О блуде с мачехой
- БЛ 25. О блуде двух братьев с одной женой
- БП 26. О покушении на самоубийство в результате насильственного брака
  - О 27. Об оскорблении чужой жены словом
  - О 28. Об оскорблении острижением головы или бороды
- У 29. О краже конопли, льна, жита
- У 30. О краже белья и одежды
- БЯ 31. О свадебном и сгородном
- БЯ 32. О краях сыра
- ОД 33. О драке нечестным способом
- ОД 34. О муже, бьющем чужую жену
- ОД 35. О сыне, бьющем родителей
- БП 36. О покушении на самоубийство в результате запрещения брака
  - ЦБ 37. О блуде монахов
  - ЦБ 38. О блуде причетников
  - Ц 39. О пьянстве попа и чернеца
  - Ц 40. О расстрижестве
  - Ц 41. О судебном иммунитете и безатщине домовых и церковных людей и монахов
- 42—43. Санкция

Статьи архетипа могут быть объединены в несколько групп разного объема. Наиболее многочисленной является группа статей о браках и взаимоотношениях внутри большой семьи: языческие формы брака и их последствия, заключение и расторжение брака с нарушением церковных правил, блуд между представителями одного и разных поколений внутри семьи. К этой компактной группе относится 25 из 40 судебных статей устава. Архетип устава является, таким образом, в основном кодексом брачного и семейного права.

Таковыми же группами входят в устав статьи и на другие темы. Как и дела о браках, универсальный, относящийся ко всему населению характер имеют группы статей о свадебных обрядах, восходящих к языческим формам заключения брака (ст. 31—32), об оскорблении словом и острижением волос (ст. 27, 28), о драках и избиениях (ст. 33—35).

Наряду с этой сферой церковной юрисдикции в архетипе устава отразилась и другая — подведомственность церковному суду членов церковного причта и монахов, как по делам, аналогичным рассмотренным выше (ст. 38, о блуде причетников), так и по нарушениям, связанным с особым моральным и юридическим статусом этих сословных групп (ст. 19 и 37 о нарушении монахами целибата, ст. 39 о пьянстве попа и чернеца, ст. 40 о расстрижении). Эта группа из пяти статей делает устав Ярослава также кодексом ведомственного внутрицерковного права.

Третья сфера церковной юрисдикции относительно населения, жившего на церковной (монастырской) земле и принадлежавшего этому феодалу, менее всего отразилась в уставе. Об этой сфере говорит одна из последних статей устава, 41-я, — о судебном иммунитете относительно княжеской власти и о безатщине домовных (епископских, митрополичих) и церковных людей. Сюда же мы должны отнести, очевидно, и необычную по своему содержанию для этого устава ст. 14 о поджоге.

Дела о поджогах, как наиболее опасные у феодального общества, согласно другим юридическим памятникам XI—XV вв., Русской Правде, другим княжеским уставам и судебникам, принадлежали не церковной, а княжеской — высшей государственной юрисдикции. Наличие этой статьи в уставе Ярослава, и в частности в его архетипе, вызывало поэтому недоумение еще первых его исследователей.

Это противоречие может быть разрешено, вероятно, отнесением статьи о поджоге к третьей сфере церковной юрисдикции — о крестьянах, сидящих на принадлежащих церкви землях. Юрисдикция над ними, в том числе по уголовным делам, в раннее время, до перехода ее к великокняжеской власти, т. е. до XIV в., принадлежала церковному феодалу, поэтому и судебник, которым должен был руководствоваться церковный судья, включил статью об уголовном преступлении. Любопытно, что в дальнейшей истории устава эта статья не претерпела изменений, хотя, как известно, суд по подобным делам перешел от вассала к сенюру. Как и в Краткой редакции, где дела о кражах в семье были отнесены к смешанному суду князя и епископа, древний текст архетипа о поджоге в основном (за исключением ставки штрафа) остался тем же.

Место статьи о поджоге внутри группы статей о браке и блуде, между статьями о блуде с кумой и сестрой показывает, что она появилась в уставе позже, чем другие статьи этой группы, когда основной состав устава уже сложился. Очевидно, это связано с предложенным нами толкованием этой статьи как уголовного действия на церковной земле. Третья, вотчинная, сфера церковной юрисдикции появляется позже, чем две первые, в конце XI—XII в. Эта статья появилась также позже соседних статей архетипа, однако все же до второй половины XII в., времени, которым мы датировем создание Пространной редакции устава.

Содержание некоторых статей архетипа устава Ярослава совпадает с «делами», которые появились в середине или во второй половине XII в. в уставе Владимира и в Смоленской грамоте. Таковы «дела» об имущественных отношениях в семье («Аще муж крадет конопли...», «Аще муж крадет белые порты...»), которые соответствуют упоминанию «пря межю мужем и женою о животе» в УВ; недостойные формы драки («Аще мужа два бьтася женьскы, или укусить, или одереть...»), которые соответствуют упоминанию «зубоядения» в уставе Владимира; избивание родителей детьми («Аще сын бьеть отца или мать...» устава Ярослава, «Иже отца или мать бьют сын или дочи» в уставе Владимира); оскорбление чужой жены словом («Аще кто зовет чужую жену...»), чему соответствует «урекание» в уставе Владимира. Наконец, некоторые из статей архетипа устава Ярослава, например «Аще девка дѣтя добудеть...» и «Такоже и женка...», имеют аналогию в поздней обработке устава Владимира, Синодальной редакции XIII в. («девка дѣтя повержет»).

Добавления, внесенные в Пространную редакцию устава Ярослава, находят соответствие в основном не в этом общем «источнике» устава Владимира и грамоты Ростислава, а в их текстах, относящихся к XII—XIII вв. Таковы статьи:

Аще жена чародеица, наузница, волхова (Простр. ред. устава Ярослава)

потвори, чародеяния, волхвования (Синод. ред. устава Владимира XIII в.)

Аще две жене бьтася (Простр. ред. устава Ярослава)

Аще две жене бьтася (Простр. ред. устава Владимира XII в.)

Ряд статей, как принадлежавших архетипу устава Ярослава, так и появившихся в Пространной его редакции, не имеет параллелей в перечнях уставов Владимира и Ростислава. Таковы статьи о засевшей девке, о крадении сыра, о поджоге, скотоложстве, покушениях на самоубийство в результате насилия родителей в архетипе Ярослава; статьи о связи с иностранцами и иноверцами, о нарушении попом границ прихода в Пространной редакции устава Ярослава.

Темы некоторых из этих статей, очевидно, покрываются широким значением соответствующих терминов устава Владимира, например «смильное» и др.

Появление других статей вызвано расширением круга церковной юрисдикции за пределы, ограниченные традицией древнего устава Владимира.

Таким образом, большая часть статей архетипа устава Ярослава современна общему «источнику» устава Владимира и Смоленской грамоты, который относится к XI—первой четверти XII в., часть его статей современна этим уставам (XII в.). Новые статьи Пространной редакции оказываются современными обработкам устава Владимира XII—XIII вв.

Устав Ярослава и Правда Русская посвящены одной теме — урегулированию конфликтов во взаимоотношениях между людьми раннефеодального и феодального общества. Каждый из этих памятников трактует об особом круге дел, который не затрагивается в другом; оба вместе они представляют кодекс публичного права Древнерусского государства и феодально раздробленной Руси. Ряд «дел» нашел место и в том, и в другом памятниках, показывая переплетение и столкновение юрисдикции различных групп феодалов, с одной стороны, сложный характер памятников, в частности устава, — с другой.

Устав Ярослава не затрагивает таких основных для Правды Русской дел, как убийства. Исключением, лишь подтверждающим четкое размежевание круга дел этих двух памятников, являются статьи об убийстве во время свадебных боев — игр, о самоубийстве в результате насилия родителей. Это особые дела, возникавшие внутри одних и тех же социальных групп и не представлявшие угрозы общественному строю. Из-за такого характера эти дела и не были включены в Правду Русскую.

Правда Русская, в свою очередь, оставляет совершенно без внимания все конфликты в обществе, связанные с заключением и расторжением брака, с оскорблением женщины или насилием над ней, которым в основном посвящен устав Ярослава.

Перед нами два юридических памятника одного примерно времени, которые рассматривают два различных круга отношений: один в основном междуклассовые конфликты (Правда Русская), другой — внутриклассовые конфликты (устав Ярослава). Различие в характере этих конфликтов отразилось, очевидно, в различии сфер феодального права, которым также в основном посвящены эти памятники, — уголовное право в Правде Русской и семейное и брачное — в уставе Ярослава.

Несомненно, в жизни эти конфликты постоянно переплетались, следствием чего является и переплетение, и дублирование «дел» в одном и в другом памятнике. Так, есть несколько статей, посвященных одним и тем же или близким по характеру «делам», которые включены и в Правду Русскую и в устав Ярослава. Таковы дела об оскорблении в драке, об оскорблении повреждением бороды, о поджоге, о краже клетки и одежды:

Краткая Правда

Пространная Правда

Устав Ярослава (Основной изв.)

Аще утнеть мечем, не вынем его, либо рукоятью, то 12 гривен за обиду.

7. А во усе 12 гривен, а в бороде 12 гривен.

Аже кто ударить мечем, не вынем его, или рукоятью, до 12 гривен продажи за обиду.

60. А кто порветь бороду, а възьметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже.

39. Аще мужа два бьется женььскы, либо одереть, либо укусить митрополиту 12 гривен.

31. Аще кто пострижет кому главу или борода, митрополиту 12 гривен, а князь казнить.

12. *Аще* пойметь кто чюжь конь, либо оружи, *любо порт*, а познает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривне за обиду.
29. А иже *крадеть* либо конь, либо волю, или клеть, да *аще* будеть един крад, то (3) гривну и тридесят резан платити ему...
19. *Аже* *зажгутъ* гумно, то на поток, на грабежь дом его, *переди* пагубу исплатившую, а в проце князю *поточити* и; та-коже, *аже* кто *двор* *зажь-жеть*.
27. *Аще* кто конь погу-бить, или оружие, или *порт*, а заповестъ на торгу, а после познает в своем городе, свое ему *лицем* *взяти*, а за обиду платити ему 3 гривны.
37. *Аже* *крадеть* кто скот в хлеве или клеть, то же *будеть* один, то платити ему 3 гривны и 30 кун...
39. *Аже* *крадеть* гумно или *жито* в яме, то ко-лико их *будеть* крадо, то *всем* по 3 гривны и по 30 кун...
14. *Аще* кто *зажьжеть* гумно или двор или иное что, митрополиту 40 гри-вен, а опитемью подои-мутъ, а князь казнить.
32. *Аще* муж иметь кра-сти конопле, или лен, и всякое *жито* митропо-литу 12 гривен...
33. *Аще* мужъ *крадеть* белья порты, или пор-тища, или полотны и митрополиту 3 грив-вы...
36. *Аще* жена (у) мужа *крадеть* и обличити ю митрополиту 3 гривны, а муж казнить ю, а про-то не разлучити.
37. *Аще* кто *клеть* по-*крадеть*, таже творять.

Нормы устава Ярослава и по существу, и по их изложению ближе к Пространной Правде, чем к Краткой (в Краткой отсутствует статья о поджоге гумна или двора, там речь идет только о поджоге княжеской борти), а в Краткой Правде ближе к Правде Ярославичей, чем к древнейшей Правде: в ст. 12 последней о краже коня еще нет самого этого термина, он появляется только в Правде Ярославичей (ст. 27), в Пространной Правде (ст. 37, 39) и в уставе Ярослава. Эти нормы устава Ярослава, следовательно, появились во второй половине XI—XII вв., во время, когда складывались и соответствующие части и обработки Правды Русской.

Можно проследить определенные контакты устава Ярослава и с внешнеторговыми договорами Руси XII—XIII вв. Договоры как универсальные соглашения, оговаривавшие различные стороны взаимоотношений, включали в себя не только нормы Русской Правды, но и этого устава. Так, договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг. включил статьи об изнасиловании и оскорблении женщины, отсутствующие в Русской Правде, и близкие к соответствующим статьям устава Ярослава:

Договор 1189—1199

(в списке второй половины XIII в.)

7. *Оже* *пошибаеть* мужеску жену *любо* *дчьрь*, то князю 40 гривнь ветхymi кунами, а жене или мужское дчери 40 гривнь ветхymi кунами.

Устав Ярослава

(Основной извод в списке XVI в.)

3. *Аще* кто *пошибаеть* боярьскую *дочьрь* или боярьскую жену, за со-ром ей 5 гривен золота, а митропо-литу 5 гривен золота. А менших бояр гривна золота... А нарочитых

8. Оже съгренеть чужее жене повой с головы или дщери, явится просто-волоса, 6 гривн старые за соромъ.

люди два рубля... Простыи чади 12 гривне кун..., а князь казнитель. 42. Аже которы мужь бьет чужую жену, за сором еи по закону, а митрополиту 6 гривен.

Несмотря на некоторое различие в единицах денежного счета, в социальных градациях, упоминаемых в статьях, и в обозначении поступков статьи обоих памятников близки между собой. Они могут быть отнесены к одному примерно времени.

Договоры Смоленска с Ригой 1229 и 1230—1240 гг. также содержат статьи, близкие по содержанию к статьям устава Ярослава, хотя терминологически они отличаются от этого устава, поскольку представляют собой не оригинальный русский текст, а перевод латинского или немецкого противней. Денежный счет этих договоров, как показано выше, более поздний, чем в архетипе устава Ярослава. Сравнение устава Ярослава с юридическими памятниками XI—XIII вв. показывает, что по своему содержанию основная часть его статей относится к XI—первой половине XII в. К этому времени и нужно относить сложение архетипа устава. Пространная редакция устава возникла позже — в XII—XIII вв. Время возникновения Краткой редакции выходит за эти хронологические пределы.

Архетип устава Ярослава

В основу реконструкции архетипа положен один из старейших (начала XVI в.) и исправных списков Крестининского вида Краткой редакции (АП). Из двух терминов, обозначающих главу церковной власти, которому следуют штрафы, епископ (Кратк. ред.) и митрополит (Простр. ред.) в архетипе дается первый термин. Ставки штрафов во всех текстах не указываются, они сведены в таблице 3. Здесь указываются только единицы и ставки, которые дали материал для реконструкции. Особенности языка и орфографии архетипа не реконструируются.

[Ст. 1]. Се яз, князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь гречьский номоканун. Аже не подобает сих тяжь судити князю, ни бояром, дал есмь митрополиту и епископом^а.

[Ст. 2]. Аже кто умчить девку или насилить, аже боярская дчи, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; меньших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людей за сором^б гривна серебра^в, а епископу^г гривна серебра^в, а на умычницех по 60^с, а^ж князь казнить^з.

[Ст. 3]. Аже кто пошибает боярскую дщерь или боярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота;

^а Так оканч. Маркел. В других текстах различающиеся добавления: Кр., Рум. далее те суды... где христианственное. Осн., Архе-

а менших бояр^н гривна золота^к, а епископу гривна золота; а нарочитых людеи^а 2 гривны серебра^м, а епископу^н 2 гривны серебра^о; а простой чади^н 12 гривен^р, а епископу^с 12 гривен^т, а князь казнить.

[Ст. 4]. Аже пустить боярин велик жену без вины, за сором еи^у 5 гривен золота^ф, а епископу 5 гривен золота^х; а менших бояр гривна золота, а епископу гривна золота^ш; а нарочитых людии^ч 2 гривны серебра^ш, а епископу^а 2 гривны серебра^ш, а простой чади 12^ш гривен, а епископу 12^ш гривен, а князь казнить.

[Ст. 5]. Аже у отца, у матери дчи девкою детяти добудеть, обличив ю пояти в дом церковный.

[Ст. 6]. Также и женка, а чим ю род окупить.

[Ст. 7]^а. Аже девка засядеть великих бояр, епископу 5 гривен золота; а менших бояр гривна золота; а нарочитых людии 12 гривен; а простой чади^ю гривна серебра^а.

[Ст. 8]. Аже девку умолвить к себе кто и дать в толоку, на умольвнице епископу^а гривна серебра^б, а девице за сором 3 гривны^в, а на толочанех по 60^г, а князь казнить.

[Ст. 9]. Аже муж от жены блядеть, епископу в вине, а князь казнить.

[Ст. 10]. Аже мужь оженится иною женою, а со старою не роспустився, мужь ть епископу в вине, а молодую в дом церковный, а со старою жити.

[Ст. 11]. Аже жене лихий недуг будеть^а или слепота, или долгая болезнь, про то ее не пустити.

[Ст. 12]. Тако же и жене незле пустити мужа.

[Ст. 13]. Аже кум с кумою створить блуд, епископу^с 12 гривен^ж, а в опитимии.

[Ст. 14]. Аже кто зажжет двор, или гумно, или что иное, епископу 40^д гривен, а князь казнить.

[Ст. 15]. Аже кто с сестрою съгрешить, епископу 40^в гривен, а в опитимии и в казни по закону.

огр. далее роспусты... и осминичье дал есмь, Архивн. изменено; б-в так Архивн.; Осн., Ипат. та же ставка, но в рублях — 1 рубль, в других текстах ставки в гривнах сер. — Маркел. 3 гр. сер., Кр., Рум. — 5 гр. сер.; г-д Архивн., Маркел. так же, Ипат., Рум. — 1 рубль, Кр., Рум. 5 гр. сер., е так из Маркел., Осн., Ипат. Археогр.; ж-з так из Маркел., Архивн., Рум., Фрол.; и-к так из Осн., Археогр., Кр., Рум.; л-м во всех сохранившихся текстах ставки в рублях; Архивн., Маркел., Осн., Ипат., Археогр. 2 рубля, Кр., Рум. 3 рубля; н-о Архивн., Осн., Археогр. 2 рубля; Кр., Рум. 3 рубля; п-р так из Архивн., Маркел.; с-т так Архивн., Маркел., Осн. у-ф ставки из Архивн., Маркел., Рум.; х-ц текст из Простр., в Кр. нет; ч-ш во всех сохранившихся текстах ставки в рублях: Простр. 2 рубля, Кр. и Рум. 3 рубля; ш ставка из Простр.; в-а в Кр. статьи нет, текст из Простр. по Осн. ш-а из Рум. (гривна серебра) и Археогр. (гривна серебра или рубль); в других изводах Простр. рубль; в-б ставка из Архивн., Маркел., Археогр. в так из Архивн., Маркел.; Рум., Кр. гривны серебра; т так из Маркел., Археогр.

[Ст. 16]. Аже ближнии род поимется, епископу 40^н гривен, а их разлучити, а опитимию да примуть.

[Ст. 17]. Аже две жене кто водить, епископу 20^з гривен, а которая подлегла, та поняти в дом церковный, а первую дръжить по закону. А иметь лихо водити ю, казнию казнити его.

[Ст. 18]. Аже муж с женою по своей воли распуститься, епископу 12 гривен, а будет не венчаныи, епископу 6 гривен.

[Ст. 19]. Аже кто съблудить с черницею, епископу 40^з гривен.

[Ст. 20]. А с животиною 12 гривен, а во опитимию вложить.

[Ст. 21]. Аже свекор с снохою съблудить, епископу 40^з гривен, а опитимия по закону.

[Ст. 22]. Аже кто с двема сестрами падеться, епископу 12^з гривен.

[Ст. 23]. Аже деверь с ятровью падеться, епископу 12^к гривен.

[Ст. 24]. Аже с мачехою кто сблудить, епископу 12^к гривен.

[Ст. 25]. Аже два брата будут с одиною женкою, епископу 30^к гривен, а женка в дом.

[Ст. 26]. Аже девка не восочеть замужь, а отец и мати силою дадутъ, а что створить над собою, отец и мати епископу в вине.

[Ст. 27]. Аже кто зоветь чужу жену блядью великих бояр, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а князь казнитъ; а будетъ менших бояр^а, 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота; а будетъ городцких людии, за сором ей^м гривна серебра^н, а епископу^м гривна серебра^н; а сельских людии^о 60^п, а епископу^р 3 гривны^с.

[Ст. 28]. Аже пострижеть голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнитъ.

[Ст. 29]. Аже мужь иметь красти конопли или лен и всякое жито, епископу^т 3 гривны^у. Также и женка^ф.

[Ст. 30]. Аже мужь крадетъ белые порты или полотна и портища^х, епископу 3 гривны^н. Также и женка^ч.

[Ст. 31]. Свадебное и сгородное^ш то все епископу^ш.

[Ст. 32]^о. Аще про девку сыр будетъ краань, за сыр гривна, а что стеряли заплатать, а епископу 6 гривен, а князь казнитъ^ю.

[Ст. 33]. Аже мужа два бьетася женскы, или укуситъ, или одереть, епископу 3 гривны.

[Ст. 34]. Аже мужь бьетъ чюжу жену, за сором ей по закону, а епископу 6 гривен.

^д так в Простр.; Кр., Рум. болить; ^{е-ж} так в Простр.; ^з так в Простр.; ^н так в Ов., ОИ и статьи 15; ^к так из Простр.; ^л Кр. далее за срам ей; ^{м-п} так из Маркел., в Археогр. и Осн. рубль; ^о Кр. далее за сором ей; ^{р-с} так из Маркел.; Архивн. 60 кун. Осн., Археогр. 60 реван; ^{т-у} так из Архивн., Маркел., Археогр.; в Кр. в вине с князем наполю; ^ф так Простр.; в Кр. далее аже иметь то красти; ^{х-ц} так из Осн., Археогр.; в Кр. и поневы; ^ч в Кр. далее епископу в вине с князем наполю;

[Ст. 35]. Аже сын бьетъ отца или мать, да казнить его волостельскою казнию, а епископу в вине.

[Ст. 36]. Аже девка въсохощетъ замужь, а отецъ и мати не дадять, а что створить, епископу в вине отецъ и мати. Такожѣ и отрокъ.

[Ст. 37]. Аже чернець или черница^а впадетъ в блуд, тех судити епископу.

[Ст. 38]. Такожѣ^а или поп, или попадия, или проскурница впадутъ в блуд, тех судити епископу оприсно мирян, и во что их осудить волен.

[Ст. 39]. Аще поп или чернець упиются без времени, епископу в вине.

[Ст. 40]. Аже чернець или черница рострижется, епископу^б 40 гривен^в.

[Ст. 41]. А что дееть ся в домовныхъ^г людех и в церковныхъ и самех монастырех, не^а вступается князь, ни волостель^е в то, а ведаеть их^ж митрополичи волостель^з, а безатщина их епископу поидеть.

[Ст. 42]. А кто уставление мое порушить, или сынове мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или от рода моего кто, или от бояр кто, а порушать ряд мои и вступятся в суды митрополичи, что есмь дал митрополиту и церкви и епископьям^н по правиламъ св. отецъ судивше казнити по закону.

Проследив историю текстов устава Ярослава в общих чертах до их архетипа к XI—первой половине XII в., к эпохе, к которой устав принадлежит по своему заглавию, попытаемся ответить на целую группу вопросов о причинах и условиях его возникновения, а также об особенностях устава, которые в глазах исследователей обычно являются свидетельством позднего, фальсифицированного документа. К таким особенностям относятся государственное, публично-правовое преследования нарушителей норм, которые не входят в сферу княжеской, светской юрисдикции; два адреса штрафов: митрополиту (или епископу) и князю; наличие в судебнике не только ставок штрафов в денежном выражении, но иногда и указаний на епитимью.

Устав представляет собой судебник по делам, подведомственным не княжеской, светской власти, а церковной. Об этом говорит и первая его статья («не подобаеть сих тяжь судити князю, ни бояром его, ни судьям его» — Основной извод), и последние (ст. 55 Основного извода). Однако в тексте устава это общее постановление относительно церковного судебного «иммунитета»

---

^{ш-щ} так из Простр.; в Кр. бой и убийство... съ владыкою наполю; ^{в-ю} так по Рум., в Кр. статьи нет; ^{а-а} так из Осн., в Кр. нет, статьи слиты в одну; ^{б-в} так из Простр., Кр. в вине во что их обрядит; ^г так в Кр.; в Простр. монастырских, ^{л-о} так в Простр., в Кр. вступаются княжи волостели; ^{ж-з} так в Пр., в Кр. епископли волостели; ^н так Простр., в Кр. далее по всем городом.

как будто несколько раз нарушается. Некоторые из этих нарушений могут быть легко объяснены. Таково появление двойного адреса штрафов по делам об убийствах во время свадебных боев (ст. 31) и о кражах (ст. 28—29) в Краткой редакции, что связано с переходом в XIV—XV вв. к московскому великому князю юрисдикции по уголовным делам. Академический извод показывает дальнейшую переработку текста в том же направлении. Как мы видели выше, большая часть статей получила в этом изводе второй четверти или середины XV в. добавочные слова: «а князь казнить», которые отсутствовали в архетипе редакции.

Ограничение судебного «иммунитета» церкви в пользу княжеской власти на территории Литовского великого княжества XIV—XV вв., известное и по другим источникам, находит отражение и в украинских обработках устава начала XV в.: в Егоровском списке Краткой редакции, в Тарновской и Румянцевской редакциях. Здесь к статье архетипа устава (по тексту Краткой редакции) об избиении чужой жены также добавлены слова: «а князь казнить»²⁴⁵. Очевидно, это дополнение соответствует объему княжеской юрисдикции по этим делам на Украине в XV в.

Все остальные статьи, в которых наряду с митрополичьей юрисдикцией указано «а князь казнить», принадлежат древним текстам устава и отражают, следовательно, какие-то иные явления общественной жизни. Восемь таких статей находятся и в Пространной, и в Краткой редакциях и принадлежат архетипу устава второй половины XI—первой половины XII в. Это статьи об умыкании, пошибании, оставлении жены, оскорблении словом — все со ставками в гривнах золота и с социальной градацией, а также статьи о толоке, прелюбодеянии, поджоге, острижении. Одна статья (о резании сыра) содержится только в Пространной редакции, но, как указано выше, есть все основания и ее относить к архетипу устава.

Принадлежность фразы «а князь казнить» ранним текстам устава подтверждается изменениями при дальнейшей эволюции этих статей. В части их слова «а князь казнить» выбрасываются и статьи утверждают только одну церковную юрисдикцию по этим делам²⁴⁶. Статья о прелюбодеянии показывает противоположные направления эволюции норм по этому делу на различных территориях Руси в XIV—XV вв.: в Егоровском списке, Тарновской и Румянцевской редакциях упоминание князя оказалось опущенным («митрополиту в вине», ст. 8 Рум. ред.), а в Основном

²⁴⁵ Ст. 39. «Аще мужь бьет чужую жону, за сором ей по закону, а митрополиту 6 гривен, а князь казнить» (Рум. ред.).

²⁴⁶ В архетипе Архивного и Маркеловского изводов было опущено упоминание князя в статьях об оскорблении женщины и об острижении. В конце XIII—начале XIV в. во время, которому принадлежит эта обработка, в Юго-Западной Руси суд по этим делам полностью осуществлял, следовательно, митрополит, а не князь. В Археографическом изводе эти слова опущены в статье о резании сыра.

изводе вместе с сохранением слов о «казни» князем появилось необычное для устава утверждение «митрополиту нет кун, а князь казнить» (ст. 9 Основного извода). Эти слова, говорящие о лишении митрополита штрафов за нарушения в области брачного права, в нашем уставе не описка. Укрепление феодального судебного иммунитета на землях Литовского великого княжества приводило к изменению традиционного раннефеодального права и закреплению за местным светским феодалом сбора и бывших церковных пошлин. Об этом, в частности, говорит формула «а роспусток владыцы не давати» в грамоте вел. кн. Витовта Илье Вячковичу на села с освобождением от воловщины, яма и мыта 1407 г.²⁴⁷, отмена норм «Свитка Ярослава» в Смоленской земле в XV в. Два из дел архетипа устава, по поводу которых наряду со штрафами указано «а князь казнить» — поджог и оскорбление повреждением бороды, — упомянуты и в Правде Русской, следовательно, входят в компетенцию князя, который судит эти дела в своем суде. Таким образом, устав Ярослава в этих статьях свидетельствует о переплетении княжеской и митрополичьей юрисдикции. Причины столкновения были, очевидно, различными. Церковь обладала иммунитетным правом суда на феодально зависимой от нее территории.

Двойная подсудность дел об оскорблении делом (повреждение бороды) и словом может быть объяснена широким, и внутри- и междуклассовым, социально опасным для феодального общества характером этого поступка, подрывавшего авторитет княжеских, государственных чиновников.

Что касается значения слов «а князь казнить» в других случаях, в статьях об умыкании, браках, прелюбодеянии и прочем, то оно также имеет объяснение. Возможно, здесь имеется в виду древний, восходящий к середине XI в., времени, когда создавались старшие статьи судебного устава, порядок исполнения судебных решений по этим делам, изымание указанных денежных сумм в пользу потерпевших и церкви не специальными церковными органами, которые тогда еще не существовали, а княжескими. Очевидно, государственные, княжеские органы (емец, вирник), известные по Правде Русской, выполняли постановления суда по делам об умыканиях, распустах, избияниях и прочем, так же, как они издавна делали это по делам об убийствах и кражах. Виры и продажи в этих условиях шли, однако, не князю, а митрополиту. Княжеские чиновники могли получать дополнительное вознаграждение за эти свои функции на общих основаниях, как об этом говорит Русская Правда. О принадлежности дел об умыкании княжеской юрисдикции и передаче князем или посадником половины штрафов епископу в Смоленской земле в первой поло-

²⁴⁷ М. Довнар-Запольский. Акты Литовско-русского государства, вып. 1 (1390—1525). М., 1899, № 2, стр. 3. Издатель называет дату 1407 г. сомнительной.

вине XII в. свидетельствует Смоленская грамота кн. Ростислава. Здесь в перечне «тяж» — церковных дел — говорится: «Аже уволочеть кто дѣвку, што возметь князь съ епискупом наполю, или посадник что възметь свои тяжи — то съ епискупом наполю»²⁴⁸. Со временем, когда церковная власть достаточно окрепла и стала организацией, осуществляющей общегосударственную юрисдикцию, она приобрела и соответствующие карающие органы. Участие князя и отражающая это участие формула «а князь казнить» потеряли свое значение.

Свидетельства Русской Правды об объеме княжеской юрисдикции и поступках, которые судит княжеский суд, таким образом, не являются исчерпывающими. Ряд памятников XI—XII вв. и более позднего времени говорит о перекрещивании интересов князя и церкви в суде, в частности и по определенным брачным и семейным делам²⁴⁹.

Большая часть нарушений, о которых говорят статьи устава Ярослава, совпадает с поступками, перечисленными в особых, широко распространенных в древнерусской письменности памятниках — епитимийниках или епитимийных правилах, восходящих к аналогичным византийским памятникам. Известен целый ряд древнерусских епитимийных кодексов, как определил С. И. Смирнов, довольно раннего происхождения (например, бывших источником вопросов Кирика — середина XII в.), где рассматриваются дела, близкие к соответствующим статьям устава Ярослава.

<p>«Впрошанье исповеданья» в требнике XIV в.</p>	<p>«Св. апостол правила», — «худой номоканон», источник вопросов Кирика</p>	<p>Устав Ярослава</p>
--	---	-----------------------

<p>77. А ино с кумы и з близокы своими 5 лет сухо ясти. 78. С женьными близокы и с тещами и с мачехами 2 лет. 79. С братьями и с свестыми и со своими сестрами из отца инога или матере 2 лета²⁵⁰.</p>	<p>Аще кто кровь смѣситъ или отецъ со дщерью или мати съ сыном, да имуть опитемью 30 лет и да комкаетъ от пасхы до пасхы поклон 1000 утро, 1000 вечер. Аще 2 брата с единою женою или зять с тещею или свекор с невесткою да имуть опитемью 12 лет</p>	<p>Аще кум с кумою сѣтворит блуд, епискупо гривна золота и в епитимью. Аже свекор со снохою съблудить... Аже кто с двема сестрама падетса... Аже деверь с ятровью... Аже с мачехою кто съблудить... Аже два брата</p>
---	--	---

²⁴⁸ СГ, стр. 77; ПРП, вып. 2, стр. 41.

²⁴⁹ Новгородская берестяная грамота 155 со стратиграфической датой 1161—1176 гг. указывает на то, что суд по делу о невыполнении вещных обязательств при заключении брака входил в Новгороде в компетенцию и князя, и епископа: «Пояле дѣвку у Домаслава. На мнѣ ти Домаславе възяле 12 гривнѣ. А присли 12 гривнѣ. Или не прислеси, а мнѣ ти стати [у кня]зя и у владыке...» (НБГ 1955, стр. 34). Это свидетельство, однако, не может быть привлечено для нашей темы. Здесь и особый, не столько брачный, сколько вещный характер иска, и особые условия новгородской конституции второй половины XII в.

²⁵⁰ ГИМ, Чуд. 5, лл. 72 об.—78 об.

Или с иноверною пался, ... или с робою блудил, или рабы в толоуѣ доходил еси... Аще ли с двема сестрама, или с вдовою, или с девицею, или робы в толоуѣ, или девици такоже доиде — епитимья два лета. Аще кто мучить жену без совета родитель своих... Аще кто иметь жену в толоку...²⁵²

«Вопрошанье
исповеданья»

84. С черницами блуд творяче 2 лета сухо ясти. 85. Съ скимницамим 5 лет. 86. Со вдовами, и с мужатицами, и с девицами 5 лет. 88. Бесомолци и душегубцы, хулници, зажигатели домом и гумном 3 лета²⁵³.

«Правила
Халкидонского собора»

Аще кто пустить жену гордяся да постится 12 лет, а поклон 1000 на день²⁵⁴.

поклон 9 сот утро, 9 сот вечер. Аще кто с кумою будеть да имать опитимью 15 лет поклон 9 сот... Аще поимуть кумове, или братчади, или сестры, да имуть опитимью 16 лет 9 сот...²⁵¹

будуть с единою женою...

Аще кто умчить девку или насилить... Аже девку умолвить к собе и дасть в толоку... Аже кто съблудить с черницею, епископу 100 гривен..., а в епитимью вложить. Аще кто зажжет двор или гумно, или что иное... Аже пустить боярин велик жену без вины, за сором еи...

Мы не можем видеть в тех или иных из близких к уставу по содержанию правил непосредственный источник его статей, как не видим его и в близких статьях Правды Русской. Заимствование в епитимийник из устава ввиду раннего происхождения этих епитимийных статей также маловероятно. Эта близость указывает, следовательно, на общность в происхождении статей этих памятников: нарушения канонических брачных норм, норм семейной, монастырской жизни перечислялись в епитимийных правилах с указанием церковных наказаний — поста, поклонов и пр.

²⁵¹ С. И. Смирнов. Материалы, стр. 30, ст. 28. Аналогии в «Некоторой заповеди», стр. 28; в «Правиле» с именем Максима, ст. 3; в «Правиле Халкидонского собора» (см. С. И. Смирнов. Материалы, стр. 242).

²⁵² Там же, стр. 330. С. И. Смирнов предлагает изменить «мучить» на «умчить». Очевидно, первоначальное правило гласило «Аще кто умчить жену», а со временем приобрело другое значение и было пополнено словами «без совета родитель своих» (там же, стр. 47).

²⁵³ ГИМ, Чуд. 5, л. 78—78 об.

²⁵⁴ С. И. Смирнов. Материалы, стр. 242, ст. 18. По определению Смирнова, это правило — древнерусское сочинение.

В уставе Ярослава перечислены в основном те же нарушения, причем указаны наказания в различной форме — возмещение потерпевшим, штраф митрополиту, иногда и князю — в денежной форме, иногда дополнительно епитимья, иногда указание «митрополиту в вине» без ставки штрафа.

Древнейший текст устава Ярослава представлял собой, очевидно, перечень нарушений правил христианской церкви, близкий к епитимийнику, ответственность за которые, однако, была не моральной, перед богом и своей совестью, а перед политической властью. Наказание за нарушение принадлежало не приходскому священнику, пользовавшемуся духовными средствами воздействия, а епископам или митрополиту — представителям церковной сферы государственной власти. В соответствии с этим наказанием за нарушения, согласно этому судебнику, были не епитимьи, а традиционные государственные штрафы — виры и продажи, а также суммы возмещения потерпевшим. Кроме этой государственной ответственности, нарушитель нес и духовную ответственность в форме епитимьи, правда, эта ответственность является дополнительной для моральной системы устава Ярослава, ей здесь уделяется внимание лишь изредка²⁵⁵.

Устав Ярослава превращает большой пласт общественной жизни древнерусского населения из религиозно-моральной сферы в публично-правовую. Этот акт должен был, очевидно, решительно и быстро подорвать все те традиционные брачные и семейные обычаи, которые были еще распространены среди массы населения Древнерусского государства, но для классового общества, в котором феодальные отношения занимали господствующее положение, являлись анахронизмом, пережитками предшествующих эпох. Церковь как орган государственной власти выступает здесь в качестве политической силы, которая, в нарушения канонической традиции, грубо вторгается в жизнь древнерусского человека, чтобы навязать ему новые прогрессивные нормы или превратить старые из общинного обычая в государственный закон.

Первая статья устава Ярослава сообщает о том, когда и кем был издан этот устав. Это произошло в результате соглашения между князем Ярославом и митрополитом Иларионом («Се яз князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом...»), следовательно, в течение недолгого пребывания Илариона на митрополичьем столе, в 1051—не позже 1054 г.²⁵⁶, при жизни князя Ярослава

²⁵⁵ В поздних обработках, например в Архивном изводе, указание на «опитемью» неоднократно опускается там, где в архетипе Пространной редакции оно было (статьи о поджоге, блуде близких родственников, скотоложстве и др.). Здесь, следовательно, еще больше утрачивается близость устава к епитимийнику и проследивается развитие его в сторону судебного по семейным и брачным делам.

²⁵⁶ «В лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святѣи Софѣи, собравъ епископы» (ПСРЛ, т. I, стб. 155; ПВЛ, ч. I,

(умер 20 февраля 1054 г.)²⁵⁷. Учитывая данные источниковедческого исследования, относящие древний текст устава к XI—первой половине XII в., это хронологическое указание является вполне реальным. Оно значительно уточняет время возникновения устава. В 1051—1053 гг., следовательно, князем Ярославом по совету с митрополитом Иларионом был принят устав о компетенции представителей высшей церковной власти в суде. Этот документ был составлен в развитие акта князя Владимира, передавшего церкви десятину от княжеских доходов — даней, торговых пошлин и судов. Отныне роль высших органов церковного управления в публично-правовой сфере государства значительно выросла: за церковью закреплялась не только часть государственных доходов от суда, но и собственное обширное судопроизводство по определенным делам, не принадлежавшим прежде государственной юрисдикции.

Совместное участие высших представителей светской и церковной властей в создании и утверждении устава является естественным. Ни один из них самостоятельно не мог бы осуществить это дело: без участия митрополита приобретение им прав высшей общегосударственной власти, так же как и составление перечня подлежащих наказанию поступков и определение размеров наказания, было невозможно. Без участия князя решением митрополита, даже с собором епископов, невозможно было бы установить границы княжеской и церковной юрисдикции, принять не епитимийные, а государственные, в форме вир и продаж, наказания. Само исполнение наказания, взыскание штрафов органами княжеской власти было возможно только в том случае, если устав, включающий судебник, становился государственным актом, обязательным для органов и светской, и церковной власти.

Древнерусское церковное (христианское) право возникло в результате принятия христианства как государственной религии и оформления церкви как государственной организации. Формирование их институтов продолжалось вместе с развитием общества и государства непрерывно, однако нас здесь интересуют наиболее ранние этапы, конец X—XII в., в течение которых сложились основы и особенности церковной организации и церковного права.

Основные факторы, оказавшие влияние на характер этих явлений на Руси, были следующие. Во-первых, общественный строй, существовавший на Руси к моменту принятия христианства, и связанные с ним форма государства, право и религиозная организация; во-вторых, влияние тех же институтов страны, из кото-

---

стр. 104). «Аз... мних и прозвигер Иларион... от богочестивых епископ священ бысть и настован... Быша же си в лето 6559...». (РИБ, т. XXXVI, вып. 1, стб. 103); L. Müller. Des Mitropolitens Ilarion Lobrede, S. 143.

²⁵⁷ Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого. — СА, 1959, № 4, стр. 245—249.

рой Русью было заимствовано христианство, — Византии; в третьих, направление общественного развития Руси в конце X—XII в., все больше приобретающей характер феодального государства. Роль этих факторов в течение даже указанного сравнительно небольшого промежутка времени изменялась, что сказывалось и на характере документов, возникавших в это время.

Так, начальное время, конец X—начало XI в., судя по древнейшему тексту устава Владимира и другим свидетельствам, связанным с первым освящением Десятинной церкви, характеризуется конституированием новой церковной организации, заимствованной со стороны, на тех традиционных основах, которые были выработаны для прежней, языческой религиозной организации. Формируя новую церковь, как сказано в уставе о десятинах, по образу и подобию византийской церкви, Владимир не придал ей, однако, этого образа, создав феномен, значительно отличающийся от образца.

Причина этого заключается прежде всего в различии общественного и государственного строя Руси и Византии в конце X в. — общества, переходного от первобытнообщинного к феодальному, которое может быть обозначено как раннеклассовое общество на Руси, и феодального общества, выросшего в результате эволюции рабовладельческого, в Византии.

Конституция древнерусской церкви в конце X—начале XI в. отличалась значительным своеобразием: подчиненное положение относительно княжеской власти, вызванное и самим возникновением христианской церкви на Руси в результате внутри- и внешнеполитических акций князя, и экономической зависимостью ее от этого князя; отсутствие земельной собственности у церкви и обеспечение ее десятиной от даней, судебных и торговых пошлин.

В середине XI в. появились или, вероятнее, получили значительное развитие и были зафиксированы в форме устава Ярослава другие разделы этой конституции — государственная юрисдикция митрополита и епископов над массой населения Руси. Это была дальнейшая эволюция древнерусской церковной организации в направлении, которое диктовали внутренние условия древнерусского общества. Влияние византийского опыта здесь было весьма своеобразным. С одной стороны, многие (но далеко не все) из поступков, включенных в устав Ярослава, преследовались византийской церковью, как нарушение церковных канонов. С другой стороны, само преследование церковью являлось в Византии отнюдь не государственным, публично-правовым наказанием, принятыми в этом государстве мерами воздействия (например, физическое воздействие и пр.), а лишь церковно-дисциплинарным наказанием.

В то же время именно то, что в уставе Ярослава является чуждым и противоречащим византийским церковным канонам, совпадает с нормами древнерусского права, зафиксированными в Русской Правде.

Устав Ярослава представляет собой, таким образом, опыт применения вселенских канонических норм к местным древнерусским условиям XI—XII вв., памятник как древнерусского права в сфере, подлежащей юрисдикции местной церкви, так и варваризированного церковного права Византии.

Является ли случайностью, что изучаемый устав появился именно в 1051—1053 гг.? Издание устава при Ярославе естественно: ко времени его княжения относится целый ряд акций по укреплению и расширению влияния церковной организации, основанной его отцом. Продолжение церковно-уставной деятельности Владимира вызывалось необходимостью государственного и письменного закрепления за древнерусской церковью тех важных позиций в раннефеодальном обществе, которые она постепенно занимала.

Ряд данных позволяет связывать возникновение устава со всем курсом политики Ярослава в последние годы его жизни.

Система церковного права устава Ярослава, действительно, значительно отличается от системы, существовавшей в Византии и зафиксированной в «греческих номоканонах», в частности в номоканоне XIV титулов. Это отличие выражается, во-первых, в отнесении в уставе Ярослава исключительно к церковной юрисдикции поступков, которые по византийским нормам ей не принадлежали, а были подведомственны светской власти и облагались церковью, как грехи, епитимьей. Это поступки, которым посвящены основные статьи устава: похищение, изнасилование, разводы, рождение ребенка у незамужней, прелюбодеяние, блуд в близких степенях родства, двоеженство, скотоложство, оскорбление словом и действием, кражи и поджог. Различие усиливалось тем, что церковь по уставу Ярослава должна была рассматривать дела, не входившие в Византии ни в церковную юрисдикцию, ни в светскую, такие, как ответственность за невыдачу замуж, покушение на самоубийство, вызванное превышением власти родителей, языческие свадебные обряды и пр.

Во-вторых, формы наказания, которые приведены в уставе Ярослава, — виры и продажи в денежном выражении в пользу митрополита или епископа, кроме возмещения в пользу потерпевшего. Византийская церковь не присуждала гражданских наказаний, и церковное наказание не сопровождалось гражданскими последствиями. В Ефремовской кормчей в составе собрания постановлений Юстиниана в 93 главах находится постановление, говорящее о неприменении епископом мер физического наказания: «40. Нъ ни своима рукама подобаетъ епископу кого бити, се бо чуже есть чистителя»²⁵⁸. Согласно каноническим правилам, византийская церковь применяла только церковно-дисциплинарные

²⁵⁸ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1907, стр. 772; И. И. Срезневский. Обзорение. Прилож., стр. 89.

средства воздействия — увещевания, разные формы епитимьи, отлучение от церкви.

В-третьих, полный судебный иммунитет церковных людей (духовенства, монашества и лиц, зависимых от церкви) относительно светской власти, в частности князя, провозглашаемый уставом Ярослава. По византийскому праву лица духовного звания, освобождавшиеся от светского суда, тем более зависимые от церкви люди, подлежали, однако, верховному суду императора.

Для определения значения акта издания устава Ярослава важна и характеристика этого акта, содержащаяся в первой статье устава. Здесь имеется в виду формула «сложилъ есмь греческий номоканун», которая, насколько нам известно, привлекла внимание только одного Фрицлера.

Эта формула находилась в архетипе устава и принадлежит еще его древнейшему тексту 1051—1053 гг. В некоторых редакциях и изводах она изменена. Так, в нескольких списках Крестининского вида извода кормчих Краткой редакции второй половины XVI в. (*СлД, К, Д, КТ, ЕИ*) и начала XVII в. (*Рж*) слова «сложилъ есмь» изменены на «разложил есмь». В одном списке второй половины XVI в. (*ОФ III*) слово «сложил» исправлено на «разложил» уже в рукописи. Разложил номоканон — это раскрыл его, судя по контексту, для того, чтобы в соответствии с ним составить устав. Так понял эту формулу один из переписчиков устава в кормчей и его последователи в XVI—XVII вв.²⁵⁹

В Маркеловском изводе фраза имеет вид «сложил есмь и дал есмь митрополиту и епископом», а слова «греческий номоканон» отсутствуют. В Архивном изводе формула заменена другой: «пмыслих греховныя вещи и духовны отдати церкви по слову митрополита от судебных книг», и упоминания номоканона нет. В Основном и зависящих от него изводах XIV—XV вв. находится та же формула, что и в архетипе Пространной и Краткой редакций, лишь с изменением грамматической формы перфекта единственного числа на аорист множественного: «сложихомъ греческий манаканун». В Румянцевской редакции XV в. фраза имеет форму «сложил есми греческий номоканон» и также близка к архетипу статьи. В Устюжской редакции начала XVI в. древняя форма изменена в «сложил есми со греческим манакануном», в результате чего она приобрела смысл «сопоставил, сверил с номоканоном, привел в соответствие с ним». В таком позднейшем виде формула была использована Карамзиным и рядом других историков XIX—XX вв.

Таким образом, древняя формула в некоторых поздних обработках изменяется, причем смысл этих изменений — показать со-

²⁵⁹ Так же понял эту формулу один из переводчиков устава XIX в., Й. Пелеш: «Sodann öffnete er (tägl) den griechischen Nomocanon (Kormtschaja kniga)» (*J. Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, Bd. 1. Wien, 1878, S. 157*).

ответствие установления Ярослава духу номоканона. А каково первоначальное значение формулы, сохранившейся в старших текстах устава и восходящей к акту 1051—1053 гг.?

В особой статье нами были высказаны соображения в пользу понимания этой формулы как «отменил», «отверг» греческий номоканон, что соответствует одному из значений глагола «съложити» без предлога²⁶⁰. Такое важное заявление в официальном княжеском документе, составленном вместе с митрополитом, кажется невероятным. Возможно, дальнейшие исследования позволят дать другие объяснения этой формуле. Однако содержание устава говорит о том, что такое значение этих слов возможно. Есть основания считать, что устав Ярослава не случайно был принят тогда, когда митрополичью кафедру занимал Иларион. Возможно, составление или принятие церковного судебника типа этого устава в более раннее время, например при митрополите Феопемпте, наталкивалось на отказ сторонника традиционного канонического права Византии. Важно свидетельство «Повести временных лет» о введении Владимиром в первые годы после принятия христианства по настойчивым советам «епископов» византийских норм наказаний преступников, которые заменили традиционные местные виры — денежные штрафы в пользу князя. Владимиру впоследствии пришлось отказаться от этого нововведения и вернуться к местному праву²⁶¹.

Введение тех же вир в церковное право являлось не меньшим нарушением норм, принятых в Византии, и могло встретить такие же возражения. Возможно, одной из задач нового митрополита, поставленного из местных церковников, было принятие церковного судебника, который по образцу Правды Русской устанавливал подробный перечень преступлений против нового семейного и брачного права и каталог наказаний, в большей части в старой форме вир и продаж.

---

²⁶⁰ Я. Н. Шапов. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — «Византийский временник», т. 31. М., 1971.

²⁶¹ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 86—87.

Заключение

Исследование древнерусских княжеских уставов в ряду других источников XI—XIV вв. позволяет привлечь к изучению проблемы взаимоотношений светской и церковной власти на Руси большую группу памятников и получить ценную информацию по целому ряду других вопросов: истории общественного и государственного строя, права, церкви, денежного обращения и др.

Историки и правоведаы, занимавшиеся изучением содержания древнерусских юридических кодексов — Краткой и Пространной редакций Правды Русской, обращали внимание на то, что в этих судебныхниках нет или почти нет норм, регулировавших столь распространенные и известные в позднейшее время конфликты, связанные с внутрисемейными и брачными отношениями. Вряд ли это явление можно объяснить тем, что в XI—XII вв., когда были созданы эти кодексы древнерусского права, на Руси не существовало соответствующих норм права и их регулирования. Очевидно, памятники домонгольского права не ограничивались двумя текстами Правды Русской, а включали целый ряд княжеских уставов церкви, относящихся как к Киеву времени существования единого государства при Владимире, Ярославе и их наследниках, так и к некоторым княжеским и епископским центрам периода феодальной раздробленности. "

Источниковедческое исследование большого числа поздних текстов уставов Владимира и Ярослава позволяет определить юридическое содержание и состав древних архетипных текстов этих памятников, восходящих к XI—XII вв. Устав князя Владимира представляется нам документом, отражающим договор между княжеской властью и церковью (митрополитом, епископом) о разделе раннефеодальной ренты — даней и поступлений от княжеского суда, вир и продаж — и выделении части ее в форме десятины на обеспечение церкви. Устав фиксирует также объем судебных прав церкви, давая подробный перечень тех дел, отсутствие которых бросается в глаза в Правде Русской. Архетипный текст устава Владимира относится к XII в. Однако есть основания считать, что этот текст явился результатом нескольких последовательных обработок древнейшей его части — грамоты, данной Владимиром Десятинной церкви в начале XI в. (до 1011 г. — года смерти кня-

гини Анны). Впоследствии действие этой грамоты было распространено на все епископии.

Первоначально устав говорил об обеспечении только одной Десятинной церкви (хотя и от поступлений, собираемых князем со всей «Русской земли»). В других центрах он не был известен — выделение десятины происходило, очевидно, здесь же, в Киеве. На местный характер устава указывает и адрес церкви в нем, и нераспространенность его текста в XI—первой половине XII в. Как было показано выше, уставные грамоты первой половины XII в. исходили не из текста устава, а из его основного содержания. Дело изменяется во второй половине XII в. и позже.

Устав Ярослава был второй ступенью в письменном оформлении прав древнерусской церкви. Он был составлен в последние годы жизни кн. Ярослава, в то время, когда на киевской митрополичьей кафедре сидел местный церковник, бывший княжеский духовник Иларион. Это время не случайно было выбрано для издания церковного судейника, в котором были записаны нормы церковного права, основанные не на византийском номоканоне, а на действующем местном обычае. Древнейшие статьи устава касаются ограниченного круга дел: заключения и расторжения брака, взаимоотношений внутри семьи, отношения церковного клира с внешним миром. Устав был и кодексом ведомственного внутрицерковного права. Он включал статьи о поступках членов церковного притча и монахов как по делам, характерным для церковной юрисдикции вообще (о блуде причетников), так и по нарушениям, связанным с особым моральным и юридическим статусом этих сословных групп. Нормы устава Ярослава находятся в соответствии с нормами Правды Русской. Оба памятника принадлежат примерно к одному времени, хотя основы обоих памятников значительно древнее времени записи норм.

Разделение древнерусского права на отрасли: уголовное, наследственное, обязательное, с одной стороны, и семейное, брачное и церковное — с другой, нашло выражение не только в разных кодексах — в Правде Русской и уставе Ярослава, но и в разных судебных ведомствах. Важнейшей чертой судебно-административного устройства Древнерусского государства и наследовавших ему феодальных княжеств было разделение судопроизводства по этим крупным сферам общественных отношений на два широких ведомства — светское, большей частью княжеское, и церковное, в основном епископское. Органы княжеского суда руководствовались нормами Правды Русской и воплощали их в жизнь; органы епископского суда имели своим ведомственным кодексом устав князя Ярослава. Естественно, что на практике и конфликты, и нормы права, и ведомства переплетались, а кодексы взаимно влияли один на другой, свидетельством чего являются некоторые общие или противоречащие статьи этих судейников. Во внешнеполитической, вернее, внешнеправовой, сфере, компетенция двух государственных властей и нормы двух кодексов соединялись в одних и

тех же документах — договорах XII—XIII вв., где зафиксированы нормы и Правды Русской, и устава Ярослава. Это вызывалось особыми исключительными условиями, в которых действовали эти юридические документы.

Обращает на себя внимание очень большой объем юрисдикции церкви на Руси, как он отразился в княжеских уставах и негативно в Русской Правде. По количеству дел церковное судебное ведомство вторгалось в жизнь древнерусского населения не менее часто, чем княжеское. Через епископского волостеля или тиуна проходила вся масса бытовых конфликтов, связанных с жизнью семьи, а также все дела, обусловленные заменой традиционных общинных брачных норм и обычаев на новые нормы классового общества.

Христианизация Руси привела к возникновению в стране церковной организации. Приняв на Руси ряд функций (а первоначально и место в экономике) от прежней языческой организации культа, христианская церковь вместе с тем принесла с собой богатое приданое — социальный и политический опыт тех развитых классовых обществ и государств, где она рождалась и формировалась до X в. Уровень развития публичного права на Руси, как и в ряде соседних с ней стран Европы, значительно отличался от уровня его развития в тех странах, где длительное время существовало классовое общество, например в Византии. Условия развития церковной организации в Византии способствовали тому, что греческие иерархи были хорошими правоведами, знавшими границы церковной и светской юрисдикции, но расширение этих границ наталкивалось на сильную и традиционную власть местных органов империи. На Руси церковь столкнулась с существованием традиционных местных правовых институтов, которые возникли в процессе перерастания первобытнообщинного строя в раннеклассовое и в этих условиях изменили свою сущность, сохранив в ряде случаев традиционную форму.

Изучение княжеских уставов, в частности древнейших текстов устава Ярослава, показывает, что на первых порах роль церкви в эволюции древнерусского права и суда (процесса) заключалась не столько во введении новых канонических норм, сколько в узурпации права суда по традиционным делам, которое принадлежало прежде низшим общественным организациям. Так, в число дел, подлежащих ведению церкви, по уставу Ярослава включались такие чуждые византийскому церковному праву, но имеющие корни в местной жизни древнерусского населения казусы, как умыкание, необеспечение родителями дочери на случай их смерти, развод из-за слепоты жены, покушение на самоубийство в результате насильственного брака, оскорбление чужой жены словом, оскорбление мужчины повреждением волос, убийство во время свадьбы, оскорбление девушки отказом жениться на ней после состоявшегося сговора, драка без правил, «по-женски», и др. Трудно предположить, что все эти дела были «изобретены» церковью с конца X до середины XI в. Естественнее считать, что они существовали в веде-

нии низших органов публичной власти и перешли от них церкви, как в свое время права и обязанности родственников убитого наказывать убийцу («кровная месть») были экспропрированы княжеской властью. Очевидно, само «вживание» церковного суда в жизнь древнерусского общества на первых порах было возможно только при условии сохранения традиционных норм местной жизни, также как условием превращения церкви в местное, древнерусское учреждение было первоначальное обеспечение ее местным, «варварским» способом десятины. Естественно, что древнерусское право этого последнего этапа переходной эпохи от первобытного строя к феодализму нашло мощную и авторитетную поддержку со стороны византийской традиции, принесенной греческими иерархами, каноническими книгами и в других формах.

В XII—XIII вв. вместе с созданием новых, расширенных памятников светского государственного права, обработок Правды Русской происходит дальнейшая кодификация церковного государственного права. Этот процесс отразился в целой группе княжеских уставов. В XII в. параллельно с возникновением в отдельных княжествах при их кафедрах местных княжеских уставов шло развитие и усложнение общерусского устава кн. Владимира, который находился с этими уставами в несомненной, хотя и не непосредственной текстологической связи. В истории кодификации древнерусского права важным периодом является вторая половина XII—начало XIII в. К этому времени ряд исследователей относит сложение архетипного текста Пространной Правды. К этому же времени может быть отнесено создание таких важных памятников, как архетип Синодально-Волынской группы редакций устава Владимира и архетип Пространной редакции устава Ярослава. Обработка устава Владимира отразила значительные изменения в жизни страны и положении церкви, была значительно расширена юрисдикция церкви на преступления, направленные против нее; в ведомство епископов были переданы городские и торговые меры и пошлины с них, были подтверждены церковные права относительно отдельных групп феодального общества, монастырей и так называемых благотворительных церковных учреждений. Эта обработка устава Владимира, возникшая в Киеве или при одной из епископских кафедр, легла в основу большого числа списков новых обработок, произведенных в течение XIII—XV вв. на Волыни, в Туровской земле, в Новгороде, в ряде центров Северо-Восточной Руси. Кодификация древнерусского церковного права на рубеже XII—XIII вв. отразилась и в уставе Ярослава. При создании Пространной его редакции получило значительное развитие древнерусское семейное и брачное право, причем в отличие от текста XI в. здесь нашли большее применение византийские нормы. Как обработка устава Владимира того времени, этот текст устава Ярослава получил дальнейшую жизнь в ряде новых переделок устава в Юго-Западной Руси, Литовском великом княжестве, а также в Новгороде.

В местных обработках уставов XII—XIV вв. фиксируются местные, особенные нормы права, не имевшие всеобщего распространения по Руси, различия в источниках материального обеспечения церкви в отдельных княжествах и их соотношения (земельная собственность, торговые пошлины и предприятия, сферы юрисдикции) и в формах взаимоотношений групп феодалов, характерных для складывающегося централизованного государства, и т. п. Это делает тексты уставов ценным источником для изучения как отдельных земель Руси, так и общих направлений эволюции общественно-экономических и правовых институтов, имевших в основе раннефеодальные институты Древнерусского государства.

Устав Владимира сложился в качестве основного установления, определявшего место церкви в древнерусском обществе, еще в пору расцвета Древнерусского государства с центром в Киеве. Изменения в организации государственной власти на Руси, возобладание феодальной раздробленности отразились и на дальнейшей истории устава. В политических центрах самостоятельных княжеств, становившихся, как правило, и церковными центрами, создавались свои конституционные установления, определявшие место церковной организации в этом княжестве. При этом, насколько позволяют судить сохранившиеся источники, во всех случаях при выработке местных установлений опирались на устав Владимира. Можно выделить три пути использования древнего устава Владимира при создании местных уставов. Первый путь — переработка устава путем приспособления существовавшего его текста к местным условиям. Частью огромной и многовековой работы древних юристов являются сохранившиеся до нашего времени многочисленные редакции и изводы памятника, которые изучены в настоящей работе. Второй путь — возникновение новых уставных грамот, данных от имени местных князей, но построенных на материале устава Владимира с большим или меньшим числом добавлений. Таковы новгородский устав Всеволода о церковных судах, более консервативно сохранивший текст устава Владимира, и уставные грамоты, данные от имени Любарта Гедиминовича и Льва Даниловича, в которых от устава Владимира осталось меньше. И, наконец, третий путь — создание на местах самостоятельных уставных грамот, не использующих текста устава Владимира, но исходящих из него по своему формуляру (Смоленская уставная грамота Ростислава Мстиславича 1136—1150 гг.) или основному содержанию, социальному смыслу (та же грамота и Новгородская уставная грамота Святослава Ольговича).

Представляет интерес, что третьим путем создавались прежде всего наиболее ранние из сохранившихся местных памятников, принадлежащие первой половине — середине XII в. Это время, когда древнейший текст устава Владимира только складывался на основе грамоты Владимира и не имел такого широкого распространения, какое мы наблюдаем в XIII—XIV вв. Очевидно, создатели местных уставов в середине XII в. не располагали тек-

стом устава Владимира, а были знакомы лишь с основным его содержанием и практическим применением в XI—XII вв.

В данной работе с разной степенью подробности были рассмотрены все три пути создания уставов: как наиболее отличающиеся друг от друга первый и третий, так и второй, смешанный путь (устав Всеволода).

Развитие устава Владимира по первому пути показывает, что в конце XII—XV в. этот устав стал известен на всей огромной территории, занимаемой восточнославянскими народами, в государствах, где существовала восточная православная церковь.

Обработка устава, которую мы датируем концом XII—началом XIII в., отразила определенную ступень в феодальном развитии страны и связанные с этим изменения в положении церкви на Руси, и прежде всего расширение ее юрисдикции. Однако она не вытеснила текста XI—XII вв., который к этому времени получил уже распространение. Ранний текст устава Владимира сохранился в юго-западных и западных княжествах, где послужил в XIII—XIV вв. основой для новых переработок. Так возникли Архивный извод Оленинской редакции во второй половине XIII или в начале XIV в. на западноукраинских (например, Владимир-Волынский) или белорусских землях Литовского великого княжества и архетип Архангельской группы изводов той же редакции, созданной, возможно, в Полоцке в начале XV в. В середине XV в. эти древние тексты, несущие следы бытования на белорусских территориях, становятся известными в Новгороде, а в конце века — на северо-восточных новгородских землях.

Однако гораздо большее распространение, и значение имела новая обработка устава конца XII—начала XIII в., выделенная как архетип Синодальной Волынской группы. Она уже во второй половине XIII в. стала известна во Владимиро-Суздальской земле, где вновь была изменена. Она послужила основой при создании в Новгороде во второй половине XIII в. Синодальной редакции, наиболее распространенной редакции устава, которая была известна в Новгородской земле, в Московском и Литовском великих княжествах. Из той же обработки возникла в начале XIV в., очевидно во Владимире Суздальском, новая, Варсонофьевская редакция, ставшая в XV в. наиболее распространенной и в Новгороде.

Устав Владимира в обработке конца XII—XIII в. был хорошо известен и на юго-западных землях. Где-то в Галицко-Волынской земле (может быть, в Галиче, при князе Льве Даниловиче) на его основе был создан архетип Волынской и Печерской редакций. Здесь же в Галиче в начале или первой половине XIV в., возможно в связи с установлением местной митрополии, возникла Волынская редакция устава. Галицко-волынская обработка была использована в середине XIV в. в Турове или Пинске при создании местной Печерской редакции.

В результате изучения большого числа разновременных и принадлежащих различным церковно-административным центрам об-

работок устава Владимира и других близких по содержанию памятников XII—XIII вв. можно поставить вопрос о том, что представляли собой княжеские уставные грамоты. Эти документы фиксировали формы и размеры материального обеспечения епископий, получаемой ими доли ренты и тем самым определяли позицию церкви как феодала по отношению к непосредственным производителям, за счет которых она существовала, а также характер ее связей со светской властью. Таким образом, княжеские уставы и грамоты являются документами господствующего класса, целью которых было укрепление этого класса перед лицом крестьянства и ремесленников. Классовая сущность уставов не вызывает сомнения. В то же время уставы являются памятниками борьбы в верхах феодального общества за раздел феодальной ренты. Непосредственной целью издания или переработки уставов кафедр было фиксирование взаимоотношений различных феодальных сил при обязательном участии высшего церковного конкурента. Тексты уставов стремятся отразить действительное соотношение политических сил на момент обработок. В ряде случаев существуют свидетельства, что такая фиксация вполне реальна. Так, древнейший устав Владимира, как и смоленские и новгородские уставные грамоты 1136—1137 гг., были изданы князьями — носителями верховной власти, и их установления являлись, очевидно, государственными законами, действительными на территории, которая указана в уставах. Однако княжеское установление, касающееся источников обеспечения и объема власти митрополита или епископа, главы церковной власти, не могло не быть своеобразным договором этих двух властей. О том, что княжеские уставные грамоты в XII в. носили характер договора, говорит наличие рядом с уставной грамотой Ростислава Смоленского грамоты местного епископа Мануила, который со своей стороны утверждает документ. Таких епископских грамот при других уставах не сохранилось. Очевидно, при некоторых из них, например при древнейшей уставной грамоте Владимира, такой грамоты и не было. При распространении по Руси в XII—XIII вв. устава Владимира необходимости в новых официальных двусторонних подтверждениях древнего авторитетного документа не было. Поэтому можно думать, что хотя уставы и их обработки в каждом отдельном случае в определенной степени соответствовали существующему соотношению властей и отражали договор между ними, они не снабжались грамотами епископов. Подобные двусторонне оформленные грамоты-договоры можно предполагать тогда, когда при открытии новой епископии (как в Смоленске в 1136 г.) приглашался епископ, обеспокоенный будущими условиями существования кафедр, причем в раннее время, до всеобщего распространения киевского устава Владимира.

Возможно, княжеские уставы не всегда адекватно отражали действительное соотношение политической власти князя и епископа. Включение в уставы церковных поучений (Синодальная

редакция устава Владимира), полемических сочинений в защиту церковной земельной собственности (Печерская редакция) показывает, что обработки устава Владимира имели определенный публицистический смысл и были обращены как против светской феодальной власти, так и против трудящихся масс. Однако это не лишает сами памятники источниковедческого значения. В результате определения социально-политической сущности каждой обработки, сличения свидетельств уставов с другими памятниками эпохи и между собой такие свидетельства приобретают большую ценность как отражение действительной жизни феодального общества, преломленное в сознании редакторов и составителей уставов.

Представляет интерес, что при любом из путей создания уставов, показанных выше, авторитет документа зиждется на ссылке на конкретного издателя — князя, а не митрополита или епископа. И в том случае, когда устав искусственно приписывается князю (например, новгородский устав Всеволода), ссылка на этого князя важнее, чем на его современника — епископа. Такое явление объясняется, очевидно, основным соотношением властей в феодальных княжествах Руси, которое оставалось постоянным и традиционным, несмотря на значительные местные, в том числе новгородские, особенности: князь или великий князь оставался в своем княжестве олицетворением верховной власти, стоявшей выше церковной. В ряде случаев, как, например, в Новгороде в XIII в., княжеское верховенство было в значительной степени номинальным.

Устав кн. Ярослава отражает взаимоотношения общественных сил на Руси в другом плане: не столько по линии князь — епископ, сколько епископ — общество. Хотя в ряде обработок, и прежде всего в Краткой редакции XIV в., можно проследить отражение изменений во взаимоотношениях епископа и князя, эта линия не является основной. Устав Ярослава по существу ближе к светскому государственному судебнику — Правде Русской, чем к другим княжеским уставам. Однако как памятник, связанный с юрисдикцией кафедр, он подлежит рассмотрению и в этом их ряду.

История устава Ярослава в XII—XIV вв. отлична от них, в том числе и от устава Владимира. Оба устава в XII—XIII вв. жили самостоятельной жизнью, соединившись в сборниках лишь позже, в XIV в. На это указывают отсутствие текстологического влияния их друг на друга, а также некоторые различия в распространении. Так, например, до XV в. в Москве (как, вероятно, и в Северо-Восточной Руси вообще) Пространная редакция устава Ярослава не была известна.

В течение XII—XIV вв. устав кн. Ярослава неоднократно подвергался изменениям и переработкам. Вслед за созданием на рубеже XII—XIII вв. Пространной редакции появились обработки ее XIV в. в Юго-Западной Руси (архетип Архивной

группы), в Литовском великом княжестве (Основной извод), в XV в. в Киеве («Свиток Ярославль»), на других украинских землях Литовского великого княжества (Тарновская и Румянцевская редакции), в Новгороде (Археографический извод). В Москве (или Владимиро-Суздальской земле вообще) и середине XIV в. в основу новой обработки была положена иная, более древняя традиция памятника — архаичный текст устава XI—XII вв., сохранившийся, очевидно, при одной из местных кафедр. Эта обработка во второй половине XIV—XVI в. получила распространение в Московском княжестве; в начале XV в. она проникла в Новгород и Литовское великое княжество.

Сравнение устава Ярослава с уставом Владимира показывает еще одно различие в истории этих памятников. Изменяясь при переработках, устав Владимира с момента своего возникновения и до XIV в. довольно оперативно отражал эволюцию в фактическом соотношении высших властей феодального общества, т. е. в своей материальной базе. С этим связано его значительное распространение, сохранение в списках начиная с XIV в., ссылки на него в XV в., включение в Стоглав в XVI в. и поздние переработки, не изменяющие принципиально его основу вплоть до XVI в. Судьба устава Ярослава была иной. Этот древний памятник, сложившийся в XI в., но отразивший общественные отношения переходного к феодализму времени, в первые века после своего возникновения еще соответствовал уровню развития страны. Однако он устаревал скорее, чем устав Владимира. Развитие Руси в XII—XIV вв. значительно изменило общественный и политический строй страны, ее право. Стремление отразить в уставе эти изменения вызвали его значительную раннюю обработку на рубеже XII—XIII вв. Дальнейшие сдвиги в области надстройки приводили к попыткам также отразить их в отдельных статьях памятника, вызвали несколько опытов создания соединенных, значительных по объему и противоречивых по содержанию композиций из ранних текстов устава. Однако практическое применение устава в XIV—XV вв., очевидно, было невелико, хотя он продолжал быть широко распространен на Руси. На утрату им значения памятника действующего права, в частности на Украине в XV в., указывает возникновение там «Свитка Ярославля», не связанного с традиционными текстами устава. Отсутствие или, вернее, малое число сведений о применении его норм в источниках XIV—XVI вв. объясняется, очевидно, изменением роли устава к этому времени.

Правда Русская и устав Ярослава являются кодексами, в которых фиксировались нормы двух больших сфер права: уголовного и семейно-брачного. К нормам тех и других постепенно прилагались и нормы вещного, имущественного права, так что Пространная Правда и устав Ярослава (последний в меньшей степени) постепенно превратились в кодексы не только названных выше, но и других сфер права.

Оба памятника современны, они дополняют друг друга. Древнейшая часть Правды Русской возникла, очевидно, раньше, чем устав Ярослава, но была записана, очевидно, как и этот устав, также в XI в. Таким образом, в XI в. на Руси появились два юридических памятника, отражавших право феодализирующегося общества, один из которых содержал нормы княжеского права, рано ставшего государственным, а другой — церковного, которое стало государственным позже, в XI в. Оба памятника имели сходную историю и в дальнейшем: в XII—начале XIII в. возникли новые их обработки, вызванные значительными изменениями в общественной жизни Руси. Позднее судьбы Правды и устава оказались различными. С переходом ряда западных и южных земель под власть Литовского великого княжества нормы Пространной Правды вошли в государственное право этого государства, что сделало распространение самой Правды на территории княжества ненужным. Существование двух церковно-правовых систем в Литовском великом княжестве — господствующей католической и отдельной православной — не только сохранило прямую связь норм последней с нормами Древнерусского государства, зафиксированными в уставе, но и было условием распространения обработок самого устава Ярослава. Длительное сохранение и периодическое возобновление церковного единства православных восточнославянских земель в XIV—XV вв. делало возможным привнесение текстов устава извне, как это было при распространении московской обработки уставов в начале XV в. Однако роль православной церковной организации в Литовском великом княжестве изменилась настолько, что сделало практическое применение норм устава Ярослава невозможным.

В отличие от земель Литовского великого княжества в Северо-Восточной Руси в основу множества местных обработок была положена не Пространная редакция XII—начала XIII в., а ее источник, архетипный текст устава XI—XII вв., который находился, очевидно, в архиве митрополичьей кафедры, перенесенном вместе с ней во Владимир Суздальский. Подобно тому, как Новгород сохранил до XIV в. (времени включения в летопись) древнейший текст Правды Русской, Владимир Суздальский сохранил до XIV в. (времени новой обработки и включения ее в кормчую) древний текст устава.

В XV в., когда взаимоотношения церковной и светской власти в новых государствах, формировавшихся и укреплявшихся на территории Руси, строились на другой основе и оформлялись договорными и жалованными грамотами, древнерусские княжеские уставы, продолжавшие перерабатываться в результате сведения многих ранних их текстов, играли уже другую роль — не практических руководств для судей и действующих конституций епископских кафедр, а историко-полюемических литературных памятников, показывавших древность церковных установлений,

заботу древнерусских князей о церкви и ее имуществе, претензии крупнейших политических центров этого времени на роль обладателей всего правового наследия русских земель¹.

В результате исследования большой группы памятников, тесно связанных своим происхождением с церковью, княжеских церковных уставов XI—XV вв. проблема изучения роли и места церкви в феодальном развитии России, Украины и Белоруссии этого времени находит значительный и ценный фактический материал. Оказываются несостоятельными скептические и отрицательные заключения об источниковедческой ценности большей части этих источников, принадлежавшие таким известным исследователям XIX—начала XX в., как Н. М. Карамзин, Е. Е. Голубинский и Л. К. Гётц². Широкое введение в науку древнерусских княжеских уставов обещает историкам Руси X—XV вв. заметное расширение узкого круга источников по социально-экономической и политической истории. А изучение места церкви в общественной и государственной жизни Руси дает новый интересный материал для познания целого ряда важнейших проблем истории страны.

---

¹ Я. Н. Шапов. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. — «Летописи и хроники». Сб. статей памяти А. Н. Насонова. В печати.

² L. K. Götz. Staat und Kirche in Altrussland. Berlin, 1908, S. 151—154.

Таблица соответствия нумераций статей в различных текстах уставов Владимира и Ярослава, употребляемых в настоящей работе (прямой шрифт) и в основных изданиях (курсив)

а. Устав Владимира

Содержание статей	Оленинская редакция						Синодальная редакция ¹		Волынская редакция		Печерская редакция	Варсонофьевская редакция		
	Маркеловский извод	Архивный извод		Архангельский извод		Археографический извод		В данной работе	УКВ Ва	В данной работе	УКВ ЕИ	В данной работе ³	В данной работе	УКВ I
	В данной работе	В данной работе	УКВ ² А	В данной работе	УКВ Бб	В данной работе	УКВ Бв							
Благословение	1	1	7	1	7	1	7	1	7	1	7	—	—	—
О крещении и первом митрополите	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	7
Об исцелении	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2	—	—	—
Об утверждении христианской веры на соборах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	2	—	—
О создании Десятинной церкви и о десятиине	3	3	3	3	3	3	3	3	3	5	3	3	—	—
О земельных вкладах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3	4	—	—
О церковных ценностях	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3	5	—	—
О назначении церковных богатств	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	3	5	—	—
О десятиине (Печерская ред.) и церковной неделе (Волынская ред.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	3	6	—	—
Источники права церковного иммунитета	4	4	4	4	4	4	4	4	4	9	4	7	—	—
О совете с княгиней (или с детьми) и адрес пожалования	5	5	4	5	4 _к	5	4	5	4	10	4	8	2	2
Отказ за детей и внуков от нарушения иммунитета	6	6	4	6	5	6	5	6	5	11	4	7	3	3

Содержание статей	Олеинская редакция							Синодальная редакция ¹		Вольнская редакция		Печерская редакция	Варсонофьевская редакция	
	Маркеловский извод	Архивный извод		Архангельский извод		Археографический извод		В данной работе	УКВ Ea	В данной работе	УКВ EI	В данной работе ²	В данной работе	УКВ I
		В данной работе	В данной работе	УКВ A	В данной работе	УКВ Bб	В данной работе							
О территории действия устава	7	7	5	7	5	6	5	7	5	12	5	—	4	3
Распоряжение тиунам (и боярам)	—	—	—	—	—	7	5	8	5	—	—	—	—	—
Замятье	—	—	—	8	6	8	6	—	—	—	—	—	—	—
Перечень церковных судов	7	7	5	9	7	9	7	9	6	12	5	9	5	3
Подтверждение судебного иммунитета	—	—	—	—	—	—	—	10	7	13	6	10	6	4
Ссылка на установление царей и соборов	—	—	—	—	—	—	—	11	7	14	6	10	7	4
Санкция (замятье)	—	—	—	—	—	—	—	12	8	15	7	11	8	5
О десятине от княжеского суда	—	—	—	—	—	—	—	13	9	—	—	—	—	—
Санкция (замятье)	—	—	—	—	—	—	—	14	10	—	—	—	—	—
О мерлах	—	—	—	—	—	—	—	15	11	16	8	—	9	6
Перечень церковных людей	8	8	6	10	8	10	8	16	12	17	9	12	10	7
Перечень церковных учреждений	—	—	—	—	—	—	—	16	12	17	9	12	10	7
О судебном иммунитете церковных людей	9	9	7	11	9	11	9	17	13	18	10	13	11	8
Об общем суде	—	—	—	—	—	—	—	18	13	19	10	14	12	8
Замятье с перечнем потенциальных нарушителей	—	—	—	—	—	—	—	19	14	—	—	—	—	—

¹ Кроме Румянцевского, Волоколамского и извода «Стоглава», где особый порядок статей.

² Нумерация статей в ПРП повторяет нумерацию УКВ.

³ Нумерация статей соответствует принятой в издании: Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине, стр. 263.

б. Устав Ярослава

Содержание статей	Краткая редакция		Тарновская редакция	Румянцевская редакция		Пространная редакция						
	В данной работе	ПРП	В данной работе	В данной работе	ПРП	Архивный извод	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод		Археографический извод	
						В данной работе			В данной работе	ПРП	В данной работе	ПРП
О соглашении князя Ярослава с митрополитом Иларионом	1	<i>Введение</i>	1	1	<i>Введение</i>	1	1	1	1	<i>Введение</i>	1	<i>Введение</i>
Объем иммунитета церкви	1	»	1	1	»	2	—	1	1	»	1	»
О похищении или насилии	2	1	2	2	1	3	2	2	2	1	2	1
О пошибании	3	2	3	3	2	4	3	3	3	2	3	2
Об оставлении жены без развода	4	3	4	4	3	5	4	4	4	3	4	3
О рождении ребенка у незамужней	5	4	5	5	4	6	5	5	—	—	5	4
То же у жены без мужа (и о детоубийстве в Пространной ред.)	6	4	6	6	4	7	6	6	—	—	6	4
О засевшей девке	—	—	—	14	8	8	7	7	5	4	7	5
О групповом изнасиловании	7	5	7	7	5	9	8	—	—	—	8	6
О прелюбодеянии мужа	8	6	8	8	6	—	9	8	—	—	9	7
О новой женитьбе мужа без развода	9	7	9	9	7	10	10	9	6	5	10	8
То же о новом замужестве жены	—	—	—	15	8	11	11	10	7	6	11	9
Об оставлении больной жены	10	8	10	10	8	12	12	11	8	7	12	10
То же мужа	11	8	11	11	8	12	12	12	9	7	13	10
О блюде кума с кумой	12	9	12	16	9	13	13	13	—	—	14	11

Содержание статей	Краткая редакция		Тарновская редакция	Румянцевская редакция		Пространная редакция						
	В данной работе	ПРП	В данной работе	В данной работе	ПРП	Архивный извод	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод		Археографический извод	
						В данной работе			В данной работе	ПРП	В данной работе	ПРП
О поджоге	13	10	13	17	10	14	14	14	10	8	15	12
О блуде со своей сестрой	14	11	14	18	11	15	15	15	—	—	16	13
О браке близких родственников	15	12	15	19	12	16	16	16	—	—	17	14
О двоеженстве	16	13	16	20	13	17	17	17	—	—	18	15
О самовольном разводе	17	14	17	21	14	18	18	18	—	—	19	16
О блуде (браке) с иноверцем	—	—	40	22	14	19	19	19	—	—	20	17
О блуде с монахиней	18	15	18	23	15	20	20	20	—	—	21	18
О скотоложстве	18	16	18	24	16	21	21	21	—	—	22	19
О блуде свекра со снохой	19	17	19	25	17	22	22	22	—	—	23	20
О блуде с двумя сестрами	20	18	20	26	18	—	24	23	—	—	24	21
О блуде с падчерицей	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—	25	22
О блуде деверя с ятровью	21	19	21	27	19	23	23	25	—	—	26	23
О блуде с мачехой	22	20	22	28	20	24	25	26	—	—	27	24
О блуде братьев с одной женой	23	21	23	29	21	25	26	27	—	—	28	25
О блуде отца с дочерью	—	—	—	—	—	26	27	28	—	—	29	26
О покушении на самоубийство в результате насильственного брака	24	22	24	30	22	27	28	29	—	—	30	27

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Содержание статей	Краткая редакция		Тарновская редакция	Румянцевская редакция		Пространная редакция						
	В данной работе	ПРП	В данной работе	В данной работе	ПРП	Архивный извод	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод		Археографический извод	
						В данной работе			В данной работе	ПРП	В данной работе	ПРП
Об оскорблении чужой жены словом	25	25	25	31	23	28	29	30	—	—	31	28
Об оскорблении повреждением бороды	26	24	26	32	24	29	30	31	—	—	32	29
О краже конопля, льна, жита	27	25	27	33	25	30	31	32	—	—	33	30
О краже одежды	28	26	28	34	26	31	32	33	—	—	34	31
О свадебной драке (или краже)	29	27	30	35	27	32	33	34	—	—	35	32
О краении сыра	—	—	29	36	27	33	34	35	—	—	36	33
О краже женой у мужа	—	—	—	12	8	34	35	36	—	—	37	34
О краже в клетки	—	—	—	13	8	—	—	37	—	—	38	35
О краже снохой у свекра	—	—	—	—	—	34	36	—	—	—	39	36
О жене-чародейнице	—	—	—	—	—	35	37	38	—	—	40	37
О драке нечестным способом	30	28	31	37	28	36	38	39	—	—	41	38
Об избиении женой мужа	—	—	—	—	—	36	—	40	—	—	42	39
О драке женщин	—	—	—	45	36	37	39	41	—	—	43	40
Об избиении чужой жены	31	29	32	38	29	38	40	42	—	—	44	41
Об избиении священника	—	—	—	—	—	39	—	—	—	—	—	—
Об избиении свекром снохи	—	—	—	46	37	40	41	—	—	—	—	—

Содержание статей	Краткая редакция		Тарновская редакция	Румянцевская редакция		Пространная редакция						
	В данной работе	ПРП	В данной работе	В данной работе	ПРП	Архивный вывод	Маркеловский вывод	Основной вывод	Ипатьевский вывод		Археографический вывод	
						В данной работе			В данной работе	ПРП	В данной работе	ПРП
Об избииении родителей	32	30	33	39	30	41	42	43	—	—	45	42
О покушении на самоубийство в результате запрещения брака	33	31	34	40	37	—	43	—	—	—	47	44
О блуде монахов	34	32	35	41	32	42	44	44	—	—	46	43
О блуде причетников	34	32	35	41	32	43	45	45	—	—	46	43
О пьянстве (или драке) попа или чернеца	35	33	36	42	33	44	—	46	—	—	48	45
О поджоге (вторично)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49	46
Об употреблении в пищу запрещенного	—	—	—	47	38	45	46	47	—	—	50	47
О нарушении попом границ прихода	—	—	—	48	39	46	—	48	—	—	51	48
О еде с иноверцами	—	—	—	49	40	47	47	49	—	—	52	49
О еде с отлученными	—	—	—	50	41	48	48	50	—	—	53	50
О блуде с иноязычниками	—	—	40	51	42	49	49	51	—	—	54	57
О расстрижестве	36	34	37	43	34	50	50	52	—	—	55	52
Об основаниях для развода по вине жены:	—	—	—	52—I	43	51—I	51—I	53—I	—	—	56—I	53
Несообщение мужу о политическом преступлении	—	—	—	II	„	II	II	II	—	—	II	„

Содержание статей	Краткая редакция		Тарновская редакция	Румянцевская редакция		Пространная редакция						
	В данной работе	ПРП	В данной работе	В данной работе	ПРП	Архивный извод	Маркеловский извод	Основной извод	Ипатьевский извод		Археографический извод	
						В данной работе			В данной работе	ПРП	В данной работе	ПРП
Прелюбодеяние с поличным	—	—	—	III	43	III	III	III	—	—	III	53
Покушение на жизнь мужа	—	—	—	IV	»	IV	IV	IV	—	—	IV	»
Соучастие в таком покушении	—	—	—	IV	»	V	V	IV	—	—	IV	»
Пребывание с чужими людьми вне дома	—	—	—	V	»	VI	VI	V	—	—	V	»
Присутствие на игрищах без мужа	—	—	—	VI	»	VII	VII	VI	—	—	VI	»
Кража в доме мужа или соучастие в ней	—	—	—	VII	»	VIII	VIII	VII	—	—	VII	»
Кража в церкви	—	—	—	VII	»	VIII	IX	VII	—	—	VII	»
О судебном иммунитете и безатщине домовных и монастырских людей	37	35	38	44	35	52	52, 53	54	11	9	57	54
Санкция: 1) О преследовании судом нарушителя устава	38	Заключение	47	— 1	—	53	54	52	12	Заключение	58	Заключение
2) Замятье	39	Там же	48	— 1	—	54	55	56	13	Там же	59	Там же

¹ Статьи вынесены в особую «грамоту» — «Проклиание св. Владимира».

Список сокращений

- ААЭ — «Акты археографической экспедиции», т. I. СПб., 1863
- АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I—II. СПб., 1846—1848
- АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1841
- Археографический сборник — «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изданный при управлении Виленского учебного округа», т. IV. Вильна, 1867
- АСЭИ, т. III — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. III. Составил И. А. Голубцов. М., 1964
- ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950
- ЗСА Пространной редакции — «Закон судный людем» Пространной и Сводной редакции. Подг. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961
- НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1952
- ПВА, ч. I — «Повесть временных лет», ч. I. Подг. текста Д. С. Лихачева, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950
- ПР — «Правда Русская», т. 1. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940; т. 2. М.—Л., 1947
- ПРП — «Памятники русского права», вып. первый. Памятники права Киевского государства X—XII вв. Составил А. А. Зимин. М., 1952; вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. Составил А. А. Зимин. М., 1953; вып. третий. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV—XV вв. Под ред. Л. В. Черепнина
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
- РИБ — «Русская историческая библиотека», т. VI, изд. 2. СПб., 1908; т. XXXVI, вып. 1. Пг., 1920
- РИЖ — «Русский исторический журнал». [Пг.], 1921, № 7
- СА — «Советская археология»
- СГ — «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.» Подг. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1953
- СГД — «Собрание государственных грамот и договоров»
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
- УКВ — «Устав св. великого князя Владимира о церковных судах и о десятинах». Пг., 1915
- УЛС — «Устюжский летописный свод». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950

Указатель шифров использованных рукописей*

Москва

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина (ГБЛ)

- Волоколамское собр. 522 39
Егор. (Егоровское) собр. 245 (Е)
155, 199, 202, 272, 278, 297
Егор. собр. 248 (ЕФ) 240
Егор. собр. 253 (ЕИ) 305
Егор. собр. 472 (ЕА) 39, 151, 240
Егор. собр. 593 169
Собр. МДА, врем. 108 (Г, список
Вв 14 в издании УКВ) 224—226,
247, 248, 254, 257
Муз. (Музейное) собр. 3841 (Л)
203, 241
Муз. собр. 5710 241
Никифоровское собр. 19 (Н) 201
Никифор. собр. 23 72
Никифор. собр. 68 248
Овчин. (Овчинниковское) собр. 150
(Ов) 199, 201, 202
Овчин. собр. 154 (ОвМ) 37, 103, 209,
212
Овчин. собр. 156 (ОвА) 37, 102, 106,
116, 119, 120
Собр. ОИДР 157 43
Рогожское собр. 251 (Рж) 305
Рум. (Румянцевское) собр. 232 (РЕ,
список Вв 8 в издании УКВ) 152,
199, 209, 224—226
Рум. собр. 235 54, 56
Синодальное собр. 199, 363, 206, 240
Троицкое собр. 15 37
Троицкое собр. 205 (ТА) 201, 240
Троицкое собр. 714 37, 49
Собр. Ундольского 820 (Ун I) 203,
241
Собр. Ундольского 1302 (Ун II)
215, 216
Государственный исторический музей
(ГИМ)
Епархиальное собр. 367 (Еп) 215,
216

- Муз. (Музейское) собрание 798 (ИК)
37, 72, 199, 201, 202, 240
Муз. собр. 1009 (Ип) 37, 102, 209,
215, 216, 240
Муз. собр. 3471 (ИИ) 240
Син. (Синодальное) собр. 132 32, 33,
35, 37, 39, 80
Син. собр. 222 242
Син. собр. 524 (С) 240
Син. собр. 951 (СЧ) 216, 254
Син. собр. 956 (СА) 209, 232
Син. собр. 996 (СМ) 215
Син. собр., сборники, II 151
Увар. (Уваровское) собр. 11 (УП)
199, 201, 240
Увар. собр. 482 (У III) 216
Увар. собр. 611 (У IV) 216
Увар. собр. 791 (УР) 201
Собр. Успенского собора 21/1072
(Ус) 240
Собр. Чудовского м-ря 4 37
Собр. Чуд. м-ря 5 299, 300
Собр. Чуд. м-ря 167 (Ч) 201, 240
Центральный государственный архив
древних актов (ЦГАДА)
ф. 135, отд. 5, рубр. 1, № 1 36
ф. 181, № 145/212 174
ф. 181, № 279 (МА) 37, 102, 208,
209
ф. 181, № 1592 (Д) 305

Ленинград

- Государственная публичная библио-
тека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
(ГПБ)
Кир.-Бел. (Кирилло-Белозерское)
собр. 1/1078 (КТ) 240, 305
Кир.-Бел. собр. 2/1079 (К) 240, 305
Кир.-Бел. собр. 3/1080 85
Кир.-Бел. собр. 9/1086 (КЕ) 199,
203—206
Кир.-Бел. собр. 11/1088 206
F.II.78 (ОФ III) 305
F.II.80 (О II) 201
F.II.251 (О I) 216, 253

* Указатели составлены В. И. Матузовой.

Ф. XVII. 13 39

Q. I. 70 174

Q. XVII. 58 (ОФ) 199

Q. XVII. 178 (О III) 216

Погод. (Погодинское) собр. 233

(ПП) 72, 201, 240

Погод. собр. 234 56

Погод. собр. 237 72

Погод. собр. 1112 (П; список В6 20

в издании УКВ) 202, 224

Погод. собр. 1068 (ПЧ) 215, 216

Погод. собр. 1572 (ПС) 174, 218

Солов. (Соловецкое) собр. 475/494

(СЛК) 240

Солов. собр. 858/412 (СЛН) 174,

176, 218, 220

Библиотека АН СССР (БАН)

Архангельское собр. 211 (АА) 240

17.11.4 98

45.10.4 (А) 216

Собр. Яцимирского 27 37

Ленинградское отделение Института
истории АН СССР (ЛОИИ)

Собр. Археогр. (Археографической)

ком. 23 (АрБ) 199, 203, 241

Собр. Археогр. ком. 240 (Ар.) 37,

174, 209, 218—220, 277

Собр. Института 148/806 (ИнХ)

232

Собр. рукописных книг 1111 (Ин)

240

Центральный государственный исто-
рический архив (ЦГАИ)

ф. 823, оп. 1, № 8 (СЯ) 209, 227

ф. 824, оп. 2, № 1305 (Сд) 203,
206

Киев

Центральная научная библиотека
АН УССР

Собр. Киево-Софийского собора
223/52 (Кс) 240

Вильнюс

Центральная научная библиотека
Литовской ССР

ф. 22, № 49 (Ав) 174, 218, 220
фонд RKF 206 (Вс) 225

Краков (Польша)

Библиотека Ягеллонская
Акцессии № 71/1952 (ЯТ) 199,
209, 223

Арадское епископство (Румыния)

№ 21 37, 56

Неразысканные списки

Бывшее собрание Древлекранилища
в Житомире, собр. Загоровского
м-ря, № 24 (В II) 226

То же собрание, № 34 (В I) 225,
226

Указатель имен*

- Абрамович Д. И., русский литературовед 43, 49, 225, 226
- Аванесов Р. И., советский лингвист 10
- Авраамий, смоленский мон. 97, 218, 255
- Агапит, киевский мон. 92, 93
- Адриан, патр. московский 156
- Адрианова-Перетц В. П., советский литературовед 205
- Александр, новгородский посадник 44
- Александр Владимирович, кн. киевский 219
- Уставная грамота Александра Владимировича Софийскому собору в Киеве и митрополиту Исидору 7
- Александр Казимирович, вел. кн. литовский, король польский 226, 231
- Александр Ярославич Невский, кн. новгородский, вел. кн. владимирский 41, 45, 112, 207
- Алексей, митр. киевский и всея Руси 43, 230, 243
- Алексей, архиеп. новгородский 44
- Анастас Корсунянин, деятель Десятинной ц-ви в Киеве 127
- Андрей Воротиславич, новгородский наместник кн. Ярослава Ярославича 42
- Андрей Юрьевич, кн. галицкий 58
- Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. владими́ро-суздальский 130—134
- Андроник II Старший Палеолог, имп. византийский 58
- Андроник III Палеолог, имп. византийский 59
- Анна, княг. киевская, ж. кн. Владимира Святославича 21, 30, 71, 100, 116, 120, 123, 124, 126, 127, 171, 308
- Анна Савойская, ж. имп. Андроника III 59, 60
- Антоний, еп. черниговский 130
- Антоний, еп. галицкий 60
- Аристов Н. Я., русский историк 152
- Артемий, мон. Чухченемского м-ря 160
- Архангельский А. С., русский литературовед 83
- Арциховский А. В., советский археолог 82, 83, 160, 268
- Афанасий I, патр. константинопольский 58
- Афанасий, еп. г. Владимира Волынского 59
- Афанасий Никитин, тверской купец и путешественник 176
- Барац Г. М., русский историк права 166
- Бардах Ю. (Bardach J.), польский историк права 228, 231
- Бархударов С. Г., советский лингвист 10
- Бату, хан татаро-монгольский 189
- Бауер Н. П., советский нумизмат 264, 265
- Бахрушин С. В., советский историк 87
- Бегунов Ю. К., советский литературовед 45
- Бек Х. Г. (Beck H. G.), немецкий византист (ФРГ) 59
- Белокуров С. А., русский археолог 110

* Сокращения, принятые в указателе: архиеп. — архиепископ, архим. — архимандрит, вел. кн. — великий князь, еп. — епископ, ж. — жена, иг. — игумен, имп. — император, кн. — князь, княг. — княгиня, митр. — митрополит, мон. — монах, м-рь — монастырь, патр. — патриарх, с. — сын, св. — святой, ц-вь — церковь.

- Бенеманский М. П., русский историк права 250
- Бенешевич В. Н., советский византист 6, 9, 11, 13, 20—22, 24—28, 32, 36, 38, 39, 79, 102, 106, 152, 153, 166, 176, 187, 196, 224, 225, 227, 266, 304
- Бережков М. Н., русский историк 110
- Бережков Н. Г., советский историк 137, 140, 141
- Богоявленский Н. А., советский историк 96
- Бодянский О. М., русский историк 96
- Болховитинов Е. А. (Евгений, митр.), русский историк 14, 15, 17
- Борис Александрович, вел. кн. тверской 237
- Борис Владимирович, с. кн. Владимира Святославича 52
- Будовниц И. У., советский историк 99
- Варлаам (Денисов В. П.), археограф 206
- Василий Великий, архиеп. кесарийский 176
- Василий II, имп. византийский 52, 63
- Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 181, 202, 221, 226, 240, 242
- Договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и митр. Киприана 1404 г. 7, 241
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 207
- Василий Давидович, кн. ярославский 41, 237
- Василий Калика, архиеп. новгородский 59
- Василий Михайлович, вел. кн. тверской 220, 237
- Васильев В. П., русский историк 45
- Василько Романович, кн. владимиро-волинский 57, 62
- Вацлав IV (Václav), король чешский, имп. германский 229
- Вернадский Г. (Vernadsky G.), русский историк, эмигрант 13, 22, 25—27, 32
- Витовт (Витаутас), вел. кн. литовский 109, 184, 231, 298
- Владимир Василькович, кн. владимиро-волинский 57, 68, 266
- Кормчая кн. Владимира Васильковича 53, 54, 277
- Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский 92, 134, 139, 142—144, 176, 268, 276
- Владимир-Василий Святославич, кн. киевский, св. 14, 17, 19, 20—22, 24—26, 33, 37, 45, 46, 52, 56, 57, 63, 64, 66—67, 71, 73—76, 80, 84, 99, 112, 113, 115, 120, 123, 127, 131—135, 175, 176, 197, 208, 210, 225, 267, 302, 304, 306
- Устав кн. Владимира Святославича 6—10, 12—135, 138, 149—156, 164—168, 170—174, 176, 177, 179, 182—186, 188, 194, 195, 197—199, 201, 202, 204, 212—214, 217—221, 224, 225, 229, 234, 241, 248, 281, 290, 303, 307, 310—315
- Грамота кн. Владимира Десятинной ц-ви 21, 25, 126, 127, 307, 311, 313
- Владимир Ярославич, кн. галицкий 277
- Владимирский-Буданов М. Ф., русский историк права 152, 157
- Внезд Водовик, новгородский посадник 172
- Волков Н. В., русский историк 46, 47
- Воронин Н. Н., советский археолог и искусствовед 68, 130, 131, 134, 144
- Востоков А. X., русский лингвист 53
- Всеволод, кн. новгородский
- Устав кн. Всеволода о церковных судах 6, 7, 19, 27, 40, 85, 88, 121, 129, 165—177, 311, 312, 314
- Всеволод Владимирович, кн., с. кн. Владимира Святославича 52
- Всеволод-Гавриил Мстиславич, кн. новгородский 166—169, 173, 277
- Уставная грамота («Рукописание») кн. Всеволода Мстиславича ц-ви Ивана на Опоках в Новгороде 6, 105, 166, 169, 176
- Всеволод-Петр Мстиславич-Борисович, кн. новгородский 167—169, 173
- Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимиро-суздальский 131, 134, 173
- Всеволод-Дмитрий Юрьевич, кн. новгородский 173
- Всеволод Ярославич, кн. киевский 92, 134, 268
- Гавриил, митр. галицкий 59
- Гваньини А., автор описания России 13
- Гельцер Х. (Gelzer H.), немецкий византист 58
- Геннадий (Гонозов), архиеп. новгородский 79
- Георгий, митр. киевский 47

- Георгий Амартол, византийский хронист 82, 88
- Герберштейн С. (Herberstein S.), немецкий дипломат и писатель 13, 90
- Герман II, патр. константинопольский 107
- Гётц Л. К. (Goetz L. K.), немецкий историк 13, 27, 317
- Глеб Владимирович, кн., с. кн. Владимира Святославича 52
- Глеб Юрьевич, кн. Переяслава Южного 42, 268
- Головацкий Я. Ф., украинский историк 226
- Голубинский Е. Е., русский историк 18, 19, 32, 35, 45, 60, 77, 95, 109, 183, 184, 192, 208, 223, 317
- Горчаков М. И., русский историк права 25
- Готмейстер А., немецкий историк 188
- Греков Б. Д., советский историк 43, 86, 88, 89, 91, 160, 163
- Григорий, мон. Киево-Печерского м-ря 87
- Григорий Цамблак, митр. киевский (литовский) 223, 231
- Григорович И. И., белорусский археолог 180
- Грушевский М. С., украинский историк 7, 50, 226
- Грюмель В. (Grümel V.), бельгийский византист 58, 59
- Гумовский М. (Gumowski M.), польский нумизмат 228
- Гурий, еп. смоленский 147
- Давид, архиеп. новгородский 45
- Даалмат, архиеп. новгородский 44, 164
- Даль В. И., русский лексикограф 81, 82
- Даниил Александрович, вел. кн. московский 207
- Даниил Заточник, древнерусский писатель 97
- Даниил Романович, вел. кн. галицко-восточный 56, 57, 62, 67, 68, 111
- Данилова Л. В., советский историк 11
- Дионисий, еп. суздальский 242
- Длугош Я. (Długosz J.), польский историк 61
- Дмитриевский А. А., русский историк 95
- Дмитрий Дедько, галицкий боярин 59
- Дмитрий Александрович, кн. новгородский 156, 164
- Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 156, 278
- Дмитрий Константинович, кн. суздальский 242
- Довнар-Запольский М. В., русский историк 298
- Дософей, иг. Соловецкого м-ря 176
- Дубенский Д. Н., русский историк права 36
- Дэльтгер Ф. (Dölger F.), немецкий византист 58
- Евгений, митр. см. Болховитинов Е. А.
- Евфимий, еп. Переяслава Южного 140, 146
- Евфимий, еп. туровский и пинский 226
- Еремин И. П., советский литературовед 97
- Ефрем, еп. Переяслава Южного 92, 96
- Ефросин, иг. Кирилло-Белозерского м-ря 205, 206
- Забелин И. Е., русский историк 131
- Загоровский А. И., русский историк права 254
- Зарубин Н. Н., советский литературовед 97
- Зимин А. А., советский историк 11, 153, 154, 157, 164, 167, 173, 175, 187, 196, 197
- Зубрицкий Д. И., украинский историк 7, 129
- Иван, иг. Киево-Печерского м-ря 92
- Иван, еп. холмский 67
- Иван I Данилович Калита, вел. кн. московский 207, 236
- Иван II Иванович Красный, вел. кн. московский 207, 243
- Иван III Васильевич, вел. кн. московский 206
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 39
- Иван Ростиславич Берладник, кн. звенигородский 268
- Иван Юрьевич, с. кн. Юрия Семёновича Лингвеновича 230
- Игорь, кн. киевский 56, 99, 120, 134
- Изяслав Владимирович, с. кн. Владимира Святославича 52
- Изяслав Мстиславич, кн. владимировольский, вел. кн. киевский 112, 140
- Иларион (Ларион), митр. киевский 184, 188, 192, 217, 227, 232, 282, 301, 302, 306, 308
- Ильин А. А., советский нумизмат 266, 267

- Ильинский Г. А., советский лингвист 193, 194
- Илья, архиеп. новгородский 46—48, 283
- Илья Вячкович, боярин 298
- Иоанн II, митр. киевский, автор «Правил» 188, 246, 251
- Иоанн IV Кантакузин, имп. византийский 60
- Иоанн V Палеолог, имп. византийский 59
- Иоанн XIV Калека, патр. константинопольский 59, 60
- Иосиф, еп. смоленский, нареченный митр. киевский 230, 231
- Иосиф Тризна, архим. Киево-Печерского м-ря 48, 49, 51, 52
- Иосиф Флавий (Josephus Flavius), иудейский историк и военачальник 88
- Исидор, митр. киевский и всея Руси 7
- Исидор I, патр. константинопольский 60
- Каждан А. П., советский историк 11, 269
- Казакова Н. А., советский историк 79
- Казимир III Великий (Kazimierz Wielki), король польский 230, 231
- Казимир IV Ягеллончик (Kazimierz IV Jagiellończyk), вел. кн. литовский, король польский 44, 60, 223, 226
- Калачов Н. В., русский историк 36, 156
- Каптерев Н. Ф., историк русской церкви 174
- Карамзин Н. М., русский историк 7, 13—16, 18, 19, 151, 152, 157, 179—181, 183, 187, 192, 203, 305, 317
- Каргер М. К., советский археолог 142
- Карташов А. В., русский историк церкви в Париже 197, 198
- Каштанов С. М., советский историк 219
- Киприан, митр. киевский и всея Руси 60, 184, 197, 202, 203, 217, 218, 220, 223, 224, 226, 230, 231, 240, 242, 250
- Договорная грамота митр. Киприана и вел. кн. Василия Дмитриевича 1404 г. 7, 241
- Кирик, domestik новгородского Антониева м-ря 53, 106, 108, 244, 248, 299
- Кирилл, галицкий печатник 67
- Кирилл I, митр. киевский 184
- Кирилл II, митр. киевский 277
- Кирилл, еп. туровский, древнерусский писатель 97
- Клим (Климент) Смолятич, митр. киевский 140, 141, 145, 146
- Климент V, папа римский 61
- Ключевский В. О., русский историк 19, 87, 185, 186, 257, 264
- Колчин Б. А., советский археолог 82
- Константин (Кирилл), славянский просветитель, 83
- Константин I, митр. киевский 146
- Константин I Великий, имп. византийский 107
- Константин VIII, имп. византийский 52, 63, 74, 225
- Копыстенский Захария, архим. Киево-Печерского м-ря, полемист 15
- Корзухин Г. Ф., советский археолог 265—267, 269
- Костюкел В. (Costachel V.) румынская исследовательница-историк 89
- Котляр Н. Ф., советский нумизмат 246
- Котошихин Г. К., русский государственный деятель и писатель 245
- Кочин Г. Е., советский историк 93, 94, 98, 152, 153
- Крестинин В. В., русский историк 13, 152, 179
- Кропоткин В. В., советский археолог 269, 270
- Кульчинский И. (Kulczyński I.), украинский историк в Риме 179
- Лаврентий, смоленский владычный наместник 43
- Лавров П. А., русский лингвист 83, 244
- Лаппо-Данилевский А. С., русский историк 187
- Лев Данилович, кн. галицко-волынский 56, 57, 67, 68, 311, 312
- Грамоты кн. Льва Даниловича 7, 55, 129, 170
- Лев Юрьевич, с. Юрия Львовича, кн. галицко-волынского 58
- Леонт (Леон, Леонтий), легендарный митр. киевский 14, 29, 37, 38, 74, 75, 99, 105, 115, 116, 225
- Леонид, архим. (Кавелин Л. А.), русский археограф 92
- Леонтий, еп. ростовский 131
- Лепехин И. И., русский путешественник и ученый 13, 179
- Лихачев Д. С., советский литературовед 11, 205
- Лопатин В. В., советский лингвист 136
- Лотоцкий А. И. (Лотоцкий О.), украинский историк права в Вар-

- шаве 21, 24, 25, 185, 191—195, 198, 229, 230
- Лука Жидята, еп. новгородский 99
- Лука Хрисоверг, патр. константинопольский 134
- Лурье Я. С., советский литературовед 79, 205
- Любарт-Дмитрий Гедиминович, вел. кн. литовский 6, 55, 59, 129, 311
- Любимов В. П., советский историк права 36, 72
- Макарий (М. П. Булгаков), митр., русский историк церкви 15, 17, 18, 27, 31, 32, 35, 53, 89, 152, 208
- Макарий Великий, аскет 98
- Макарий, митр. московский 39
- Максим, митр. киевский и всея Руси 58, 242, 243
- Максим Грек (Михаил Триволис) переводчик и публицист 103
- Мальшев В. И., советский археограф и литературовед 41
- Мальшевский И. И., русский историк церкви 19, 45
- Мануил, еп. смоленский 137—143, 145, 146
- Подтвердительная грамота еп. Мануила 6, 84, 136, 138—140, 146, 147, 313
- Маркс К. (Marx K.) 47
- Медлин У. К. (Medlin W. K.), американский историк 26
- Мефодий, славянский просветитель 83
- Мещерский Н. А., советский литературовед 88
- Миллер Г. Ф., историк и археограф 13
- Милов Л. В., советский историк 22, 36, 271
- Михаил (Михаль), киевский боярин 268
- Михаил I, легендарный митр. киевский 29, 37, 38, 57, 63, 74, 75, 105, 112, 115, 116, 138—140, 176, 225
- Михаил Александрович, вел. кн. тверской 278
- Михаил VIII Палеолог, имп. византийский 107
- Михаил Ярославич, кн. тверской, вел. кн. владимирский 42
- Морошкин Ф. Л., русский историк права 180
- Мрочек-Дроздовский П. Н., русский историк права 18, 183
- Мстислав Владимирович, с. кн. Владимира Святославича 52
- Мстислав Владимирович, с. кн. Владимира Мономаха, кн. новгородский 149, 161, 277
- Мстислав Данилович, кн. владимировольнский 56, 57
- Мстислав Мстиславич Удалой, кн. торопецкий, новгородский и галицкий 42
- Мстислав, кн. 90
- Мультановский М. П., советский историк 95
- Мысовский К., русский историк 87, 193
- Мюллер Л. (Müller L.), немецкий историк (ФРГ) 199
- Насонов А. Н., советский историк 159, 161—163
- Неволин К. А., русский историк права 15, 16, 18, 19, 27, 35, 36, 180—182, 184, 185, 193
- Нестор, древнерусский летописец 41
- Никитский А. И., русский историк 83
- Никифор Григора, византийский хронист 60
- Николай (Ярушевич), митр., русский историк церкви 87, 94
- Никон Черногорец, мон., автор «Пандект» 82
- Нифонт, еп. новгородский 47, 48, 107, 146, 156, 244, 251, 254—256
- Нифонт, митр. галицкий 58, 59
- Оболенский М. А., кн., русский археограф 110, 208
- Олег Иванович, вел. кн. рязанский 278
- Ольга, княг. киевская 56, 74, 99, 112, 120, 133, 135
- Орлов А. С., советский литературовед 110—112
- Орловский И. И., русский краевед 140
- Остафий Ананьевич, новгородский боярин 44
- Павлов А. С., русский историк-канонист 18, 20, 27, 54, 55, 58, 79, 107, 114, 185, 249, 252
- Пашкевич Г. (Paszkievicz H.), польский историк, эмигрант 256, 257
- Пашуто В. Т., советский историк 11, 57, 67, 68, 101
- Пелеш Ю. (Pelesz J.), австрийский историк 59, 305
- Петр, митр. киевский и всея Руси 58, 59, 242, 247
- Петр Сириянин, киевский врач 92

- Петров Н. И., русский археограф 142
- Пимен, архим. ярославского Спасского м-ря 237
- Питра Ж. Б. (Pitra J. B.), французский канонист 252
- Поленов Д. В., русский историк и библиограф 110
- Поликарп, иг. Киево-Печерского м-ря 43, 133
- Попов А. Н., русский литературовед 107
- Поппе А. (Porre A.), польский историк 6, 127, 136, 137, 140, 141, 144, 145, 147, 149, 199
- Поппе Д. (Porre D.), польская исследовательница-историк 149
- Порфирий, еп. черниговский 130
- Пресняков А. Е., русский историк 95
- Приселков М. Д., советский историк 110, 132, 266
- Пшивый А. (Pszywy A.), австрийский историк 27, 32
- Рабинович М. Г., советский историк 243
- Рапопорт П. А., советский археолог 144
- Рейц А. М. Ф., историк русского права 180
- Рогов А. И., советский историк 22, 25, 223
- Розанов С. П., русский историк 255
- Розенкамф Г. А., русский историк права 15
- Розов В. А., украинский лингвист 266
- Розов Н. Н., советский археограф и литературовед 45
- Роман Мстиславич, кн. галицко-волынский 111
- Ростислав Мстиславич кн. смоленский 91, 138, 140—146, 158
- Уставные грамоты кн. Ростислава Мстиславича 6, 84, 86, 91, 136, 138, 146—148, 150, 290, 299, 311, 313
- Ростислав Юрьевич, кн. переяславский 42
- Рудович И., украинский историк 58
- Русский Н. В., русский археограф 205, 206
- Рыбаков Б. А., советский историк и археолог 79, 130, 302
- Рюрик Ростиславич, вел. кн. киевский 134
- Святослав Всеволодович, кн. черниговский и киевский 130
- Святослав (Святоша) Давидович, мон., с. кн. Давида Святославича Черниговского 92
- Святослав Игоревич, кн. киевский 56, 99, 120, 134
- Святослав Ольгович, кн. новгородский 126, 156, 157, 159, 268
- Уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г. 6, 24, 66, 121, 123, 126, 150—165, 311
- Святослав Ярославич, кн. черниговский 268
- Семен Борисович, новгородский посадник 172
- Семен Иванович Гордый, вел. кн. московский 60, 207, 243
- Семенов А. И., советский историк 281
- Сербина К. Н., советский историк 232
- Сергеевич В. И., русский историк права 18, 183, 184
- Сигизмунд I (Zygmunt), король польский 147, 231
- Симеон, еп. переяславский 139, 142, 143, 145
- Симон, еп. владимирский 43, 133
- Смирнов С. И., русский историк церкви 46—48, 107, 108, 247, 248, 257, 283, 286, 299, 300
- Смокина Н. (Smochina N.), румынский археограф 25
- Соболева Н. А., советский нумизмат 229
- Соболевский А. Н., русский филолог 152
- Соколов П. П., русский историк 134
- Соловьев А. В., русский историк, эмигрант 58
- Сотникова М. П., советский нумизмат 265, 266
- Сперанский М. Н., советский литературовед 169
- Срезневский И. И., русский филолог и археограф 41, 43, 50, 53, 80—83, 89, 93, 97, 98, 143, 144, 151, 164, 252, 304
- Стасив М. (Stasiw M.), историк 58
- Страдынь П. И., советский историк медицины 95
- Строев П. М., русский археограф 36, 206
- Суворов Н. С., русский историк-канонист 18—20, 54, 55, 166, 184, 185, 192
- Сумникова Т. А., советский лингвист 136
- Сумцов Н. Ф., русский этнограф 244

- Тарновский Ф., граф, польский государственный деятель и коллекционер 223
- Тиганова Л. В., советский археограф 106, 206
- Тихомиров Б. Н., советский историк 237
- Тихомиров М. Н., советский историк 6, 22, 36, 47, 58, 72, 78, 151, 153, 154, 157, 201, 237, 240—242, 256, 271
- Тихомиров Н. Б., советский лингвист 106, 169
- Троицкий С. В., русский канонист в Белграде 83
- Фасмер М. Р. (Vasmer M. R.), немецкий лингвист 266
- Федор, митр. галицкий 59
- Федор Данилович, новгородский боярин 42
- Федос (Федосий) древнерусский церковный деятель, автор правил 47
- Федотов Г. М., русский историк, эмигрант 45
- Феогност, еп. сарайский 107, 246
- Феогност, митр. московский 43, 59, 60, 106, 243
- Феодор, писец волынского Знаменского м-ря 226
- Феодосий Печерский, иг. Киево-Печерского м-ря 41, 90, 95, 266
- Феодосий, еп. полоцкий 109, 231
- Феоктист, архиеп. новгородский 44
- Феопемпт, митр. киевский 184, 197, 306
- Феофил, митр. литовский 266
- Филофей, патр. константинопольский 60
- Филяк Я. (Fijałek J.), польский историк 58, 59
- Флоря Б. Н., советский историк 11
- Фома, еп. туровский 51
- Фотий, патр. константинопольский 14—16, 25, 49, 73, 74, 99, 112, 115, 120, 128
- Фотий, митр. киевский и всея Руси 202, 203, 223, 241
- Фрицлер К. (Fritzler K.), немецкий публицист и историк 184, 187—190, 195, 305
- Ходыницкий К. (Chodynicki K.), польский историк 59
- Хот Григорьевич, новгородский наместник 42
- Черепнин Л. В., советский историк 11, 83, 86—88, 160, 169, 173, 236
- Чернов В. М., советский историк права 27, 192—195
- Чубатый Н. (Чубатый М.), украинский историк церкви, эмигрант 59
- Шахматов А. А., русский филолог 16, 28, 110, 132, 143, 187, 240, 244
- Шварн Данилович, кн. волынский 57
- Шефтель М. (Szeftel M.), американский историк 13
- Шмидт К. Р. (Schmidt K. R.), датский историк 22
- Шорин П. А., советский сфрагист 44
- Щепкин В. Н., русский археограф и историк 79
- Щепкина М. В., советский археограф и историк 6, 151, 153, 154, 157
- Щербаковский Д. М., украинский историк 7
- Энгельс Ф. (Engels F.) 47
- Юрий-Болеслав, кн. галицко-волынский 59
- Юрий Всеволодович, вел. кн. владимирский 173, 207
- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. ростово-суздальский, вел. кн. киевский 134, 137
- Юрий Львович, кн. галицкий 58, 61, 68
- Юрий Семенович Лингвенович, кн. мстиславский 230
- Юстиниан, имп. византийский 80, 106, 249—251, 304
- Юшков С. В., советский историк права 9, 12, 15, 21—24, 26—29, 32, 33, 36, 39, 64, 69, 75, 76, 87, 102—104, 153, 154, 166, 167, 169, 170, 172, 176, 187, 193—196, 202, 226
- Яким, новгородский тиун 41, 42
- Янин В. Л., советский археолог и историк 11, 43, 44, 167—170, 173, 267, 277
- Ярополк III, кн. суздальский 90
- Ярослав, кн. новгородский «Устав кн. Ярослава о мостах» 105
- Ярослав Владимирович Мудрый, кн. киевский 52, 126, 134, 182—185, 192, 195, 196, 210, 232, 280, 287, 301, 302, 304, 306, 307
- Устав кн. Ярослава 6—10, 15, 18—21, 27, 78, 79, 105—109, 112—114, 155, 156, 168, 170, 176, 178—306, 307—310, 314—316
- Ярослав Ярославич, вел. кн. тверской 41, 42, 164

Указатель географических названий*

- Антониев Сийский м-рь 240
 Арадское епископство (Румыния) 24
- Балаков, г. 103
 Бежичи (Бежичская волость) 164
 Белгород, вблизи Киева 127
   Белгородская кафедра 198
 Белз, г. 58
   Ратский м-рь около Белза 58
 Белозерская земля 236
 Белоруссия 317
 Бельский у. 244
 Березовиче, с. 277
 Болгария 62, 82, 83, 192, 193
 Боровский Пафнутьев м-рь 241
 Буйцы, с. 149
 Бухарест, г. (Румыния) 25
- Вага, р. 159, 162, 163
 Валахия 12. См. также Румыния
 Векшенга, р. (приток р. Сухоны) 162
 Великий Устюг, г. 232
 Вель, р. 162, 163
 Вельский погост 160, 163
 Венгрия 67
 Византия (Византийская империя) 15,
   18, 21, 52, 79, 95, 98, 107, 134,
   176, 210, 267, 269, 302—304, 306,
   309
 Вильнюс (Вильна), г. 223, 226
 Владимир Волинский, г. 53, 57, 60,
   68, 127, 226
   Владими́ро-Воли́нская еписко́пия
   (кафедра) 58, 132, 226
   Знаменский м-рь 226
 Владимир Суздальский, г. 53, 61,
   130—134, 312, 316
   Богородицы ц. 131—133
   Успенский собор 131
   Спаса ц. 131, 133
- Владимиро-Суздальская Русь (Вла-
 дими́ро-Сузда́льская земля, Вла-
 дими́ро-Сузда́льское кня́жество) 12,
   110, 128, 131, 164, 242, 270, 312,
   315
 Волдутов погост (Прионежье) 162
 Вологда, г. 240
 Вологодская земля 236
 Волок (Волоколамск), г. 41, 84, 236,
   240
 Волхов, р. 265, 270
 Волинская земля (Волинское княже-
 ство) 57, 128, 142, 226, 230, 267,
   310. См. также Галицко-Волинская
   Русь
- Галицкий у. 236
 Галицко-Волинская Русь (Галицко-
 Волинские земли, Галицко-Волин-
 ское княжество, Галицкая Русь,
 Галичина, Галиция) 12, 53, 57, 58,
   60—62, 67, 68, 74, 101, 111, 113,
   223, 231, 277, 312
 Галич, г. 58—63, 74, 75, 312
 Галицкая (Галицкая) митрополия
   (епископия, кафедра) 56, 58—62,
   217
   Успения ц. в Крылосе 129, 170
 Гомель, г. 226
 Городец, г. 42
 Готский берег 268, 292
 Грац, г. (Австрия) 27
 Грековка, имение (Полтавская губ.)
   266
 «Греческая земля» см. Византия
- Двина, р. 159, 162, 163
 Двинская земля 160, 165, 272
   Чухченемский м-рь 160
 Десна, р. 267

* Сокращения, принятые в указателе: г. — город, д. — деревня,
 м-рь — монастырь, оз. — озеро, р. — река, с. — село, у. — уезд, ц. — цер-
 ковь.

- Дзиков, г. (Польша) 228
 Днепр, р. 84, 267, 270
 Древнерусское государство (Древняя Русь, Русь) 5—7, 12, 15, 17—19, 23, 24, 27—30, 39, 40, 45, 46, 49, 51, 52, 54, 57, 58, 61—63, 69, 71, 73—75, 77, 78, 80, 81, 83, 84, 87, 89, 95—101, 107—109, 112, 113, 116, 119, 120, 122—124, 126, 128—133, 135, 140, 145, 147, 151, 154, 157, 158, 160, 165, 169, 170, 178, 180, 182, 183, 188—190, 193, 195, 197, 200, 203, 205, 208, 210, 213, 217, 218, 221, 225, 230, 232, 233, 238, 244—246, 248—251, 254—256, 264, 265, 267—270, 277, 281, 283, 287, 291, 292, 297, 301—303, 307—309, 311—317
- Европа Восточная 81, 257, 269
 Европа Западная 5, 27, 60, 84, 95, 309
 Европа Центральная 84
 Елиза, р. (приток Сев. Двины) 162
- Житомир, г. 225, 226
- Загоровский м-рь 225
 Заонежье 162
 Западная Двина, р. 84
 Западная Русь 17, 50, 55, 56, 67, 68, 114, 184, 208, 214, 231
 См. также Белоруссия, Литовское великое княжество
 Западная Украина (Западноукраинские земли) 113
 См. также Украина, Галицко-Волынская Русь
 Звенигород, г. под Москвой (Ц. на Городке) 79
- Ивань-погост (Прионежье) 162
- Каменец, г. 111
 Кашинский у. 236
 Керела, погост (д. Кеврола на р. Пинеге) 162
 Кемь, р. 237
 Киев, г. 7, 24, 33, 38, 46, 69, 71, 92, 99, 101, 111, 116, 120, 126—129, 131, 132, 134, 141, 143, 176, 198, 223, 240, 270, 307, 308, 310, 311, 315
 Киевская митрополия (митрополичья кафедра, Софийский собор) 7, 56, 129, 146, 156, 196, 197, 199, 217, 227, 230, 301
 Десятинная Богородицы ц. 33, 35, 38, 40, 49, 50, 63, 76, 99, 116, 123, 124, 126—132, 303, 307, 308
 Михайловский Златоверхий м-рь 142
 Печерский м-рь 48, 87, 92, 95, 96, 146, 268
 Федоровский м-рь 140
 Киевская земля (Киевщина) 12, 19, 26, 108, 124, 153, 178, 180, 192, 197, 247
 Кирилло-Белозерский м-рь 203—206, 240
 Колодажен, г. 111
 Константинополь, г. (Византия) 58—61, 65, 66, 95, 112, 116
 Пандократора м-рь 95
 Полихрон м-рь 83
 Константинопольская патриархия 58, 86, 133, 200
 Карельский наволоок 160
 Кострома, г. 41
 Краков, г. (Польша) 25, 223
 Кудма, р. 160
 Кукуева гора (Обонежье) 162
 Курск, г. 270
 Курская земля 42
- Ладожское оз. 162
 Лион, г. (Франция) 95
 Литва (Литовское великое княжество, Литовское государство) 7, 12, 20, 38, 39, 52, 55, 56, 108, 109, 113, 114, 116, 147, 155, 184, 185, 195, 198, 208, 210, 219, 223, 226—231, 265, 278, 281, 286, 297, 298, 310, 312, 315, 316
 Лондон, г. (Англия) 95
 Луцк, г. 129, 229
 Луцкая епископия (кафедра) 58, 226
 Иоанна Богослова ц. 127
 Крсноспасский м-рь 266
 Львов, г. 24, 226
 Успенская ц. 226
- «Малая Русь» 60. См. также Украина
 Малокурья, р. 160
 Можайск, г. 90
 Москва, г. 25, 27, 147, 163, 175, 184, 191, 200, 202, 205—207, 218, 219, 224, 226, 229, 231, 233, 236, 240—243, 279, 284, 314, 315
 Московская митрополия 217
 Московское великое княжество (Московская земля, Московская Русь) 12, 17, 38, 128, 165, 223, 236, 240, 241, 281, 312, 315. См. также Россия
 Моша, р. 159, 162

- Мстиславль, г. 230
 Онуфриевский м-рь 230
 Муромская земля 175
- Низовские земли 279
 Никей, г. (Византия) 232, 280
 Новгород Великий, г. 6, 7, 12, 19, 36, 41—48, 66, 70, 72, 77, 79, 82, 92, 101, 107—109, 114, 127, 128, 146, 152, 154—161, 164, 165, 167, 168, 170—176, 206, 219, 221, 236, 240, 256, 257, 277, 292, 299, 310, 312, 314—316
 Новгородская архиепископия (Софийский дом, Софийский собор) 39, 77, 79, 109, 129, 158, 161, 163, 164, 171
 Бориса и Глеба ц. 167
 Вяжицкий м-рь 206
 Ивана на Опоках ц. 6, 168, 169, 176
 Юрьев м-рь 149, 161, 236, 277
 Новгородская земля (Новгородская феодальная республика) 7, 17, 38—40, 44, 46, 50, 108, 150, 159, 164, 165, 173, 183, 236, 244, 270, 312
 Новгородок (Новогрудок), г. 59, 114, 223
 Литовская митрополия в Новогродке 59
 Норвегия 189
- Обонежье (Обонежская пятина, «Онега») 159, 162—164
 Олонец, г. 162, 163
 Онега, р. 158, 159, 161—163
 Онежская земля 164
 Онежское оз. 162, 163
 Орда 42
 Оять-Тервиничи, погост (Обонежье) 162
- Париж, г. (Франция) 95
 Паша, р. (Обонежье) 162
 Перемышльская епископия (кафедра) 58, 226
 Переяславль, г. 92, 96, 99, 101, 140—142, 148
 Михайловский собор 96
 Переяславская епископия (епархия) 138—140, 146, 148, 149
 Переяславль (Переславль) Залесский (Суздальский), г. 21, 41, 49, 72, 110, 111, 187
 Переяславская земля 19
 Пермский край 201
 Пинега, р. 159, 162
 Пинск, г. 114, 270, 312
 Подвинье 12
 Полоцк, г. 56, 77
- Полоцкая кафедра 109, 219
 Софии собор 77
 Полузерье, р. 266
 Польша 53, 55—57, 67, 226, 228, 230
 Порогунуть, погост (Прионежье) 162
 Прибалтика Восточная 95, 257
 Прикладники, с. 50
 Прионежье 159, 162
 Припять, р. 50
 Псков, г. 12, 41, 77, 177
 Троицы собор 77
 Путьтино, погост (р. Пуя) 147, 149
 Пыскорский Спасо-Преображенский м-рь (Пермский край) 201, 240
- Ракула, погост (Подвинье) 162
 Речь Посполитая см. Польша
 Рига, г. 43, 84, 95, 268, 293
 Рим, г. (Италия) 60, 61
 Россия (Русское государство, Русское централизованное государство) 14, 18, 39, 60, 109, 184, 189, 190, 236, 238, 281, 317
 Ростов (Ярославский), г. 127, 133, 207
 Ростовская кафедра 109
 Рувский у. 236
 Румыния 24, 89. См. также Валахия
 Рязанская земля (Рязанское княжество) 175, 236, 237
- Саввин-Сторожевский м-рь (около г. Звенигорода) 206
 Свирь, р. 162
 Северная Двина, р. 159
 Северная Русь 24, 101, 206
 Северо-Восточная Русь 45, 69, 101, 133, 164, 206, 207, 237, 240, 310, 314, 316
 Сербия 62
 Скандинавия 189
 Смоленск, г. 7, 36, 43, 84, 90, 123, 137, 140—143, 147, 158, 161, 220, 226, 268, 270, 293, 313
 Смоленская епископия (епархия, кафедра) 66, 84, 91, 136—140, 143, 146—149
 Богородицы ц. 84, 140—146, 148, 150
 Бориса и Глеба ц. 90
 Соборный холм 146
 Смоленское княжество (Смоленская земля, Смоленщина) 7, 12, 136, 137, 142, 147, 148, 150, 161, 230, 298
 Соловецкий м-рь 176, 240
 Сольвычегодск, г. 240
 Спиркова, д. (Прионежье) 162
 Старая Рязань, г. 270

Суздальская епископская кафедра 109
Суздальская земля 47, 175; уезд 237
Супрасльский м-рь (Волинь) 226
Сухона, р. 159, 162
Сылва, р. 201

Тверское княжество 237
Тверь, г. 58, 77
Козьмы и Дамьяна собор 77
Отрочь м-рь 219, 237
Спаса-Преображения собор 77
Спасский м-рь 237
Тойма, становище (р. Тойма) 162
Тойнокурья, р. 160
Торжок, г. 41
Тотьма, р. 162
Трапезунд, г. (Трапезундская империя) 176
Троице-Сергиев м-рь 49, 206, 240
Тудоров погост (Прионежье) 162
Туrow, г. 51, 60, 114, 223, 312
Туrowская епископия (епархия) 51, 52, 58, 63, 114
Туrowо-Пинское княжество (Туrowская земля) 50, 52, 62, 74, 128, 310

Украина 24, 191, 220, 222; 223, 226, 297, 315, 317. См. также Южная Русь, Галицко-Волиньская Русь

Феррапонтов м-рь 240

Холм, г. 60, 67, 140
Холмская епископия (кафедра) 58, 226

Царьград см. Константинополь

Чернигов, г. 92, 101, 127, 130, 270
Благовещенская ц. 130
Елецкий м-рь 130
Михайловская дворцовая ц. 130
Спаса-Преображения ц. 130
Черниговская земля 19, 154
Черница, д. (Ровенская обл.) 266
Чехия 67
Чудин погост (Прионежье) 162

Швеция 189
Шенкурский погост 160, 161

Юго-Западная (Южная) Русь 19, 46, 67, 73, 101, 114, 191, 214, 225, 230, 247, 256, 287, 297, 310, 314.
См. также Украина, Галицко-Волиньская Русь

Ярославский у. 237

Содержание

	Введение	5
1	Княжеские уставные грамоты и уставы церковным кафедрам — памятники взаимоотношений государственной власти и церкви при распределении феодальной ренты	12
	<i>Устав кн. Владимира в обработках XII—XIV вв. и отражение в нем развития Руси времени раннефеодального государства и феодальной раздробленности</i>	12
	Устав в исследованиях XIX—XX вв.	12
	Взаимоотношение редакций устава	28
	Синодальная редакция — новгородский памятник XIII в.	38
	Печерская редакция устава XIV—XVII вв.	48
	Использование устава Владимира в политической борьбе Галицкой Руси XIII—XIV вв. и создание двух последовательных обработок устава — Волынской редакции и ее источника	53
	Варсонофьевская редакция — памятник Северо-Восточной Руси XIV в.	69
	Кодификация церковного права в Южной Руси на рубеже XII—XIII вв. и создание архетипа Синодально-Волынской группы редакций	73 ✓
	Оленинская редакция XII—XIII вв.	102
	Возникновение устава Владимира	115 ✓
	<i>Смоленские и новгородские уставные грамоты XII—XIII вв.</i>	136
	Уставные грамоты Смоленской епископии XII—XIII вв.	136
	Изменения в политической и экономической жизни Новгородской земли в XII в. и уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г.	150
	Борьба Новгородской республики за свою конституцию и вопрос об уставе Всеволода о церковных судах	165

Устав князя Ярослава о юрисдикции церкви в XI—XV вв. и взаимоотношении княжеской и церковной власти в области суда	178	✓
Устав в исследованиях XIX—XX вв.	178	
Списки и тексты устава конца XIV—XVI в.	200	
Использование древнего текста устава в Москве в середине XIV в. и создание Краткой редакции	233	
Пространная редакция и кодификация древнерусского права во второй половине XII—начале XIII в.	243	
Денежный счет устава Ярослава и его свидетельства о времени возникновения и бытования устава	257	
Устав Ярослава — памятник права Древнерусского государства	279	
Архетип устава Ярослава	293	
Заключение	307	
Приложение	318	
Список сокращений	325	
Указатель шифров использованных рукописей	326	
Указатель имен	328	
Указатель географических названий	335	

Ярослав Николаевич Щапов

КНЯЖЕСКИЕ УСТАВЫ И ЦЕРКОВЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI—XIV вв.

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Г. Д. Капустина

Художественный редактор В. Н. Тикуннов

Художник Г. А. Астафьева. Технический редактор Ф. М. Хенюх

Сдано в набор 4/XI 1971 г. Подписано к печати 1/III 1972 г. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. Уч.-изд. л. 23,2. Тираж 2900. Т-05003. Тип. вак. 644. Бумага № 2. Цена 1 р. 63 к.

Издательство „Наука“. Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

СПИСОК ОПЕЧАТОК

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
203	15 св.	вся	всея
229	4 св.	XVI	XIV

Я. Н. Шапов